

Амелин В. В., Денисов Д. Н., Моргунов К. А.

ИСЛАМ В КОНФЕССИОНАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ОРЕНБУРГСКОГО КРАЯ

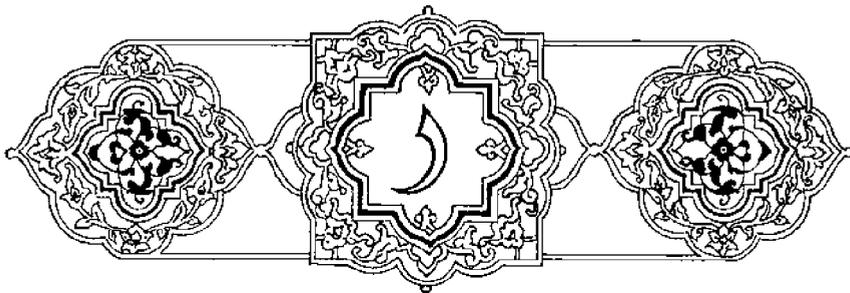
Оренбург 2014

Распределённый научный центр межнациональных и межрелигиозных проблем
в Приволжском федеральном округе

Научно-исследовательский институт истории и этнографии Южного Урала
Оренбургского государственного университета

Амелин В. В., Денисов Д. Н., Моргунов К. А.

ИСЛАМ В КОНФЕССИОНАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ОРЕНБУРГСКОГО КРАЯ

Оренбург 2014

УДК 28(470.56)
ББК 86.38(235.557)
А61

А61 Амелин В. В., Денисов Д. Н., Моргунов К. А. Ислам в конфессиональном пространстве Оренбургского края. – Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2014. – 304 с.

ISBN 978-5-4417-0489-2

В книге на широком круге архивных и других источников раскрывается история и современное положение ислама и мусульманских религиозных объединений в Оренбургском крае. Издание адресовано ученым, специалистам в области государственного и муниципального управления, а также всем интересующимся религиозной жизнью народов Южного Урала.

УДК 28(470.56)
ББК 86.38(235.557)

ISBN 978-5-4417-0489-2

© **В. В. Амелин,
Д. Н. Денисов,
К. А. Моргунов, 2014**

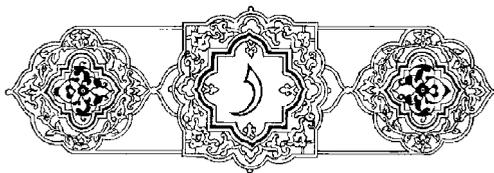
С начала широкомасштабного освоения Оренбургского края в 30–40-е годы XVIII века он стал своеобразным мостом, который связывал мусульман Волго-Уральского региона, живущих в инокультурном, иноконфессиональном окружении, с «большой землей», с их единоверцами в странах исламского Востока. По его территории проходили не только караванные, торговые маршруты из Казахстана и Средней Азии, но и пути интенсивного культурного обмена, в том числе каналы распространения суфизма на Южном Урале. Вследствие уникального геополитического положения этого региона на стыке Европы и Азии, высокой доли местного мусульманского населения Российская империя не могла здесь в полную силу проводить политику христианизации. Напротив, для развития международных экономических связей, обеспечения безопасности границ православное государство было вынуждено обращаться к посредничеству российских мусульман, использовать традиционные исламские институты в качестве инструментов внешней политики. Именно Южный Урал в силу удаленности от основных районов миссионерской деятельности православной церкви в Поволжье был избран полигоном для проведения экспериментов, отработки новых моделей государственно-исламского взаимодействия. Особенно ярко это проявилось в приграничных городах Оренбургского края, где на бюджетные средства сооружались мечети, содержалось исламское духовенство, открывались учебные заведения для подготовки административных, военных и педагогических кадров из числа представителей мусульманских народов.

Во второй половине XIX века утверждение капиталистических отношений в российской экономике, изменения в характере и объемах торговли, транспортных потоках, обусловленные присоединением Средней Азии, подорвали доминирующее положение российских мусульман в экономических отношениях с Востоком, их традиционную посредническую роль в приграничной и караванной торговле. Это заставило их не только совершенствовать формы ведения предпринимательской деятельности, но и поставило вопрос о модернизации всего исламского сообщества России, адаптации традиционных исламских институтов к меняющимся условиям общественной жизни для обеспечения всестороннего развития уммы. С 90-х годов XIX века по инициативе и на средства городской мусульманской буржуазии ре-

формируется система конфессионального образования, создаются благотворительные и культурно-просветительские организации, выборные попечительские советы при мечетях. На рубеже XIX–XX веков Оренбург становится одним из общероссийских центров, где на основе синтеза достижений западной и восточной цивилизаций, творческого переосмысления их опыта развивался процесс обновления, секуляризации культуры мусульманских народов, проходило становление национальных средств массовой информации и книгоиздательской деятельности, драматургии и театрального искусства, профессиональной авторской музыки и исполнительского мастерства, новых литературных жанров, стилей и форм художественного выражения.

В настоящее время численность этнических мусульман в Оренбургской области составляет более 340 тыс. человек, что составляет 16,8 % населения. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., здесь проживали 151492 татарина, 120262 казаха, 46696 башкир, 7421 азербайджанец, 4964 узбека, 4093 таджика, 1159 турок и турок-месхетинцев, 1059 чеченцев, 688 киргизов, 569 даргинцев, 558 лезгинов, 319 туркмен, 254 аварца, 204 рутульца, 119 кумыков, 98 ингушей и представители многих других народов, которые исторически исповедовали ислам. При этом, за постсоветский период численность некоторых национальных групп неуклонно увеличивается за счет миграций. Так, с 1989 г. количество турок в регионе возросло в 193 раза, таджиков – в 10 раз, узбеков – в 2,8 раза, азербайджанцев – в 2,2 раза и т. д.

В этой связи особое значение для обеспечения в регионе межконфессионального мира и согласия, противодействия религиозному экстремизму, возрождения традиционных мусульманских институтов приобретает изучение давней истории и современного положения ислама в Оренбуржье, которому и посвящена настоящая научная работа.

Глава 1. Формирование и развитие мусульманских общин в дореволюционный период (XIII в. – 1917 г.)

1.1. Становление системы управления исламским духовенством

На территории Оренбуржья мусульманские народы последовательно, преемственно проживают с XIII–XIV веков.

Распространение ислама в соседнем регионе Среднего Поволжья началось на рубеже IX–X вв. по мере развития торговых, культурных и политических связей со среднеазиатским регионом. В 922 г. предки современных татар приняли здесь ислам в качестве официальной религии своего государства – Волжской Булгарии. Их исламизация в общих чертах завершилась к концу X в., когда в болгарских могильниках мусульманских погребальный обряд полностью вытеснил прежний языческий¹. После завоевания монголами в 1232–1238 гг. Волго-Уральского региона с конца XIII в. он стал постепенно распространяться и на территорию соседней Башкирии. Этому способствовало провозглашение в 1312 г. ислама государственной религией в созданном захватчиками новом политическом образовании – Золотой Орде. В XIV в. мусульманский погребальный обряд стал доминирующим в степной полосе Южного Урала, а с середины XVI в. продвинулся в северные лесостепные районы, что ознаменовало окончание исламизации башкирского населения².

Северо-западные районы Оренбуржья составляли окраину Волжской Булгарии, с XIII в. вся его территория входила в состав Золотой Орды, а после распада этого государства с начала XV столетия принадлежала Ногайской Орде. Материальные памятники свидетельствуют о широком распространении ислама на этих землях еще со средних веков. Археологическими раскопками на территории Оренбургской области обнаружены остатки мусульманских кирпичных мавзолеев XIII–XIV веков у с. Кзыл-Мечеть Тоцкого района, с. Мустаево Новосергиевского района, с. Имангулово 1-е Октябрьского района. До наших дней сохранился золотоордынский сырцовый мавзоль Баймогила в Домбаровском районе. Первые исследователи Оренбургского края застали здесь многочисленные свидетельства исламс-

¹ Измайлов И. Распространение и функционирование ислама в Волжской Булгарии // Ислам в Среднем Поволжье: история и современность. Очерки. – Казань: Мастер Лайн, 2001. – С. 24–40.

² Гарустович Г. Н. Распространение ислама в Южно-Уральском регионе // Проблемы духовной культуры тюркских народов СССР. – Уфа, 1991. – С. 26–27.

кого прошлого. Так, на территории будущего города Оренбурга располагалось старинное мусульманское кладбище у Нагорного бастиона в районе современной набережной, а также стены большой каменной мечети. Другое место поклонения находилось в самом центре старого Орска, на Преображенской горе, которая прежде именовалась Намаз-тау (Молитвенная гора). Долгое время сохранялись развалины каменных мечетей по рекам Бузулук, Ток, у современного с. Ильинка Кувандыкского района³ и др. В XVII в. после вытеснения ногайцев калмыками на запад из оренбургских степей по нижнему течению р. Сакмара и среднему течению р. Урал с притоками расселились продвинувшиеся с севера на юг башкирские племена (кипчаки, усерганцы, бурзянцы, сынрянцы, табынцы и др.), потомки которых до сих пор обитают в современной Оренбургской области. С началом широкомасштабной правительственной колонизации степных районов Южного Урала Российским государством в 30–40-е годы XVIII в. на эту территорию стали переселяться татары из Среднего Поволжья, а в городах – оседать выходцы из Средней Азии (узбеки, таджики и др.), занятые в приграничной и караванной торговле.

С началом широкомасштабного заселения и хозяйственного освоения Оренбургского края татарами крупнейший на Южном Урале региональный центр мусульманской религии, культуры и образования складывается в Сеитовой слободе (ныне с. Татарская Каргала Сакмарского района Оренбургской области), основанной в 1744 г. До конца XVIII в. ее старшие духовные лица (ахуны) были крупнейшими неформальными лидерами мусульман на Южном Урале, которые оказывали огромное влияние не только на близлежащую татарскую округу, но и на значительную часть Башкирии и даже на казахские степи. Члены других общин, кочевое население, среднеазиатские торговцы прибегали к их суду при возникновении споров в брачно-семейных, имущественных и других отношениях⁴. Мусульманские ученые Каргалы, обладавшие глубокими познаниями в шариате, математике, астрономии, ежегодно определяли время начала и окончания поста, рассылая по всему уезду предписания о времени проведения религиозных праздников⁵. Старшими ахунами Каргалы были: до 1768 г. – Габдессалам бин Урай (1700 – не ранее 1768), в 1768– 1778 гг. –

³ Полное собрание ученых путешествий по России. Том VI. Записки путешествия академика Фалька. – СПб.: При Императорской Академии Наук, 1824. – С. 246, 249.

⁴ Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 190. Л. 186–187 об.; Д. 201. Л. 9–10 об., 27–27 об., 360–364.

⁵ ГАОО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1090. Л. 8–15 об.

Абдулнасыр Габдессалям), в 1778–1812 гг. – Абдрешит Абдулкаримов (1741–1812), в 1812–1834 гг. – Надыр Абдулвагапов (?–19.11.1834), в 1854–1883 гг. – Абдулкарим Рафиков (1796–1883), в 1884–1916 гг. – Исхак Махмутович Исмагилов (12.09.1826–16.03.1916)⁶. Изначально их выбирали прихожане всех каргалинских мечетей, но с середины XIX столетия в определении наиболее достойного стало участвовать только сеитовское духовенство. Сохранившиеся общественные приговоры позволяют установить круг обязанностей, которые возлагались на старшего ахуна. Он избирался для того, чтобы: следить «1-е, дабы в каждой мечети утвержденные муллы ... отправляли пятивременные и по пятницам ... богомоления без всякого времени упущения с истинным усердием и прилежностью, притом, кто приблизится к смерти, чинить ... похороны в правилах магометанского ... закона, ... обвенчивать мужей с женами ... и делать разбирательства и решения по точным словам священных ... книг; 2-е, в рассуждении здешнего посада и пограничного места ... по Высочайшим узаконениям и по религии магометанской ... для открытия справедливости во всех необходимых случаях, ... а азиатских людей ради всегдашней тишины, спокойствия и мира; 3-е, в Империи Российской разных губерний и округ из магометанцев тяжущиеся могут прибегать с просьбами и получать себе в претензиях удовольствие законным разрешением ево, ахуна, ... по прямой истине»⁷. В списках мусульманских приходов Оренбургской губернии неоднократно упоминается, что в 60–70-е годы XVIII в. мечети строились по частному разрешению ближайшего ахуна⁸.

Таким образом, еще до создания государственных структур у российских мусульман появились зачатки самоорганизации в религиозной сфере, началось выстраивание системы духовного управления снизу. С середины XVIII в. на Южном Урале сформировался региональный центр мусульманской религии, культуры и образования в Каргале, который выполнял консолидирующую, объединяющую роль для других сельских общин. Ее старшие ахуны осуществляли контроль за правильным исполнением религиозных обрядов в низовых

⁶ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 350. Оп. 2. Д. 2452. Л. 31 об.; ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 182. Л. 442 об.; Д. 184. Л. 165 об.; Центральный исторический архив Республики Башкортостан (ЦИА РБ). Ф. И-295. Оп. 4. Д. 489. Л. 176–181, 684–685 об.; Оп. 8. Д. 8036. Л. 19 об. – 20; ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4170. Л. 31–31 об.

⁷ ЦИА РБ. Ф. И-295. Оп. 4. Д. 489. Л. 176–181.

⁸ ГАОО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 9958. Л. 210 об. – 211, 219 об. – 220 и др.

приходах, выступали высшими авторитетами в вопросах толкования норм шариата, третейскими судьями по брачно-семейным, имущественным и другим делам, разбирали споры между местными мусульманами и приезжими среднеазиатскими торговцами.

Однако по мере укрепления абсолютизма, централизации управления самодержавной монархии невнятная система неформальных лидеров, ахунов при широкой автономии и неподконтрольности мусульманских общин уже не отвечала тенденциям государственного развития. При Екатерине II Российская империя перешла от политики насильственной христианизации к признанию ислама в качестве терпимой религии, к постепенной интеграции мусульманских институтов в административную систему, к выстраиванию собственной вертикальной структуры духовного управления, к детальной регламентации правового статуса культовых зданий и священнослужителей. По высочайшему указу от 22 сентября 1788 г. было образовано Оренбургское магометанское духовное собрание (ОМДС) как центральный орган управления мусульманами Российской империи (за исключением Крыма)⁹. Его официальное открытие состоялось 4 декабря 1789 г. в Уфе. В 1797–1802 гг. оно располагалось в Оренбурге, а затем снова вернулось в Уфу. Духовное собрание входило в общую систему государственных учреждений Российской империи. С 1803 г. его опекал обер-прокурор Святейшего Синода. 25 июля 1810 г. было создано Главное управление духовных дел иностранных исповеданий, в состав которого включено ОМДС. С 24 октября 1817 г. управление было подчинено Министерству духовных дел и народного просвещения. 2 февраля 1832 г. оно было преобразовано в Департамент духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел. Непродолжительное время, с 6 августа 1880 г. по 16 марта 1881 г., он существовал как самостоятельное учреждение, а затем вернулся в структуру МВД. Под различными наименованиями контрольный орган проверял законность и обоснованность постановлений Духовного собрания, а в случае необходимости отменял их по жалобам и протестам. На месте надзор за деятельностью религиозного учреждения осуществляли: в 1789–1796 гг. – Уфимское наместническое правление, в 1796–1865 гг. – Оренбургское губернское правление, а в 1865–1917 гг. – Уфимское губернское правление¹⁰.

⁹ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). – Собр. 1-е. – Т. XXII. – № 16710.

¹⁰ Азаматов Д. Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII – XIX вв. – Уфа: Гилем, 1999. – С. 30–31.

Духовное собрание было коллегиальным органом, деятельностью которого руководили председатель (муфтий) и три заседателя (кади). Муфтий назначался пожизненно императором по представлению министра внутренних дел. Кади первоначально избирались на 3 года мусульманским духовенством Казанской губернии, а после 1889 г. стали утверждаться на тот же срок Министерством внутренних дел по представлению муфтия. В компетенцию ОМДС входили:

- принятие экзаменов у кандидатов на мусульманские духовные должности;
- осуществления контроля за деятельностью духовенства, конфессиональных школ и управлением религиозным имуществом;
- пересмотр по жалобам брачно-семейных и наследственных дел, решенных по шариату нижестоящими духовными лицами;
- издание фетв – разъяснений по религиозно-правовым вопросам; выдача разрешений на ремонт мечетей¹¹.

В непосредственное подчинение Духовного собрания было поставлено приходское духовенство, которому оно давало обязательные поручения и указания, осуществляло надзор за исполнением религиозных обязанностей и налагало взыскания за их нарушения. По всем прочим обязанностям, не относящимся к духовной сфере, приходские священнослужители подлежали светскому суду на общих основаниях.

В отличие от христианства в исламе нет представления о священнослужителях как носителях Божественной благодати, позволяющей им совершать религиозные таинства. Руководить общественной молитвой и проводить обряды может любой взрослый мужчина, обладающий необходимыми знаниями и морально-нравственными качествами. Соответственно, в исламе нет и церкви с иерархической системой духовенства, которая воспринималась бы в качестве посредника между верующими и Богом. Тем не менее, по мере развития мусульманского общества в нем выделилась прослойка профессиональных служителей культа, для которых религиозная деятельность стала основным занятием и источником средств к существованию. У мусульманских народов Волго-Уральского региона, вошедших в состав России, они носили различные названия: кари и хафизы (чтецы Корана), муэдзины (араб. «призывающий», «взывающий») и азанчи (тур. «провозглашающий азан – призыв на молитву»), имамы (от араб. глагола

¹¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 821. Оп. 133. Д. 625. Л. 19 об.

«амма» – «стоять впереди», «руководить чем-либо», «предводительствовать») и муллы (от араб. «маула» – «господин», «повелитель», «владыка»), ахуны (от перс. «ахунд» или «хаванд» – «наставник»), мухтасибы (от араб. «ихтасаба» – «проверять»), кади (араб. «назначающий», «приговаривающий» – шариатские судьи), муфтии (от перс. «дающий фетву» – религиозно-правовое заключение), шейхи и ишаны (главы суфийских общин) и др. Поддерживая между собой интенсивные культурные связи, мусульманские общины в то же время были автономными друг от друга в вопросах избрания священнослужителей и вообще внутренней религиозной жизни. До конца XVIII в. не существовало жесткой иерархии духовенства, которая выходила бы за пределы конкретной общины, а подчинение решениям того или иного богослова, знатока мусульманского права (факиха) зависело исключительно от его авторитета, обусловленного уровнем знаний и образом жизни.

Лишь после учреждения ОМДС мусульманское духовенство Европейской части России и Сибири приобрело не свойственную ему до этого вертикальную структуру. На низовом уровне прихода оно было представлено муэдзинами и муллами, среднее звено управления в пределах различных территориальных единиц (нескольких близлежащих приходов, волости, уезда, города) составляли ахуны и мухтасибы, а на высшей ступени стояло само Оренбургское магометанское духовное собрание в составе трех заседателей (кадиев) и председателя (муфтия).

Российское законодательство сохранило исторически свойственный мусульманской общине принцип выборности духовных лиц ее членами. В то же время для обеспечения единообразия и контроля было законодательно ограничено количество священнослужителей в приходе, а также мусульманских духовных званий, официально признаваемых государством. Еще журнальным постановлением ОМДС от 14 января 1811 г. по предложению самого муфтия было рекомендовано иметь при каждой мечети в Оренбургской губернии не более одного имама и одного азанчя с тем, чтобы мусульмане «без особой надобности не избирали» новых духовных лиц¹². Согласно высочайше утвержденному 9 декабря 1835 г. мнению Государственного Совета при простой (пятивременной) мечети по штату было положено не более одного имама и одного муэдзина, а при соборной мечети – один хатыб (мулла, имеющий право читать хутбу – пятничную проповедь),

¹² ЦИА РБ. Ф. И-295. Оп. 4. Д. 489. Л. 52–55.

один имам и один муэдзин¹³. Такое ограничение создавало сложности для охвата религиозными обрядами всех мусульман в крупных общинах, а также в приходах, объединяющих несколько удаленных друг от друга населенных пунктов. Например, 1 декабря 1876 г. прихожане Кузубаевской соборной мечети Султаевской волости Челябинского уезда ходатайствовали перед властями о назначении 3-го муллы по числу входящих в этот приход деревень: Кузубаевой, Тактамышевой и Тугузбаевой. Однако руководствуясь нормой закона, Оренбургское губернское правление (ОГП) журнальным постановлением от 7 апреля 1877 г. № 365 отказало им в этой просьбе (указ от 14 апреля 1877 г. № 1154)¹⁴. Отчасти подобная практика вступала в противоречие и с положениями шариата, который признавал похвальным иметь при мечети двух муэдзинов, так как у самого Пророка призыв на молитву попеременно провозглашали Билял и Ибн Умм Мактум¹⁵.

Сама процедура избрания и утверждения в должности приходского духовенства была подробно урегулирована и поставлена под контроль государства. Прежде всего, российское законодательство предъявляло к кандидатам на должности мусульманских священнослужителей определенные требования. Они должны были:

- 1) сдать экзамен в ОМДС на духовные звания;
- 2) обладать высокими нравственными качествами и политической благонадежностью;
- 3) достичь установленного законом возраста (с 1855 г.);
- 4) подтвердить знание русского языка (с 1891 г.).

Путем создания Магометанского духовного собрания Российское государство стремилось установить административный контроль над мусульманскими общинами и их выборными священнослужителями. Поэтому еще указом от 22 сентября 1788 г. об учреждении этого органа в качестве его главной задачи было определено испытание кандидатов на духовные должности в знании правил и обрядов мусульманской религии с последующим утверждением региональными властями¹⁶. Получив избирательный приговор прихожан, Губернские или Областные правления своими указами предписывали ОМДС подвергнуть кандидата испытанию и доложить о результатах. Однако нередко мусульмане сдавали экзамен по собственной инициативе для по-

¹³ ПСЗ. – Собр. 2-е. – Т. X. – Отд. 2-е. – № 8663.

¹⁴ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4142. Л. 208–208 об.

¹⁵ Ислам: Энциклопедический словарь. – М.: Наука. Главная редакция вост. литературы, 1991. – С. 167.

¹⁶ ПСЗ. – Собр. 1-е. – Т. XXII. – № 16710.

ступления в будущем на должности священнослужителя, педагога или повышения своего социального статуса. В этом случае претендент подавал прошение о допуске к испытаниям непосредственно в Духовное собрание, а также прикладывал свидетельство об уровне подготовки и характеристику от имама, у которого он получил образование.

ОМДС были разработаны специальные программы экзаменов отдельно для различных духовных званий.

От кандидатов на звание муэдзина требовалось: правильное провозглашение азана (призыва к молитве), последующей молитвы (дуа) о приведении Пророка к высшей ступени рая и икамата (объявления о начале молитвы в мечети); чтение на арабском языке молитвы «Аманту билляхи», которая суммирует основные принципы ислама (веру во Всевышнего Аллаха, ангелов, Священные Писания, пророков, Судный день и воскрешение мертвых, Божественное предопределение), умение объяснить их смысл на татарском языке; проверка искренности веры; сущность Аллаха, его единство (таухид) и атрибуты (сифат); пророческое призвание Мухаммада с его краткими доказательствами, краткая биография Пророка; знание мусульманского летоисчисления и календаря, названий всех месяцев и времени праздников; правил очищения (тахарат) и молитвы (намаз); определение точного времени начала и окончания пяти ежедневных, пятничной и праздничных молитв; твердое знание правил соблюдения поста (уразы) и последствий их нарушения, времени наступления утренней зари и сумерек; порядок обмывания покойных (гусль) и заворачивания в саван (такфин), их число для мужчин и женщин, чтение молитвы по умершему (джаназа-намаз), правила выноса тела и погребения; со знательное, толковое чтение книг на тюрки, умение писать без грубых ошибок; чтение аятов Корана, преимущественно из суры «Ясин»¹⁷.

В программу экзаменов на звания имама и мугаллима входило: чтение «Аманту билляхи» с объяснением смысла; понятие веры (иман); доказательства существования и единства Аллаха со ссылкой на Коран и книги по шариату, а также на основе личных умозаключений испытуемого; вера в ангелов, Священные Писания, Божьих посланников; пророческое призвание Мухаммада с его краткими доказательствами; краткая биография Пророка с указанием и объяснением некоторых его чудес; различие между четырьмя школами мусульманского права (мазхабами Абу Ханифы, Мухаммада ибн Идриса аш-Шаффи, Ахмада ибн Ханбала и Малика ибн Анаса); перечисление добрых

¹⁷ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 626. Л. 88–88 об.

и злых качеств человека; представление логических выводов об обязательности намазов для каждого мусульманина и их ежедневного пятикратного числа; знание условий (шурут), обязательных элементов (фуруд) молитвы и действий во время ее совершения (ваджибат ас-саят), условия недействительности молитвы (муфсидат ас-саят); порядок проведения пятничной (саят аль-джума) и праздничной молитвы (саят аль-ид); цели и значение поста (уразы), очистительной милостыни (закята) и паломничества (хаджа) с объяснением, для кого они обязательны, и как нужно их исполнять; владение арабским языком в такой степени, чтобы кандидат мог объяснить отдельные вопросы его этимологии (сарф) и синтаксиса (наху); правила бракосочетания и развода, их виды, последствия нарушения брачного союза; чтение популярного руководства по мусульманскому праву (фикху) ханафитского мазхаба «Мухтасар аль-викая» Убайдуллы бин Масхуда Садрашшариа, умение передать смысл прочитанного на татарском языке по вопросам о молитве, религиозных обязанностях, договорах, взаимных обязательствах и проч.; краткое знание правил распределения наследственных долей (фараиза); чтение Корана с соблюдением орфоэпических правил (таджвида)¹⁸.

Программа испытаний на звание имам-хатыба и мугаллима предусматривала: точное знание сущности и правоты веры (имана), столпов ислама, чтение молитвы «Аманту билляхи» с подробным объяснением истинности основных принципов религии; знание богословия (гакайда): о времени и порядке создания Вселенной, о загробных муках, Судном дне, воскрешении мертвых и проч.; перечисление хороших качеств пророков, цель и значение их пришествия; пророческое призвание Мухаммада с подробным изложением его доказательств, пространная биография Пророка с приведением и объяснением некоторых его высказываний и поступков (хадисов); различие между четырьмя богословско-правовыми школами (мазхабами); знание основных правил мусульманского права (фикха); доказательства обязательности молитвы (намаза), поста (уразы), очистительной милостыни (закята) и паломничества (хаджа), порядок их совершения, условия недействительности; пространное знание правил заключения и расторжения браков, распределения наследственных долей (фараида); перевод с арабского на татарский язык текста «Мухтасар аль-викая» из разделов о браке, разводе, купле-продаже, свидетельстве, жертвоприношении и проч., книги хадисов «Мишкат аль-масабих» Вали-

¹⁸ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 626. Л. 88 об. – 89 об.

атдина аль-Хатиба ат-Табризи; чтение аятов Корана с соблюдением орфоэпических правил (таджвида)¹⁹.

Наконец, применительно к кандидатам на звания имам-хатыба и мударриса было установлено, что они должны обладать еще более глубокими познаниями в исламских науках и арабском языке. Для перевода на экзаменах им предлагались книги повышенной сложности, например, наиболее авторитетный сборник хадисов «аль-Джами ас-сахих» Мухаммада аль-Бухари, сборник богословско-правовых заключений (фетв) «аль-Хидая» Бурханатдина Али аль-Маргинани и др. Испытание завершалось «образцово правильным чтением» аятов Корана²⁰.

Экзамен на мусульманские духовные звания принимался в Присутствии ОМДС комиссией в составе 3-х заседателей (кадиев). Чиновник Министерства внутренних дел И. Платонников, проводивший ревизию Духовного собрания в 1910 г., оставил следующее описание экзаменационной процедуры: «... подле стола, за которым сидят члены Собрания, расстилается на полу небольшой коврик, на который ... садится на поджатых под себя ногах намеревающийся экзаменоваться. Засим экзаменаторы приступают к испытанию, предлагая экзаменуемому вопросы из соответствующей программы, а этот последний отвечает, не изменяя занятой им позы на ковре. Благополучное выдерживание испытания всегда оканчивается произнесением экзаменатором молитвы о даровании выдержавшему испытание успеха в исполнении им получаемой должности»²¹. «Перед отъездом из Уфы на родину» испытуемые «являются на квартиры экзаменаторов, как бы для того, чтобы испросить благословение этих уважаемых в мусульманском мире лиц... Здесь хозяева совершают молитву для ищущих от них благословения, после чего эти последние благодарят хозяев принесением им некоторой суммы денег (от 3 до 20 руб.) или вещей по своему усмотрению, кто сколько может и находит нужным поднести... Принятие членами Собрания упомянутых приношений, в силу долговременной практики ... приобрело в глазах населения почти закономерный характер и, будучи добровольным, не встречает осуждения у большинства населения, присваивающего ему название «садака», что ближе всего означает почетное подношение»²².

¹⁹ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 626. Л. 89 об. – 90.

²⁰ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 626. Л. 90 об.

²¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 625. Л. 27–27 об.

²² РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 625. Л. 6–6 об.

В целом кандидаты на мусульманские духовные должности несли значительные расходы по оплате проезда до Уфы и обратно, питания, аренды жилья, подарков экзаменаторам. Некоторым выходцам из крестьянских низов это оказывалось не по карману. Например, 28 мая 1874 г. жители деревень Исмакаевой и Габдикеевой 1-й Бурзянской волости Орского уезда своим приговором избрали на свободную вакансию азанчя к Исмакаевской соборной мечети башкира Динислама Янмурзина. Согласно заведенному порядку губернская администрация просила Духовное собрание подвергнуть кандидата испытанию в знании правил мусульманской религии, а Орскому уездному полицейскому управлению предписала выслать его в Уфу. На протяжении 3 лет после избрания Янмурзин не подавал о себе никакой вести, а на запрос полиции объяснил, что «по бедности своей явиться в город Уфу не в состоянии, почему просит, не признает ли возможным Собрание поручить кому-либо из ближайших духовных лиц произвести испытание в познаниях правил магометанской религии». Поскольку действовавшее законодательство не предусматривало такой возможности, Оренбургское губернское правление журналом от 21 мая 1877 г. предписало Орскому уездному полицейскому управлению объявить прихожанам о том, чтобы они избрали другого человека на место Янмурзина (указ от 2 июня 1877 г. № 1769)²³.

Если экзамен проводился по запросу Губернского или Областного правления, Духовное собрание своим рапортом сообщало региональному органу о его результатах. Самим кандидатам оно выдавало свидетельства на духовные звания. В зависимости от уровня знаний их наименования могли несколько отличаться от предусмотренных программой. В порядке возрастания они располагались следующим образом: муэдзин и мугаллим-сабиан (учитель начальной школы), муэдзин и мугаллим (учитель средней школы); муэдзин, могущий исправлять должность имама в небытность такового, и мугаллим-сабиан; муэдзин, могущий исправлять должность имама в небытность такового, и мугаллим; имам и мугаллим, имам-хатыб и мугаллим, имам-хатыб и мударрис (заведующий средней школой – медресе). Губернские и Областные правления утверждали в должности азанчя лиц, имевших свидетельства на любые из указанных званий, в должности 2-го (младшего) муллы – не ниже имама и мугаллима, а в должности 1-го (старшего) муллы – не ниже имам-хатыба и мугаллима.

²³ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4142. Л. 741–742.

Неудовлетворительные результаты испытаний препятствовали занятию соответствующей должности. Так, 10 сентября 1867 г. жители деревни Караевой Бурзянской волости Оренбургского уезда избрали своим муллой 22-летнего башкира Гибетуллу Ахметева, «благонадежного и знающего магометанскую религию». Но ОМДС, куда он был послан для сдачи экзамена, отношением от 26 января 1868 г. № 224 доложило губернским властям, что кандидат «по испытанию в присутствии Собрания оказался недостаточно способным на выборную должность по малоучености, с правом чрез год, по желанию своему, выдержать испытание снова». В результате Губернское правление журналом на 22 февраля 1868 г. № 448 отказалось утвердить его на избранный пост (указы от 4 марта 1868 г. №№ 995, 996)²⁴. Или, например, 25 ноября 1889 г. прихожане соборной мечети деревни Чебаклы 3-й Усергенской волости Орского уезда постановили общественный приговор, которым ходатайствовали об определении 2-м муллой башкира Султанахмета Рахматулловича Мурзабекова. Однако на экзамене в ОМДС он показал знания, достойные лишь муэдзина и мугаллима-сабиана, могущего исправлять должность имама в небытность такового. Поскольку должность азанчея при Чебаклинской мечети уже была занята, Оренбургское губернское правление журнальным постановлением от 15 ноября 1891 г. № 1054 отклонило ходатайство прихожан (указ от 20 ноября 1891 г. № 5050)²⁵.

Муллы и азанчеи должны были служить духовными наставниками, примером и образцом для своих прихожан в исполнении религиозных предписаний и запретов. Поэтому указом от 22 сентября 1788 г. губернским властям было предписано следить за тем, чтобы «к исправлению духовных должностей магометанского закона употребляемы были люди в верности надежные и доброго поведения»²⁶. Обычно высокие нравственные качества кандидата подтверждали сами члены общины в избирательном приговоре. При его проверке полицейские органы дополнительно опрашивали прихожан и должностных лиц общественного самоуправления, а затем представляли собранные сведения в губернскую администрацию. Использовались типовые формулировки о том, что имярек «поведения хорошого, под судом и следствием не состоял и ныне не состоит», «нравственности хорошей, под

²⁴ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4075. Л. 550–551.

²⁵ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4203. Л. 120–120 об.

²⁶ ПСЗ. – Собр. 1-е. – Т. XXII. – № 16710.

судом и в штрафах не был», «поведения хорошего, человеколюбивый и добронравственный»²⁷ и др.

В редких случаях полиция выясняла, что кандидат по своим моральным качествам не соответствует духовному званию. Так, 2 декабря 1892 г. жители деревни 1-й Имангуловой Оренбургского уезда избрали своим муллой башкира Шарафутдина Мухаметгазизовича Туганова. Однако по собранным полицией сведениям, отзывам волостного старшины и его бывшего учителя он оказался поведения «неодобрительного», «предосудительного». Поэтому журнальным постановлением ОГП от 2 июля 1893 г. № 622 ходатайство об утверждении его в должности было оставлено без последствий, о чем и объявлено прихожанам (указ от 14 июля 1893 г. № 4340)²⁸.

Безусловным основанием для отказа в утверждении было наличие у кандидата судимости. Так, в 1905 г. жители деревни Рыскуловой Орского уезда попытались провести на должность муэдзина избранного ими башкира Шагимардана Султанова. Однако, по сведениям полиции, в 1890 г. кандидат был приговорен мировым судьей 1-го участка Орского уезда к 5 месяцам тюремного заключения за кражу лошади. Руководствуясь ст. 1435 т. XI ч. 1 Устава духовных дел иностранных исповеданий, Губернское правление своим журналом от 14 августа 1907 г. № 347 отклонило выбор прихожан (указ от 20 августа 1907 г. № 3571)²⁹. Или, например, в 1906 г. прихожане соборной мечети деревни Давлеткуловой Оренбургского уезда постановили общественный приговор об избрании на должность имама башкира Янмурзы Халитова. При проверке полицейские органы установили, что в 1893 г. он был приговорен Оренбургским окружным судом за подлог к 1 году тюремного заключения. Поэтому журнальным постановлением от 9 марта 1906 г. № 162 Губернское правление отказалось утвердить его в духовной должности (указ от 23 марта 1906 г. № 1188)³⁰.

Иногда противники специально пытались опорочить кандидата в глазах администрации, поставить под сомнение его нравственный облик. Так, при рапорте от 28 октября 1905 г. № 6719 Оренбургское уездное полицейское управление представило на рассмотрение губернских властей приговор прихожан 2-й соборной мечети деревни Яфоровой, которые ходатайствовали об утверждении в должности муллы

²⁷ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4130. Л. 457–458; ЦИА РБ. Ф. И-295. Оп. 4. Д. 489. Л. 28, 30–30 об. и др.

²⁸ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4209. Л. 324–324 об.

²⁹ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4236. Л. 494.

³⁰ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4235. Л. 225.

башкира деревни Новомусиной Губайдуллы Нигматулловича Рахманкулова. По сведениям, собранным полицией, среди местных жителей он пользовался хорошей репутацией. Но 30 августа 1906 г. крестьянин деревни Яфаровой Мухаметрахим Абдрешитов подал в ОМДС заявление о неблагоприятных поступках Рахманкулова, а следом за этим крестьянин Бадретдин Алимбеков представил вторую жалобу с просьбой не утверждать его в должности. Наконец, в мае 1907 г. уже Оренбургское губернское правление получило телеграмму от якобы доверенного жителей деревни Яфаровой Гафура Салихова, а также прошение его и крестьянина Мухаметрахима Абдрашитова, где утверждалось, что Рахманкулов постоянно пьянствует, курит табак и «во время моления ругается площадными словами». Вследствие этого они просили не выдавать кандидату указ как недостойному звания имама. В ходе повторной проверки большинство прихожан подтвердили высокие нравственные качества и безупречное поведение своего избранника. Поскольку в Оренбургское губернское правление не поступал общественный приговор, порочащий Рахманкулова, все обвинения были признаны голословными. В итоге журналом от 3 мая 1907 г. № 199 Губайдулла Нигматуллович Рахманкулов был утвержден ко 2-й Яфаровской соборной мечети в званиях имама и мугаллима (указ от 7 мая 1907 г. № 1843)³¹.

Наряду с моральным обликом, не менее важным было требование благонадежности кандидатов на духовный пост, лояльности к существующим властям, их распоряжениям и мероприятиям. Так, например, в сентябре 1884 г. за сопротивление полицейскому уряднику были удалены от духовных должностей мулла деревни Вешняковой Челябинского уезда Гатаулла Абдуллатипов и ее муэдзин Мухаметшариф Абдулжалилев, а решением Оренбургской палаты уголовного и гражданского суда 31 июня 1885 г. оба они приговорены к 1 году 4 месяцам тюремного заключения. Когда 31 августа 1888 г. прихожане своим приговором ходатайствовали об их восстановлении на службе, Губернское правление журналом на 8 июня 1889 г. № 404 отклонило просьбу, указав, что эти лица, «как состоявшие под судом за сопротивление властям, не могут быть признаваемы людьми благонадежными» (указ от 14 июня 1889 г. № 2634)³².

В начале XX в. развитие культурно-просветительского движения исламского обновления (джадидизма), подъем национального само-

³¹ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4236. Л. 286–287.

³² ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4194. Л. 341–342.

сознания, рост социальной и политической активности российских мусульман, их включение в законные и нелегальные формы борьбы за свои права и интересы заставили самодержавную монархию более тщательно подходить к проверке политической благонадежности исламского духовенства. Циркуляром МВД от 14 сентября 1906 г. было подтверждено положение «о несовместимости государственной службы с принадлежностью к политическим организациям противозаконного направления». В разосланном на места предложении от 16 декабря 1906 г. министр внутренних дел П. А. Столыпин разъяснил, что данное требование распространяется и на мусульманских священнослужителей, которые в случае выявления подобных фактов как должностные лица подлежат увольнению³³. В 1911 г. МВД обратило внимание региональных органов на необходимость в каждом конкретном случае удостовериться, что кандидаты на духовные должности не причастны к мусульманскому общественно-политическому движению. Циркуляром министра внутренних дел от 12 декабря 1912 г. № 11199 губернаторам было предписано не утверждать в мусульманских духовных должностях иностранных граждан, а равно и русских подданных, получивших богословское образование за границей, преимущественно в Египте и Турции, которая считалась источником «национально-религиозного сепаратизма» среди российских мусульман. Сомнения в лояльности вызывали также выпускники некоторых российских медресе, которые стали крупнейшими центрами реформирования мусульманского образования, подготовки национальной духовной и светской интеллигенции: «Мухаммадия» в Казани, «Хусаиния» в Оренбурге и «Галия» в Уфе. В циркуляре подчеркивалось, что «окончившие курс в такого рода школах (с нежелательным общим направлением преподавания) могут быть утверждаемы» в духовных должностях «только при наличии необходимых данных о политической благонадежности»³⁴.

По шариату, руководителем общественной молитвы (имамом) может быть мужчина, достигший половой зрелости (15 лет)³⁵. Провозглашать азан (призыв к молитве) позволяет и несовершеннолетнему мальчику, если он уже способен отличать добро от зла, ошибочное от правильного³⁶. На основании представления министра внут-

³³ Кобзев А. В. Исламская община Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. – Нижний Новгород: ИД «Медина», 2007. – С. 80–81.

³⁴ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 466. Б. п.

³⁵ Тахмаз А. Ханафитский фикх в новом обличье. Том 1. – Нижний Новгород: ИД «Медина», 2007. – С. 220.

ренных дел высочайше утвержденным 14 февраля 1855 г. мнением Государственного Совета была установлена более высокая возрастная планка: для членов самого Духовного собрания (кадиев), ахунов, мухтасибов и мударрисов – не менее 25 лет, для хатыбов и имамов – не моложе 22 лет и для муэдзинов – не менее 21 года³⁷. С этого времени полицейские органы стали проверять достижение кандидатом установленного возраста по ревизским сказкам, посемейным спискам, метрическим свидетельствам о рождении, а после военной реформы 1874 г. – также сведения об исполнении им воинской повинности³⁸. Например, 20 мая 1874 г. прихожане Юмагузинской мечети Бушман-Суун-Каракипчакской волости Оренбургского уезда избрали своим муллой башкира Фахретдина Рахимгулова, указав в приговоре, что он достиг возраста 23 лет. Однако по документам 10-й ревизии населения полиция установила, что в действительности ему исполнился только 21 год, причем в текущем году он подлежал военному призыву по новому уставу. Поэтому журнальным постановлением ОГП от 3 сентября 1874 г. № 3334 жителям деревни Юмагузиной было отказано в ходатайстве об утверждении его имамом (указ от 10 сентября 1874 г.)³⁹. Оренбургский муфтий Габдулвахид Сулейманов самовольно пытался ограничить предельный возраст пребывания на мусульманских духовных должностях 65 годами, но его инициатива не получила правового закрепления⁴⁰.

В Российской империи муллы как должностные лица, ответственные за регистрацию актов гражданского состояния, были обязаны вести переписку, предоставлять сведения по запросам органов полиции, воинского призыва, статистики и др. При поголовной грамотности на родном языке подавляющее большинство из них не умело читать и писать по-русски. Это создавало дополнительную нагрузку на государственный аппарат за счет привлечения переводчиков, тормозило движение документооборота. Первыми данную проблему попытались самостоятельно решить региональные власти, которые непосредственно сталкивались с этими сложностями в своей практической работе.

³⁶ Введение в ислам (Мухтасар ильми-халь). – СПб.: Издательство «ДИЛЯ», 2005. – С. 66.

³⁷ ПСЗ. – Собр. 2-е. – Т. XXX. – Отд. 1-е. – № 29040.

³⁸ Кобзев А. В. Исламская община Симбирской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. – Нижний Новгород: ИД. «Медина», 2007. – С. 75.

³⁹ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4131. Л. 396–397.

⁴⁰ Азаматов Д. Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII – XIX вв. – Уфа: Гилем, 1999. – С. 90–91.

27 ноября 1827 г. оренбургский генерал-губернатор П. К. Эссен издал распоряжение об обязательном знании русского языка кандидатами на должности мусульманских священнослужителей, которое вступило в силу с 1832 г. Однако уже 25 ноября 1833 г. из-за многочисленных протестов татарского и башкирского населения министр внутренних дел Д. Д. Блудов предписал генерал-губернатору В. А. Перовскому восстановить прежний порядок утверждения мусульманского духовенства, что и было исполнено⁴¹. Только в конце XIX в. в рамках общего курса на интеграцию исламских институтов в административную систему Российской империи для мусульманских священнослужителей округа ОМДС был установлен образовательный ценз на знание государственного русского языка. Посредством воздействия на духовную элиту власти решали и другую задачу – русификации мусульманских народов, приобщения их к русской культуре, постепенного устранения различий между многонациональным населением страны.

Согласно указу от 11 октября 1890 г., вступившему в силу с 1 января 1891 г., кандидаты на должности членов ОМДС должны были сдать экзамен по русскому языку в объеме курса городских училищ, на должности высшего приходского духовенства в городах (ахунов, хатыбов, имамов) и мулл военного ведомства – в объеме курса одноклассного начального народного училища, а от кандидатов на должности сельских имамов и мулл при Оренбургском казачьем войске (ОКВ) требовалось предоставление свидетельства о знании русской разговорной речи и умении читать. Без предварительных испытаний в знании русского языка на все духовные должности определялись лица, окончившие курс в одном из правительственных высших, средних или низших учебных заведений (уездном училище, городском училище, двухклассном сельском начальном народном училище) либо прошедшие курс первых четырех классов средних учебных заведений⁴². Циркуляром от 30 января 1891 г. было разъяснено, что образовательный ценз не распространяется на мусульман, пожелавших стать муэдзинами⁴³.

⁴¹ Азаматов Д. Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII – XIX вв. – Уфа: Гилем, 1999. – С. 152–153; ЦИА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 3581. Л. 11; Ф. И-295. Оп. 3. Д. 303. Л. 2.

⁴² Сборник законов о мусульманском духовенстве в Таврическом и Оренбургском округах и о Магометанских учебных заведениях. Издание неофициальное. – Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1902. – С. 17–18.

⁴³ Кобзев А. В. Исламская община Симбирской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. – Нижний Новгород: ИД. «Медина», 2007. – С. 77.

30 декабря 1890 г. Министерством народного просвещения были изданы правила, которые подробно регламентировали порядок проведения испытаний и выдачи свидетельств о знании русского языка⁴⁴. Для приема экзаменов в каждом уездном и губернском городе по мере необходимости формировалась комиссия при городском училище, имеющем не менее трех классов, в составе начальника учебного заведения и двух преподавателей светских предметов, куда обязательно входил учитель русского языка. Если в городе имелось несколько подобных заведений, то директор народных училищ или другое должностное лицо выбирали одно из них по своему усмотрению, а если их не было вовсе, комиссия создавалась при одном из следующих образовательных учреждений в порядке убывания приоритета: уездном училище, учительской семинарии, учительском институте, классической прогимназии, гимназии, реальном училище.

К испытаниям допускались лица не моложе 21 года. Они подавали на имя начальника соответствующего учебного заведения прошение, собственноручно написанное ими на русском языке. К нему прилагались: 1) удостоверение полиции о личности, возрасте, звании или состоянии просителя; 2) две фотографии, одна из которых оставалась в деле училища, а вторая прикреплялась к свидетельству о знании русского языка, а также при наличии 3) свидетельство об образовании. За кандидатов на должности сельских имамов и мулл при Оренбургском казачьем войске прошения могли быть написаны по их доверенности другими лицами.

Экзамены принимались в учебные дни в период с 1 сентября по 1 мая.

В ходе письменного испытания претенденты на должности городских мулл должны были: 1) написать под диктовку какой-либо прозаический отрывок и 2) изложить письменно содержание такого же отрывка повествовательного или описательного характера. В случае успешной сдачи письменного экзамена они допускались к устному испытанию, которое включало: 1) правильное и осмысленное чтение отрывка из повествовательной или описательной статьи и 2) пересказ в последовательном порядке другой прочитанной статьи без помощи наводящих вопросов.

От кандидатов на должности сельских мулл требовалось: 1) правильное осмысленное чтение по доступной их понятию незнакомой

⁴⁴ Сборник законов о мусульманском духовенстве в Таврическом и Оренбургском округах и о Магометанских учебных заведениях. Издание неофициальное. – Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1902. – С. 18–20.

книге и передача содержания прочитанного своими словами, по крайней мере, при помощи наводящих вопросов и 2) чтение четкого рукописного текста. Для проверки навыков русской разговорной речи члены комиссии выбирали способы индивидуально с учетом происхождения, уровня образования, рода занятий и других особенностей испытуемых.

По каждому виду экзаменов, включая устное собеседование, выставлялась оценка по пятибалльной системе. Лицам, получившим все отметки не ниже 3 баллов (удовлетворительно), выдавалось свидетельство о знании русского языка установленного образца, которое подписывалось председателем и членами комиссии с приложением печати образовательного учреждения. При рассмотрении вопроса об утверждении в мусульманских духовных должностях кандидаты представляли его с пакетом других документов в Губернское или Областное правление.

На практике определенные сложности вызвал п. 6 указа от 11 октября 1890 г., согласно которому лица, желающие пройти испытание, должны были держать его по своему выбору в одном из городов губернии или области, где они проживали. На этом основании в 1901 г. Оренбургское губернское правление отказалось утвердить в должности муллы деревни Габдрафиковой Кипчакской волости Оренбургского уезда избранного местной общиной Хариса Айдарова, который представил свидетельство Екатеринбургского 3-классного городского училища Пермской губернии от 14 декабря 1899 г. № 476 о знании русского языка. Однако Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД в своем циркуляре от 16 августа 1901 г. за № 3896 разъяснил, что норма закона установлена «для удобства самих испытуемых, а не для их стеснения». По его мнению, не было «оснований ни предпочитать одну местность другой, ни заставлять экзаменующихся делать значительные дорогостоящие переезды». Благодаря такому расширительному толкованию, ОГП журнальным постановлением от 3 мая 1902 г. № 237 все-таки утвердило Хариса Айдарова к Габдрафиковской соборной мечети в званиях имам-хатыба и мугаллима (указ от 7 мая 1902 г.)⁴⁵. Архивные документы показывают, что будущие священнослужители нередко сдавали экзамен на знание русского языка по месту рождения, учебы или выбирали ближайшее образовательное учреждение на территории соседних губерний. Администрация Оренбургского края неоднократно

⁴⁵ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4228. Л. 732–733 об.

но определяла на должности мулл кандидатов, получивших свидетельства за его пределами, например, в Астраханском, Белебеевском, Бузулукском, Екатеринбургском, Златоустовском, Казанском, Малмыжском, Николаевском, Пензенском, Уфимском городских училищах, Цивильском уездном училище⁴⁶ и т. д.

В Положении о Духовном магометанском собрании от 4 декабря 1789 г. процедура избрания кандидатов и утверждения их в должностях мусульманских священнослужителей была описана в самых общих чертах. Они должны были представить одобрительное письмо прихожан о выборе на духовный пост и хорошем поведении, засвидетельствованное постфактум земским исправником, сдать экзамен на духовные звания, в которых региональная администрация и утверждала их своим указом⁴⁷. Такой порядок был основан на демократических началах при минимальном контроле государства, но, с другой стороны, открывал возможности для фальсификации и подлога избирательных приговоров, определения духовных лиц, которые не пользовались преобладающей поддержкой мусульманской общины.

В рамках курса на интеграцию мусульманского духовенства в российскую управленческую систему высочайше утвержденным 21 октября 1837 г. мнением Государственного Совета были впервые подробно и четко регламентированы выборы мусульманских священнослужителей⁴⁸. На избрание духовного лица требовалось согласие не менее 2/3 прихожан из числа старших домохозяев – мужчин мусульманского вероисповедания, являющихся главами семей. Правом голоса не обладали лица, принадлежащие к другим обществам и даже к иным приходам того же населенного пункта, а также младшие члены семейств, то есть живущие общим хозяйством, «неотделенные от отцов сыновья, меньшие братья, племянники и тому подобные». На запрос пермского губернатора 18 декабря 1909 г. Министерство внутренних дел в соответствии с заключением ОМДС подтвердило, что на выборах мусульманского духовенства женщины не могут подавать голоса даже по доверенности их мужей⁴⁹.

⁴⁶ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4209. Л. 312–313; Д. 4211. Л. 201–201 об.; Д. 4221. Л. 71–71 об.; Д. 4222. Л. 517–517 об.; Д. 4223. Л. 77–77 об.; Д. 4225. Л. 356–356 об.; Д. 4237. Л. 110–110 об.; Д. 4239. Л. 211–211 об., 261–261 об.; Д. 4240. Л. 106–106 об.; Д. 4241. Л. 107–107 об.

⁴⁷ ПСЗ. – Собр. 1-е. – Т. XII. – № 16711.

⁴⁸ ПСЗ. – Собр. 2-е. – Т. XII. – № 10594.

⁴⁹ Загидуллин И. К. Исламские институты Российской империи: Мечети в европейской части России и Сибири. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2007. – С. 107–108.

Требование квалифицированного большинства в 2/3 глав семей было призвано обеспечить избрание наиболее авторитетного и достойного кандидата, который бы пользовался поддержкой подавляющей части экономически самостоятельных прихожан. Если членам общины не удавалось достичь компромисса по фигуре будущего священнослужителя, губернские власти не утверждали их выбор, даже если за кандидата было подано более половины голосов. Так, 7 ноября 1904 г. мусульмане Новоилецкого поселкового общества Буранной станицы Оренбургского уезда постановили приговор, которым избрали на должность азанчея казака поселка Линевского Гарифжана Абдулкадыровича Рахманкулова. Однако при проверке документа выяснилось, что его подписали только 74 из 120 старших домохозяев. Это составляло более половины лиц, обладающих избирательным правом, а до 2/3 не хватало всего 6 голосов. Тем не менее, Оренбургское губернское правление журналом от 30 апреля 1905 г. № 227 отклонило ходатайство жителей поселка об утверждении кандидата в духовной должности (указ от 13 мая 1905 г. № 1476)⁵⁰.

Мусульманское приходское духовенство избиралось на общественном сходе крестьянского населения в присутствии волостных старшин и сельских старост, а у башкирского военно-служилого сословия – в присутствии кантонных начальников и юртовых старшин, которые следили за соблюдением установленной процедуры. Выбор оформлялся приговором, который подписывался тут же на сходе, в один день всеми избирающими лицами. Правильность его составления удостоверялась Волостным правлением или кантонным начальником, затем документ направлялся через волостного старшину или кантонного начальника в Земский Суд, а оттуда в Губернское правление. После упразднения в 1862 г. земских судов избирательные приговоры стали предоставляться на рассмотрение губернской администрации через уездные полицейские управления.

Подписание приговора непосредственно на общественном сходе в присутствии контролирующих лиц должно было исключить возможность подтасовки голосов. Например, 3 января 1902 г. уполномоченные прихожан 7-й соборной мечети Сеитовского посада Мухаммедсалим Каримов и Хайрулла Рафиков подали в местное Волостное правление документ об избрании на должность муллы Габдулмазита Хабибрахмановича Исхакова. После засвидетельствования волостным старшиной он был передан на рассмотрение Оренбургского губернского

⁵⁰ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4234. Л. 341–341 об.

правления. Однако затем туда же поступила жалоба от 12 прихожан во главе с попечителями мечети Рахматуллой и Сибатуллой Абдулменияковыми. В ходе дознания выяснилось, что приговор подписывался в разные дни на частных дворах, бойнях и даже в Оренбурге. В результате из 79 человек 34 мусульманина оказались прихожанами других мечетей, 1 – несовершеннолетним, еще 3 к моменту рассмотрения умерли, 1 находился в заграничной поездке и 1 был призван на военную службу. Таким образом, кандидат мог реально представить в свою поддержку только 39 голосов из 112 старших домохозяев, которые имели право участвовать в выборах. Это бы легко обнаружилось еще на предварительной стадии, если бы волостной старшина лично присутствовал на общественном сходе. Но он положился на слова инициаторов подписания и засвидетельствовал приговор задним числом без опроса прихожан. 28 января 1903 г. ОГП своим журналом за № 66 постановило оставить ходатайство без последствий, а обвинение против Сеитовского волостного старшины направить к Земскому начальнику 4-го участка Оренбургского уезда для привлечения его к административной ответственности (указ от 31 января 1903 г.)⁵¹.

Вместе с тем, правовая норма, обязывающая подписывать избирательный приговор на общественном сходе в один день, создавала организационные сложности для мусульманских приходов, которые объединяли несколько удаленных друг от друга населенных пунктов. Например, к соборной мечети станицы Таналыкской Орского уезда были причислены мусульмане, проживавшие в поселках Колпацком (за 40 верст), Уртазымском (50 верст), Павловском (100 верст) и Наследницком (120 верст)⁵². 20 января 1897 г. таналыкские мусульмане постановили приговор об избрании башкира Акмалетдина Калимуллина на должность 2-го муллы, который был жизненно необходим для обслуживания этой огромной территории. Вслед за этим их представители объехали отдаленные поселки прихода, причем в Павловском общественный сход был проведен 29 января, Наследницком – 30 января, Уртазымском – 6 февраля и Колпацком – 13 февраля. Несмотря на затраченные усилия и средства, ОГП журнальным постановлением от 29 июня 1898 г. № 407 отказалось утвердить выбор прихожан именно потому, что приговор был подписан в разные дни (указ от 14 июля 1898 г. № 2006)⁵³.

⁵¹ ГАОО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 4230. Л. 129–133 об.

⁵² ГАОО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 938. Л. 115 об. – 116.

⁵³ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4220. Л. 985–986 об.

Закон от 21 октября 1837 г. с последующими изменениями и дополнениями не определял, в присутствии каких должностных лиц следовало избирать мусульманских священнослужителей в городах, а также в каких органах должны были удостоверяться избирательные приговоры. За отсутствием явных аналогий в системе управления, на практике в этом вопросе существовал значительный разноречивый. Приговоры о выборе мусульманских священнослужителей к местным мечетям свидетельствовали городовые⁵⁴ и мещанские⁵⁵ старосты, городские Думы и даже уездные суды⁵⁶. Однако в большинстве случаев избирательные сходы прихожан проводились в присутствии местного полицейского чиновника (частного или городского пристава, полицейского надзирателя, самого уездного исправника), который и удостоверял соблюдение установленной законом процедуры⁵⁷.

В своем приговоре или особой доверенности члены мусульманской общины определяли уполномоченное лицо, которое от их имени подавало его в полицейские органы с письменным ходатайством об утверждении кандидата в должности. В соответствии с квалификационными требованиями к нему могло прилагаться свидетельство о знании русского языка, а также в обязательном порядке – свидетельство на духовные звания, выданное ОмДС по результатам экзамена до или после избрания. Если кандидат официально числился по другому месту жительства, требовался увольнительный приговор его однообщественников, в котором они выражали согласие на поступление его в духовное звание, поскольку в этом случае на них ложилась обязанность уплаты податей и повинностей за отсутствующего по принципу круговой поруки. Например, 18 января 1878 г. жители деревни Балыклы Дедовской волости Стерлитамакского уезда Уфимской губернии своим приговором согласились отпустить односельчанина Загретдина Мухаметлатыповича Хасанова, избранного на должность муллы Григорьевской соборной мечети Оренбургского уезда, только при условии, что все казенные повинности за него обяжется платить родной брат Файзулла Хасанов⁵⁸. Все требуемые документы должны были предоставляться исключительно в подлинниках. Так, при рапорте от

⁵⁴ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4249. Л. 519–519 об.

⁵⁵ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4195. Л. 140–142; Д. 4196. Л. 176–177; Д. 4218. Л. 587–587 об.; Д. 4221. Л. 388–388 об.

⁵⁶ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4064. Л. 912–923 об.

⁵⁷ ГАОО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 3577. Л. 7 об. – 8; Д. 4172. Л. 511–514; Д. 4196. Л. 41–42, 234–235; Д. 4226. Л. 39–39 об.; Д. 4235. Л. 39–40 и др.

⁵⁸ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4147. Л. 638–639.

13 ноября 1873 г. за № 18321 Челябинское уездное полицейское управление направило губернским властям копию приговора прихожан Иванковской соборной мечети о выборе на место муллы Абдулгафара его сына Шарафутдина. На запрос Губернского правления оно донесло, что жители не могут прислать оригинал, так как общественные приговоры сельского схода записываются прямо в шнуровую книгу. Поскольку не было соблюдено требование ст. 1248 Устава духовных дел иностранных исповеданий, ОГП журнальным постановлением от 4 мая 1874 г. № 1031 оставило ходатайство прихожан без последствий (указ от 17 мая 1874 г.)⁵⁹. Вместе с избирательным приговором могли подаваться и другие дополнительные документы: метрическая справка о дате рождения, свидетельство об отношении к воинской повинности, лист гербовой бумаги для написания указа на духовные звания, свидетельство об окончании медресе⁶⁰ и др.

Получив общественный приговор с сопроводительными документами, земские суды, а с 1862 г. уездные полицейские управления при своем рапорте направляли их в Губернское правление. По запросу вышестоящей инстанции они собирали и предоставляли сведения о возрасте кандидата, его поведении и благонадежности. Если при рассмотрении документов возникали сомнения или поступали жалобы на незаконность избрания, губернская администрация отсылала бумаги в полицию и поручала провести их проверку. На место командировался пристав, который выяснял общую численность старших домохозяев, имеющих право участвовать в выборах, принадлежность к их числу мусульман, подписавших приговор, количество прихожан, согласных и несогласных с избранием, факт проведения общественного схода, присутствие на нем должных лиц, засвидетельствовавших соблюдение установленной процедуры. Акт проверки с материалами допросов предоставлялся на рассмотрение губернских властей.

Разумеется, выборы духовного лица не утверждались при обнаружении подкупа или подлога документов. По свидетельству современника, некоторые претенденты прибегали «к системе задабривания прихожан. Заслышал кандидат на муллу, что в какой-нибудь деревне открылось свободное место, приезжает в эту деревню, собирает влиятельных крестьян и угощает их. Для такого важного дела он не жалеет денег, закалывается баран или даже несколько баранов, произво-

⁵⁹ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4128. Л. 339–339 об.

⁶⁰ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4093. Л. 159–159 об.; Д. 4162. Л. 639–640 об.; Д. 4180. Л. 463–464; Д. 4224. Л. 824–825 об.

дятся закупки: чай, сахар. Иногда прибегают и к хмельному»⁶¹. Например в 1907 г. на рассмотрение Оренбургского губернского правления поступили 2 приговора жителей деревни Левашовой Метелевской волости Челябинского уезда от 12 декабря 1906 г. об избрании на должности 1-го муллы Динмухаммеда Хуйдабердина и 2-го – Кузубая Аллаярова. Но действующий имам Абдултагир Абдулбасыров и местный житель Галиакбер Ишмухаметов в своих жалобах указали, что по шариату эти кандидаты не могут возглавлять общественную молитву потому, что имеют физические недостатки: у одного нет ноги, а второй – шелудивый. Отзывом от 2 июля 1908 г. № 5331 ОМДС подтвердило только, что «по правилам шариата ... избранный имам» должен самостоятельно «держаться на ногах без помощи клюки или палки». Для того чтобы их кандидатуры все-таки прошли, до проведения голосования претенденты дали по четверти водки башкирам Абдрахиму Асфендиярову и Нарукаю Кутлубаеву, предлагали деньги Миндияру Азнагильдину, а перед сходом прихожан «все общество поили водкой и медом». Поскольку в ходе расследования вскрылся факт подкупа избирателей, а некоторые прихожане признали свои подписи подложными, ОГП журналом от 14 февраля 1907 г. № 88 отказалось утвердить кандидатов в духовных званиях (указ от 27 февраля 1907 г. № 1157)⁶².

Внутри мусульманских общин разнообразные кланы и группировки, связанные родственными отношениями, общностью экономических интересов, идеологическими установками, нередко вели борьбу за влияние в приходе, поддерживая своих выдвиженцев на должности мусульманских священнослужителей. Власти крайне редко вмешивались в такое противоборство на стороне одного из кандидатов. Это могло быть вызвано соображениями безопасности или интересами государственной политики. Например, 24 июля 1905 г. прихожане 8-й соборной мечети Сеитовского посада в количестве 73 человек из 123 старших домохозяев, имеющих право голоса, постановили приговор, которым избрали на должность 2-го имама башкира Мухамади Мухаметфатыховича Мусина. Старший мулла прихода Абдулмахзян Гисматуллин добивался перевода на эту вакансию Мустафы Абдулкаримовича Рафикова, состоявшего имамом при соборной мечети деревни Верхние Чебенки. Однако 5 декабря 1905 г. за № 3252 директор народных училищ Оренбургской губернии доложил Губернскому

⁶¹ Коблов Я. Д. О магометанских муллах. Религиозно-бытовой очерк. – Казань: Иман, 1998. – С. 15.

⁶² ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4237. Л. 147–148 об.

правлению, что ахун Гисматуллин является «величайшим врагом» открытия в Сеитовском посаде русско-татарского училища в то время, как Мусин выступает его «защитником». При проверке приговора выяснилось, что последний не набрал положенных двух третей голосов, но полицейский надзиратель Васильев сфальсифицировал результаты выборов, вызывая к себе отсутствовавших прихожан и заставляя их подписываться много дней спустя после общественного схода, а также внося в приговор лиц, не принадлежавших к этому приходу, младших членов семей и даже умерших. Это прямо нарушало статьи 1431–1434 Устава духовных дел иностранных исповеданий, но из «государственных соображений» Губернское правление закрыло на это глаза. Как следствие, журнальным постановлением ОГП от 10 марта 1906 г. № 118 в должности был утвержден именно Мусин (указ от 15 марта 1906 г. № 10880). Все жалобы прихожан на этот произвол были оставлены без последствий⁶³.

Если поданные документы соответствовали требованиям, предъявляемым законом, Губернское правление своим журнальным постановлением утверждало лицо, избранное мусульманской общиной, в должности и духовных званиях. Для священнослужителя изготовлялся указ, удостоверяющий его назначение, который направлялся для выдачи по принадлежности в уездное или городское полицейское управление. Отдельным указом полиции поручалось объявить о решении прихожанам и привести духовное лицо к присяге на верность службы. Еще одним указом об утверждении сообщалось Оренбургскому магометанскому духовному собранию для учета в списках священнослужителей. Наконец, если избранное лицо числилось по другому месту жительства, через ближайшее полицейское управление его однообщественникам также объявлялось о назначении, для чего посылались отдельный указ⁶⁴.

Новоиспеченный священнослужитель вызывался в присутствие полицейского управления, где его приводил к присяге специально приглашенный указной мулла. Перед этим лицо, утвержденное в должности, совершало ритуальное омовение как при молитве. Затем мулла предварительно вразумлял его «краткими, но ясными словами, что присягу принимать должно не только языком, но и сердцем, что она есть дело важнейшее пред Всевышним, что закон повелевает данную присягу соблюдать свято, ненарушимо, и что клятвопреступник на-

⁶³ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4235. Л. 162–163; Д. 4235. Л. 819–819 об.

⁶⁴ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4157. Л. 997–998.

влекает на себя страшный гнев Божий»⁶⁵. Вступающий в духовное звание, положив правую руку на Священный Коран, произносил слова присяги на верность службы государю императору и его наследнику, форма которой была издана 25 апреля 1850 г.⁶⁶. Оба священнослужителя подписывали присяжный лист, а затем новому духовному лицу выдавался под расписку указ на должность и звания, за который с него взимался гербовый сбор. В случае утраты указа публиковалось объявление в официальной газете, и изготовлялся дубликат⁶⁷. После увольнения или смерти священнослужителя его указ на духовную должность и звания изымался полицией и передавался в Губернское правление на уничтожение для того, чтобы им нельзя было воспользоваться, выдавая себя за духовное лицо⁶⁸.

После учреждения Оренбургского магометанского духовного собрания первые десятилетия его работы были посвящены аттестации мусульманских священнослужителей, выдаче указов на духовные звания, что должно было перевести их деятельность в легальную сферу и поставить под государственный контроль. Часть интеллектуальной элиты выступила против вмешательства православного государства во внутреннюю религиозную жизнь мусульманских общин. Это нашло свое отражение в так называемом движении абызов (от арабского «хафиз» – знающий Коран наизусть), сельских грамотеев, которые в предшествующий период насильственной христианизации были хранителями исламской традиции и образования, выступали за максимальную изоляцию мусульманских сельских общин от официальных властей. Движение не представляло единой централизованной силы и использовало пассивные формы борьбы путем гражданского неповиновения⁶⁹. Протест против огосударствления ислама выражался в отказе от занятия официальных должностей, появлении кочующих проповедников, неуказных священнослужителей и даже в эмиграции за пределы Российской империи на территорию мусульманских стран.

⁶⁵ Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений по округу ОмДС. 1841–1901 гг. – Уфа: Электрическая типо-литография В. П. Колпацкого и Ко, 1902. – С. 97.

⁶⁶ Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений по округу ОмДС. 1841–1901 гг. – Уфа: Электрическая типо-литография В. П. Колпацкого и Ко, 1902. – С. 120.

⁶⁷ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4171. Л. 691–692 об.

⁶⁸ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4066. Л. 551–552 об.; Д. 4105. Л. 632–633; Д. 4148. Л. 455–456; Д. 4199. Л. 223–223 об. и др.

⁶⁹ Хабутдинов А. Ю. Миллет Оренбургского Духовного Собрания в конце XVIII – XIX вв. – Казань: Иман, 2000. – С. 29–30.

Например, крупнейший татарский поэт первой половины XIX в., дипломат и общественный деятель Абульманих Каргалый (1782 – после 1833), получив блестящее образование в медресе Сеитовского посада и Бухары, не пожелал сдавать экзамен на духовное звание и занялся хлебопашеством. В 1833 г. под предлогом совершения паломничества (хаджа) он покинул страну⁷⁰. Другой воспитанник каргалинских медресе, поэт, автор многочисленных трактатов по богословию, праву, этике, филологии Габдрахим Утыз-Имяни (1754–1838) был арестован за антиправительственную религиозную агитацию. После освобождения в 1788 г. он был вынужден уехать из Российской империи в Бухару, посетил многие среднеазиатские города: Акчу, Туфи, Самарканд, Мазар, Шахимардан, Балх, Кабул, Герат, Кандагар и Насаф. В 1798 г. под чужим именем вернулся на родину, где до конца жизни был странствующим проповедником и учителем в татарских селениях южнее р. Камы. В своих трудах он осуждал упоминание имени православного царя в мусульманской пятничной молитве и считал ее недействительной⁷¹.

Однако широкое распространение неуказных священнослужителей, которые действовали без сдачи экзамена в ОМДС и утверждения властями, объяснялось не столько протестными настроениями и пропагандой отдельных лиц, сколько инерцией общественного развития, глубоко укоренившимися представлениями об автономной выборности имамов и муэдзинов в самой мусульманской общине. К тому же, первоначально указное духовенство практически не имело законодательно установленных прав, обязанностей и преимуществ по сравнению с неуказным. Поэтому сами кандидаты и прихожане не хотели нести значительные расходы, связанные с поездками на экзамен в Уфу и присутственные места. Только возложение в 1829 г. на указных мулл обязанности ведения метрических книг подорвало позиции неуказных священнослужителей, поскольку с этого времени совершенные ими обряды наречения имени, бракосочетания, развода, погребения не имели юридической силы без официальной регистрации актов гражданского состояния. Как следствие, их количество сократилось, а сфера деятельности сузилась до руководства общественной молитвой, поминовения умерших и некоторых других обрядов.

⁷⁰ Фахреддин Р. Асар. 1 том. – Казань: Рухият, 2006. – С. 291.

⁷¹ Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь. – М.: Вост. литература, 2006. – С. 74–76; Утыз-Имяни Г. Избранное. – Татар. кн. изд-во, 2007. – С. 26–36.

Переходу неуказных священнослужителей в легальную сферу способствовала и жесткая линия, проводимая губернскими властями совместно с Оренбургским магометанским духовным собранием. Так, в 1814 г. оренбургский военный губернатор князь Г. С. Волконский предписал земским исправникам и кантонным начальникам провести ревизию всех подведомственных мусульманских деревень, чтобы при мечетях «не опробованные Магометанским Собранием духовные чиновники и не имеющие утверждения от Оренбургского Губернского Правления, ... отнюдь не признавались за действительных; должны в званиях духовных оставаться только те, которые были испытаны, всех прочих, не имеющих такового утверждения, обратить в первобытное состояние»⁷². В 1834 г. губернатор В. А. Перовский получил сведения о том, что «некоторые жители Сеитовского посада, присвоив без утверждения ... Правления разные духовные звания, заводят школы и исправляют требы, не имея на то никакого права, ... а сами уклоняются от исполнения общественных повинностей и платы податей»⁷³. По его поручению временный комендант Каргалы Ковалевский провел расследование, в ходе которого обнаружилось, что в Сеитовском посаде на 16 указных священнослужителей (9 имамов и 7 азанчеев) приходится 21 неуказной (8 имамов и 13 азанчеев). Они отправляли религиозные обряды по частным приговорам жителей без испытания в Духовном собрании и утверждения властями от 1 года до 25 лет⁷⁴. Губернское правление ограничилось тем, что 14 мая 1834 г. приказало Оренбургском земскому исправнику отобрать у них подписки с обязательством на будущее не исполнять духовных треб. Однако неожиданно за ужесточение наказания выступило само Оренбургское магометанское духовное собрание, которое боролось с проявлениями местного сепаратизма, религиозной автономии, за подчинение мусульманских священнослужителей своей власти. По его мнению, простое предупреждение не могло «удержать самоволия простолюдных магометан в принятии ими на себя духовных обязанностей без испытания и утверждения начальством». В результате 12 жителей Сеитовского посада, принадлежавших к башкирскому служилому сословию, были преданы военному суду. Четверо из них оперативно сдали экзамены на духовные звания, заручились официальными указами об утверждении и поэтому избежали наказания. Оставшиеся молодые

⁷² ЦИА РБ. Ф. И-295. Оп. 4. Д. 489. Л. 56–56 об.

⁷³ ГАОО. Ф. 6. Оп. 5. Д. 10858. Л. 1–1 об.

⁷⁴ ЦИА РБ. Ф. И-295. Оп. 4. Д. 489. Л. 221–222, 309–310 об.

люди по резолюции командира Отдельного Оренбургского корпуса от 8 ноября 1835 г. следующим летом были высланы на границу для прохождения военной службы, а больным и старикам сделано внушение⁷⁵.

Официальное духовенство зачастую видело в неуказных священнослужителях прямых конкурентов, посягающих на часть его доходов от совершения религиозных треб, а потому само сигнализировало об их появлении, ревниво оберегая свою территорию. Так, 10 октября 1886 г. указной мулла 2-й соборной мечети Сеитовского посада Гибадулла Абдулкаримович Рафиков доложил Оренбургскому губернскому правлению, что в подведомственной ему станице Сакмарской обязанности имама самовольно исполняет башкир деревни Якшимбетовой Хусейн Аскарков. Обеспокоенный священнослужитель представил приговор станичников от 26 ноября 1883 г., подтверждающий его права, и просил оставить приход за ним. Журналом от 12 марта 1888 г. № 201 губернская администрация поручила Оренбургскому уездному полицейскому управлению провести дознание для привлечения самозванца к установленной законом ответственности (указ от 18 марта 1888 г. № 1523)⁷⁶.

Законодательная политика и административная практика Российской империи, направленные на закрепление правового статуса мусульманских священнослужителей, их интеграцию в управленческую систему как должностных лиц, установление государственного контроля за их деятельностью, привели к тому, что со второй трети XIX в. количество неуказных мулл резко снизилось. Широкое распространение сохранили только неофициальные муэдзины, обязанности которых при мечети нередко исполнял один из прихожан. Поскольку азанчеи не совершали юридически значимых актов, члены общины избегали дополнительных расходов, связанных с их утверждением в должности. Например, в 1916 г. выяснилось, что последние 15 лет в деревне Уранбаш Абрамовской волости Оренбургского уезда служил муэдзином местный житель Хамидулла Валиуллович Даутов, который был допущен к соборной мечети по приговору односельчан без сдачи экзамена и получения указа на духовные звания⁷⁷.

Характерной особенностью Оренбургской губернии как приграничного региона было то, что значительная часть его мусульманского насе-

⁷⁵ ГАОО. Ф. 6. Оп. 5. Д. 10858. Л. 15–26 об.

⁷⁶ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4186. Л. 1–3.

⁷⁷ ГАОО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 3473. Л. 14.

ления была включена в состав военно-служилых сословий: башкирско-мещерякского и казачьего. Так, в 1853 г. Оренбургское казачье войско насчитывало 5650 мужчин, исповедовавших ислам, в 1880 г. – 24840 мусульман обоего пола (8,08 % казаков), в 1890 г. – 25613 (7,78 %), в 1902 г. – 39055 (8,25 %) ⁷⁸. Подчинение органам военного управления вносило свою специфику в процедуру избрания и утверждения мусульманских священнослужителей в казачьих населенных пунктах.

Согласно указу от 10 апреля 1798 г. территория Оренбургского казачьего войска была разделена на 5 кантонов, которые состояли из станиц ⁷⁹. Поэтому первоначально выборы мусульманского духовенства в казачьих населенных пунктах проводились по аналогии с системой кантонного управления у башкир: в присутствии кантонных и станичных начальников, которые удостоверяли правильность общественных приговоров, с последующим утверждением Оренбургским губернским правлением. Однако 12 декабря 1840 г. было принято новое Положение об ОКВ, которое предусматривало его организацию не по чисто территориальному, а по военно-территориальному принципу с делением на 10 полков ⁸⁰. Одновременно гражданскую часть по войску передали органам военного управления. С учетом этих изменений был выработан новый порядок избрания мусульманских священнослужителей, который прямо не предусматривался законом от 21 октября 1837 г., а основывался на расширительном толковании его норм применительно к аналогиям в системе казачьего управления. Приговоры об избрании духовных лиц из числа казаков стали приниматься в присутствии станичных начальников и полковых командиров. После засвидетельствования в полковом правлении они передавались Войсковому хозяйственному правлению ОКВ, которое по результатам экзамена в Оренбургском духовном магометанского закона собрании своими указами утверждало кандидатов с согласия командующего в духовных званиях и должностях ⁸¹.

⁷⁸ Стариков Ф. Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска. – Оренбург: Типо-литография Б. Бреслина, 1891. – С. 155; Загидуллин И. К. Мусульманское богослужение в учреждениях Российской империи (Европейская часть России и Сибирь). – Казань: Институт истории АН РТ, 2006. – С. 130; Семенов В. Г. Татары в Оренбургском казачьем войске // Евразийское ожерелье. Альманах Общественного института истории народов Оренбуржья им. М. Джалиля / Отв. ред. И. М. Габдулгафарова. – Оренбург: Издательство ОГПУ, 2001. – С. 167.

⁷⁹ ПСЗ. – Собр. 1-е. – Т. XXV. – № 18477.

⁸⁰ ПСЗ. – Собр. 2-е. – Т. XV. – № 1404.

⁸¹ ЦИАРБ. Ф. И-295. Оп. 4. Д. 41. Л. 31–34 об., 36, 39–43 об., 58; ГАОО. Ф. 6. Оп. 12. Д. 772. Л. 24–25 об.; Оп. 13. Д. 2840. Л. 157–158, 161–161 об. и др.

В 1853 г. по представлению генерал-губернатора Западной Сибири Г. Х. Гасфорта Военное министерство инициировало разработку специальных правил о мусульманских священнослужителях и мечетях в нерегулярных войсках. После обсуждения в Общем присутствии было отмечено, что «Духовенство Магометанское проникнуто фанатизмом, и что умножение лиц сего Духовенства в отдаленном крае, соседственном с народами Магометанского исповедания, может иметь весьма неблагоприятные следствия по влиянию, которое муллы вообще имеют на простолюдинов, а тем еще более, допущение из лиц стороннего сословия». Поэтому было признано полезным, «не нарушая уже дарованных прав, относительно выбора и утверждения сих лиц, по возможности ограничить число их, которое, при исключительном расселении одних магометан как, например, в Башкирско-мещерякском войске, может возрасти до значительной цифры». Для подготовки проекта новых правил Военный совет Российской империи журналом на 18 января 1853 г. предписал оренбургскому и самарскому генерал-губернатору собрать подробные сведения о числе мусульман, мечетей и духовных лиц в Башкирско-мещерякском, Оренбургском и Уральском казачьих войсках, а также представить свои предложения по правому регулированию деятельности мусульманских общин⁸². Начальник Оренбургской губернии В. А. Перовский, благодаря многолетнему опыту управления, хорошо понимал, что государственное вмешательство в деликатную религиозную сферу может взорвать внутреннюю и осложнить внешнеполитическую ситуацию в приграничном крае со сложным этноконфессиональным составом населения. Он указал на необходимость «крайней осторожности и осмотрительности, которые всегда, а в настоящее время более чем когда-либо, должны служить основанием всем распоряжениям и мерам, принимаемым по башкирскому народу, когда» они «имеют отношение до исповедуемой им религии». В своем рапорте Департаменту военных поселений от 26 мая 1854 г. № 1727 оренбургский генерал-губернатор высказался против принятия отдельных правил о мусульманских священнослужителях и мечетях в нерегулярных войсках, а затем посчитал необходимым обратиться напрямую к военному министру. В новом рапорте от 31 августа 1854 г. за № 2562 В. А. Перовский подчеркнул, что «общие по империи правила о порядке избрания к магометанским приходам духовенства и о постройке мечетей совершенно удовлетворительны для здешних казачьих войск, и в измене-

⁸² ГАОО. Ф. 6. Оп. 12. Д. 772. Л. 1–3 об.

нии или дополнении сих узаконений по местным обстоятельствам не предвидится надобности»⁸³. Под влиянием его решительной позиции Военный совет Российской империи скорректировал первоначальные планы и 19 января 1855 г. принял «Правила устройства духовной жизни магометан казачьего сословия», которые только закрепили уже сложившийся порядок с незначительными новеллами⁸⁴.

В 1865 г. территория Оренбургского казачьего войска снова вошла в состав Оренбургской губернии, а ее население было подчинено в гражданском отношении общим региональным органам управления. Соответственно, все мусульманские священнослужители стали вновь определяться указами Оренбургского губернского правления независимо от их сословной принадлежности.

Наконец, по высочайшему указу от 13 мая 1870 г. в казачьих войсках было введено общественное самоуправление⁸⁵. При избрании мусульманских духовных лиц соблюдение установленной законом процедуры стали контролировать лица, равнозначные сельским старостам и волостным старшинам, то есть поселковые и станичные атаманы. Соответственно, правильность приговора заверялась в станичных правлениях с последующим утверждением губернской администрацией.

Так, 1 мая 1901 г. мусульмане поселка 2-го Зубочистенского Татищевской станицы ОКВ на общественном сходе под председательством поселкового атамана Ситдыка Аблязова избрали на должность 2-го муллы 2-й соборной мечети казака Абдулхака Шайхильисламовича Абузярова. Их приговор был засвидетельствован не только Аблязовым, но и атаманом Татищевской станицы, урядником Сурначевым. Однако дознание, проведенное по жалобе части прихожан, установило, что он лично не присутствовал на избирательном сходе, а заверил документ задним числом. Поэтому журнальным постановлением от 15 декабря 1901 г. № 600 Оренбургское губернское правление отклонило ходатайство об утверждении нового муллы и предложило мусульманам составить другой приговор со строгим соблюдением процедуры, установленной законом (указ от 16 декабря 1901 г. № 3435). При этом губернская администрация разъяснила, что «в Положении

⁸³ ГАОО. Ф. 6. Оп. 12. Д. 772. Л. 40–41 об., 45–45 об.

⁸⁴ Загидуллин И. К. Мусульманское богослужение в учреждениях Российской империи (Европейская часть России и Сибирь). – Казань: Институт истории АН РТ, 2006. – С. 123.

⁸⁵ Положение о самоуправлении в Оренбургском казачьем войске. Введение. Ч. 1–5. – Оренбург: Типография Гаврилова, б. г. – С. 1–30.

об общественном управлении в казачьих войсках не содержится никаких особых указаний о порядке выбора магометанских духовных чинов, а потому означенные выборы должны происходить ... на основании 1431 и 1432 статей общего Закона об управлении духовных дел магометан ... среди населения Оренбургского казачьего войска в присутствии не только поселкового, но и станичного атаманов на том основании, что должности последних соответствуют сельским [старостам] и волостным старшинам, и применительно к порядку, установленному 1438 статьей Закона об управлении духовных дел магометан в Сибирском казачьем войске, где избрание чинов магометанского духовенства положено производить в присутствии станичного атамана»⁸⁶.

Другая особенность была связана с тем, что определение на духовные должности казаков и башкир сокращало число военнообязанных лиц. Согласно высочайшему указу о введении кантонной системы управления от 10 апреля 1798 г. мусульманские священнослужители освобождались от службы в иррегулярных войсках. На кантонных начальников была возложена обязанность выяснять степень «востребованности новых духовных должностей в поселении» и решать вопрос о командировании кандидатов в Оренбургское духовное магометанского закона собрание для сдачи экзамена⁸⁷. Однако, являясь мусульманами, они не препятствовали росту приходского духовенства. Высочайше утвержденным 20 февраля 1850 г. мнением Государственного Совета освобождение от военной службы было распространено на лиц всех сословий, утвержденных в должностях мусульманских священнослужителей⁸⁸. В соответствии с этими нормами решением Военного совета Российской империи от 19 января 1855 г. было подтверждено, что на период исполнения духовных обязанностей муллы и муэдзины из числа казаков освобождаются от внутренней, кордонной (пограничной) и внешней службы⁸⁹.

Разумеется, такие льготы вызывали резкое недовольство военных властей, которые видели в этом способ уклонения молодых и здоровых людей от воинской повинности. 29 июня 1837 г. командующий

⁸⁶ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4227. Л. 607–610 об.

⁸⁷ Законы Российской империи о башкирах, мишарях, тептярях и бобылях. – Уфа: Китап, 1999. – С. 188.

⁸⁸ ПСЗ. – Собр. 2-е. – Т. XXV. – Отд. 1-е. – № 23932.

⁸⁹ Загидуллин И. К. Мусульманское богослужение в учреждениях Российской империи (Европейская часть России и Сибирь). – Казань: Институт истории АН РТ, 2006. – С. 123.

Башкирско-мещерякским войском генерал-майор Т. С. Циолковский обратился к начальнику Оренбургского края В. А. Перовскому с предложением о том, чтобы кандидаты на должности ахунов и мулл в башкирских приходах назначались только с предварительного согласия военного командования. В свою очередь, оренбургский генерал-губернатор отметил, что «инородцы утверждаются в духовных званиях без ведома своего начальства и происходит то, что способные и зажиточные ищут и получают духовные звания во избежание службы, на которой они были бы гораздо полезнее». Своим указом он предписал ОМДС в дальнейшем экзаменовывать представителей башкирского военно-служилого сословия на мусульманские духовные звания только с согласия командующего Башкирско-мещерякским войском или военного губернатора⁹⁰. Эта норма получила свое законодательное закрепление в высочайше утвержденном 21 октября 1837 г. мнении Государственного Совета. Согласно п. 5 при утверждении в духовных должностях мусульман, состоящих в военном ведомстве, в том числе казаков и башкир, Губернские правления обязаны были предварительно представлять их кандидатуры на согласование военным губернаторам⁹¹. Отметим, что тогда же по рапорту командующего Башкирско-мещерякским войском служащим мусульманам было запрещено отправляться в паломничество (хадж) без согласия военного начальства⁹².

Предоставленные им полномочия военные власти использовали для ограничения практики утверждения в духовных должностях служащих мусульман. В 60-е гг. XIX в. оренбургский генерал-губернатор Н. А. Крыжановский предложил, чтобы на должности мусульманских священнослужителей в казачьих приходах определялись отставные или неспособные служить по состоянию здоровья, а, в крайнем случае, приписанные к внутренней казачьей службе. Только при отсутствии подобных кандидатов, обладавших необходимым знанием исламских догматов и обрядов, разрешалось входить с представлениями об утверждении приходского духовенства из числа служащих казаков⁹³. По сути, военные власти ввели дополнительные требования к кандидатам на должности мусульманских священнослужителей, которые не были предусмотрены законом. На практике это приводило к ущемлению религиоз-

⁹⁰ ЦИА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 3130. Л. 2, 5.

⁹¹ ПСЗ. – Собр. 2-е. – Т. XII. – № 10594.

⁹² ЦИА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 3799. Л. 1–13.

⁹³ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4066. Л. 709–709 об.

ных прав мусульманского населения, старению и снижению профессионального уровня исламского духовенства, кадровому голоду, когда военное начальство раз за разом отклоняло кандидатуры молодых выпускников медресе, подлежащих казачьей службе. Например, в 1874 г. прихожане Чесноковской соборной мечети Нижнеозерной станицы ОКВ ходатайствовали перед губернскими властями об определении на должность 2-го муллы служащего казака пос. 2-го Зубочистенского Ибрагима Мухамедовича Аминова, 23 лет, поскольку их старший имам Мухаметлатиф Галиевич Бакиров уже не справлялся один с выполнением всех духовных треб. Однако на запрос Губернского правления Штаб ОКВ сообщил, что избранный кандидат не может быть утвержден в духовной должности потому, что состоит в разряде служащих казаков. Поэтому журнальным постановлением ОГП от 31 июля 1874 г. № 3451 ходатайство прихожан было оставлено без последствий (указ от 3 августа 1874 г.)⁹⁴. 4 мая 1875 г. мусульмане поселка Чесноковского избрали помощником указному мулле его сына Абдулхабира Мухаметлатифовича Бакирова, 22 лет. Но Штаб ОКВ отверг и эту кандидатуру, поскольку он подлежал прохождению внутренней службы. Новый отказ был оформлен журналом ОГП от 18 января 1877 г. № 48 (указ от 25 января 1877 г. № 320)⁹⁵. Баланс интересов духовной и военной службы был обеспечен только с принятием в 1876 г. нового положения. Согласно этому документу до утверждения в мусульманских духовных должностях от кандидатов из числа служащих казаков стало отбираться письменное обязательство о том, что они будут содержать в полной исправности служебное обмундирование, снаряжение и верховую лошадь, являться на учебные летние сборы, а в случае призыва – и на военную службу наравне со сверстниками. Помимо решения кадрового вопроса, это позволило оренбургским казакам из числа мусульман соблюдать все религиозные обряды под руководством командированного муллы во время военных сборов и походов. Отметим, что благодаря новым правилам жители пос. Чесноковского с третьего раза добились утверждения в должности 2-го муллы другого сына их старшего имама Сулеймана Мухаметлатифовича Бакирова, 23 лет, по журналу ОГП от 31 марта 1880 г. № 533 (указ от 15 апреля 1880 г. № 1773). Об определении было сообщено Штабу ОКВ, куда губернские власти отослали подписку духовного лица с обязательством являться на военную службу⁹⁶.

⁹⁴ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4173. Л. 859–860 об.

⁹⁵ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4141. Л. 137–138.

⁹⁶ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4154. Л. 94–94 об.

Таким образом, принадлежность к служилому сословию и подчинение органам военного управления вносило свою специфику в процедуру избрания и утверждения исламского духовенства в Оренбургском казачьем войске. Она не была прямо прописана в законе, а вырабатывалась практикой на основе расширительного толкования правовых норм по аналогии и менялась вслед за изменениями в системе казачьего управления. В 1798–1840 гг. общественные приговоры о выборе мусульманских священнослужителей заверялись кантонными и станичными начальниками, в 1840–1870 гг. – полковыми командирами и станичными начальниками, в 1870–1917 гг. – станичными и поселковыми атаманами. С 1837 г. кандидаты на мусульманские духовные должности среди казачьего сословия утверждались с предварительного согласия военных властей, а с 1840 по 1865 гг. в изъятие из общих правил – самим Войсковым хозяйственным правлением ОКВ, а не общегражданской администрацией. Предоставленные им полномочия военные власти использовали для ограничения практики утверждения в духовных должностях мусульман, способных к службе по возрасту и состоянию здоровья.

Если процедура избрания и утверждения в должности мусульманских священнослужителей была подробно урегулирована российским законодательством, то порядок их перевода на другое место службы не регламентировался правовыми нормами. Рапортом от 18 мая 1862 г. за № 1624 ОМДС сообщило Министерству внутренних дел, что одни губернские правления самостоятельно переводят духовных лиц, ограничиваясь только уведомлением, другие – предварительно запрашивают его согласие, третьи – передают этот вопрос на усмотрение самого Собрания, а нередко переписка напрямую поступает в него от земских судов. Для введения единообразия оно просило разъяснить, кому принадлежит право переводить мусульманских священнослужителей из одного прихода в другой. В соответствии с отзывом оренбургского и самарского генерал-губернатора 12 октября 1862 г. за № 1057 Департамент духовных дел иностранных исповеданий ответил, что «на основании существующего порядка служащие лица перемещаются тою властью, от которой зависело их определение к должностям». Следовательно, по смыслу ст. 1250 т. XII Свода законов решения о переводе мусульманских священнослужителей должны принимать Губернские правления, своевременно информируя об этом Духовное собрание для целей учета и контроля⁹⁷.

⁹⁷ РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 1014. Л. 1–5 об.

Анализ практики показывает, что при рассмотрении подобных дел губернская администрация требовала приговоры прихожан обеих мечетей и письменное согласие самого духовного лица. Так, Орское уездное полицейское управление при рапорте от 15 марта 1894 г. за № 4533 представило на распоряжение губернских властей общественный приговор жителей деревни Чумазиной, которые ходатайствовали о переводе к их соборной мечети муллы пос. Шишминского Воздвиженской станицы Фатхислама Ситдыковича Ахмерова. По предписанию Губернского правления полиция затребовала у него письменное подтверждение, однако имам заявил, что никогда и не собирался переселяться. Поэтому журнальным постановлением ОГП от 8 августа 1894 г. № 916 ходатайство жителей деревни Чумазиной было отклонено (указ от 18 августа 1894 г. № 4482)⁹⁸.

Члены мусульманской общины зачастую и сами не хотели отпустить своего имама в другой приход, поскольку несли значительные расходы, связанные с утверждением духовенства в должности, не могли быстро найти квалифицированную замену. Так, 24 ноября 1881 г. жители пос. Никольского Ильинской станицы Орского уезда своим приговором избрали ко 2-й соборной мечети на свободную должность муллы имам-хатыба и мударриса деревни Чанким-Биктемировой 2-й Усерганской волости Орского уезда Мухаметкамала Давлетшина, который письменно изъявил на это свое согласие. Они обратились через Орское уездное полицейское управление в ОГП с ходатайством о переводе. Однако при опросе жители деревни Чанким-Биктемировой сначала устно, а затем особым приговором от 15 декабря 1882 г. объяснили, что не желают уволить его в пос. Никольский, где и без того имеются двое мулл, в то время как им нечем заменить Давлетшина, который помимо обязанностей имама, занимается обучением мальчиков в специально устроенном для этого медресе. При определении Давлетшина на должность муллы Чанким-Биктемировской мечети в 1872 г. прихожане дали ему по бедности безвозвратную ссуду в 100 руб. на расходы, связанные с переездом из его родной деревни Исергаповой. В 1882 г. они выделили имаму займы из доходов от сдачи общественных земель в аренду еще 100 руб. на устройство дома, которые он пока не вернул. Поскольку прихожане были не согласны на перевод их муллы к другой мечети, ОГП журналом от 24 марта 1883 г. № 281 постановило отказать в ходатайстве о переводе (указ от 6 апреля 1883 г. № 1489)⁹⁹.

⁹⁸ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4213. Л. 243.

⁹⁹ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4166. Л. 898–899.

Однако согласие прихожан на перемещение их муллы в другой приход имело решающее значение, только если он был юридически причислен к их общине. В противном случае, они не могли удерживать его против желания. Так, 4 декабря 1883 г. мулла Исянгуловской соборной мечети Мухамедсафа Камалетдинович Ижбулдин представил губернским властям приговор жителей деревни Карагузиной Оренбургского уезда, ходатайствующих о его переводе к ним. Прихожане Исянгуловской мечети своим приговором отказались отпустить муллу. Несмотря на это, Оренбургское губернское правление по журналу от 5 июня 1885 г. № 430 все-таки перевело Ижбулдина в другой приход, поскольку он был членом не Исянгуловского, а Карагузинского сельского общества (указ от 19 июня 1885 г.)¹⁰⁰. Или, например, в 1905 г. мулла пос. Донского Ильинской станицы Мугутабир Сулейманов подал ходатайство о переводе его к соборной мечети деревни Утягуловой 6-й Усергенской волости того же Орского уезда. Жители поселка не соглашались его отпустить, поскольку совсем недавно при его утверждении в 1904 г. потратили 120 руб. из общественных сумм на переезд Сулейманова с домашним скарбом и семьей из Каргалы, командировку в Уфу для сдачи экзамена на духовное звание и поездку в Орск для получения указа. Тем не менее, журнальным постановлением ОГП от 27 декабря 1905 г. № 876 Мугутабир Сулейманов был переведен в прежних званиях имам-хатыба и мударриса в Утягуловский приход потому, что принадлежал не к казакам Донского поселка, а к башкирам Сеитовского посада (Каргалы). Губернское правление также разъяснило, что за прихожанами остается право подать иск в гражданский суд о взыскании со своего бывшего муллы 120 руб., потраченных из общественных сумм (указ от 19 января 1906 г. № 302)¹⁰¹. При переводе губернская администрация требовала от полиции представить указ на должность и духовные звания, где проставлялась надпись о новом назначении.

Таким образом, до конца XVIII в. мусульманские народы Волго-Уральского региона не имели собственной централизованной системы религиозного управления, четкой иерархии духовенства, которая выходила бы за пределы конкретной общины. Однако уже с конца XVI – начала XVII вв. появляются первые зачатки самоорганизации в религиозной сфере, начинается выстраивание системы духовного управления снизу, на местах постепенно складываются мусульманские региональные цент-

¹⁰⁰ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4173. Л. 357–358 об.

¹⁰¹ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4234. Л. 1396–1397 об.

ры во главе с выборными ахунами, которые выступали посредниками во взаимоотношениях между государством и низовыми общинами. В середине XVIII в. такой региональный центр мусульманской религии, культуры и образования, выполнявший консолидирующую, объединяющую роль для других сельских общин, сформировался и на Южном Урале, в Каргале, жителям которой государство предоставило экономические льготы и религиозные послабления в интересах развития торговли с их единоверцами в Казахстане и Средней Азии. Старшие ахуны Каргалы осуществляли контроль за правильным исполнением религиозных обрядов в низовых приходах, выступали высшими авторитетами в вопросах толкования норм шариата, третейскими судьями по брачно-семейным, имущественным и другим делам, разбирали споры между местными мусульманами и приезжими среднеазиатскими торговцами.

Именно Южный Урал в силу преобладающей доли мусульманского населения, удаленности от основных районов миссионерской деятельности православной церкви в Поволжье стал своеобразным полигоном для проведения экспериментов, отработки новых моделей взаимодействия государства с исламскими общинами. Первоначально российские власти пытались опереться на традиционный институт ахунов и путем сокращения числа официально признанных религиозных лидеров поставить через них под контроль все мусульманское население. Однако отсутствие жесткой иерархии, субординации, механизмов подбора кадров и собственного управленческого аппарата при широкой автономии мусульманских общин делало такие модели неэффективными. Поэтому в рамках централизации, укрепления абсолютной власти самодержавной монархии в 1788 г. было создано Оренбургское магометанское духовное собрание как централизованная структура управления религиозными делами мусульман Европейской части России и Сибири в системе органов внутренних дел.

После его учреждения мусульманское духовенство приобрело не свойственную ему до этого иерархическую структуру. На низовом уровне прихода оно было представлено муэдзинами и муллами, среднее звено управления в пределах различных территориальных единиц (нескольких близлежащих приходов, волости, уезда, города) составляли ахуны и мухтасибы, а на высшей ступени стояло само Оренбургское магометанское духовное собрание в составе трех заседателей (кади) и председателя (муфтия).

С созданием ОМДС в конце XVIII в. Российское государство переходит к реализации курса на постепенную интеграцию мусульман-

ских священнослужителей в административную систему управления, устанавливает законодательные требования для кандидатов на духовные посты, общий порядок их избрания и утверждения в должности.

Однако на Южном Урале процедура выбора и определения исламского духовенства приобрела свои специфические черты в Оренбургском казачьем войске в силу принадлежности части мусульман к служилому сословию, их подчинения органам военного управления. Она не была прямо прописана в законе, а вырабатывалась практикой на основе расширительного толкования правовых норм по аналогии и менялась вслед за изменениями в системе казачьего управления. В 1798–1840 гг. общественные приговоры о выборе мусульманских священнослужителей заверялись кантонными и станичными начальниками, в 1840–1870 гг. – полковыми командирами и станичными начальниками, в 1870–1917 гг. – станичными и поселковыми атаманами. С 1837 г. кандидаты на мусульманские духовные должности среди казачьего сословия утверждались с предварительного согласия военных властей, а с 1840 по 1865 гг. в изъятие из общих правил – самим Войсковым хозяйственным правлением ОКВ, а не общегражданской администрацией. Предоставленные им полномочия военные власти использовали для ограничения практики утверждения в духовных должностях мусульман, способных к службе по возрасту и состоянию здоровья. В отдельных случаях это приводило к ущемлению религиозных прав мусульманского населения, старению и снижению профессионального уровня исламского духовенства, кадровому голоду.

По мере интеграции мусульманских священнослужителей в управленческую систему Российской империи круг их традиционных обязанностей, установленный шариатом, был скорректирован правовыми актами. Сохранив автономию мусульманской общины в вопросах религиозного культа и отдельных сферах гражданско-правовых отношений (брачно-семейных и наследственных), государство полностью монополизировало сферу уголовного суда и наказаний. С другой стороны, на служителей исламского культа возлагалось выполнение отдельных государственных задач (регистрации актов гражданского состояния, статистического и воинского учета, приведения к присяге и др.), что, по сути, превращало их в должностных лиц.

Согласно шариату муэдзин осуществляет три основные функции: собирает верующих на общественный намаз, приглашает имама и объявляет о начале богослужения. На практике это выражается в провозглашении азана (призыва на молитву) и икамата (сообщения об ее

начале). В небольших общинах муэдзин сам обходил дома мусульман, напоминая им о времени молитвы. Там, где мечети имели капитальный минарет, он произносил азан с его высоты. В повседневной жизни мусульманских общин Российской империи на азанчея возлагалось выполнение и других разнообразных задач. Традиционно он готовил тело покойного к погребению: проводил его обмывание (гусль), заворачивал в саван (такфин), а иногда читал и похоронную молитву (джаназа-намаз). Совершение этих обрядов давало муэдзину основной источник денежных средств. Помимо платы за их проведение, он мог претендовать на часть фидии – откупа за грехи умершего (пропущенные им намазы, нарушение поста и др.)¹⁰². На время своего отсутствия имам мог поручать муэдзину руководство общественной молитвой, погребение и поминовение умерших. Однако по общему правилу, установленному российским законодательством, азанчей не имел права совершать за муллу юридически значимые обряды с регистрацией актов гражданского состояния (рождения, бракосочетания, развода, смерти). Исключение делалось только в случае присвоения указом звания «муэдзина, могущего исправлять должность имама в небытность такового». Например, в декабре 1898 г. ахун Аустяновской соборной мечети Бушман-Суун-Каракипчакской волости Оренбургского уезда Шайхульслам Абдуллин на несколько дней отлучился из прихода в деревню Мурапталову соседней Бурзянской волости. Поскольку один из его прихожан башкир Шарип Мухамедьяров был тяжело болен и находился при смерти, он оставил азанчею Абдулле Абдулхаликову письменное разрешение на погребение умершего и проведение молебна в мечети. Воспользовавшись его отсутствием, за 2 руб. муэдзин своей рукой сделал дописку в это разрешение и 28 декабря 1898 г. совершил брак 14-летней башкирки деревни Аустяновой Биби-Зайнаб Мухаметхафизовой с башкиром деревни Имангуловой Хасаном Усмановичем Давлетшиным, которым прежде мулла отказал в проведении никаха потому, что невеста не достигла установленного законом возраста. По жалобе ахуна и рапорту Духовного собрания было проведено расследование. За незаконное совершение бракосочетания Оренбургское губернское правление журналом от 23 декабря 1903 г. № 728 постановило предать азанчея деревни Аустяновой Абдуллу Абдулхаликова суду по обвинению в превышении должностных полномочий (ч. 1 ст. 341 Уложения о наказаниях)¹⁰³.

¹⁰² Насыри К. Избранные произведения. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1977. – С. 40.

¹⁰³ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4231. Л. 154–157, 701–702.

Рапортом от 6 апреля 1899 г. № 1950 ОМДС уведомило Губернское правление, что «утвержденные к мечетям маязины, вне всякого права принимают на себя обязанности имамов, совершая духовные требы и богослужения не по присвоенной им должности». Поэтому оно просило администрацию на будущее не утверждать азанчеев к мечетям прежде определения имамов. Губернские власти согласились с этим предложением и констатировали, что хотя в законе и нет прямых указаний о последовательности в утверждении духовных лиц при соборных и пятивременных мечетях, но определение муэдзина раньше муллы действительно может повлечь превышение им своих должностных полномочий. На этом основании, например, в августе 1905 г. Губернское правление журналом № 640 приостановило ходатайство жителей деревни Мукачевой Оренбургского уезда об утверждении к только что построенной мечети азанчеем башкира Ульзябая Фаткуллина впредь до определения к ней муллы (указ от 15 октября 1905 г. № 3193)¹⁰⁴. Аналогичное решение было принято журнальным постановлением ОГП от 26 мая 1907 г. № 234 и по делу об утверждении муэдзином Аскардовской соборной мечети Челябинского уезда башкира Мухамедрашита Ижбулатовича Бикназарова (указ от 8 июня 1907 г. № 2364)¹⁰⁵. Только после определения в этот приход по указу от 1 сентября 1909 г. № 4666 муллы Габдулжапара Жигангировича Айчувакова, указом от 16 декабря 1909 г. № 6430 следом был утвержден и азанчей Бикназаров¹⁰⁶. Однако строгая последовательность при назначении выдерживалась далеко не всегда.

Помимо исполнения духовных обязанностей, муэдзины отвечали при мечетях за хозяйственную часть: следили за чистотой и порядком в молитвенном помещении и на прилегающей территории, исправностью инвентаря, за отоплением и освещением храма. Впрочем, в крупных, экономически обеспеченных приходах эти функции выполняли специальные мечетные служители: мужавиры (сторожа) и фарряши (заведующие хозяйством). Первоначально они даже сдавали экзамены в ОМДС и утверждались губернскими властями. Но указом от 20 октября 1808 г. Оренбургское губернское правление запретило подобную практику, посчитав, что мечетные служители «не относятся до должности духовной особы»¹⁰⁷. С этого времени по выбору прихожан

¹⁰⁴ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4234. Л. 1009–1009 об.

¹⁰⁵ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4236. Л. 341–341 об.

¹⁰⁶ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4238. Л. 258–258 об., 558–558 об.

¹⁰⁷ ЦИА РБ. Ф. И-295. Оп. 4. Д. 489. Л. 98 об.

они стали определяться указами нижних земских судов или предписаниями кантонных начальников. Представлением от 20 ноября 1814 г. № 461 Духовное собрание вновь подняло вопрос о предварительном испытании мужавиров и фарряшей в знании мусульманской религии с тем, чтобы они могли замещать во время отлучек имамов и азанчеев. На запрос ОГП о функциях этих служителей оно разъяснило, что «мужавир должен хранить в мечети вещи, ковры и наблюдать за целостию», а «фарряш внутри и по наружности мечети со всех сторон не менее 40 сажений печется о чистоте, тоже и отапливает». Но указом от 12 июля 1815 г. № 9286 Губернское правление с едким сарказмом ответило, что «утверждать сторожей, испытанных в знании магометанского закона, не почитает себя в обязанности», а приехавшим для этого кандидатам объявило, чтобы «они, не продлевая здесь, отправлялись в дома»¹⁰⁸. Тем не менее, в циркуляре ОМДС приходскому духовенству от 28 мая 1892 г. № 2460 именно на муэдзинов возлагалась обязанности «ревностно ухаживать за мечетями, соблюдать в них надлежащую чистоту, стараясь наглядно доказать людям, что мечети суть Божьи храмы, к приходским имамам быть почтительными, повиноваться им и исполнять их приказания»¹⁰⁹.

Центральной фигурой в духовной и даже более широко во всей социальной жизни мусульманской общины был имам. В повседневной жизни и административной практике Российской империи мулла:

- руководил общественной молитвой;
- исполнял духовные требы (религиозные обряды наречения имени, заключения и расторжения брака, погребения и поминаения умерших), а также регистрировал связанные с ними акты гражданского состояния;
- решал брачно-семейные и наследственные дела;
- обеспечивал передачу религиозной и культурной традиции через преподавание в конфессиональных учебных заведениях;
- выступал духовным наставником для своих прихожан и осуществлял контроль за соблюдением ими шариата в общественной и частной жизни;
- нес общую ответственность за решение финансово-хозяйственных вопросов прихода, состояние культового здания, инвентаря и кладбищ;

¹⁰⁸ ЦИА РБ. Ф. И-295. Оп. 4. Д. 489. Л. 52–55, 98–98 об., 103.

¹⁰⁹ Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений по округу ОМДС. 1841–1901 гг. – Уфа: Электрическая типо-литография В. П. Колмацкого и Ко, 1902. – С. 42.

- выполнял поручения духовных, гражданских и военных органов управления.

Основной обязанностью имама является руководство коллективной молитвой: ежедневной пятикратной (фаджр, зухр, аср, магриб, иша), пятничной (джума) и в два годовых праздника (Ид аль-Фитр и Ид аль-Адха). Хорошо зная установленный порядок их проведения и Священную книгу, он возглавляет намаз в качестве предстоятеля, показывает пример находящимся позади него в исполнении предписанных обязательных элементов (фуруд) молитвы и единственный читает вслух Коран. После пятничных и праздничных богослужений, а также по особым поводам (затмение, засуха и др.) имам произносит проповедь (хутбу). Он приветствует собравшихся, воздаст хвалу Аллаху, испрашивает благословение Пророку, читает отрывок из Корана, молится за верующих и наставляет их в благочестии. Во время праздника Ид аль-Фитр (разговения) так же говорится о необходимости добровольных пожертвований нуждающимся (садака), а на Ид аль-Адха (праздник жертвоприношения) – о раздаче им мяса жертвенных животных. При угрозе бедствия в проповедь включаются многочисленные такбиры – возвеличивания Аллаха и истигфар – мольба о прощении. Хутба имела политическое значение, поскольку содержала молитву о здравии халифа, которого члены общины признавали своим духовным и светским правителем. Эту особенность исламского богослужения власти Российской империи использовали для закрепления в общественном сознании мусульман почитания самодержавной монархии, их воспитания в духе лояльности и верноподданничества престолу¹¹⁰. По распоряжению властей в текст намаза включалась отдельная молитва за всех живущих членов царствовавшего Дома Романовых поименно, «их владения и войска»¹¹¹. Однако по свидетельству современников, эта хутба, «состоя из голого набора имен и поражая слух магометан русскими отчествами», читалась чисто механически и не внушала им «никакого благоговения». Поэтому в 1855 г. старший ахун при Гвардейском и Гренадерском корпусах в Санкт-Петербурге, тархан Камалетдин Абдулов составил новый текст молитвы, которую министр внутренних дел предложил сделать обязательной для произнесения во всех мечетях. Этот проект не был реализо-

¹¹⁰ Гибадуллина Э. М. Мусульманские приходы Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. / Отв. ред. Д. В. Мухетдинов. – Н. Новгород: ИД. «Медина», 2008. – С. 89.

¹¹¹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 12. Д. 1187. Л. 8–8 об.

ван из-за возражений оренбургского и самарского генерал-губернатора. По его мнению, молитва была перенасыщена именами, указаниями на возраст и родственные отношения императорской фамилии так, что ее пришлось бы переделывать несколько раз в год применительно к реальным обстоятельствам¹¹².

Оренбургское магометанское духовное собрание предписывало приходским имамам совершать молебствия о здравии и благоденствии православного монарха и всего Августейшего Дома в два годовых праздника и другие «высокоторжественные дни»: рождений и тезоименитств членов императорской семьи, восшествия на престол и коронации, на Новый год. Всего в конце XIX в. было определено 14 таких дней¹¹³. Согласно разъяснениям Духовного собрания во время пятничных проповедей подобные здравицы были необязательны¹¹⁴. Упущение имен монарших особ или произнесение молитвы за турецкого султана, который в качестве хранителя двух святынь, Мекки и Медины, претендовал на роль духовного главы всех мусульман, строго запрещались и служили достаточным основанием для увольнения священнослужителя.

Другой важнейшей обязанностью имама было совершение духовных треб – религиозных обрядов, связанных с жизненным циклом: рождением, браком и смертью. В начале XX в. православный миссионер и учитель Я. Д. Коблов отмечал, что «во всех важных моментах человеческой жизни мусульманин обращается к духовному лицу – к мулле. Родится у мусульманина ребенок, он приглашает муллу, который читает при этом слуха азан, дает новорожденному имя и таким образом вводит его в мусульманскую общину. В некоторых местностях муллы совершают и обрезание. Случится свадьба, мулла опять необходимый человек; он освящает брак чтением специально предназначенных для этого случая молитв (никах-хутба). Мулла же напутствует умирающего, читая «Ясин» (36 гл. Корана) и сопровождает умершего на могилу. Одним словом, нет ни одного серьезного момента в человеческой жизни, когда бы благочестивый мусульманин не обращался к мулле за удовлетворением религиозных нужд»¹¹⁵.

¹¹² ГАОО. Ф. 6. Оп. 12. Д. 1187. Л. 9–9 об., 17–17 об.

¹¹³ Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений по округу ОмДС. 1841–1901 гг. – Уфа: Электрическая типо-литография В. П. Колпацкого и Ко, 1902. – С. 224–225.

¹¹⁴ Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений по округу ОмДС. 1836–1903 гг. – Уфа, 1905. – С. 149, 199–200.

¹¹⁵ Коблов Я. Д. О магометанских муллах. Религиозно-бытовой очерк. – Казань: Иман, 1998. – С. 16.

Обряд наречения имени (исем кушу) проводится в первые дни после рождения ребенка, обычно на седьмые сутки. На праздник в домашней обстановке приглашались только мужчины – родственники, почтенные старики, соседи. Младенца на подушке подносят мулле, который располагает его ногами в сторону киблы – в направлении Каабы и Мекки. Стоя у изголовья, он читает справа слова азана, а затем трижды говорит в правое ухо новорожденному «Твое имя будет таким-то». Слева читается икамат и на левое ухо снова трижды произносится имя младенца. После этого мulla обращается к Аллаху с молитвой, чтобы ребенок был счастливым, здоровым и праведным¹¹⁶.

Согласно шариату мусульманский брак (завадж) включает в себя несколько этапов. Первым этапом является сговор, сватовство (хитба), когда жених сам или через доверенного делает предложение отцу, опекуну или доверенному невесты. В случае согласия составляется брачный договор (сига), где определяются состав имущества, выделяемого мужем жене (махр), и другие существенные условия. Второй и третий этапы – передача невесты в дом жениха (зифаф) и свадебное торжество (урс, валима). Во время него оглашается сига и выплачивается махр или его часть (садака)¹¹⁷. Последним этапом является фактическое вступление в брачные отношения (никах), после которого брак считается свершившимся. Во время проведения никаха мulla в присутствии не менее двух свидетелей спрашивает у жениха и невесты либо их доверенных лиц (валиев) согласие на заключение брака между ними. После этого он удостоверяется у невесты о наличии махра и при выполнении всех предварительных условий читает выдержки из Корана (обычно первые четыре аята из четвертой суры «Ан-Ниса» – «Женщины»), а также особую дуа (молитву), в которой у Всевышнего испрашивается милость и благословение (баракят) на вновь создавшуюся семью¹¹⁸.

Согласно шариату юноши могут вступать в брак с 15 лет, а девушки – даже с 9. Однако по указу императора Николая I от 1 марта 1835 г. на мусульман был распространен единый брачный возраст, действующий для представителей всех конфессий: 18 лет – для мужчин и 16 лет – для женщин¹¹⁹. Противоречие между религиозно-правовыми

¹¹⁶ Галяутдин И. Исламские обряды, связанные с рождением ребенка. – Казань, Академия познания, 2006. – С. 22–26.

¹¹⁷ Ислам: Энциклопедический словарь. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. – С. 71–72.

¹¹⁸ Семейно-брачные отношения в исламе (никах). – Нижний Новгород: ИД «Медина», 2007. – 170 с.

¹¹⁹ ПСЗ. – Собр. 2-е. – Т. X. – Отд. 1-е. – № 7990.

нормами, глубоко укоренившимися в сознании и традициях мусульманских народов, и действующим законодательством приводило к тому, что муллы по незнанию или за денежную мзду нередко обвенчивали несовершеннолетних¹²⁰. Согласно статье 1579 Уложения о наказаниях Российской империи заведомое совершение мусульманского брака между лицами, не достигшими установленного законом возраста, из корыстной или иной личной заинтересованности каралось удалением от должности или тюремным заключением на срок от 2 до 4 месяцев.

По высочайше утвержденному 21 августа 1834 г. положению Комитета министров при проведении бракосочетания муллы стали взимать целевой сбор с молодоженов в размере 30 коп. ассигнациями, предназначенный для строительства резиденции ОмДС в Уфе¹²¹. Он продолжал взыскиваться и после возведения в 1860–1865 гг. этого административного комплекса, став важным источником финансирования хозяйственных расходов Духовного собрания. Согласно решению Комитета министров от 28 ноября 1880 г. его сумма была увеличена до 15 коп. серебром, а в 1889 г. – до 25 коп. серебром¹²². По окончании года сборы, взысканные муллами за совершение браков, отсылались через уездные полицейские управления в ОмДС.

Наконец, после смерти мусульманина его тело обмывается особым ритуальным способом (гусль) человеком одного с ним пола и оборачивается в саван (кафан), который состоит из 3 предметов у мужчин и 5 у женщин. Затем покойного на особых носилках относят к месту погребения и кладут лицом в сторону Каабы. Имам становится напротив середины тела мужчины или груди женщины и читает похоронную молитву (джаназа-намаз). После этого умершего хоронят в могиле, в особой нише, сделанной со стороны киблы, на боку в сторону Каабы¹²³.

Проведение муллами на профессиональной основе религиозных обрядов, связанных с рождением, браком и смертью, обусловило привлечение их в Российской империи к выполнению государственной

¹²⁰ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4206. Л. 177–182; Д. 4228. Л. 238–240; Д. 4231. Л. 224–228; Д. 4239. Л. 684–687 об. и др.

¹²¹ ПСЗ. – Собр. 2-е. – Т. IX. – № 7351.

¹²² Азаматов Д. Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII–XIX вв. – Уфа: Гилем, 1999. – С. 87.

¹²³ Китаб аль-джаназа ва-ль-истифада мин хаза (Книга о джаназа) / Сост. и пер. с араб. А. Муслимов; Под общ. ред. Д. В. Мухетдинова. – Нижний Новгород: ИД «Медина», 2007. – 208 с.

функции по регистрации актов гражданского состояния. В текущей работе исполнительных и судебных органов часто возникала необходимость установления точного возраста, сословной принадлежности, родства или семейного положения граждан: при решении вопросов о наследовании, привлечении к ответственности, определении подсудности дела, меры наказания, при оценке свидетельских показаний, рекрутских наборах и т. д. Применительно к лицам православного вероисповедания эта проблема была урегулирована еще в 1722 г., когда на приходских священнослужителей была возложена обязанность ведения метрических книг о рождениях, браках и смерти¹²⁴ по установленной законом форме. Поэтому в необходимых случаях граждане обращались за метрическими выписками, а присутственные места – с запросами в духовные консистории, уездные духовные правления, к благочинным или самим иереям. С 1826 г. ведение метрических книг стало обязательным и в приходах Римско-католической церкви на территории Российской империи. В 1827 г. власти Таврической губернии предложили распространить подобную практику и на мусульманское духовенство. Независимо от них по инициативе вице-губернатора Н. Хирьякова с таким же представлением к министру народного просвещения обратилось и Оренбургское губернское правление¹²⁵. В результате 21 сентября 1828 г. было высочайше утверждено положение Комитета министров «О введении в употребление метрических книг по округу Оренбургского магометанского духовного собрания», которое возложило на приходских мулл государственную функцию регистрации актов гражданского состояния.

Согласно этим правилам перед началом каждого года Духовное собрание стало направлять губернским и областным правлениям для рассылки указным имамам через уездные полицейские управления или уездные суды на каждый приход по два экземпляра шнуровых метрических книг, удостоверенных подписью и печатью, по форме, утвержденной Министерством внутренних дел. Для обеспечения метриками башкирских приходов оно обращалось напрямую к волостным старшинам, которые спускали их сельским старостам. Метрические книги изготовлялись на средства самих мусульманских общин, а уездные полицейские управления и волостные старшины при раздаче с 1829 г. взыскивали с имамов по 50 коп. ассигнациями за каждую пару, а с 1873 г. – по 25 коп. серебром. К началу XX в. Духовное собра-

¹²⁴ ПСЗ. – Собр. 1-е. – Т. VI. – № 4022.

¹²⁵ ГАОО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 9184. Л. 1–6 об.

ние самовольно увеличило сумму сбора до 35 коп. серебром¹²⁶. По истечении года указные муллы оставляли один экземпляр метрической книги в самом приходе, а второй – не позднее февраля следующего года представляли в уездное полицейское управление или волостному старшине для отсылки в ОМДС. Экземпляр, хранившийся у имама, использовался для текущих дел и выдачи метрических справок, а экземпляр Духовного собрания служил для контроля против возможных фальсификаций и последующих приписок.

В действительности установленный порядок рассылки и сбора метрических книг, денег за их изготовление и брачных сумм строго соблюдался только Астраханским и Вятским губернскими правлениями. В других регионах они высылались в Духовное собрание не только уездными полицейскими управлениями, но становыми приставами и даже самими муллами, причем нередко без сопроводительных бумаг, что порождало неразбериху в делопроизводстве и учете финансовых средств. Поэтому 4 октября 1887 г. за № 3774 ОМДС вошло в Оренбургское губернское правление с представлением о том, чтобы уездные полицейские управления раздавали метрические книги по мусульманским приходам не позднее 20 декабря, одновременно взыскивали за них деньги и отсылали при особых реестрах. По окончании года уездной полиции предлагалось немедленно взять у мулл метрические книги и сборы за совершенные ими браки, составить подробные реестры с обозначением приходов, имен священнослужителей и полученных с каждого сумм. Их следовало представить не позднее февраля не напрямую в Духовное собрание, а через Губернское правление, на которое возлагалась предварительная проверка всех документов. Однако региональные власти подошли к этому вопросу формалистски, настаивая на точном соблюдении буквы закона. Оренбургское губернское правление согласилось продолжить централизованную рассылку метрических книг только по тем мусульманским приходам, где проживали крестьяне, казаки и мещане. Для обеспечения башкирских общин Духовному собранию посоветовали по-прежнему списываться с каждым волостным старшиной, хотя к этому времени башкиры были обращены из военно-служилого сословия в сельских обывателей, а подобное разделение утратило свой смысл. В журнальном постановлении от 31 октября 1887 г. № 856 ОГП также отметило, что за отсутствием в нормативных актах точных указаний не может обязывать полицейские управле-

¹²⁶ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 625. Л. 10–10 об.

ния собирать с мулл брачные деньги, которые каждый из них должен сам отсылать в Духовное собрание¹²⁷.

Положение от 21 сентября 1828 г. подробно не регламентировало порядок ведения метрических книг в мусульманских приходах, что вызывало на практике большие сложности. Муллы допускали ошибки в правописании, фактические неточности, не указывали существенные условия брака или развода, не всегда требовали подписей свидетелей. В некоторых случаях имамы пропускали записи о совершенных ими обрядах, вносили их несвоевременно, спустя долгое время по памяти или, наоборот, указывали дважды за разные годы. Затруднения порождало и различное написание имени одного и того же человека, например, «Хабибулла», «Хайбулла» и «Хайбуш» или «Махбубкамал», «Махубкамал» и «Махуба». В результате дети одних и тех же людей по документам, юридически не состояли между собой в родстве. Выработка единых стандартов и упорядочение делопроизводства были связаны с деятельностью на посту кади (заседателя) Оренбургского магометанского духовного собрания Ризаэтдина Фахретдина. Обобщив наиболее распространенные нарушения, для методического руководства муллами он разработал специальные Правила о ведении метрических книг, изданные Духовным собранием 15 октября 1893 г. за № 3999 с изменениями и дополнениями от 31 марта 1894 г. № 1556. Отдельные аспекты регистрации актов гражданского состояния были дополнительно разъяснены в циркулярах ОМДС от 28 мая 1892 г. № 2460, 28 апреля 1900 г. № 2471, 11 июня 1901 г. № 3457¹²⁸ и др.

Метрические книги велись муллами на тюрки. Все духовные требы записывались в них с обозначением порядкового номера, числа и месяца совершения, а также удостоверялись подписью духовного лица, проводившего обряд, с указанием его полного имени, отчества и фамилии. Метрики состояли из трех отделов: рождений, заключения и расторжения браков, смерти. В первый отдел вносились имена младенца, его родителей и дедов, сословная принадлежность, подписи отца и матери. Сведения о близнецах приводились отдельно. При записи детей, рожденных вне браков, указывалось отсутствие законного отца и не доказанность происхождения, имя, отчество и фамилия матери, а при неизвестной отлучке законного мужа – ребенок записывался на

¹²⁷ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4184. Л. 17–18 об.

¹²⁸ Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений по округу ОМДС. 1841–1901 гг. – Уфа: Электрическая типо-литография В. П. Колмацкого и Ко, 1902. – С. 37–42, 64–67, 69–71, 105–109, 185–186.

обоих супругов. Мертворожденные дети не включались в метрику, даже если над ними был проведен обряд наречения имени. Во втором отделе указывались имена жениха и невесты, их родителей и дедов, сословная принадлежность и возраст вступающих в брак, имена свидетелей и их родителей, официальное место жительства участников, основные условия брачного договора. Стороны и свидетели расписывались в метрике. Если жених или невеста не присутствовали на брачном акте, приводились письменные показания свидетелей, которые лично слышали об их согласии пожениться, а также их полномочия выступать от имени брачующихся. При повторном вступлении в брак неженатого мужчины или незамужней женщины обязательно отмечали, прекратился он смертью супруга (супруги) или разводом, а в случае брака женатого мужчины – какой по счету является новая жена. При разводе указывались его форма и соблюдение условий брачного договора о передаче разведенной женщине оговоренного имущества и выплате содержания. Наконец, в третий отдел вносились имена умершего, его отца и деда, сословная принадлежность и место погребения.

Духовное собрание требовало от указных мулл своевременно вносить записи о рождениях, браках и смерти непосредственно при совершении обрядов. Своим прихожанам они должны были напоминать, что обо всех событиях, подлежащих регистрации, следует немедленно сообщать своему приходскому имаму, а в его отсутствие – мулле ближайшего прихода. В мусульманских приходах, которые состояли из нескольких населенных пунктов, духовные лица должны были регулярно объезжать все деревни, «справляясь о том: нет ли случаев..., подлежащих внесению в метрические книги», а при обнаружении «таковых, немедленно совершать надлежащие требы и заносить неупустительно в метрики»¹²⁹. Муллам строжайше предписывалось регистрировать только те духовные требы, которые они совершали лично. При этом метрические записи оглашались вслух под роспись присутствующих об их верности. Их тексты в обоих экземплярах метрических книгах сличались между собой и при идентичности скреплялись подписью имама. В конце года перед отправкой одного экземпляра в Духовное собрание мусульманские священнослужители были обязаны еще раз сравнить его с остающимся у них на руках, а в случае обнаружения ошибок и несоответствий исправить их с примечаниями и подписью в конце книги по каждому конкретному факту. Получив

¹²⁹ Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений по округу ОмДС. 1841–1901 гг. – Уфа: Электрическая типо-литография В. П. Колмацкого и Ко, 1902. – С. 71.

свой экземпляр метрической книги, ОМДС также проверяло соблюдение установленных правил.

При поездках в командировки и отпуска, в случаях отстранения или увольнения от должности, смерти метрические книги немедленно передавались второму мулле того же прихода, а при отсутствии – муэдзину, имеющему право исполнять обязанности имама. Если в приходе вообще не было других правомочных лиц, ведение всей документации должен был принять на себя имам ближайшего прихода.

В качестве должностных лиц, уполномоченных на регистрацию актов гражданского состояния, мุลлы были обязаны выдавать метрические справки по обращениям частных лиц с взысканием гербового сбора, а также бесплатно предоставлять информацию по запросам органов воинского призыва, полиции, суда, статистики и др. Пункт 5 Правил о магометанских метрических книгах от 21 сентября 1828 г. прямо устанавливал, что «присутственные места в рассматриваемых ими делах требуют нужных сведений о вышеупомянутых случаях от приходских имамов, в засвидетельствованной ими выписке из тех книг; а если будет нужно более удостовериться в оных, то обращаются с подобным требованием чрез Губернское Правление к Оренбургскому магометанскому духовному собранию»¹³⁰.

Высочайше утвержденным 14 мая 1874 г. мнением Государственного Совета на приходских имамов округа ОМДС было возложено регулярное предоставление метрических выписок обо всех лицах мусульманского вероисповедания, подлежащих воинскому призыву. Не позднее 15 января они были обязаны посылать уполномоченным органам в двух экземплярах с переводом на русский язык заверенные их подписями списки мужчин, которым в текущем году должен был исполниться 21 год. В каждой выписке указывалось имя призывника, день, месяц и год рождения, имя и фамилия его отца или для незаконнорожденных – матери, а в случае смерти – точная дата кончины¹³¹. По высочайше утвержденному 19 января 1893 г. мнению Государственного Совета подобные сведения стали подаваться до 15 января на всех родившихся в отчетный период с 1 октября истекшего года

¹³⁰ Новиков Л. П. Метрики (общие акты состояний) у православных (по ведомствах епархиальному и военно-духовному), инославных, старообрядцев, сектантов, евреев, караимов и магометан. – СПб.: Типография А. С. Суворина, 1907. – С. 146.

¹³¹ Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений по округу ОМДС. 1841–1901 гг. – Уфа: Электрическая типо-литография В. П. Колмацкого и Ко, 1902. – С. 14–15.

по 1 октября текущего года¹³². Циркуляром ОМДС от 9 августа 1895 г. № 3992 муллам было предписано автоматически доставлять в волостные правления сведения о смерти всех запасных нижних чинов в их приходах немедленно после погребения, хотя прежде это делалось только по запросам местных органов¹³³.

В шариате обрядовая сторона религии неотделима от этико-правовых норм, регулирующих все стороны частной и общественной жизни. Поэтому муллы как профессиональные служители культа и знатоки мусульманского права традиционно регулировали весь комплекс брачно-семейных и связанных с ними имущественных отношений, включая разбирательство спорных дел по существу. Автономия мусульманского духовенства в решении гражданско-правовых вопросов отчасти была сохранена и в Российской империи. Вскоре после своего создания уже 21 октября 1791 г. Духовное собрание уведомило все наместнические правления о том, что берет под свой надзор рассмотрение всех брачных и имущественных споров мусульман¹³⁴. Пунктом 6 высочайшего указа от 17 сентября 1796 г. мусульманам было предоставлено право «в разделе наследств поступать по их закону и обыновению»¹³⁵. 5 мая 1811 г. официально подтверждено, «что брачные дела магометан подлежат разбору их духовенства, и что жалобы на действия приходского духовенства по этим делам должны быть подаваемы в Оренбургское магометанское духовное собрание»¹³⁶. Однако политика государства в этом вопросе не была четкой и последовательной. Общегражданские органы стремились распространить свою юрисдикцию на все виды правоотношений, унифицировать судопроизводство и устранить дублирование функций. Поэтому развитие законодательства шло в противоборстве двух подходов: жесткой централизации и постепенной, мягкой интеграции исламского духовенства в административную, а норм шариата – в правовую систему Российской империи.

¹³² Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений по округу ОМДС. 1841–1901 гг. – Уфа: Электрическая типо-литография В. П. Колмацкого и Ко, 1902. – С. 106.

¹³³ Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений по округу ОМДС. 1841–1901 гг. – Уфа: Электрическая типо-литография В. П. Колмацкого и Ко, 1902. – С. 114.

¹³⁴ Азаматов Д. Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII – XIX вв. – Уфа: Гилем, 1999. – С. 123.

¹³⁵ ГАОО. Ф. 6. Оп. 5. Д. 11086. Л. 1–4.

¹³⁶ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 625. Л. 9.

В 1822 г. Министерство духовных дел и народного просвещения разработало проект о пределах власти мусульманского духовенства в области гражданского права. Оно предлагало ввести иерархический принцип в разбирательстве спорных дел. Приходские имамы должны были выступать лишь в качестве примирителей тяжущихся сторон. Решение вышестоящего ахуна считалось обязательным к исполнению и могло быть отменено только самим Духовным собранием в случае нарушения норм шариата. Его заключение было окончательным и не подлежало дальнейшему обжалованию¹³⁷. Министр А. И. Голицын вынес проект нового закона на широкое обсуждение губернаторов, Оренбургского магометанского духовного собрания, Таврического магометанского духовного правления и известных религиозных деятелей. Решающее значение для его судьбы имело заключение оренбургского гражданского губернатора Р. В. Нелидова, составленное на основе отзывов местных органов власти. В письме от 15 мая 1825 г. он указал, что «магометанские чиновники, получив новую степень власти, обратятся не на пользу, а ко всяческому угнетению своей паствы». Губернатор выступил против усиления административной власти мусульманского духовенства и предложил, чтобы все брачные и имущественные споры рассматривались только в гражданских судах¹³⁸. В результате «Правила о магометанских супружеских делах» были отклонены, что фактически подтвердило приоритет гражданских судов над религиозными органами в разбирательстве брачно-семейных дел.

Однако возложение на приходских мулл по закону от 21 сентября 1828 г. обязанности ведения метрических книг вернуло религиозным служителям и Духовному собранию главную роль в регулировании вопросов брака и семьи¹³⁹. Совершаемые мусульманским духовенством обряды, получившие письменное закрепление по установленному государством образцу, окончательно приобрели значение юридических актов, которые порождали определенные права и обязанности по российскому законодательству. Утверждая, скрепляя своей подписью основные условия брачного договора, форму и основания развода, муллы контролировали соблюдение норм мусульманского права и самостоятельно решали спорные дела без участия общегражданских органов. На основе обобщения шариатских норм 29 января

¹³⁷ ГАОО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 240. Л. 81–82.

¹³⁸ ГАОО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 8085. Л. 196, 201.

¹³⁹ Азаматов Д. Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII – XIX вв. – Уфа: Гилем, 1999. – С. 125.

1841 г. оренбургский муфтий Габдулвахид Сулейманов издал «Правила для руководства приходским имамам при совершении браков и бракоразводов»¹⁴⁰, которые в Российской империи сохраняли силу закона до 1917 г.

Иначе решался вопрос о юрисдикции мусульманского духовенства в отношении наследственных и имущественных дел. 2 июня 1826 г. император одобрил предложение Государственного Совета о возможности раздела наследственного имущества между мусульманами по шариату¹⁴¹. Однако высочайше утвержденным 11 мая 1836 г. мнением Государственного Совета было внесено уточнение о том, что дела о частной собственности, возникающие по завещаниям или при разделах имений между наследниками, могут рассматриваться мусульманским духовенством только в том случае, если стороны сами будут просить об этом и «примут беспрекословно объявленные им решения». При этом сами завещания или отдельные акты подлежали окончательному утверждению в присутственных местах. Если хотя бы одна из сторон была не согласна с решением спора по шариату, его рассмотрение переносилось в гражданский суд и осуществлялось по общим нормам российского законодательства¹⁴². С разрешения министра внутренних дел Оренбургское магометанское духовное собрание выпустило специальные «Правила для руководства приходскими муллами при разделах наследственных имуществ умерших магометан» от 21 июля 1893 г. № 2361¹⁴³. Но по мере роста юридической грамотности заинтересованные лица все чаще стали обращаться к общегражданскому судопроизводству, поскольку российское законодательство гарантировало некоторым членам семьи более высокие наследственные доли, чем это было предусмотрено нормами шариата¹⁴⁴.

Аналогичный подход применялся и к иным категориям гражданских дел. Высочайше утвержденным 27 марта 1830 г. мнением Государственного Совета было закреплено право мусульманского духовенства разрешать по шариату в примирительном порядке дела, под-

¹⁴⁰ Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений по округу ОмДС. 1836–1903 гг. – Уфа, 1905. – С. 5–8.

¹⁴¹ ПСЗ. – Собр. 2-е. – Т. I. – № 386.

¹⁴² ПСЗ. – Собр. 2-е. – Т. XI. – Отд. 1-е. – № 9158; ГАОО. Ф. 6. Оп. 5. Д. 11086. Л. 1–4.

¹⁴³ Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений по округу ОмДС. 1836–1903 гг. – Уфа, 1905. – С. 106.

¹⁴⁴ ЦИА РБ. Ф. И-295. Оп. 5. Д. 2074; ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4185. Л. 279–279 об. и др.

ведомственные совестным судам, в том числе имущественные споры, дела о неповиновении детей родителям и др.¹⁴⁵.

Таким образом, приходские муллы в Российской империи обладали исключительной компетенцией по рассмотрению и разрешению брачно-семейных дел мусульман на основе норм шариата, а по наследственным и имущественным спорам выступали в качестве третейских судей, примирителей, посредников, решения которых не были обязательными для исполнения и не подкреплялись принудительной силой государства.

Мусульманские священнослужители обеспечивали не только сохранение, воспроизводство обрядовой и правовой стороны религии, но и передачу духовной традиции через обучение в конфессиональных школах нового поколения верующих основным догматам, культовой практике, морально-этическим предписаниям ислама, языкам священных текстов и национальной культуры. По результатам сдачи экзамена в ОМДС им присваивались не только духовные звания имама и муэдзина, но и учебные: мугаллима-сабиана (учителя начальной школы – мектебе), мугаллима (педагога начального или среднего училища), мударриса (директора среднего учебного заведения – медресе). Оренбургский муфтий Мухаммедьяр Султанов в духовном наставлении от 6 сентября 1897 г. № 169 особо отмечал, что «приходские имамы обязаны внушать родителям и опекунам о насущной необходимости знакомить опекаемых ими детей обоего пола с догматами, правилами и обрядами веры, с ее исповеданием, вселяя в них доверие и любовь к ней, знакомить с заповедями Божьими, как абсолютными, так и неабсолютными преданиями о деяниях и изречениях Пророка, с запрещенными предметами и действиями, правилами благопристойности и хорошими привычками, ставя им в пример достойные подражания обстоятельства разных случаев в жизни Пророка и первых его учеников. При чем приходские имамы обязаны не только внушать прихожанам о необходимости всего сказанного, но и настаивать на действительности ознакомления, рекомендуя и требуя, чтобы они детей своих отдавали в обучение в низшие и высшие мусульманские училища (мектебе и медресе), которые содержались бы обществами в чистоте и исправности, чтобы в них было всегда сухо, не угарно и устранилось бы все то, что вредно для здоровья. Кроме того, имамы обязаны лично следить, чтобы ученики в мектебах и медресах занимались и усваивали только то, что действительно необходимо и что мо-

¹⁴⁵ ПСЗ. – Собр. 2-е. – Т. V. – Отд. 1-е. – № 3559.

жет принести действительную пользу, не тратя производительно времени. Причем наибольшее внимание следует обращать на правописание и чистописание»¹⁴⁶.

Уникальной особенностью именно мусульманского населения Российской империи было повсеместное создание общественной системы конфессионального образования, которая действовала практически независимо от государства и финансировалась за счет добровольных пожертвований прихожан. Еще во второй половине XVIII в. И. Г. Георги писал, что «Татара магометанского закона великое и похвальное о порядочном воспитании детей имеют попечение. Они не только приучают детей к прилежанию, бережливости и к другим прародительским обыкновениям, но и пекутся еще о научении их чтению, письму, арабскому языку и вере. Небрежение же о таком наставлении поставляется родителям в великий грех; а потому и во всякой их деревушке есть особливая молебная хранина и школа»¹⁴⁷. В середине XIX столетия К. Фукс подтверждал, что «Татарин, не умеющий читать и писать, презирается своими земляками и как гражданин не пользуется уважением других. По сему-то всякий отец старается как можно ранее записать детей своих в училище, где они бы выучились по крайней мере, читать, писать и узнали бы начала своей религии»¹⁴⁸.

При каждой мечети духовные лица организовывали мусульманские начальные школы – мектебе, где под их руководством мальчишки изучали основы ислама (гыйльмихал), религиозную этику (ахляк), чтение и письмо на арабском языке и тюрки, а также 4 действия арифметики. Подготовку самих священнослужителей и педагогов обеспечивали средние учебные заведения – медресе, которые открывались только там, где имелись квалифицированные преподаватели (мударрисы). В зависимости от уровня их знаний программа медресе могла включать в себя: религиозную догматику (гакаид), правила орфоэпического чтения (таджвид) и толкования (тафсир) Корана, жизнеописание Пророка (сира), его изречения (хадисы) и методику их изучения (усул хадис), мусульманское право (фикх) и его методику (усул фикх), правила распределения наследственных долей (фараиз), ло-

¹⁴⁶ Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений по округу ОмДС. 1836–1903 гг. – Уфа, 1905. – С. 128–133.

¹⁴⁷ Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Ч. 2. – СПб., 1799. – С. 9.

¹⁴⁸ Фукс К. Казанские татары в статистическом и этнографическом отношении. – Казань, 1844. – С. 126–127.

гику (мантыйк) и философию (хикмет), этимологию (сарф) и синтаксис (наху) арабского и персидского языков, алгебру и геометрию.

От религиозного обучения было неотделимо и нравственное воспитание прихожан. Муллы выступали духовными наставниками, утверждая своим словом и примером среди членов местной общины модель поведения, соответствующую моральным предписаниям ислама. Основы нравственного воспитания, заложенные в детстве на уроках религиозной этики, закреплялись в текущей работе духовенства с членами мусульманской общины путем проповедей и бесед. В своем письме от 6 сентября 1897 г. № 169 оренбургский муфтий Мухаммедьяр Султанов указывал, что «приходские имамы обязаны наставлять прихожан на указанные Богом и Пророком правые пути. Для чего они должны делать прихожанам увещевания и говорить проповеди, внушая и убеждая их в том, что они обязаны исполнять, в числе многих других обязанностей чисто духовного свойства, следующие не менее маловажные постановления шариата, так сказать общегражданские, а именно: творить добрые дела, избегать зла, почитать родителей и старших вообще, оказывая им повиновение и послушание, заботиться о детях, давая им надлежащее образование и развивая в них нравственность, вести мирную семейную жизнь, взаимно уважая друг друга и тем подавая хороший пример своим детям, признавать в каждом мусульманине родного брата, уживаться с людьми других народностей и вероисповеданий, признавая в каждом из них близкого человека – друга, стремиться к приобретению благосостояния и подъему нравственности путем неустанного труда, изучением ремесел и искусств, отречьшись от лени и беспечности. Обо всем этом приходские имамы должны делать внушения прихожанам при каждом удобном случае, но умея выбирать время и место и отнюдь не допуская в проповедях своих укоризненных выражений по адресу кого бы то ни было из слушателей, а, напротив, строго уважая их чувства соблюдением вежливости, учтивости, хорошего мягкого нрава, причем избегать в возможных случаях употребления арабских и персидских слов, непонятных большинству слушателей, а говорить проповеди на родном, ясном для слушателей языке или наречии»¹⁴⁹.

Имам, пользующийся уважением и почетом верующих, традиционно являлся в общине главным «блюстителем нравственности», осуществлял контроль за поведением и моральным обликом прихожан,

¹⁴⁹ Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений по округу ОМДС. 1836–1903 гг. – Уфа, 1905. – С. 128–133.

исполнением религиозных запретов и предписаний: посещением мечети, соблюдением поста и др. Он мог добиться закрытия в деревне питейного заведения, прекращения народных праздников и увеселений, наказать лично или при помощи прихожан пьяницу, вора или прелюбодеев.

Например, в 1883 г. муллы деревень Балбуковой и Тунгатаровой обратились к приставу 2-го стана Челябинского уезда с просьбой запретить продажу алкогольных напитков в этих селениях по пятницам, во время общей мусульманской молитвы. Согласно статье 354 Устава о питейном сборе такой запрет действовал только в воскресные и табельные дни, до окончания божественной литургии в православных церквях, а также во время крестных ходов. Кроме того, сельские общины могли принимать мирские приговоры об ограничении питейной торговли и в другие чтимые церковные праздники. Оренбургское губернское правление, куда ходатайство было передано по инстанции, отметило, что закон прямо не распространяет такой запрет на время исламского богослужения. Однако, по мнению администрации, «было бы несправедливым не предоставить эти права» и мусульманским общинам. На основе расширительного толкования правовой нормы Губернское правление постановило журналом на 29 июля 1883 г. № 617, что жители указанных деревень с общего согласия могут принять мирской приговор, запрещающий торговлю «вином» из питейных заведений во время пятничной молитвы (указ от 8 августа 1883 г. № 2217)¹⁵⁰. Нередко по инициативе духовенства, строго следившего за соблюдением религиозных предписаний, мусульманские общины утверждали приговоры о полном запрете питейной торговли в их деревнях.

Члены махалли прибегали к совету и помощи духовного лица во всех сложных житейских ситуациях, конфликтах в семье и с соседями. Мулла не стеснялся и сам вмешиваться в частную жизнь своих прихожан, заметив что-нибудь предосудительное и противное шариату. При этом его решение обладало практически непререкаемым авторитетом¹⁵¹.

Так, в 1904 г. башкир деревни Кадыровой Бушман-Суун-Каракипчакской волости Оренбургского уезда Шагиахмет Абсалямов обратился к своему мулле Гирею Юсупову с просьбой посодействовать в

¹⁵⁰ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4168. Л. 71–72 об.

¹⁵¹ Коблов Я. Д. О магометанских муллах. Религиозно-бытовой очерк. – Казань: Иман, 1998. – С. 16–20.

возвращении жены Рабиги, которая ушла к другому и сожительствовала с ним 1,5 года. Мулла собрал сельского старосту Исламгула Байгускарова, азанчея Фахретдина Зайнетдинова и еще четырех крепких мужчин. 23 ноября 1904 г. на трех санях они подъехали к дому обидчика Харриса Махмутова в соседней деревне Черемышевой. Здесь к ним присоединились до 200 местных жителей, которые давно недолюбливали своего односельчанина за беспутную жизнь. Толпа под предводительством имама выломала дверь в дом и два окна, избива Махмутова, безуспешно размахивавшего топором, и двух его законных жен, а любовницу на веревке дважды провела по деревне и привязала к позорному столбу, где каждый желающий мог ударить ее кулаком или палкой. По жалобе потерпевшего Оренбургское губернское правление журналом на 23 октября 1907 г. № 506 возбудило против имама деревни Кадыровой Гирея Юсупова дознание по ст. 338 Уложения о наказаниях (указы от 23 октября 1907 г. №№ 4340–4342)¹⁵².

Иногда в процессе контроля за исполнением шариата муллы доходили до откровенного самодурства и злоупотреблений. Например, 16 марта 1871 г. за № 70 мировой посредник 3-го участка Орского уезда подал в Духовное собрание протест на действия имама деревни Семеновой Бискунова. В качестве мухтасиба (надзирателя за общественным поведением и нравственностью) он объезжал окрестные села «для испытания башкир в твердом знании своей религии». Чиновник жаловался, что «не знающих некоторых молитв» он «как бы в наказание сажает ... на заборы и держит страдальцев до тех пор, пока они не откупятся деньгами, баранами или другим видом приношений»¹⁵³.

Вместе с тем, в Российской империи возможности мусульманского духовенства в осуществлении надзора за нравственностью прихожан были существенно ограничены. Сохранив его частичную автономию в гражданско-правовой сфере, государство полностью подчинило себе вопросы уголовного судопроизводства. Кораном и Сунной предусмотрены конкретные меры ответственности только за наиболее тяжкие преступления: за убийство и телесные повреждения – соразмерное наказание или выкуп, за разбой, вероотступничество и бунт – смертная казнь, за кражу – отсечение руки, за внебрачные половые сношения – 100 ударов палками, за ложное обвинение в прелюбодеянии – 80 ударов, за употребление алкоголя – от 40 до 80 ударов. В

¹⁵² ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4236. Л. 931–933.

¹⁵³ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4113. Л. 373.

остальных случаях (отказа от совершения молитвы, неуплаты закята, несоблюдения поста, аморального поведения и др.) определение вида и меры наказания (тазир) во многом зависело от усмотрения самого судьи (кади)¹⁵⁴. Но в отличие от мусульманских стран российское законодательство не предоставляло духовенству права самостоятельно налагать наказания по шариату.

Так, в 1835 г. Комиссия Военного суда, учрежденная при 16-м Оренбургском линейном батальоне, на основе собственных показаний избличила рядовых Бикмухамета Бугаева, Исхака Ибрагимова и Ахтяма Искандерова в сожительство с некоей Заман Ногаевой, родившей от них детей. На запрос о мере наказания ОМДС рапортом от 12 февраля 1836 г. № 256 просило оренбургского военного губернатора дать каждому по 100 ударов плетью. Однако губернатор отклонил это представление, указав, что по российским законам данные лица освобождены от телесных наказаний¹⁵⁵.

Тогда же Духовное собрание обращалось напрямую к министру внутренних дел. Оно отметило, что поскольку Россия является «территорией войны» (дар аль-харб), где ислам не стал основной государственной религией, «мусульманское духовенство по собственным своим догматам не имеет права назначать смертную казнь». В то же время присутственные места часто выносят на заключение Духовного собрания «поступки магометан, мужчин и женщин, избличенных в невольительных любовных связях». По шариату за это полагается 100 ударов плетью, что равнозначно смертной казни. Поэтому ОМДС просило предоставить ему право налагать подобные наказания с приведением в исполнение через местное начальство. В отношении от 23 января 1836 г. № 205 министр внутренних дел ответил, что «хотя подобные дела решаются у магометан судом духовным», в Российской империи телесные наказания назначаются «по государственным законам только за проступки и преступления, подлежащие гражданскому суду». Он считал, что в подобных случаях мусульманское духовенство должно ограничиваться наложением духовного покаяния и исправления. Его мнение полностью поддержал и оренбургский губернатор (рапортом от 18 февраля 1836 г. № 732). Сам муфтий ОМДС Габдессалам Габдрахимов, который в своей лояльности государственной власти иногда шел на отступления от шариата, тем не менее, воз-

¹⁵⁴ Сюкияйнен Л. Р. Мусульманское право. Вопросы теории и практики. – М., 1986. – С. 182–214.

¹⁵⁵ ГАОО. Ф. 6. Оп. 5. Д. 11115. Л. 4–5 об., 8–8 об.

разил, что за столь серьезное преступление против исламской морали мало одного покаяния. Согласно мнению некоторых улемов, он предложил подвергать виновных в прелюбодеянии публичному унижению: мазать лицо сажей, смешанной с маслом или салом, обривать мужчинам половину бороды и водить по улицам, обернув шею чалмой (отношение от 4 июня 1836 г. № 20)¹⁵⁶. Разумеется, такие «народные» представления о справедливости не вписывались в систему наказаний Российской империи. Поэтому 8 июня 1837 г. было высочайше утверждено мнение Государственного Совета о том, что впредь мусульманское духовенство при рассмотрении дел о прелюбодеянии должно ограничиваться наложением духовного покаяния и исправления, а при недостаточности этого наказания – обращаться в гражданские суды, которые в зависимости от смягчающих или отягчающих обстоятельств имели право подвергать виновных временному заключению на срок от 3 до 14 дней¹⁵⁷.

Расхождение между нормами шариата, обязательными для каждого верующего мусульманина, и общегражданскими законами приводило к тому, что приходские муллы даже подделывали правовые акты, стремясь придать своим внесудебным решениям о наказании хотя бы видимость законности. Так, в 1868 г. было возбуждено дело против муллы деревни Лемезтамаковой Златоустовского уезда Уфимской губернии Ахметзяна Хисамутдинова, который с общего согласия прихожан наказал 10 ударами розог полицейского сотского Мирхайдара Сафаргалиева «за нерадение к религии и нехождение в мечеть». Однако в обоснование своих полномочий имам предъявил властям указ Оренбургского губернского правления от 30 января 1830 г., который прямо предписывал мусульманским духовным лицам наказывать прихожан, не посещающих мечеть: после троекратного напоминания – «розгами до крови», после шести предупреждений – «палками» и после девяти раз – «нагайкой до окончательного упада». На недоуменный запрос уфимских властей архивариус доложил, что документ с подобным содержанием и выходными данными никогда не издавался Оренбургским губернским правлением. Был начат розыск в мусульманских селениях Златоустовского уезда, в ходе которого изъяты еще 8 указов аналогичного содержания от 15 ноября 1821 г., 30 января 1830 г., 3 января 1834 г. и 3 января 1835 г. у мулл деревень Абзаевой, Айдаковой, Казылбаевой, Мещеровой, Муслюмо-

¹⁵⁶ ГАОО. Ф. 6. Оп. 5. Д. 11115. Л. 1–2, 4–6 об., 16–16 об.

¹⁵⁷ ПСЗ. – Собр. 2-е. – Т. XII. – Отд. 1-е. – № 10313.

вой, Новомуслюмовой, Сальзигутовой и Утяшевой. К делу подключили оренбургские власти, поскольку имелись серьезные подозрения о наличии подобных фальшивок и на территории соседней губернии. Они подтвердились, когда по предписанию ОГП от 17 июня 1869 г. были обнаружены 14 «копий» с указов провинциальной канцелярии 1775 и 1798 гг., Оренбургского губернского правления от 20 марта 1820 г., 30 января 1830 г., 30 января 1831 г., 30 января 1833 г., 1839 г. и от 8 августа 1866 г. у приходских имамов деревень Бикбердиной, Иткуловой, Кусиевой, Максютовой, Мамбетшиной, Мустаевой, Новомуслюмовой, Старо-Сибяевой, Тавлыкаевой, Урманчиной Орского уезда и Якуповой Оренбургского уезда. Кроме того, у муллы деревни Сапыковой Оренбургского уезда был отобран поддельный указ ОмДС 1830 г. за № 1030, а в деревнях Мунасыповой и Идрисовой Орского уезда – подлинные распоряжения башкирских кантонных начальников от 24 февраля 1819 г. и 12 июня 1821 г. № 437, разрешающие мусульманским духовным лицам применять телесные наказания за нарушения шариата¹⁵⁸. Несмотря на разнообразие дат, все поддельные указы ОГП имели идентичное содержание и были написаны только на татарском языке. Некоторые муллы, опрошенные по делу, признали, что сами переписывали их у соседей, прослышав о содержании. Остальные получили указы по наследству от давно умерших предшественников, принимая дела по приходу.

Таким образом, в отдельных случаях для укрепления своего авторитета внутри общины, обеспечения эффективного контроля за соблюдением религиозных запретов и предписаний, повиновения прихожан муллы, лишённые в Российской империи властных полномочий в уголовной сфере, подкрепляли их подложными правовыми актами государственных органов или заручались поддержкой местных чиновников из числа мусульман. Это соответствовало представлениям духовенства как хранителей религиозной традиции об идеальном шариатском государстве, в котором все стороны частной и общественной жизни должны регулироваться сводом мусульманских этико-правовых норм, а их соблюдение – обеспечиваться принудительной силой властей.

По результатам рассмотрения этого дела журналом ОГП от 7 июля 1875 г. № 1085 всем уездным полицейским управлениям губернии было предписано «подтвердить всем муллам, чтобы никто из них не осмеливался подвергать прихожан за проступки телесным или иным

¹⁵⁸ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4133. Л. 537–544 об.; Ф. 27. Оп. 1. Д. 30. Л. 1–27 об.

наказаниям и вообще принимать на себя несвойственную их обязанности роль судей, как это допускается и поныне ... под опасением строгого по закону взыскания» (указы от 20 ноября 1875 г. №№ 4077–4082)¹⁵⁹. Однако, несмотря на установленные российским законодательством меры ответственности за самоуправство, прямые запреты и их неоднократные подтверждения, практика телесных наказаний мullaми своих прихожан за несоблюдение шариата была широко распространена в мусульманских селениях Оренбургской губернии.

Например, в ночь с 15 на 16 октября 1874 г. казаки пос. Желтого Воздвиженской станицы Орского уезда Мухаметбаки Кулмурзин, Файзулла Хамитов, Насырзян Габитов и Хафиз Ибрагимов подкараулили своего односельчанина Рахматуллу Култаева возле дома казачки Минлибики Хамитовой, к которой он, якобы, навещался в отсутствие ее мужа, проходившего военную службу в Туркестанском крае. Избив его, они ворвались в дом Хамитовой, которую после побоев вместе с предполагаемым любовником поместили под арест. На следующий день их привели на площадь перед мечетью, куда по окончании молитвы вышел мulla Суюндуков. На вопрос собравшихся он ответил, что за подозрение в прелюбодеянии каждому полагается 25 ударов розгами. Составив письменный приговор, прихожане тут же привели его в исполнение. По жалобе потерпевших было начато расследование, на период которого журналом ОГП от 23 августа 1877 г. № 835 мulla Суюндуков был отстранен от должности (указ от 12 сентября 1877 г.)¹⁶⁰. Однако прихожане взяли всю вину на себя, утверждая, что имам только ответил на их вопрос о мере наказания, но сам не отдавал приказа и не принимал участия в расправе. Пострадавшие также не имели претензий лично к нему, а настаивали на привлечении к ответственности тех, кто причинил им побои. Поэтому журнальным постановлением Губернского правления от 24 ноября 1887 г. № 929 дело в отношении мulla Суюндукова было прекращено за отсутствием состава преступления, а в отношении непосредственных участников – за истечением сроков давности¹⁶¹.

Представление об обязательности телесных наказаний за нарушения шариата настолько глубоко укоренилось в сознании мусульманского населения, что в самосуде принимали участие даже выборные должностные лица общественного управления и полицейские, кото-

¹⁵⁹ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4133. Л. 544 об.

¹⁶⁰ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4143. Л. 725–729 об.

¹⁶¹ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4184.

рые обязаны были следить за соблюдением закона и пресекать самоуправство. Так, утром 7 сентября 1874 г. жители Сеитовского посада Фазых Абдулгафаров, Габдулла Гибетуллин, Самат Юсупов и Хусейн Хасанов явились на двор Мухаметвали Абубакирова, где в это время находились Габдулла Хаялин и вдова Шамсибана Фазлыева, которые, якобы, пришли туда порознь по своим делам. Заподозрив пару в любовной связи, а хозяина – в сводничестве, они избили их и повели к старшему ахуну Каргалы Абдулкариму Рафикову. При этом, по заявлению Хаялина, у него оборвали карманы, откуда пропал бумажник с 250 рублями. По приказу ахуна подозреваемые были препровождены в полицию и заключены под арест. На следующий день, 8 сентября присутствующий Сеитовской полицией, городничий Вахит Рафиков вызвал старшее духовное лицо для разбирательства, а десятники собрали жителей посада. Некоторые из них предлагали публично опозорить обвиняемых, вымазать им лица сажей и водить по улицам, но те, якобы, на коленях сами умоляли вместо этого наказать их розгами. Ахун Рафиков объявил, что по шариату их полагается высечь, о чем 34 жителя составили письменный приговор. По приказу городничего десятник Махмуд Ахметов всыпал обвиняемым розог. 10 сентября 1874 г. потерпевший Хаялин подал оренбургскому уездному исправнику жалобу на незаконный арест и побои, но при этом не требовал возмещения похищенных у него 250 рублей. По результатам дознания, проведенного полицией, Губернское правление пришло к выводу о том, что ахун Сеитовского посада Абдулкарим Рафиков изобличается в присвоении не принадлежащей ему власти (ст. ст. 341, 1421 и 1541 Уложения о наказаниях), а городничий Вахит Рафиков – в пособничестве ему. Журналом от 20 августа 1877 г. № 797 оно постановило провести формальное следствие, на время которого временно удалить ахуна от должности «для устранения влияния ... на прихожан» и отобрать у него указ на духовные звания. «Усматривая, что духовные магометанские чины, несмотря на предупреждения, продолжают входить в разбирательство дел, им неподсудных, и даже подвергают прихожан телесным наказаниям», Губернское правление предложило ОмДС особыми циркулярами немедленно подтвердить муллам недопустимость подобных действий (указы от 13 сентября 1877 г. №№ 3232, 3233)¹⁶². В ходе расследования, затянувшегося на несколько лет, действия Рафиковых были переквалифицированы по ст. 343 и ч. 1 ст. 348 Уложения о наказаниях. Однако журнальным постановле-

¹⁶² ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4143. Л. 604–609.

нием ОГП от 24 ноября 1887 г. № 923 уголовное дело было прекращено по амнистии, объявленной 15 мая 1883 г., а гражданское разбирательство – по ст. 1 приложения к ст. 694 ч. I т. X Свода законов Российской империи за отказом истца от возмещения имущественного вреда¹⁶³.

Сокрытию фактов применения телесных наказаний за нарушения шариата способствовала высокая солидарность внутри мусульманских общин, которая связывала их членов заговором молчания. Например, в 1870 г. ахун г. Верхнеуральска Мухаметхаким Аскарлов собственноручно высек розгами башкирского урядника Бадретдина Алтаякова, который заявился в его мечеть пьяным. Однако от посторонних глаз происходящее было скрыто высоким забором вокруг храма, а прихожане, которых потерпевший называл свидетелями наказания, категорически отрицали этот факт. В результате Оренбургское губернское правление журнальным постановлением от 28 ноября 1887 г. № 942 было вынуждено прекратить дело за недоказанностью¹⁶⁴.

В большинстве своем и сами потерпевшие, которым с детства прививали нормы исламской морали и поведения, воспринимали наказания за отступления от шариата как справедливую, заслуженную ими кару. Подать жалобу на обоснованное решение своего муллы или уважаемых стариков означало стать изгоем, поставить себя вне общины, цементирующих ее религиозных норм и представлений, оспаривать волю самого Всевышнего, ниспосланную через откровение Его Пророку. Поэтому большинство подобных фактов никогда не становились достоянием гласности, и даже в случае их обнаружения свидетели стремились выгородить своего духовного лидера, а пострадавшие нередко отказывались возбуждать дело против муллы. Так, в 1873 г. при расследовании другого дела попутно вскрылось, что в конце 1870 г. указной имам деревни Каралиной Тунгатаровской волости Троицкого уезда Сахаутдин Курамшин при стечении народа увещевал некоторых жителей не нарушать более требования шариата «и просил стариков принять меры к исправлению их поведения». По совету с ними он приказал публично высечь розгами на площади перед мечетью башкир Ибрагима Зейнуллина, Габдулжамиля Ивниаминова, Кагармана и Фаткуллу Кабылова, Карыма Туманчина «за пьянство и несоблюдение обрядов религии», а замужнюю женщину Фахриямалу Гайнуллину – «за худую жизнь». Однако на следствии очевидцы показали,

¹⁶³ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4184. Л. 209–210.

¹⁶⁴ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4184. Л. 249–250 об.

что пристыженные односельчане сами просили их о наказании. Все потерпевшие не имели никаких претензий к мулле и не желали начинать против него дело. Опасаясь еще большего позора, Фахриямала Гайнуллина и ее муж Гайнитдин вообще отрицали, что она когда-либо подвергалась наказанию. Губернское правление отметило, что согласно ст. 289 уголовного закона за присвоение власти мулле Курамшину полагается штраф в размере до 50 руб. или тюремное заключение на срок от 4 до 8 месяцев. Но поскольку пострадавшие отказались подавать против него иски, а само преступление обнаружилось по истечении 2-летнего срока давности, журналом от 18 августа 1877 г. № 798 оно постановило прекратить дело на основании ст. 158 Уложения о наказаниях. Вместе с тем, Троицкому уездному полицейскому управлению было предписано «мулле Курамшину внушить с отображением подписки, чтобы он на будущее время не осмеливался подвергать подведомственных ему прихожан никаким наказаниям при разбирательстве дел, подлежащих рассмотрению магометанского духовенства, кроме увещаний и наложения духовного покаяния и исправления, под опасением предания суду и строгого по закону взыскания» (указ от 5 сентября 1877 г. № 3030)¹⁶⁵.

Таким образом, в мусульманских общинах Оренбургской губернии муллы как хранители религиозной традиции не только воспитывали прихожан в духе исламской морали посредством обучения молодого поколения, проповедей и бесед, но и осуществляли надзор за ее последующим соблюдением прихожанами в общественной и частной жизни. Хотя в отличие от исламских государств, по законодательству Российской империи они были лишены властных полномочий в уголовно-правовой сфере, но продолжали самовольно налагать взыскания за нарушения религиозно-нравственных предписаний. Широкому сохранению практики телесных наказаний способствовала высокая солидарность мусульманского населения, в сознании которого глубоко укоренились нормы шариата как неотъемлемая часть религии.

Помимо заботы о соблюдении религиозных обязанностей всеми членами общины, в своем приходе мулла также нес общую ответственность за исправное состояние молитвенного здания, инвентаря, содержание мест погребения, в чем ему помогали муэдзины и мечетные служители, попечители и рядовые прихожане. В духовном наставлении оренбургского муфтия от 6 сентября 1897 г. № 169 отмечалось,

¹⁶⁵ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4143. Л. 610–613 об.

что «состоящие в приходах имамы обязаны принимать все зависящие от них меры к убеждению прихожан в необходимости содержания мечетей в должной исправности и в посещении таковых для совершения общих богомолений, показывая собой хороший пример прихожанам, изыскивая им способы к содержанию мечетей. Стараться не запускать существующие мечети, следить за своевременным возбуждением прихожанами ходатайства о разрешении на ремонт произошедших в них повреждений, следить и настаивать на том, чтобы всегда были наготове, в достаточном количестве, дрова для отопления, свечи или керосин для освещения, чтобы стекла в рамах окон были целы, печи и дымовые трубы содержались всегда в исправности, чтобы полы мылись, пыль вытряхивалась или выметалась, чтобы подстилки были аккуратно постланы, а не комкались и разбрасывались, чтобы воздух в мечетях был чистый и здоровый, главное, чтобы было тепло и сухо»¹⁶⁶. Циркуляром ОМДС от 10 сентября 1890 г. № 3883 ахунам его округа предписывалось «объявить магометанам, состоящих в их заведовании приходов, чтобы они огородили свои кладбища каменной стеною или деревянным забором; в тех же местностях, где окажется недостаток в камне или лесе, предложить магометанам окопать кладбища настолько широкими и глубокими рвами, чтобы отнюдь не мог проникать скот на кладбища»¹⁶⁷. Для исполнения этого поручения ахуны должны были объехать подведомственные приходы, убедить население проповедями в необходимости огораживания кладбищ, назначить сроки для исправления недостатков, по истечении которых вновь проверить состояние мест погребения и донести Духовному собранию.

В крупных приходах с большим объемом духовных треб, преподавательской нагрузкой разнообразные и сложные обязанности имама делились между двумя муллами. Согласно высочайше утвержденному 9 декабря 1835 г. мнению Государственного Совета при соборной мечети допускалось избирать, кроме муэдзина, так же одного хатыба и одного имама¹⁶⁸. На практике это приводило к утверждению в приходе 1-го (старшего) и 2-го (младшего) мулл. При этом старшим духовным лицом становился обладавший более высоким званием

¹⁶⁶ Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений по округу ОМДС. 1836–1903 гг. – Уфа, 1905. – С. 128–133.

¹⁶⁷ Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений по округу ОМДС. 1836–1903 гг. – Уфа, 1905. – С. 40–41.

¹⁶⁸ ПСЗ. – Собр. 2-е. – Т. X. – Отд. 2-е. – № 8663.

имам-хатыба, дающим право на проведение пятничных и праздничных богослужений. Но нередко оба муллы определялись в один приход с равными духовными званиями, присвоенными по результатам сдачи экзамена в ОМДС. В этом случае старшинство зависело от более раннего времени утверждения или выбора прихожан.

Так, по журналу от 27 ноября 1891 г. № 1085 Оренбургское губернское правление перевело к 8-й соборной мечети Сеитовского посада в званиях имам-замига, хатыба и мударриса муллу 1-й соборной мечети деревни Менгер Казанского уезда и губернии Абдулмахзияна Гисматуллина (надпись на указе от 2 декабря 1891 г. № 5178)¹⁶⁹. Вскоре журнальным постановлением ОГП от 13 мая 1894 г. № 555 туда же был определен в званиях имам-хатыба и мугаллима Мухамедхаррас Ахмедшич Айдаров (указ от 13 мая 1894 г.)¹⁷⁰. Между двумя муллами вспыхнул конфликт по поводу старшинства в приходе. Абдулмахзян Гисматуллин обратился в Губернское правление с просьбой отстранить муллу Айдарова от «должности» хатыба и оставить его при мечети только в «должности» имама потому, что они «не могут служить между собой в соглашении». Губернские власти констатировали, что согласно ст. 1205 т. XI ч. 1 Устава духовных дел иностранных исповеданий при соборной мечети вообще полагается только один хатыб. Когда Айдаров был определен в приход, там уже состоял в этой «должности» мулла Гисматуллин. И хотя Айдарову также было присвоено звание имам-хатыба, «оно удостоверяет только, что он выдержал экзамен и по своим знаниям может им быть, но не дает ему прав старшего духовного лица». Указом от 6 марта 1895 г. № 1118 губернская администрация поручила Оренбургскому уездному полицейскому управлению объявить заинтересованным лицам о своем заключении по делу¹⁷¹.

Или, например, согласно журнальному постановлению ОГП от 31 августа 1895 г. № 741 в 1-й приход пос. 1-го Зубочистенского ОКВ был переведен Абдулла Мухаметзарифович Якупов (1866–1907), который прежде состоял при 1-й соборной мечети деревни Сарманавой Оренбургского уезда в званиях имам-хатыба и мугаллима¹⁷². Следом губернская администрация по журналу от 20 июня 1898 г. № 444 определила туда в тех же званиях Шагидуллу Билялетдиновича Ша-

¹⁶⁹ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4203. Л. 155–156.

¹⁷⁰ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4212. Л. 286–287.

¹⁷¹ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4214. Л. 343–344.

¹⁷² ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4215. Л. 482–482 об.

Шагиахметова, 1870 года рождения (указ от 4 июля 1898 г.)¹⁷³. Хотя он был младше своего коллеги и по возрасту, и по времени утверждения, мусульмане пос. 1-го Зубочистенского предпочли его и общественным приговором от 7 сентября 1898 г. избрали на должность старшего муллы. Прихожане указали, что «Якупов не только не знает русской грамоты, но и не может изъясняться на этом языке в то время, как Шагиахметов имеет надлежащее свидетельство Казанского 4-классного училища». По их выбору Оренбургское губернское правление журналом от 13 апреля 1899 г. № 370 утвердило Шагидуллу Шагиахметова в должности 1-го приходского муллы (надпись на указе от 29 апреля 1899 г.)¹⁷⁴.

Оба муллы в одном приходе независимо от духовных званий имели право руководить ежедневной пятикратной молитвой, совершать религиозные обряды с регистрацией актов гражданского состояния в метрических книгах. Журнальным постановлением на 19 января 1853 г. Оренбургское магометанское духовное собрание разъяснило, что имамы при этом обязаны проводить богослужения по строгой очередности. В 1879 г. особой фетвой, разосланной по всем приходам, сам муфтий подтвердил, что муллы должны чередоваться при отправлении не только общественной молитвы, но и других религиозных обрядов¹⁷⁵. Наконец, в отношении Духовного собрания от 3 мая 1914 г. № 2881 было указано, что «все ... духовные требы в приходе исполняются муллами по очереди, при этом младший мулла – имам имеет право совершать требы без всякого на то решения старшего муллы – хатыба»¹⁷⁶. Несмотря на эти предписания, приходские имамы зачастую остро конкурировали, боролись за право совершения наиболее прибыльных обрядов, руководства пятничной и праздничной молитвой, которые приносили самые богатые пожертвования. Так, в 1841 г. один мулла деревни Дюсметевой Оренбургского уезда Тулбай Кинзегулов провел праздничное богослужение внутри мечети, а другой имам Габбяс Гумеров – на открытом месте подле нее, «единственно по неудовольствию друг на друга». Согласно журналу от 21 июля 1841 г. Духовное собрание просило Оренбургский земский суд отобрать у них

¹⁷³ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4221. Л. 71–71 об.

¹⁷⁴ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4222. Л. 892–894.

¹⁷⁵ Азаматов Д. Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII – XIX вв. – Уфа: Гилем, 1999. – С. 90.

¹⁷⁶ Кобзев А. В. Исламская община Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. – Нижний Новгород: ИД «Медина», 2007. – С. 73.

письменные обязательства «о неделании сего впредь»¹⁷⁷. В 1849 г. имамы деревни Кандрыкулевой Белебеевского уезда Хуснутдин Баязитов и Габдулгани Фаткуллин даже устроили драку прямо в мечети, за что оба лишились духовного сана по решению ОМДС¹⁷⁸

В отличие от младшего муллы в звании имама старший мулла в звании хатыба имел исключительное право читать хутбу – проповедь и возглавлять соборное богослужение по пятницам и в 2 годовых праздника. Только с его разрешения во время отъезда, болезни или по другим уважительным причинам имаму дозволялось проводить джуманамазы. Хатыб также отвечал за ведение всей приходской документации и хранил метрические книги, выдавая их по просьбе младшему мулле для внесения записей о духовных требах¹⁷⁹. Поэтому имамы стремились повысить свой правой статус, авторитет в общине, причем не только путем сдачи экзамена на более высокое духовное звание хатыба, но даже подлога документов. Так, в 1914 г. башкир деревни Старо-Аллабердиной Оренбургского уезда Мурзабай Мурзаянович Игликов подал жалобу на то, что мулла их мечети Султангалей Мухаметович Юсупов самовольно присвоил себе звание хатыба. При проверке его указа от 24 августа 1903 г. № 2893 действительно обнаружилось, что между словами «имама и мугаллима» сделана вставка «хатыба», «которая по цвету чернил отличается от остального текста и выполнена темнее, причем на месте точки бумага заметно скоблена острым орудием, что ясно выделяется на свету». На этом основании Губернское правление журналом на 21 апреля 1914 г. № 226 постановило направить дело судебному следователю 6-го участка Оренбургского уезда для производства предварительного расследования по признакам преступления, предусмотренного ст. 294 Уложения о наказаниях (указ от 26 апреля 1914 г.)¹⁸⁰.

Из числа приходских мулл определялось высшее мусульманское духовенство – ахуны и мухтасибы, полномочия которых выходили за пределы одной общины.

После создания Оренбургского магометанского духовного собрания ахуны были поставлены под его контроль и превратились в почетное звание, которое присваивалось приходским имамам за особые

¹⁷⁷ ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 11732. Л. 314–314 об.

¹⁷⁸ Азаматов Д. Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII – XIX вв. – Уфа: Гилем, 1999. – С. 89–90.

¹⁷⁹ Кобзев А. В. Исламская община Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. – Нижний Новгород: ИД «Медина», 2007. – С. 74.

¹⁸⁰ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4249. Л. 307–308.

заслуги. Анализ практики показывает, что Губернские правления утверждали мулл ахунами в масштабах прихода, волости¹⁸¹, уезда¹⁸² или города¹⁸³ по выбору жителей, мусульманского духовенства, представлению ОМДС или самого муфтия.

Например, 22 декабря 1912 г. на волостном сходе должностные лица и выборные от башкир постановили приговор, которым ходатайствовали об утверждении в должности ахуна 2-й Усергенской волости Орского уезда Габдуллы Мухаметсадыковича Абдуллатипова, состоявшего по указу ОГП от 14 июля 1903 г. № 2526 муллой Тлявгуловской соборной мечети в званиях имам-хатыба и мугаллима. На основании положительного заключения Духовного собрания Губернское правление журналом от 18 марта 1914 г. № 165 возвело его в это почетное звание (надпись на указе от 22 марта 1914 г.)¹⁸⁴.

18 апреля 1883 г. имамы Каргалы избрали из своей среды на должность ахуна Сеитовского посада Исхака Махмутовича Исмагилова, который по указу ОГП от 9 февраля 1855 г. № 1140 исполнял обязанности 1-го муллы при 1-й соборной мечети в званиях имам-замига и мугаллима. Передавая приговор губернским властям, ОМДС отозвалось, что «находит полезным возвести в звание ахуна имама Исмагилова как известного Собранию в его познаниях». Поэтому журнальным постановлением ОГП от 5 января 1884 г. № 10 он был удостоен этого звания (надпись на его указе от 23 января 1884 г. № 294)¹⁸⁵.

Рапортом от 7 декабря 1906 г. № 8161 Духовное собрание само ходатайствовало перед Оренбургским губернским правлением о возведении в почетное звание ахуна «за отлично-усердную службу и ревностное исполнение своих обязанностей» Абдулгазиза Кинзебаевича Забирова, который по указу от 29 декабря 1888 г. № 5620 состоял 1-м муллой соборной мечети пос. Линевского Оренбургского уезда в званиях имам-хатыба и мугаллима. 29 марта 1907 г. журналом ОГП № 151 представление ОМДС было удовлетворено (надпись на указе от 2 апреля 1907 г. № 1459)¹⁸⁶.

¹⁸¹ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4097. Л. 754–754 об.; Д. 4102. Л. 86–87; Д. 4106. Л. 758–759; Д. 4114. Л. 350–351; Д. 4148. Л. 85–86; Д. 4164. Л. 837–838 об.; Д. 4194. Л. 184–185; Д. 4195. Л. 177–177 об.; Д. 4198. Л. 293–294; Д. 4249. Л. 217–219 и др.

¹⁸² ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4083. Л. 893–895 об.; Д. 4109. Л. 382–386; Д. 4148. Л. 951–951 об.; Д. 4195. Л. 542–542 об.; Д. 4196. Л. 357–357 об.

¹⁸³ ЦИА РБ. Ф. И-295. Оп. 4. Д. 496. Л. 55–56 об.

¹⁸⁴ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4249. Л. 217–219.

¹⁸⁵ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4170. Л. 31–31.

¹⁸⁶ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4236. Л. 229–229 об.

Наконец, с инициативой о повышении мог выступить и лично оренбургский муфтий. Например, в 1889 г. Мухаммедьяр Султанов, рассматривая послужные дела мусульманского духовенства Оренбургской губернии, пришел к выводу, что мулла Звериноголовской станицы Челябинского уезда Садык Кадыргалиев, состоявший в звании имам-замига с 14 марта 1875 г., «как всегда отличавшийся ревностью к своим обязанностям и аккуратным исполнением возлагаемых на него поручений, вполне заслуживает поощрения». По его представлению ОГП журналом от 2 июня 1889 г. № 384 возвело приходского имама в почетное звание ахуна (надпись на указе от 5 июня 1889 г.)¹⁸⁷.

С учетом законодательства и административной практики Российской империи приходские муллы утверждались в звании ахуна при наличии ряда условий:

- достижения возраста 25 лет, установленного высочайше утвержденным 14 февраля 1855 г. мнением Государственного Совета;
- безупречной службы;
- наличия положительного заключения Духовного собрания.

Например, 30 января 1827 г. чемоданные татары деревни Дюсметевой Мустафинской волости Оренбургского уезда на мирском сходе с общего согласия и совета избрали на должность ахуна, мухтасиба и мударриса своего односельчанина Габбаса Умерова. Однако на запрос губернских властей ОМДС рапортовало, что «в Оренбургской округе в определении ахунов состоит довольно количество» и пока «надобности в них более не предвидится». Из-за несогласия Духовного собрания указом от 7 июня 1827 г. ОГП утвердило Габбаса Умерова только в званиях мухтасиба и мударриса¹⁸⁸.

В отсутствие среднего звена управления между Оренбургским магометанским духовным собранием и низовыми мусульманскими приходами ахуны фактически приняли на себя функции посредников. Однако это звено оказалось слабо выраженным, поскольку полномочия ахунов и территориальные границы их деятельности не были законодательно определены. Размытость функций неоднократно заставляла государственные органы обращаться к Духовному собранию за разъяснением их статуса. В 1862 г. на запрос министра внутренних дел ОМДС и Оренбургское губернское правление сообщили, что «звание ахуна прежде давалось и ныне дается только тем лицам, которые по испытании Собранием окажутся не только знающими высшие на-

¹⁸⁷ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4191. Л. 301–301 об.

¹⁸⁸ ЦИА РБ. И-295. Оп. 7. Д. 1. Л. 3–12 об., 13, 14, 20–20 об.

уки магометанской религии, но и сведущими в разборе спорных гражданских дел и по разделу имений, возникающих между мусульманами. На этом основании настоящее звание дается из лиц, принадлежащих к приходскому духовенству, имамам или имам-хатыбам, но не прежде, как по прослужении ими в сих последних должностях несколько лет, и тогда лишь, когда приобретут более опытности и знания в шариате. Если между приходскими имамами не найдется, то оно дается раздельно от должности имама или имам-хатыба особому лицу, которому в таком случае поручаются для исполнения особого рода дела, возникающие между магометанами, а также наблюдение за действиями приходских лиц»¹⁸⁹. В донесении Оренбургскому губернскому правлению от 26 октября 1861 г. муфтий Габдулвахид Сулейманов отмечал, что Духовное собрание осуществляет контроль за приходским духовенством не напрямую, а только через ахунов потому, что других возможностей для этого попросту не имеет¹⁹⁰.

Для выстраивания строгой иерархии и централизации управления отношением от 22 июня 1862 г. № 422 министр внутренних дел П. А. Валуев потребовал разработать специальные правила с четким регламентированием порядка утверждения и полномочий ахунов. Проект, представленный Оренбургским магометанским духовным собранием в 1864 г., предлагал положить в основу их назначения принцип территориальных округов. В зависимости от компактности проживания в заведовании ахуна должно было находиться от 25 до 100 приходов. Исходя из этого на 3951 приход, подчиненный ОМДС, предусматривалось утвердить 65 ахунов, в том числе: на 1640 приходов Оренбургской губернии – 28 старших чиновников, на 670 приходов Казанской губернии – 5, на 333 прихода Самарской губернии – 4, на 155 приходов Пермской губернии – 4 и т. д. На должности ахунов могли избираться имамы и хатыбы, прослужившие не менее 3 лет. В подписании избирательных приговоров отныне имели право участвовать не сами прихожане, а только приходское духовенство соответствующего округа. По засвидетельствовании гражданской администрацией они передавались в ОМДС, где кандидат должен был сдать экзамен на знание шариата. После этого все документы с выписками из дел Духовного собрания о личности кандидата направлялись в Губернские правления на окончательное утверждение. В проекте предлагалось

¹⁸⁹ РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 1000. Л. 21–22.

¹⁹⁰ Азаматов Д. Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII – XIX вв. – Уфа: Гилем, 1999. – С. 93.

впервые законодательно определить обязанности ахунов, к которым были отнесены: разбирательство по шариату брачно-семейных, наследственных и других гражданских дел на сумму от 5 до 100 руб. с возможностью обжалования их решений Духовному собранию в течение 1 года; контроль за исполнением обязанностей приходским духовенством, правильным ведением метрических книг, исправностью мечетей, образовательным процессом и воспитанием в конфессиональных школах. По мнению Духовного собрания, для исполнения его поручений и рассмотрения жалоб ахунам необходимо было предоставить право на бесплатный проезд за счет земства, наравне с чиновниками уездной полиции¹⁹¹.

Однако предложенный проект подвергся резкой критике со стороны главного эксперта по мусульманским вопросам Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД, основоположника отечественного востоковедения А. К. Казембека. Он отмечал, что по шариату вообще не предусмотрена должность ахуна, а в странах исламского Востока это слово используется просто для обозначения ученых людей «в смысле профессора, учителя, наставника и т. п.». И лишь у российских мусульман оно приобрело черты кадия – шариатского судьи и «освященное только местным обычаем, ошибкой закралось в российское законодательство»¹⁹². В итоге проект так и не был реализован, а порядок и критерии избрания ахунов, их полномочия и территориальная сфера деятельности не получили правового закрепления. Но, несмотря на пробел в законодательстве, на практике ахуны продолжали выполнять функции среднего звена управления между приходскими муллами и Духовным собранием: разбирали по шариату сложные брачно-семейные и наследственные дела, осуществляли надзор за нижестоящими священнослужителями и прихожанами, соблюдением обрядовых и этико-нравственных предписаний, содержанием мечетей, кладбищ и учебных заведений, информировали ОмДС о выявленных нарушениях и исполняли его поручения.

Близким по кругу обязанностей было и звание мухтасибов. В средневековых мусульманских странах они назначались главой государства в качестве должностных лиц для осуществления контроля за порядком на рынках, качеством товаров, правильностью мер и весов, соблюдением правил торговли и сбора пошлин. Постепенно в их сферу перешел общий надзор за нравственностью и поведением людей в

¹⁹¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 1000. Л. 33–37 об.

¹⁹² РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 1000. Л. 17–18 об, 41–45.

общественных местах. Обладая исполнительной властью и специальным штатом приданных стражников, мухтасибы имели право наказывать за нарушения в административном порядке, без судебного разбирательства¹⁹³. Но в Российской империи, среди мусульман Волго-Уральского региона этот термин стал использоваться для обозначения духовного звания, которое присваивалось муллам. Мухтасиб осуществлял в пределах своего округа (мухтасибата) контроль за исполнением норм шариата в общественной жизни и быту, поведением и моральным обликом духовенства и прихожан: регулярным проведением молитвы и обязательным посещением мечети, содержанием культовых зданий и кладбищ, соблюдением поста, запрета на употребление алкоголя и др. Например, 10 марта 1826 г. мусульманские священнослужители и башкирские чиновники 9-го кантона Оренбургского уезда и губернии с горечью констатировали, что в их «деревнях ... прихожане для богослужения в мечеть не ходят, определенные же в оные муллы и азанчеи мечети свои не смотрят ... , отчего и ... пришли [они] в неисправность». Для обеспечения постоянного надзора за духовенством и прихожанами, неукоснительного соблюдения ритуала и этико-правовых норм собравшиеся посчитали необходимым избрать специального мухтасиба. По их предложению 10 ноября 1826 г. Оренбургское губернское правление утвердило в этой должности 1-го муллу 3-й соборной мечети Сеитовского посада Мухамета Валитова¹⁹⁴. К концу XIX в. совпадение функций привело к постепенному вытеснению звания мухтасиба ахуном.

Для надлежащего исполнения своих обязанностей все приходские священнослужители должны были постоянно проживать при тех мечетях, к которым они были определены. Так, в 1904 г. прихожане Кужебаевской соборной мечети Чершинской волости Челябинского уезда подали Духовному собранию жалобу на своих приходских имамов. Старший мулла Абдулсамат Яунов, прослужив 47 лет, переехал из деревни Кужебаевой за 1,5 версты в родную деревню Курманову того же прихода, где имел земельные наделы. Младший же мулла Хайрулла Гизетуллин с самого утверждения в должности, вопреки данному обязательству, постоянно проживал в том же соседнем селе. Хотя деревня Курманова была более крупной и насчитывала 107 домохозяев против 47 в Кужебаевой, мечеть располагалась в меньшем

¹⁹³ Ислам: Энциклопедический словарь. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. – С. 183.

¹⁹⁴ ЦИА РБ. Ф. И-295. Оп. 4. Д. 489. Л. 152–155.

поселке. Но оба имама практически не посещали ее и не проводили общественную молитву. Прихожане просили ОМДС приказать хотя бы одному духовному лицу переехать на постоянное жительство в деревню Кужебаеву или разрешить им выбрать нового муллу. Духовное собрание констатировало, что ни шариатом, ни действующим законодательством строго не определено место постоянного жительства имамов. Тем не менее, согласно статьям 1393 и 1426 ч. 1 т. 11 Свода законов Российской империи они все-таки назначаются к мечетям, а, следовательно, обязаны проживать в тех населенных пунктах, где находятся культовые здания. По рапорту ОМДС о самовольном оставлении своего прихода Оренбургское губернское правление журналом от 13 декабря 1904 г. № 1292 предписало муллам Яунову и Гизетуллину переехать на жительство в деревню Кужебаеву с отображением письменного обязательства. При этом Челябинскому уездному полицейскому управлению следовало их предупредить, что в противном случае они будут уволены от занимаемых должностей, «как уклоняющиеся от исполнения своих обязанностей» (указ от 22 декабря 1904 г. № 4335)¹⁹⁵.

Все отлучки из прихода допускались только с ведома или разрешения вышестоящего начальства. Первоначально муэдзины и муллы подавали заявления о предоставлении отпусков непосредственно в Духовное собрание, которое следило за тем, чтобы такие поездки не оставляли прихожан без совершения религиозных треб на длительное время. Например, рапортом от 14 января 1841 г. имам и мухтасиб Сеитовского посада Ибрагим Надыров просил ОМДС уволить его в отпуск в г. Стерлитамак и различные деревни Стерлитамакского уезда сроком на 6 месяцев. Однако журналом на 28 января 1841 г. Духовное собрание постановило объявить имаму через Оренбургский земский суд, что оно не может согласиться на столь долговременную отлучку, поскольку «его прихожане от этого могут встретить затруднение в исправлении у них треб». Новым рапортом от 26 февраля 1741 г. Надыров ходатайствовал о предоставлении отпуска уже только на 2 месяца. Журналом на 3 марта 1841 г. ОМДС согласилось отпустить его из прихода¹⁹⁶. К концу XIX века в рамках общего курса на интеграцию мусульманского духовенства в административную систему контроль за его поездками перешел в ведение общих региональных органов управления. Согласно циркулярному распоряжению министра

¹⁹⁵ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4223. Л. 1682–1684 об.

¹⁹⁶ ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 11732. Л. 34 об., 102–102 об.

внутренних дел от 6 февраля 1896 г. № 244 без разрешения гражданской администрации допускались лишь краткосрочные отлучки из прихода на срок не более двух недель, но, тем не менее, с обязательным предварительным уведомлением местного полицейского управления. Отпуска на более длительный срок отныне стали предоставляться только по разрешению Губернского правления¹⁹⁷. Так, в 1901 г. казаки пос. Новоилецкого Оренбургского уезда Хайретдин, Гилязетдин, Кашафутдин, Зинатулла, Шайхислам и Фатхильислам Абубакировы подали жалобу о том, что их мулла Мухаммедбадыг Темирбулатович Файзуллин часто отлучается из прихода, вследствие чего не совершает богослужений по пятницам. При производстве дознания имам объяснил, что действительно ездит к своей матери в пос. Зубочистенский или на базар в Уральскую область по торговым делам за 17–20 верст, но не часто и не надолго, причем каждый раз сообщает об этом местному полицейскому уряднику. Никаких неисполненных треб в его отсутствие не оставалось, а общественную молитву в мечети по его поручению проводил муэдзин. Однако Оренбургское губернское правление констатировало, что согласно установленному порядку мусульманское духовенство должно сообщать о предстоящей отлучке из прихода не местному полицейскому чиновнику, а самому полицейскому управлению. Поэтому на основании ст. 410 Уложения о наказаниях журналом ОГП от 18 ноября 1901 г. № 543 имаму Файзуллину был объявлен выговор с обязательством на будущее время точно исполнять требования закона (указ от 24 ноября 1901 г. № 3095)¹⁹⁸.

Особенности правового статуса мусульманских священнослужителей в Российской империи определялись не только обязанностями, но и закрепленными в законодательстве правами, льготами и привилегиями. В отличие от православного духовенства они не составляли отдельного сословия, а их гражданские права и обязанности зависели от принадлежности к крестьянству, казачеству, мещанству, купечеству или другим сословным группам. Например, указ от 31 августа 1826 г. подтверждал, что «духовные чины Оренбургского Магометанского округа подлежат платежу повинностей, смотря по сословию»¹⁹⁹. Тем

¹⁹⁷ Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений по округу ОмДС. 1841–1901 гг. – Уфа: Электрическая типо-литография В. П. Колмацкого и Ко, 1902. – С. 77.

¹⁹⁸ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4227. Л. 468–469.

¹⁹⁹ Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / Сост. и автор вводной статьи, комментариев и приложений Д. Ю. Арапов. – М.: ИКЦ «Академкнига», 2001. – С. 255.

не менее, в процессе интеграции мусульманского духовенства в административную систему Российской империи ему были предоставлены и определенные льготы, призванные оградить достоинство духовных лиц, их материальное благосостояние, беспрепятственное исполнение государственных и религиозных обязанностей. В совокупности эти меры постепенно выделяли представителей исламского духовенства из их сословий в отдельную привилегированную группу со своим специфическим комплексом прав и обязанностей.

Муллы и азанчеи получали дополнительный заработок за совершение духовных треб, но с другой стороны, не могли полностью посвятить себя крестьянскому труду, торговле или ремеслам, нести равные повинности с другими членами общины из-за постоянной занятости в приходе, руководства ежедневными пятикратными молитвами, проведения обрядов, обучения детей в конфессиональных школах. Поэтому по указу от 31 августа 1826 г. мусульманским общинам было предоставлено право по желанию своими приговорами освободить приходское духовенство от податей и повинностей, принимая их исполнение на себя²⁰⁰. Так, в октябре 1864 г. жители Абултаевского сельского общества Сарт-Калмыцкой волости Челябинского уезда в своем приговоре об избрании башкира Сибагатуллы Ибниаминева на должность муллы деревни Сарт-Абрашитовой указали, что не устанавливают ему определенного жалованья, но взамен избавляют ото всех мирских денежных и натуральных повинностей, а уплату за него казенных и земских сборов полностью принимают на свой счет²⁰¹. Императорским указом Сенату от 2 апреля 1834 г. служители ислама, принадлежавшие к башкирскому военно-служилому сословию, были освобождены от сборов на отправление почтовой гоньбы, а приказом командующего Башкирским войском от 13 февраля 1837 г. – также от уплаты взносов на составление запасного капитала вместо хлеба²⁰².

Большинство мусульманских священнослужителей принадлежало к податным сословиям, которые за правонарушения могли подвергаться по закону телесным наказаниям. Но унижение чести и достоинства духовного лидера, наставника, учителя, тем более, со стороны иноверного, православного государства могло оскорбить верую-

²⁰⁰ Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / Сост. и автор вводной статьи, комментариев и приложений Д. Ю. Арапов. – М.: ИКЦ «Академкнига», 2001. – С. 255.

²⁰¹ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4056. Л. 331–332.

²⁰² ПСЗ. – Собр. 2-е. – Т. IX. – № 6947; ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 11873. Л. 6–7 об.

щих, привести к общественному возмущению и даже беспорядкам на религиозной почве. Поэтому высочайше утвержденным мнением Государственного Совета от 25 января 1822 г. было разъяснено, что хотя приходские муллы податных сословий не изъяты от телесных наказаний, но подвергаются им только после снятия с них духовного сана²⁰³. А высочайше утвержденным 20 февраля 1850 г. мнением Государственного Совета ахуны, хатыбы и имамы округа Оренбургского магометанского духовного собрания были полностью освобождены от этого вида наказания²⁰⁴. В многоконфессиональном Оренбургском крае губернские власти опасались применять телесные наказания даже к бывшим приходским муллам. Так, по указу местного Губернского правления от 31 марта 1864 г. № 2565 имам 2-й соборной мечети деревни Биккуловой Оренбургского уезда Шамсутдин Бикмухаметов был лишен духовного звания, а в декабре 1868 г. осужден к 8 месяцам лишения свободы «с употреблением в самые тяжкие работы» и возмещением имущественного вреда за составление подложного приговора о сдаче в аренду общественной земли купцу Зарубину. Пробыв более 1 месяца в Оренбургском тюремном замке, Бикмухаметов подал прошение о замене ему заключения телесным наказанием «в уважение того, что семья его осталась без призрения». Но губернские власти посчитали, что «в случае наказания ... телесно может быть возбужден ропот со стороны магометан по поводу того, что он состоял в муллинском звании». Журналом от 7 февраля 1869 г. № 277 администрация признала «неудобным удовлетворить ходатайство Бикмухаметова» (указ от 27 февраля 1867 г. № 1236)²⁰⁵.

Приходские муллы выполняли не только важные общественные, но и государственные функции. Поэтому в случае призыва духовного лица на военную службу прихожане до утверждения его преемника, в течение длительного времени оставались без религиозных треб, а государство – без должностного лица, которое осуществляло регистрацию актов гражданского состояния, первичный воинский учет и другие полномочия. Еще по указу императора от 10 апреля 1798 г. муллы башкирского и казачьего сословий были освобождены от службы в иррегулярных войсках²⁰⁶. А высочайше утвержденным 20 февраля

²⁰³ ПСЗ. – Собр. 1-е. – Т. XXXVIII. – № 28891.

²⁰⁴ ПСЗ. – Собр. 2-е. – Т. XXV. – Отд. 1-е. – № 23932.

²⁰⁵ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4084. Л. 766–767 об.

²⁰⁶ Законы Российской империи о башкирах, мишарях, тептярях и бобылях. – Уфа: Китап, 1999. – С. 188.

1850 г. мнением Государственного Совета право личного изъятия от рекрутской повинности было предоставлено имамам и других сословий²⁰⁷. Правда, пользовались они им относительно недолго. При проведении Александром II военной реформы, законом от 1 января 1874 г. муллы не были включены в список лиц, освобожденных от новой всеобщей воинской повинности²⁰⁸. К тому же, ей подлежали мужчины, достигшие 21 года, а на должности приходских имамов утверждались кандидаты не моложе 22 лет, то есть уже отслужившие или зачисленные по результатам жеребьевки в ополчение. И лишь законом от 23 июня 1912 г. всех мусульманских духовных лиц округа ОмДС, включая не только приходских мулл, но уже и муэдзинов, освободили от воинской повинности (пункт 4 статьи 46)²⁰⁹. Хотя призывной возраст был даже понижен до 20 лет, а будущие священнослужители все равно должны были пройти процедуру жеребьевки до утверждения в духовном звании, по крайней мере, действующих имамов и азанчеев перестали призывать на учебные сборы или мобилизовывать на военную службу из ополчения и запаса.

В 1842 г. ОмДС предлагало Министерству внутренних дел освободить от рекрутской повинности не только приходских священнослужителей, но так же их детей до достижения возраста 23 лет с тем, чтобы они могли спокойно обучаться исламским наукам, а по завершении курса – занимать вакантные духовные должности²¹⁰. Такой шаг мог привести к окончательному оформлению мусульманского духовенства в самостоятельное наследственное сословие. Однако, несмотря на поддержку оренбургских военного и гражданского губернаторов, наказных атаманов Оренбургского и Уральского казачьих войск, командующего Башкирско-мещерякским войском, это предложение было отвергнуто Государственным Советом и не вошло в текст закона от 20 февраля 1850 г.

Тем не менее, мусульманские духовные должности нередко становились наследственными. Муллы и азанчечи заранее готовили своих сыновей в преемники, давая им религиозное образование и привлекая в качестве помощников. Да и для самих прихожан принадлежность к такой династии была лучшей гарантией глубоких знаний и высоких нравственных качеств кандидата. Например, в 1866 г. жи-

²⁰⁷ ПСЗ. – Собр. 2-е. – Т. XXV. – Отд. 1-е. – № 23932.

²⁰⁸ ПСЗ. – Собр. 2-е. – Т. XLIX. – Отд. 1-е. – № 52983.

²⁰⁹ ПСЗ. – Собр. 3-е. – Т. XXXII. – № 37417.

²¹⁰ ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 11873. Л. 1–2 об.

тели деревень Ахмеровой, Верхней и Нижней Кунакбаевых Оренбургского уезда и губернии безуспешно добивались назначения своим имамом 16-летнего Мухаммедхараса Габдуллоевича Куватова на место умерших отца и деда. Прихожане указали, что хотя кандидат не достиг установленного законом возраста в 22 года и даже не завершил обучения в медресе, «но как предки его, находясь в этой должности, служили» им «с одобрением и весьма хорошим поведением», то и теперь они «питают надежду, что Куватов впоследствии будет им весьма полезен»²¹¹. В 1867 г. челябинский уездный исправник даже предлагал ОГП запретить назначение в один мусульманский приход ближайших родственников потому, что это «крайне вредно и дает возможность муллам к открытию и совершению противозаконных действий». Он считал, что «необходимо установить такой порядок как в православных приходских церквях, где родственники из духовного звания в одной церкви никогда почти не определяют-ся»²¹².

В Оренбургской губернии сложились целые династии потомственных мусульманских священнослужителей. Так, при 1-й соборной мечети Сеитовского посада (Каргалы) последовательно работали 5 поколений одной семьи: старшими муллами – Абдрахман Мухаммедшарифов (1743–1826) и его сын Гатаулла Абдрахманов (1790–1843), младшими муллами – внук Хайрулла Гатауллович Аминев (?–1882) и правнук Ганиатулла Хайруллович Аминев (1859–1893), а муэдзином – праправнук Габдрахман Ганиатуллович Аминев²¹³. Или, например, в 1-й соборной мечети пос. Воздвиженского с 60-х годов XVIII до 20-х годов XX веков несли духовную службу 4 поколения родственников: мулла из ахунских детей Салман Хусейнов; его сыновья, имамы Сагит и Махмут Салмановы; его внуки, азанчей Гизетулла, муллы Гисметулла и Гатиатулла Сагитовичи Салмановы; его правнук, имам Газизулла Гатиатуллович Салманов²¹⁴. По 3 поколения духовных лиц насчитывали семьи Аминевых во 2-й Зубочистке, Мустаевых и Узбековых – в Каргале, Рахманкуловых и Якуповых – в Новомусиной, Ждановых – в Тукаевой, Габитовых – в Юзеевой и др.

²¹¹ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4061. Л. 427 – 428 об.

²¹² ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4070 Л. 606–610.

²¹³ ЦИА РБ. Ф. И-295. Оп. 4. Д. 489. Л. 1–3 об., 653–655 об., 665–666; ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4180. Л. 465–465 об.; Оп. 2. Д. 3473. Л. 21/

²¹⁴ ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 182. Л. 294 об.; Д. 184. Л. 152 об.; Ф. 6. Оп. 4. Д. 9958. Л. 222 об. – 223; Д. 9007. Л. 44 об.; ЦИА РБ. Ф. И-295. Оп. 10. Д. 94. Л. 69 об.; ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4146. Л. 309–310; Д. 4230. Л. 769–769 об.

Таким образом, предоставление мусульманскому духовенству льгот по законодательству Российской империи, освобождение от военной службы, телесных наказаний, налогов и повинностей, а нередко и занятие должностей по наследству превращали его в особую, привилегированную, профессиональную группу, представители которой существенно выделялись из состава своих сословий.

От рядовой массы прихожан служители исламского культа отличались и более высоким уровнем достатка, материального благосостояния за счет дополнительных источников доходов и налоговых послаблений. Например, по данным 1842 г., в Верхнеуральском уезде некоторые имамы засевали в своих деревнях самые большие участки среди всех жителей: ахун деревни Ишкуловой Биргали Ишкулов – 117 пудов ярового хлеба, мулла деревни Расуловой Гайса Султанбеков – 135 пудов, мулла деревни Кулушевой Мухаметгали Хасанов – 145 пудов, а мулла деревни Биккуловой Кутлузаман Тушмакаев – 160 пудов ярового хлеба²¹⁵. Известно, что в 1862 г. самый крупный табун лошадей на всем Южном Урале из 700 голов принадлежал мулле деревни Кутучевой Аллаберде Джаналину, который кочевал по реке Ток в Оренбургском уезде²¹⁶.

Правда, постоянная занятость в приходе для руководства ежедневной пятикратной молитвой, совершения треб по запросам верующих, обучения детей в конфессиональных школах не всегда позволяла духовным лицам широко вести сельское хозяйство. Анализ данных об экономическом положении 25 священнослужителей по Оренбургскому уезду за 1912 г. показывает, что средний размер семьи у них составлял 6–7 человек, в том числе 1 взрослый мужчина, 4–5 женщин и неспособных к труду, а также 1 малолетний ребенок в возрасте до 5 лет. В общем, на каждое хозяйство приходилось 6 десятин посеянного хлеба, 3 лошади, 2 коровы и 6 голов мелкого рогатого скота. Это соответствует средним показателям по Оренбургской губернии для обычной крестьянской семьи того времени²¹⁷.

Достаток мусульманского духовенства напрямую зависел от уровня благосостояния прихожан, которые обеспечивали его пожертвованиями, платой за совершение треб и обучение своих детей. В малочис-

²¹⁵ Асфандияров А. З. История сел и деревень Башкортостана и сопредельных территорий. – Уфа: Китап, 2009. – С. 19, 20, 33, 40.

²¹⁶ Азаматов Д. Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII – XIX вв. – Уфа: Гилем, 1999. – С. 105.

²¹⁷ ЦИА РБ. Ф. И-295. Оп. 6. Д. 2585. Л. 99 об. – 105; Д. 2768. Л. 3–10.

ленных или бедных приходах муллы и муэдзины сами с трудом сводили концы с концами, а их экономическое положение ухудшалось вместе со всей общиной в период неурожая, эпизоотий, стихийных бедствий и пожаров.

Так, согласно журнальному постановлению ОГП от 22 апреля 1892 г. имам Ахуновской соборной мечети Верхнеуральского уезда Шарафутдин Ахметович Надыршин был переведен в Булатовский приход Троицкого уезда. Однако затем он обратился к администрации с просьбой оставить его на прежнем месте потому, что жители Булатовского поселка «в виду постигшего их в прошлом году неурожая хлебов и трав, потерпев убытки, не могут доставлять духовенству должное обеспечение». По журналу Губернского правления от 5 ноября 1892 г. № 1060 мулла был возвращен обратно (указ от 11/12 ноября 1892 г. № 5029)²¹⁸.

Или, например, 22 мая 1912 г. азанчей пос. Донского Ильинской станицы ОКВ Мардыкамилль Ягофарович Абликеев подал заявление земскому начальнику 3-го участка Оренбургского уезда, в котором указал, что его семья состоит из 12 душ обоого пола. «По случаю неурожая яровых и трав в 1911 г.» он «лишился почти всего скота», за исключением 2 лошадей и 2 коров. А между тем, его приход объединял всего 45 дворов самого «бедного состояния», которые не способны содержать свое духовенство. По просьбе муэдзина ОМДС резолюцией от 4 июня 1912 г. решило выдать ему пособие в размере 15 руб. сроком на 3 года²¹⁹.

Мулла пос. Нижне-Чебенского Оренбургского уезда ОКВ Абдулхалик Ураев в крупный пожар 4 мая 1882 г. потерял почти все движимое и недвижимое имущество. Со своей семьей он жил в небольшой избе без пристроя, держал 2 лошади и 2 козы. Летом засеял всего «2 десятины земли, и этим хлебом питался, получая скудное вознаграждение от своих прихожан за выполнение духовных треб». Когда имам обратился к властям с просьбой о денежном пособии в размере 100 руб. на 3 года, Оренбургское губернское правление ему отказало именно потому, что в отличие от других погорельцев духовное лицо имело пусть небольшой, но дополнительный заработок за совершение частных религиозных обрядов²²⁰.

Если священнослужители господствующей православной церкви получали в Российской империи денежные оклады и даже пенсион-

²¹⁸ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4206. Л. 310–310 об.

²¹⁹ ЦИА РБ. Ф. И-295. Оп. 6. Д. 2782. Л. 13–13 об., 17.

²²⁰ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4173. Л. 164–166.

ное обеспечение из государственной казны, то мусульманское духовенство по большей части не имело фиксированного содержания даже от своих прихожан. По данным 1854 г., из 185 имамов и муэдзинов Оренбургского уезда только 37 служителям культа местные общины устанавливали ежегодное гарантированное вознаграждение²²¹. Основными же источниками средств существования для мусульманского духовенства были: отчисление закята или общественная запашка земли, плата за совершение религиозных треб, пожертвования, фидия (откуп за грехи умершего), взносы за обучение в конфессиональных школах (мектебе и медресе), доходы от занятия сельским хозяйством и предпринимательской деятельностью.

В соответствии со Священным Кораном одним из пяти столпов ислама является закят – уплата очистительной милостыни в пользу нуждающихся. Она становится обязанностью (фарзом) для мусульманина, если:

- верующий достиг половой зрелости, психически здоров, лично свободен и не является должником;

- в течение года был собственником средств, превышающих его собственные основные потребности;

- а его имуществу, богатству свойственно возрастание (нама). В случае отсутствия прироста, закят уплачивается только с золота и серебра.

Необходимость внесения закята (ваджиб) наступает лишь при наличии у мусульманина денег или товаров определенной стоимости (нисаб). За вычетом средств, предназначенных на уплату долгов, она составляет сумму, эквивалентную стоимости 20 мискалей золота (82 грамма). В соответствии с нормами шариата лица, не обладающие такой суммой или имуществом, считаются бедными и сами должны получать помощь от других.

С денежных средств и стоимости товаров на закят отчисляется 1/40 часть. С принадлежащего мусульманину скота он рассчитывается дифференцировано: 1 овца с каждых 40, 1 корова с каждых 30 и 1 верблюд с каждых 5. Для лиц, занимающихся земледелием, предусмотрен особый вид закята – ушр в размере 1/10 части собранного урожая. Однако если крестьянин платит за орошение участка, он сокращается до 1/20 части. Ушр отчисляется с урожая таких культур, как пшеница, ячмень, просо, рис, арбузы, огурцы, баклажаны, маслины,

²²¹ Азаматов Д. Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII – XIX вв. – Уфа: Гилем, 1999. – С. 106.

кунжут, клевер, сахарный тростник, фрукты, а также с полученного меда. Для мусульман, занимающихся земледелием, садоводством и огородничеством, выращенные ими продукты питания становятся дозволенными по шариату (халяль) только в том случае, если они неукоснительно уплачивают с них ушр²²².

В соответствии с аятом 60 суры «Ат-Тауба» («Покаяние») Священного Корана²²³ милостыня предназначается: бедным, не обладающим собственностью в размере нисаба; нищим, которые не имеют необходимого и нуждаются; больным, которые не в состоянии заработать себе на хлеб; сборщикам закята и их помощникам, назначенным властями; верным союзникам, которых нужно привести к согласию в интересах ислама и для его победы, а также тем, кто призывает к исламу и увещевает о нем; для освобождения рабов и выкупа пленных; для погашения долгов тех верующих, которые не имеют средств на их уплату, если причина долга не связана с каким-либо грехом; тем, кто находится на пути служения Аллаху; странствующим, оторванным от своего имущества, дома и родных. При этом наиболее предпочтительной является передача закята неимущим, а также лицам, посвятившим себя служению Аллаху. Известный знаток татарского быта П. А. Шино в середине XIX в. отмечал, что «всякому мулле милостыни дают более, нежели всем нищим деревни вместе» взятым²²⁴.

В историческом прошлом, когда большинство населения Российской империи составляли крестьяне, именно ушр был наиболее распространенным видом закята, помощи мусульманскому духовенству на территории Оренбургского края. Поскольку сами служители культа зачастую не имели свободного времени для сельскохозяйственных работ, члены общины организовывали в их пользу общественную запашку земли. Например, известно, что в начале XX в. прихожане Селиткуловской соборной мечети 1-й Каракипчакской волости Оренбургского уезда ежегодно выделяли имаму Абухалыфу Габдрахимову обособленный участок, но сами обрабатывали его по очереди и собирали урожай в доход своего мุลлы²²⁵.

²²² Введение в ислам (Мухтасар ильми-халь). – СПб.: Издательство «ДИЛЯ», 2005. – С. 141–143; Книга об узаконенной милостыне (Китаб аз-закят) // Тахмаз А. Ханафитский фикх в новом обличье. Том 1. – Нижний Новгород: ИД «Медина», 2007. – С. 299–317.

²²³ Коран. Пер. с араб. акад. И. Ю. Крачковского. – М.: Изд-во «Раритет», 1990. – С. 155.

²²⁴ Шино П. А. Волжские татары // Татарстан. – 1992. – №№ 11–12. – С. 68.

²²⁵ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4237. Л. 350.

Наряду с закатом, другим важным источником финансирования мусульманского духовенства была плата за совершение религиозных обрядов: наречения имени (исем кушу), бракосочетания (никах), погребения (джаназа) и поминовения умерших. Ее размеры не были строго определенными и зависели от состоятельности и усмотрения самого дающего. Так, за чтение молитвы над новорожденным мулла получал не более 10 коп. в деревне и 50–60 коп. в городе²²⁶. Величина платы за проведение никаха рассчитывалась как 1/40 часть калыма, то есть 2,5 коп. с каждого рубля. На рубеже XIX–XX вв. ее размер в Оренбургской губернии составлял от 1 до 3 руб.²²⁷. За совершение погребального обряда уплачивалось от 20 коп. до 2 руб.²²⁸.

Поскольку размеры платы за исполнение религиозных треб не были закреплены, это открывало дорогу для злоупотреблений и вымогательств. Так, например, 28 февраля 1898 г. доверенные от 63 прихожан соборной мечети пос. Чесноковского Нижне-Озерной станицы Оренбургского казачьего войска подали жалобу в ОМДС, где указали, что их 1-й мулла «Мухаметлатиф Галиев Бакиров, 79 лет от роду, стар и совершенно лишен уже два года зрения, а 2-й, его сын Сулейман, пользуясь слабостью и слепотой отца, управляет всеми делами их прихода, позволяет себе требовать принудительно слишком тяжелую для них, прихожан, плату за исполнение духовных треб, а в противном случае отказывается под разными предлогами ... За венчание оба взимают совершенно непомерную плату, не сообщаясь с правилами шариата и стоимостью калыма, а поступают по своему усмотрению, причем почти с каждого брака требуют до 15 рублей, а буде не в состоянии, то они таковой оставляют под предлогом, что жениху или невесте не вышли года, и тем их, доверителей, совершенно разоряют». Хотя факты вымогательства подтвердили 4 свидетеля, Собрание посчитало, что «обстоятельства дела не дают достаточных оснований для заключения о том, чтобы такое вознаграждение было непосильно для этих лиц, и чтобы они делали это не добровольно, а будучи вынуждены притязательностью мулл»²²⁹.

Однако наиболее значительной статьей финансовых поступлений для мусульманского духовенства были добровольные пожертвования

²²⁶ Коблов Я. Д. О магометанских муллах. Религиозно-бытовой очерк. – Казань: Иман, 1998. – С. 24.

²²⁷ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4231. Л. 154–157; Д. 4239. Л. 686–687 об.

²²⁸ Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / Сост. и автор вводной статьи, комментариев и приложений Д. Ю. Арапов. – М.: ИКЦ «Академкнига», 2001. – С. 318.

²²⁹ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4221. Л. 942–948 об.

прихожан и, прежде всего, в 2 годовых религиозных праздника – разговения (Ид аль-Фитр или Ураза-байрам) и жертвоприношения (Ид аль-Адха или Курбан-байрам). После окончания поста и месяца Рамадан каждый мусульманин обязан сделать особое подаяние (садака аль-фитр) за себя и каждого мужчину, находящегося на его иждивении (малолетних сыновей, опекаемых, престарелого отца и др.). При этом в отличие от закята садака разговения подлежит уплате независимо от материального положения человека. Согласно шарияту в день праздника верующий должен раздать 1/2 са пшеницы или муки (2,25 кг) либо 1 са (5,5 кг) ячменя и других продуктов либо их стоимость в денежном выражении²³⁰. В начале XX в. каждый мусульманин Волго-Уральского региона жертвовал не менее 20 коп. и более в зависимости от достатка, что давало мулле в сельских приходах от 50 до 100 руб., а в городах – 400–500 руб. На праздник жертвоприношения духовным лицам подавали меньше потому, что садака не является обязательной. Но по заведенному порядку им доставалась лучшая часть мяса и все шкуры жертвенных животных, продажа которых приносила до 80–100 руб.²³¹.

После смерти кого-либо из прихожан духовному лицу выделялась часть наследства в качестве фидии – компенсации за неисполненные при жизни религиозные обязанности. Журналом ОмДС от 5 августа 1892 г. было определено, что за каждую пропущенную молитву или день поста полагалось выплачивать по 4 ? фунта пшеницы (1,945 кг) либо ее стоимость в денежном выражении, если она не превышала 1/3 всего наследственного имущества и была прямо указана в завещании²³². На практике за умершего мужчину духовному лицу отдавали лучшую одежду, хозяйственные принадлежности, в богатых семьях – даже лошадь или корову, а за женщину – пуховую перину²³³.

За преподавание в традиционной мусульманской школе духовенство не получало фиксированного вознаграждения, а содержалось за счет добровольных пожертвований деньгами, продуктами питания, дровами для отопления в зависимости от материального положения

²³⁰ Тахмаз А. Ханафитский фикх в новом обличье. Том 1. – Нижний Новгород: ИД «Медина», 2007. – С. 313–317.

²³¹ Коблов Я. Д. О магометанских муллах. Религиозно-бытовой очерк. – Казань: Иман, 1998. – С. 24–25.

²³² Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений по округу ОмДС. 1841–1901 гг. – Уфа: Электрическая типо-литография В. П. Колпацкого и Ко, 1902. – С. 52.

²³³ Коблов Я. Д. О магометанских муллах. Религиозно-бытовой очерк. – Казань: Иман, 1998. – С. 25–26.

родителей. В начале XX в. такая плата за обучение в Оренбургской губернии составляла от 25 коп. до 2 руб. в год с человека²³⁴. При этом дети из бедных семей полностью освобождались от любых взносов. Но даже такая необязательная, дифференцированная система оплаты давала мусульманским духовным лицам существенную прибавку к доходам. Так, по данным 1908 г., в Оренбургской губернии из 1369 преподавателей мектебе и медресе только 16 обучали совершенно бесплатно (1 %), 566 имели неопределенное вознаграждение (41 %), менее 50 руб. в год получал 71 педагог (5 %), от 50 до 100 руб. – 108 (8 %), от 100 до 150 руб. – 58 (4 %), от 150 до 200 руб. – 16 (1 %) и более 200 руб. в год – 514 человек (38 %)²³⁵.

В целом, в начале XX в. мусульманский сельский приход приносил всему духовенству от 200 до 700 руб. ежегодно, а городской – до 2000–3000 руб. Причем в деревнях большая часть поступала натурой – хлебом и другими продуктами питания, а в городах – деньгами²³⁶.

Несмотря на солидные заработки по основной, профессиональной деятельности, служители культа дополнительно занимались сельским хозяйством, промыслами и торговлей. Так, в начале XX века в Оренбургском уезде мулла 1-й соборной мечети Сеитовского посада Хайрулла Усманов продавал бакалейные и колониальные товары, имам деревни Кутлумбетовой Габдулшакур Хасанов вел мелочную торговлю, мулла пос. Григорьевского Загретдин Хасанов держал мануфактурную лавку²³⁷ и т. д. По запросу одного из мулл ОМДС журналом на 11 августа 1903 г. № 16 даже специально разъяснило, что «занятие торгово-промышленными делами духовным лицам магометанского вероисповедания не воспрещается, со взятием установленных свидетельств и с тем, чтобы от этого не было упущений по службе»²³⁸.

За ненадлежащее исполнение обязанностей и поведение, несовместимое с духовным саном, служители исламского культа привлекались к установленной законом ответственности. В 1849 г., рассмотрев вопрос о пределах власти ОМДС над приходским духовенством, Государственный Совет подтвердил, что оно «есть непосредственное на-

²³⁴ Оренбургская газета. – 1913. – 15 ноября. – № 253.

²³⁵ ГАОО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 256. Л. 14 об.

²³⁶ Коблов Я. Д. О магометанских муллах. Религиозно-бытовой очерк. – Казань: Иман, 1998. – С. 23.

²³⁷ Уральский торгово-промышленный адрес-календарь на 1915 г. – Пермь: Изд. С. С. Вершова, 1917. – С. 287, 293; ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4241. Л. 393–394 об.

²³⁸ Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений по округу ОМДС. 1836–1903 гг. – Уфа, 1905. – С. 207.

чальственное место над муллами; ему принадлежит право следить за действиями их до духовных обязанностей относящимся, судить о мере вины их при нарушении сих обязанностей и определять за то взыскания». Высочайше утвержденным мнением Государственного Совета от 21 мая 1849 г. Духовное собрание было наделено полномочиями выносить постановления о временном удалении от должности и увольнении мулл, которые приводились в исполнение исключительно через Губернские правления. В то же время региональные органы государственной власти не могли самостоятельно отменять решения ОМДС, а жалобы на них для пересмотра должны были подаваться через губернатора в Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД²³⁹. Его предложением от 14 марта 1900 г. № 4483 было разъяснено, что по смыслу закона ОМДС подведомственны дела о нарушении только духовных обязанностей: о порядке богослужения, об исполнении обрядов и треб, о соблюдении догматов веры и нравственных предписаний шариата, о брачно-семейных и наследственных отношениях. При этом в случае необходимости Духовное собрание могло обращаться к содействию местной полиции для проведения расследования, но не напрямую, а только через Губернское правление. По делам же о нарушении должностных обязанностей (самовольном оставлении места службы, подлоге документов, непредставлении сведений по запросам государственных органов, незаконном заключении брака, самоуправстве и др.) приходское духовенство подлежало ответственности и суду на общих основаниях²⁴⁰. В этом разделении подсудности отразилось двойственное положение мусульманских духовных лиц в правовой системе Российской империи, поскольку, с одной стороны, они были общественными выборными служителями религиозного культа, а с другой, – государственными служащими, ответственными за регистрацию актов гражданского состояния, первичный воинский учет и другие административно-судебные функции.

Так, на протяжении 1897–1899 гг. российские власти постоянно продляли запрет на выезд паломников в Мекку из-за карантина по случаю эпидемии чумы на Ближнем Востоке. Среди прочих, мусульманские духовные лица Оренбургской губернии неоднократно подавали ходатайства о выдаче заграничных паспортов для совершения хаджа, но неизменно получали отказ. Тогда старший мулла 6-й собор-

²³⁹ ПСЗ. – Собр. 2-е. – Т. XXIV. – Ч. 1. – № 23259.

²⁴⁰ Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений по округу ОМДС. 1836–1903 гг. – Уфа, 1905. – С. 164–167.

ной мечети Сеитовского посада Усман Яфаров добился от Оренбургского губернского правления 2-месячного отпуска с 9 января 1899 г. для поездки во внутренние районы России. А сам незаконно выехал через Самару, Харьков, Феодосию и Стамбул в Аравию, откуда вернулся только через 5 месяцев в компании 6 своих односельчан, также нелегально совершивших паломничество. По сообщению полиции ОГП журналом от 14 июля 1899 г. № 575 постановило муллу Яфарова независимо от уголовной ответственности на основании ст. 787 т. III Свода законов Российской империи уволить от занимаемой должности и отобрать у него указ на духовное звание имама за самовольное оставление места службы (указ от 25 июля 1899 г.)²⁴¹. Кроме того, Оренбургский уездный съезд земских начальников приговорил его по ст. 62 Уложения о наказаниях за пересечение границы без разрешительных документов к штрафу в 30 руб. или при несостоятельности – к аресту на 1 неделю, а также ко взысканию 10 руб. сбора за заграничный паспорт. Наконец, следователю Феодосийского уезда Таврической области было направлено дело о нарушении правил карантина по ст. 835 Уложения о наказаниях²⁴². Жалоба Усманова на эти решения была отклонена Правительствующим Сенатом по указу от 24 мая 1900 г. № 5981²⁴³.

Как свидетельствует практика, за нарушения собственно религиозных обязанностей ОМДС применяло к приходскому духовенству следующие виды взысканий:

- покаяние;
- временное удаление от должности на срок до 1 года;
- увольнение.

Покаяние (тауба) предполагает осознание своего греха, душевную боль и искреннее сожаление с намерением более не совершать его, обращение к Аллаху с мольбой о прощении (истигфар), а в отдельных случаях – соблюдение искупительного поста (каффарат). Мусульманские духовные лица, подвергнутые покаянию за отступления от религиозных догматов, культовой практики и нравственных предписаний ислама, публично признавали свою вину в Присутствии ОМДС и давали письменное обязательство на будущее не совершать подобных нарушений шариата. Например, в июле 1842 г. Духовное собрание наложило покаяние за наречение младенцу христианского имени,

²⁴¹ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4223. Л. 267–274 об.

²⁴² ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4224. Л. 76–81

²⁴³ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4230. Л. 238–239 об.

«поскольку носить русское имя неприлично и несогласно с магометанской религией»²⁴⁴.

Удаление от должности на срок до 1 года давало духовному лицу время для осознания своей вины, исправления нравственности и поведения. Это наказание имело не только моральное значение, но и лишало служителя культа профессионального заработка потому, что на этот период полиция изымала у него указ на духовное звание. Так, по представлению ОМДС Губернское правление журналом на 26 июля 1893 г. № 700 удалило от должности на 2 месяца имама пос. Ново-Аминевского Троицкого уезда за сожительство без брака с девицей Гульзенатой Мухаметлатыфовой (указы от 29 июля 1893 г. №№ 4538, 4539)²⁴⁵.

Наконец, увольнение в качестве крайней меры наказания применялось за наиболее серьезные проступки:

- искажение религиозных догматов ислама;
- систематическое неисполнение обязанностей по духовной должности, прямых распоряжений и поручений ОМДС;
- поведение, порочащее служителя культа (пьянство, воровство и др.).

Например, по журналу Духовного собрания от 27 ноября 1872 г. имам деревни Ачликулевой Белярской волости Челябинского уезда Ильяс Гайнуллин был впервые наказан и удален от должности на 2 месяца за отрицание будущего пришествия Махди – провозвестника близкого конца света и последнего преемника Пророка Мухаммада, учение о котором широко распространено не только в шиитском, но и суннитском исламе, хотя прямо не упомянуто в Коране²⁴⁶. В 1877 г. башкир деревни Ачликулевой Мухаметшариф Абушахмин вновь сообщил ОМДС «о ложном толковании их имамом Ильясом Гайнуллиным Алкорана и о распространении ложных слухов, относящихся до магометанской религии». Оренбургский муфтий вызвал обвиняемого в Присутствие Духовного собрания, где мулла публично покался в своих заблуждениях и дал подписку о том, что впредь не будет совершать подобных поступков. Однако впоследствии до главы мусульман стали доходить слухи, что Гайнуллин по-прежнему придерживается сектантских взглядов. Иمامу деревни Сафакулевой Челя-

²⁴⁴ ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 11820. Л. 286.

²⁴⁵ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 3210. Л. 89.

²⁴⁶ Азаматов Д. Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII – XIX вв. – Уфа: Гилем, 1999. – С. 174.

бинского уезда Мирзазагиту Габдулкадырову было поручено удостоверить в справедливости этих сообщений. В ходе расследования несколько человек подтвердили, что мулла Ильяс Гайнуллин «продолжает проповедовать ложное учение, не верит книгам, где описаны догматы религии, кроме Корана». Собрание нашло его «по правилам шариата не терпимым в духовном звании». Согласно ст. 1238 т. XI ч. 1 Устава духовных дел иностранных исповеданий оно постановило отпустить имама от должности и просило Оренбургское губернское правление привести это решение в исполнение. Журналом от 20 января 1891 г. № 60 губернская администрация предписала Челябинскому уездному полицейскому управлению отобрать у бывшего муллы Ильяса Гайнуллина указ на духовное звание для уничтожения (указы от 31 января 1891 г. №№ 399, 400)²⁴⁷.

В 1900 г. башкир деревни Учалы Тептяро-Учалинской волости Верхнеуральского уезда Гайнитдин Сейфутдинов подал в Духовное собрание жалобу на муэдзина 3-й сельской мечети Биляла Гисметуллина. Проведенным расследованием было установлено, что он «неисправно провозглашает азаны и икаматы, не следит за чистотой и порядком в мечети, ведет себя неодобрительно, относится к имаму грубо и непочтительно, дозволяет по отношению к прихожанам то же и по удостоверению имама Тагирова не пригоден к службе». За неисполнение своих обязанностей Духовное собрание постановило уволить азанчю от должности, а рапортом от 16 сентября 1900 г. № 5603 просило губернские власти обеспечить исполнение этого решения. Журнальным постановлением от 18 декабря 1901 г. ОГП поручило Верхнеуральскому уездному полицейскому управлению изъять у Биляла Гисметуллина указ на духовную должность, а прихожанам объявить о необходимости избрания нового муэдзина (указы от 20 декабря 1901 г. №№ 3466, 3467)²⁴⁸.

24 марта 1901 г. башкиры деревни Старо-Аллабердиной Бушман-Суун-Каракипчакской волости Оренбургского уезда Абдулкадыр Хисаметдинов, Байрамгали Баймухаметов и другие подали в ОМДС жалобу на своего приходского имама Мухамет-Юсупа Альбаева. По их словам, он был подвержен постоянному пьянству: «нет ни одного дня, чтобы он не был пьян, нет ни одного базара, на котором бы он не вел компанию с отъявленными негодьями, не напивался бы до одурения и по возвращении с базара не вторгался бы в мечеть в пьяном

²⁴⁷ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4157. Л. 175–176.

²⁴⁸ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4227. Л. 603–604.

виде, возмущая чувство молящихся прихожан, дома почти никогда не живет, в мечеть никогда не ходит, а если и заходит иногда, то не иначе как в одурманенном состоянии». Жители села просили Духовное собрание навсегда удалить Альбаева от занимаемой должности. При производстве расследования по этому делу 11 свидетелей показали, что имам действительно напивается каждый день до безобразия, постоянно куда-то уезжает из деревни, а в мечеть является для совершения молитв не чаще одного раза в месяц. Они неоднократно видели его валяющимся на дороге в пьяном виде, а потому просили удалить Альбаева от должности или куда-нибудь перевести. С другой стороны, 35 прихожан заявили, что их имам поведения хорошего, в нетрезвом виде ими не замечен и свои служебные обязанности в мечети исполняет аккуратно, а потому они считают жалобу на него ложной, написанной из вражды к мулле. По сведениям, собранным негласно приставом 3-го стана Оренбургского уезда, все же оказалось, что имам Альбаев ведет себя предосудительно и сильно пьянствует. При проезде через деревни Аллабердину сам пристав трижды видел его на улице в алкогольном опьянении. То же самое подтвердили старшина Бушман-Суун-Каракипчакской волости Сафаргалий Идельбаев и землевладелец Харрис Давлетшин. Узнав о поданной на него жалобе, мулла стал поить и кормить народ, чтобы при расследовании люди отзывались о нем хорошо. В отзыве, данном Аллабердинскому сельскому старосте, он заявил, что «башкиры Абдулкадыр Хисаметдинов с прочими жалуются на него несправедливо и ложно по подстрекательству и вымыслу башкира Мухаметгалея Мухаммедьярова, который сам во время поста пьет днем вино и редко является на богослужение, за что Альбаев как мулла делает ему выговоры». Рассмотрев обстоятельства дела, Губернское правление пришло к выводу, что «нетрезвый образ жизни имама вполне установлен собранными о нем сведениями, и что при таком предосудительном поведении он, как духовное лицо, не может быть терпим на занимаемой должности». По результатам дознания, инициированного ОМДС, журналом от 14 декабря 1901 г. № 593 оно согласилось уволить его с духовного поста (указы от 18 декабря 1901 г. №№ 3437, 3438)²⁴⁹.

Поскольку муллы и муэдзины были выборными лицами, прихожане имели полное право уволить их и самостоятельно, не прибегая к помощи Духовного собрания, по общественному приговору, принятому 2/3 старших домохозяев и утвержденному Губернским правле-

²⁴⁹ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4227. Л. 588–590 об.

нием. При этом основанием могли послужить не только правонарушения, но и любые другие обстоятельства, например, сварливый характер или профессиональная непригодность по возрасту и состоянию здоровья.

Например, 9 марта 1894 г. прихожане 8-й соборной мечети Сеитовского посада постановили приговор, которым ходатайствовали об увольнении с должности 2-го муллы Абдрахмана Бадретдиновича Газизова, не способного по болезни исполнять свои обязанности. Несмотря на протесты обоих приходских имамов, ОГП журналом на 13 мая 1894 г. № 555 удовлетворило просьбу, так как в ходе проверки все подписавшиеся подтвердили свое намерение, а Волостное правление удостоверило одержимость муллы «падучей болезнью», то есть эпилепсией (указы от 13 мая 1894 г. №№ 2620, 2621, 2622)²⁵⁰.

Принципиально важным не только для муэдзина, провозглашающего призыв на молитву, но и для имама было наличие громкого голоса и членораздельной речи. Например, по общественному приговору от 1 июня 1882 г. мусульмане пос. Кондуровского Воздвиженской ст. Орского уезда возбудили ходатайство об увольнении своего муллы Юсупа Мухаметова. В качестве причины они указали на его преклонный возраст – 56 лет, на слабость здоровья и тихий голос. Вследствие повреждения носовых хрящей имам гнусавил и не мог внятно читать молитвы. В ответном прошении ОГП Мухаметов указал, что еще в состоянии нести службу, а общество ходатайствует об его увольнении от должности по слабости здоровья неправильно, по желанию нескольких человек, которые и подписали приговор собственноручно, в то время как остальные были внесены заочно. Однако по опросу Орской уездной полиции все прихожане подтвердили свои подписи. Мулла Мухаметов был вынужден письменно признать этот факт, но заявил, что по-прежнему считает себя способным исполнять обязанности и увольняться не желает. На запрос губернской администрации о том, как поступить в этом случае, ОМДС рапортом от 2 октября 1883 г. № 1555 отозвалось, что мусульманские священнослужители избираются и увольняются по решению самих прихожан. Поэтому журналом от 31 мая 1885 г. № 368 ОГП освободило Юсупа Мухаметова от должности муллы (указы от 19 июня № 2455, 2456, 2457)²⁵¹.

Ну и, разумеется, духовное лицо могло уйти в отставку по собственному желанию в связи с переездом, семейными обстоятельства-

²⁵⁰ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4212. Л. 286–287; Д. 4213. Л. 398–398 об.

²⁵¹ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4173. Л. 184–186.

ми, преклонным возрастом, болезнью или другими причинами. В этом случае Губернское правление утверждало письменное ходатайство служителя культа своим постановлением и через местную полицию требовало у него указ на духовную должность и звания для последующего уничтожения.

Таким образом, наличие широкой сети служителей исламского культа на местах, проведение ими на профессиональной основе религиозных обрядов, связанных с рождением, браком и смертью, обусловило привлечение мусульманского духовенства в Российской империи к выполнению ряда государственных функций: регистрации актов гражданского состояния, первичного воинского и статистического учета. Государство также сохранило частичную автономию мусульман в регулировании отдельных сфер гражданско-правовых отношений, имплицитно соответствующие нормы шариата в свою юридическую систему. В результате до 1917 г. в Российской империи приходские муллы обладали исключительной компетенцией по рассмотрению и разрешению брачно-семейных дел мусульман, а по наследственным и имущественным спорам выступали в качестве третейских судей, примирителей, посредников, решения которых не были обязательными для исполнения и не подкреплялись принудительной силой государства. Выполнение административных и судебных функций, по сути, превращало выборных общественных служителей религиозного культа в должностных лиц, государственных служащих, что определило их двойственное положение в законодательстве Российской империи.

В отличие от православного духовенства служители ислама в Российской империи не составляли отдельного сословия, а их гражданские права и обязанности зависели от принадлежности к крестьянству, казачеству, мещанству, купечеству или другим сословным группам. Тем не менее, в процессе интеграции мусульманского духовенства в административную систему Российской империи ему были предоставлены и определенные законодательные льготы, призванные оградить достоинство духовных лиц, их материальное благосостояние, беспрепятственное исполнение государственных и религиозных обязанностей. Освобождение от военной службы, телесных наказаний, налогов и повинностей, а нередко и занятие должностей по наследству превращали мусульманских священнослужителей в особую, привилегированную, профессиональную группу, представители которой существенно выделялись из состава своих сословий.

От рядовой массы прихожан мусульманское духовенство отличалось и более высоким уровнем достатка, материального благосостояния за счет налоговых послаблений и дополнительных источников доходов: отчисления закята или общественной запашки земли, платы за совершение религиозных треб, пожертвований, фидии (откупа за грехи умершего), взносов за обучение в конфессиональных школах (мектебе и медресе).

За ненадлежащее исполнение обязанностей и поведение, несовместимое с духовным саном, служители исламского культа привлекались к установленной законом ответственности. При этом по делам о нарушении религиозных обязанностей они были подведомственны Оренбургскому магометанскому духовному собранию, а по делам о нарушении должностных обязанностей подлежали ответственности и суду в общегражданских органах. В этом разделении подсудности также отразилось двойственное положение мусульманских духовных лиц в правовой системе Российской империи как общественных служителей религиозного культа и государственных служащих, ответственных за исполнение административных и судебных функций.

1.2. Организация мусульманских приходов и культовых зданий

Главным объединяющим, консолидирующим, структурообразующим центром мусульманской общины выступает мечеть как место отправления религиозного культа. Слово «масджид» буквально и переводится с арабского языка как «место поклонения» Богу (Аллаху), «место, где простираются ниц».

Одним из пяти столпов ислама, основой его ритуала и главной религиозной обязанностью каждого мусульманина является ежедневная пятикратная молитва (саяят по-арабски или намаз по-персидски). Ее обязательность подтверждается Священным Писанием (Кораном), Священным Преданием о поступках и высказываниях Пророка Мухаммада (Сунной), а также единодушным мнением мусульманской общины (иджма).

Молитва может совершаться индивидуально и коллективно в любом подходящем месте, в помещении или на открытом воздухе. Порицается читать намаз на дороге, бойне, в загонах для крупного домашнего скота, у навозной кучи, на кладбище, на захваченной земле, на чужом участке без согласия хозяина, перед огнем или изображениями живых существ²⁵². Таким образом, ислам предоставляет

²⁵² Тахмаз А. Ханафитский фикх в новом обличье. Том 1. – Нижний Новгород: Издательский дом «Медина», 2007. – С. 188, 191–192.

широкий выбор мест для совершения личной молитвы. Но в то же время согласно шариату коллективный, общественный намаз является более предпочтительным, а в пятницу до полудня – обязательным для верующих мужчин. Это и обусловило возникновение мечетей как особых молитвенных зданий исламской религии еще в VII веке, при ее основателе Пророке Мухаммаде (570– 632). Уже в Священном Коране слово «масджид» употребляется 28 раз. Постепенно к концу VIII столетия сложились обязательные атрибуты архитектурного облика и внутреннего убранства мечети:

- минарет (от араб. «манара» – маяк) – башня, с которой провозглашается призыв на молитву;

- михраб – ниша во внутренней стене, указывающая направление (киблу) на главную мусульманскую святыню Каабу в городе Мекке, в сторону которой должны обращаться мусульмане при молитве;

- минбар – трибуна для проповедника (имама) справа от михраба²⁵³.

При каждой мечети также есть искусственный водоем или специальное помещение для ритуального омовения перед молитвой – тахиратхана²⁵⁴.

В отличие от многих других религий, мечеть не является храмом в строгом смысле слова, исключительным местом для совершения таинств, священнодействий или жертвоприношений, обеспечивающих связь человека с Богом. В исламе установлены определенные требования к содержанию мечетей и правила поведения в них верующих, но они подчеркивают сакральность не здания, а самой молитвы. Так, в мечети не допускается повышать голос, сквернословить, обнажать оружие, заниматься торговлей и другими мирскими делами, половыми сношениями, отправлять естественные потребности, плевать, проводить кровопускание, вносить все нечистое и дурно пахнущее²⁵⁵. Вообще в мечети должны поддерживаться чистота и порядок, а при входе рекомендуется снимать обувь, хотя это и необязательно. Во время

²⁵³ Ислам: Энциклопедический словарь. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. – С. 157, 160, 165, 166.

²⁵⁴ Мухетдинов Д. В., Хабутдинов А. Ю. Мечеть, масджид // Ислам на Нижегородчине: энциклопедический словарь / Коллект. автор; сост. и отв. ред. Д. В. Мухетдинов. – Н. Новгород: Издательский дом «Медина», 2007. – С. 111.

²⁵⁵ Тахмаз А. Ханафитский фикх в новом обличье. Том 1. – Нижний Новгород: Издательский дом «Медина», 2007. – С. 228–229; Сахих аль-Бухари. Достоверные предания из жизни Пророка Мухаммада, да благословит его Аллах и да приветствует / Пер. с араб., примечания и указатели А. Нирша. – М.: Умма, 2005. – С. 120–135

молитвы нельзя разговаривать, откашливаться, смеяться, есть, пить, совершать посторонние движения²⁵⁶.

До середины VIII в. мечети повсеместно были не только религиозными, но и общественно-политическими центрами управления мусульманских общин. В них хранилась казна, распределялись налоги, отправлялось правосудие, оглашались указы и личные обращения должностных лиц, велось религиозное обучение. Но постепенно молитвенное здание все более обособлялось от светских, общественных, политических функций. С VIII в. место правителя во главе молитвы занимает духовное лицо, профессиональный имам, с X столетия в отдельные здания начинают переноситься конфессиональные школы, с XI в. здесь прекращается и даже становится предосудительным судебное разбирательство²⁵⁷. Однако у российских мусульман мечети во многом сохранили социальные, политические, культурные функции, значение консолидирующего центра самоуправления в силу особенностей исторического развития.

В независимых средневековых государствах Поволжья и Урала (Волжской Булгарии, Золотой Орде, образовавшихся на ее осколках Казанском, Астраханском, Сибирском ханствах и Ногайской Орде) ислам был официальной, господствующей религией, а потому строительство мечетей не ограничивалось ничем, кроме общих требований шариата. Однако во второй половине XVI в. постордынские политические образования региона были подчинены иноверным, православным Московским государством. В 1552 г. с завоеванием Казанского ханства в состав России вошли татары и западные башкиры (байларцы, булярцы, гайнинцы, иректинцы). В 1557 г. ее подданство приняли племена Центральной и Южной Башкирии, подвластные Ногайской Орде (минцы, юрматынцы, бурзянцы, кипчаки, усерганцы). Именно этот год и считается официальной датой добровольного вхождения Башкирии в состав России. Наконец, восточные башкиры (табынцы, кудейцы и др.) были присоединены после русского завоевания Сибирского ханства, которое началось в 1582 г. Захват мусульманских государств привел к разрушению традиционной иерархии их духов-

²⁵⁶ Тахмаз А. Ханафитский фикх в новом обличье. Том 1. – Нижний Новгород: Издательский дом «Медина», 2007. – С. 182–183, 196–201.

²⁵⁷ Ислам: Энциклопедический словарь. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. – С. 160; Загидуллин И. К. Исламские институты в Российской империи: Мечети в европейской части России и Сибири. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2007. – С. 33.

ных лиц, практики монументального культового зодчества, полной конфискации религиозного имущества (вакуффов), уничтожению системы конфессионального образования, насильственному выселению последователей ислама из городов в сельскую местность. Для сохранения идентичности в противостоянии иноконфессиональному государству и чуждому культурному окружению мусульманские общины замкнулись, перешли к самоизоляции, а их основные функции сосредоточились вокруг мечети как консолидирующего центра. Она стала не только местом проведения основных религиозных обрядов, но и сбора общины для решения ее важнейших внутренних вопросов, отправления суда по нормам шариата, объявления правительственных указов и распоряжений, передачи культурной и конфессиональной традиции через приходские учебные заведения.

При этом православное Российское государство первоначально само поддерживало такую изоляцию, внутреннюю автономию общин, не вторгаясь в сферу регулирования исламских институтов. Попытки христианизации мусульманского населения Поволжья сразу после его завоевания быстро сошли на нет. Российскому государству попросту требовалось значительное время для интеграции, колонизации, освоения нового региона, закладки в нем сети административно-военных центров, выстраивания инфраструктуры Православной Церкви при наличии внутренних противоречий и решении сложных внешнеполитических задач на других направлениях. Грамотой царя Федора Ивановича от 18 июля 1593 г. было повелено уничтожить все мечети в Казани²⁵⁸, но эта единичная мера служила прежнему курсу на вытеснение мусульман из городов в сельскую местность, их изоляции от совместного проживания с православными и особенно нестойкими в вере новокрещеными, расчистки поля для миссионерской деятельности.

Однако с конца XVII в. при Петре I и его преемниках в России постепенно складывается и укрепляется самодержавная, абсолютная монархия, которая предполагает сосредоточение в одних руках не только высшей светской, но и духовной власти. Идеологическое, а, следовательно, религиозное единообразие, наличие общей культуры, языка и даже однородность этнического состава населения за счет русификации воспринимались как предпосылки более эффективного уп-

²⁵⁸ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Акад. Наук. – Т. 3. – СПб.: Типография 2-го Отд. Имп. Канцелярии, 1836. – С. 436–439.

равления страной, без необходимости учитывать интересы различных национальных и конфессиональных групп, в целях укрепления центральной власти, устранения региональной раздробленности и почвы для сепаратизма. Тем более, что с конца XVII в. основным внешнеполитическим противником России на Востоке становится Турция, султаны которой в качестве хранителей двух исламских святынь, Мекки и Медины, претендовали на роль не только духовных, но и светских глав всего мусульманского мира. В этих условиях российские мусульмане иногда воспринимались имперской администрацией с подозрением, как «пятая колонна», внутренние враги и естественные союзники внешнего противника, готовые поддержать его в любом конфликте.

Поэтому с первой четверти XVIII века Российское государство в тесном союзе с церковными органами перешло к политике полной христианизации мусульманских и языческих народов Среднего Поволжья. Первоначально этой цели пытались добиться за счет формирования системы мер экономического поощрения и принуждения к принятию православия. Для консолидации правящего дворянского сословия по именному указу Петра I от 3 ноября 1713 г. у служилых мусульман, которые не пожелали креститься в течение полугода, были отписаны в пользу государства крепостные крестьяне православного вероисповедания с поместными и вотчинными землями, на которых те жили²⁵⁹. В соответствии с указом Правительствующего Сената от 1 сентября 1720 г. новокрещенные мусульмане и язычники стали освобождаться ото всех государственных налогов и сборов сроком на 3 года, по именному указу императора от 2 ноября 1722 г. не подлежали рекрутским наборам, на основании сенатского указа от 28 августа 1724 г. выходили из крепостной зависимости и кабалы, согласно его уже указу от 21 октября 1724 г. получали смягчение наказания за уголовные преступления, указом от 7 декабря 1748 г. избавлялись от работы по заготовке и вывозке леса для строительства русского флота²⁶⁰. На основании высочайшего указа императрицы Анны Иоанновны от 11 сентября 1740 г. бремя по уплате налогов и даче рекрут за перешедших в православие было переложено на их некрещеных односельчан²⁶¹. Тем самым государство одновременно поощряло новообращенных христиан и оказывало давление на упорствующих в своем нежелании креститься. На-

²⁵⁹ ПСЗ. – Собр. 1-е. – Т. V. – № 2734.

²⁶⁰ ПСЗ. – Собр. 1-е. – Т. VI. – №№ 3637, 4123; Т. VII. – № 4556; Т. XII. – № 9556.

²⁶¹ ПСЗ. – Собр. 1-е. – Т. XI. – № 8236.

логовый гнет на мусульман и язычников возрастал в прогрессии, с увеличением темпов крещения и сам раскручивал его маховик. Кроме того, восприявшим православную веру также дополнительно выдавались денежное вознаграждение от 50 коп. до 1 руб. 50 коп. и различные подарки: предметы одежды (рубашка, порты, кафтан, шапка, рукавицы, обувь и чулки), нательный крест, иконы для семей.

Однако сами по себе меры экономического стимулирования, деятельность одиночек по миссионерскому распространению православной религии не могли решить задачу массовой христианизации «иноверцев» в масштабах всего региона без создания единого организационного центра, развитой инфраструктуры Православной Церкви на местах и крупных финансовых вложений. За 1701–1730 гг. в Казанской епархии были крещены всего 6311 язычников и мусульман, то есть около 200 человек в год²⁶². Поэтому для постановки дела на организационную основу в 1731 г. в Свияжске была создана Новокрещенская контора как специальный орган, ответственный за обращение в православие «иноверцев» Волго-Уральского региона. После необходимой перестройки просветительской деятельности под ее руководством в 1740–1764 гг. была осуществлена массовая христианизация народов Среднего Поволжья. Она сопровождалась подготовкой кадров духовенства из числа национальных меньшинств, переводом богослужебной и церковной литературы на их языки, широкой посылкой миссионеров на места, масштабным строительством церквей и монастырей для духовного окормления новообращенных. Программа Новокрещенской конторы, утвержденная именным указом императрицы Анны Иоанновны от 1 сентября 1740 г., призывала не ограничиваться поверхностным, внешним принятием православия, а способствовать его глубокому укоренению в сознании и быту населения за счет назначения восприемников, наставников из числа исконных христиан, обучения обязательному минимуму догматов и молитв, строгому контролю за посещением богослужений в воскресные и праздничные дни, поощрению браков с русскими. Для предотвращения возврата новокрещеных в прежнюю веру их предписывалось расселять от общения с язычниками и мусульманами²⁶³.

Благодаря комплексу этих мер за 1731–1764 гг. в Среднем Поволжье было крещено 384226 человек. Из язычества в православие обра-

²⁶² Ислаев Ф. Г. Ислам и православие в России: от конфронтации к веротерпимости. Век XVIII. – М.: ООО «ТИД «Русское слово-РС», 2004. – С. 115.

²⁶³ ПСЗ. – Собр. 1-е. – Т. XI. – № 8236.

щено подавляющее большинство марийцев, мордвы, удмуртов и чуваш. Однако число новокрещеных татар за тот же период оказалось невелико и составило всего 12699 человек, то есть около 374 человек в год²⁶⁴.

Дело в том, что язычество как религия первобытнообщинного строя, обожествляя силы природы, определяла место и взаимоотношения с ней человека, но была неспособна объяснить и урегулировать противоречия нового классового общества, существование неравенства и эксплуатации, отношения между людьми. Поэтому с исторической закономерностью оно постепенно уступало христианству, которое устанавливало новый, уже социальный миропорядок через разделение добра и зла, праведности и греха, идею посмертного воздаяния в раю или аду. Однако ислам подобно христианству также является монотеистической религией развитого классового общества, отвечает на основные мировоззренческие вопросы, удовлетворяет духовные потребности людей, выступает регулятором социальных отношений на основе богатого морально-нравственного потенциала, не говоря уже о собственной системе аргументации, которая защищает его от посторонней религиозной пропаганды. Кроме того, он появился в этом регионе задолго до христианства, с периода раннего средневековья, глубоко укоренившись со временем в сознании и культуре местного татарского и башкирского населения.

Наличие собственной разработанной догматики, богословия, права, института профессионального духовенства, религиозно-обрядовых центров, системы конфессионального образования консолидировало мусульманские общины в их противодействии христианскому прозелитизму, мобилизовывало народные массы на выступления против религиозной и социально-экономической политики Российской империи. Более того, Среднее Поволжье было традиционным районом мусульманского миссионерства, которое, тем самым, становилось основным конкурентом Православной Церкви в борьбе за новых адептов из числа язычников. Поэтому по отношению к мусульманам Российская империя проводила гораздо более жесткую политику христианизации, пыталась насильственными методами подорвать организационное единство их общин, объединенных вокруг религиозно-обрядовых центров.

Еще в начале подавления башкирского восстания 1736–1741 гг., осознавая организующую роль мусульманских институтов в его под-

²⁶⁴ Ислаев Ф. Г. Ислам и православие в России: от конфронтации к веротерпимости. Век XVIII. – М.: ООО «ГИД «Русское слово-РС», 2004. – С. 312.

готовке, проведении и идеологическом обосновании, Правительствующий Сенат по указу от 11 февраля 1736 г. запретил строительство новых мечетей и конфессиональных школ в Башкирии без разрешения администрации.

16 ноября 1741 г. и 11 марта 1742 г. управляющий Новокрещенской конторой Д. Сеченов вошел с представлениями в Священный Синод о полном уничтожении уже всех мечетей «без остатка», поскольку состоящие при них мусульманские духовные лица, распространяя ислам, препятствуют массовой христианизации народов Среднего Поволжья, от чего «великий есть соблазн и помешательство»²⁶⁵. Высший орган Русской Православной Церкви согласился решить проблему конкуренции в религиозной сфере кардинальным образом. Указом Синода от 10 мая 1742 г. предлагалось «имеющиеся в Казанской и прочих губерниях татарские мечети, которые построены после запретительных о том нестроении указов, где б оные не были, все сломать без всякого отлагательства и впредь строить не допускать и позволения в том не давать»²⁶⁶. Копии решения были посланы для сведения в Правительствующий Сенат и для исполнения в губернские канцелярии, которые сразу же и приступили к сносу мусульманских молитвенных зданий. Строго говоря, Синод не имел права отдавать прямые приказы гражданским органам управления, а единственный «запретительный» указ от 18 июля 1593 г., найденный по его запросу, ограничивал строительство мечетей только в самой Казани²⁶⁷. Но расширительное толкование этой нормы привело к массовому уничтожению мечетей по всему Поволжью и Сибири. В ответ на просьбы мусульман о восстановлении их молитвенных зданий уже Сенат как высший орган Российской империи своей властью санкционировал решение церковных властей. Указом от 19 ноября 1742 г. он подтвердил предписание о том, чтобы «все имеющиеся в Казанской губернии новопостроенные за запретительными указами мечети ..., а наипаче в таких местах, где восприявшие веру греческого исповедания жительство имеют, сломать и впредь строить отнюдь не допускать и того Ка-

²⁶⁵ Ислаев Ф. Г. Ислам и православие в России: от конфронтации к веротерпимости. Век XVIII. – М.: ООО «ТИД «Русское слово-РС», 2004. – С. 154–155.

²⁶⁶ Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. – Т. 1. – СПб., 1907. – № 91. – С. 116–18.

²⁶⁷ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Акад. Наук. – Т. 3. – СПб.: Типография 2-го отд. имп. Канцелярии, 1836. – С. 154–155.

занской, Сибирской, Астраханской и Воронежской губерниям накрепко предостерегать». В чисто же мусульманских населенных пунктах региональным администрациям надлежало провести полную ревизию всех мечетей, выяснить обстоятельства и законность их постройки на предмет последующего сноса или оставления только для «неминуемой ... нужды». Наконец, губернаторам, провинциальным и городовым воеводам следовало своевременно выявлять и расследовать все случаи перехода в ислам из других религий для обращения в православие и наказания упорствующих штрафами²⁶⁸. По этому указу за один 1742 г. в Казанской губернии были разрушены 418 мечетей из 516 (81 %), в Астраханской – 29 из 40 (72,5 %), в Сибирской – 98 из 133 (73,7 %)²⁶⁹.

Надругательство над религиозными чувствами мусульман со стороны иноверного государства, массовое насильственное уничтожение мечетей как организующих центров всей жизни общин, породило настоящую волну протеста, которая угрожала перейти от подачи жалоб и петиций к открытым формам гражданского неповиновения и даже вооруженным выступлениям. Осознав опасность ситуации, созданной их непродуманными действиями, органы государственной власти пошли через корректировку проводимого курса к постепенной выработке твердых правил взаимодействия с исламскими институтами.

Раньше всего это проявилось на Южном Урале, где в силу преобладающей доли мусульманского населения, удаленности от основных районов миссионерской деятельности Православной Церкви в Поволжье, слабости местных властей, опасения новых башкирских восстаний после недавних выступлений 1736–1741 гг., близости границы государство не могло в полную силу проводить политику насильственной христианизации. Более того, оно было само объективно заинтересовано в организации охраны башкирами протяженных границ, в привлечении татарских переселенцев для развития международной торговли с их единоверцами в странах исламского Востока. Поэтому сенатским указом от 20 февраля 1744 г. было разъяснено, что требование о сносе мечетей не распространяется на Уфимскую провинцию, «дабы ... башкиры, как бригадир Аксаков представляет, не поставили себе в тягость и от того не воспоследовало б какого помешательства». Правда, был подтвержден и старый сенатский указ от 11 февраля 1736 г. о запрете на постройку в Башкирии новых мечетей и школ без раз-

²⁶⁸ ПСЗ. – Собр. 1-е. – Т. IX. – № 8664.

²⁶⁹ ПСЗ. – Собр. 1-е. – Т. XII. – № 8978.

решения администрации²⁷⁰. Священный Синод был вынужден согласиться с такими резонами, но в указе от 12 марта 1744 г. выразил мнение, что зато строительство новых мечетей вообще не следует «дозволять, разве вместо самых обветшалых по освидетельствовании от духовной власти, что подлинно ль обветшали, и по сломании тех обветшалых мечетей на том же месте, где была прежняя, и то в одних точию таких местах, где татары жительство имеют, конечно, в отдалении от новокрещеных жительство»²⁷¹.

Однако интересы российской политики на Востоке, хозяйственного освоения отдаленного и слабозаселенного Южного Урала заставляли государство раз за разом идти на новые исключения из практики насильственной христианизации. Сенатским указом от 8 марта 1744 г. было разрешено набрать к поселению при Оренбурге до 200 семей казанских татар в целях развития международной торговли с их единоверцами в Казахстане и Средней Азии, а для привлечения переселенцев жителям новой Сеитовой (Каргалинской) слободы позволено построить вне города мечеть. Своеобразным оправданием в сообщении Синоду звучат слова о том, что «дано позволение оную мечеть построить в таком рассуждении, что по данной городу Оренбургу привилегии то позволено, да и тамошняго яко нового места без того умножить людьми невозможно»²⁷².

Попытка вернуть численность мечетей на уровень конца XVI века в условиях постоянного прироста мусульман, расселения и освоения ими новых территорий, возникновения новых деревень и городских слобод повысила до угрожающей черты градус межконфессиональной напряженности. Для ее ослабления государство было вынуждено перейти от полного запрета к разрешению ограниченной постройки мечетей, но под его административным контролем и на основе законодательных правил и нормативов. К этому шагу подталкивали интересы нормализации не только внутренней, но и внешнеполитической ситуации, защиты Православной Церкви на международной арене от возможных ответных санкций в мусульманских странах. Правительствующий Сенат отмечал, что «ежели у них, татар, все мечети их сломали, то из того не иное что последовать может, токмо одно им, татарам, в их законе оскорбление, и от того б не могло до разглашения

²⁷⁰ ПСЗ. – Собр. 1-е. – Т. XII. – № 8875.

²⁷¹ Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. – Сер. II. – Т. II. – СПб., 1907. – С. 564–566.

²⁷² ПСЗ. – Собр. 1-е. – Т. XII. – № 8893.

дойти в такие места, где между магометанами, в других государствах живут люди веры греческого исповедания, и построены Божия церкви, и не произошло бы какого по тем церквям утеснения».

По сенатскому указу от 22 июня 1744 г.:

1. Было разрешено восстановить старые и строить новые мечети при наличии в поселении от 200 до 300 ревизских душ мужского пола, но не более одной на каждый населенный пункт и только там, где совместно с мусульманами не проживали православные.

2. При недостаточности верующих в одном поселении допускалось причислять к ним жителей других населенных пунктов до образования 200–300 душ для организации совместного прихода и строительства мечети.

3. Запрещалось насильственное крещение мусульман²⁷³.

По справедливому утверждению И. К. Загидуллина, указ от 22 июня 1744 г. стал точкой отсчета в налаживании цивилизованных государственно-исламских отношений²⁷⁴, позволил мусульманам на законных основаниях, в правовом поле организовать свой религиозный быт и общественное богослужение, восстановил частичную автономию их общин.

В то же время он ограничил количество мечетей одной на каждый населенный пункт, сохранил запрет на их постройку в поселениях, где проживал хотя бы один новокрещеный, на миссионерское распространение исламской религии, оставил в неприкосновенности систему мер экономического принуждения к принятию крещения. Вероотступничество новокрещеных татар, которое считается в исламе первым по тяжести грехом и должно караться смертной казнью по законам шариата, уплата за них дополнительных налогов и дача рекрут, принудительное отселение переносили общественное недовольство мусульман с государства на их соседей, перешедших в православие. В 1748 г. жители 18 деревень Закамья в тесном союзе с татарами города Казани и Кунгурского уезда подготовили восстание, направленное, главным образом, против новокрещен. Однако оно было выявлено и пресечено энергичными действиями местных властей: размещением дополнительных воинских частей, взятием заложников, арестами и пытками организаторов²⁷⁵. В 1755 г. в Башкирии вспыхнуло восстание Батыр-

²⁷³ ПСЗ. – Собр. 1-е. – Т. XII. – № 8978.

²⁷⁴ Загидуллин И. К. Исламские институты в Российской империи: Мечети в европейской части России и Сибири. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2007. – С. 60.

²⁷⁵ Ислаев Ф. Г. Ислам и православие в России: от конфронтации к веротерпимости. Век XVIII. – М.: ООО «ТИД «Русское слово-РС», 2004. – С. 252–268.

ши Алеева, которое проходило под лозунгом джихада – борьбы мусульман с неверными. Уже в процессе его подавления по указу императрицы Елизаветы Петровны от 3 сентября 1755 г. было отменено наиболее дискриминационное положение о принудительном отселении мусульман из деревень, где проживали новокрещены, а по указу от 28 сентября последователи ислама освобождены от уплаты дополнительных налогов и дачи рекрут за обращенных в православие²⁷⁶.

Наконец, указом Правительствующего Сената от 23 августа 1756 г. впервые были установлены правила для строительства мечетей в поликонфессиональных поселениях Казанской, Воронежской, Нижегородской, Астраханской и Сибирских губерний. Если численность новокрещеных не превышала 1/10 от общего количества жителей, постройка мусульманского молитвенного здания разрешалась после отселения православных в другое место. Если их доля была больше, односельчанам из числа мусульман разрешалось иметь мечеть в соседнем населенном пункте. Кроме того, указ от 23 августа 1756 г. впервые разрешил строить больше одной мечети в населенном пункте из расчета одного молитвенного здания на 200–300 ревизских душ мужского пола²⁷⁷.

К 60-м годам XVIII в. задача массового крещения языческих народов Среднего Поволжья (марийцев, мордвы, удмуртов, чувашей) была решена, а по отношению к мусульманскому населению прежние насильственные методы христианизации доказали свою неэффективность и, по сути, провалились. Поэтому закономерным итогом данного этапа государственно-религиозной политики стали закрытие Новокрещенской конторы и отмена всех мер экономического принуждения к принятию православия по сенатскому указу от 6 апреля 1764 г.²⁷⁸.

Осознав невозможность форсированного установления единообразия в идеологической сфере на основе православия, Российское государство в правление Екатерины II перешло от политики насильственной христианизации к признанию ислама в качестве терпимой религии, от давления на разрозненные, автономные мусульманские общины к выстраиванию для них собственной вертикали управления, поставленной под контроль правительства. С учетом пожеланий императрицы Священный Синод 17 июня 1773 г. принял указ о терпи-

²⁷⁶ Ислаев Ф. Г. Ислам и православие в России: от конфронтации к веротерпимости. Век XVIII. – М.: ООО «ТИД «Русское слово-РС», 2004. – С. 288–289.

²⁷⁷ ПСЗ. – Собр. 1-е. – Т. XIV. – № 10597.

²⁷⁸ ПСЗ. – Собр. 1-е. – Т. XVI. – № 12126.

мости всех вероисповеданий и о запрещении православным архиереям вмешиваться в дела, касающихся других конфессий и постройки их молитвенных домов, «как Всевышний Бог на земле терпит все веры, языки и исповедания», так и они «должны прилагать ... старание, чтоб ... между» российскими «подданными не могло быть никакого разногласья, а паче б между ними любовь, тишина и согласие царствовали»²⁷⁹. По указу Екатерины II от 22 сентября 1788 г. в Уфе было учреждено Духовное Собрание магометанского закона в качестве центрального органа управления религиозными делами мусульман Российской империи (за исключением Крыма и Кавказа)²⁸⁰. Наконец, по указу Синода от 7 февраля 1789 г. из Астраханской, Вятской, Иркутской, Казанской, Нижегородской, Рязанской и Тамбовской епархий были отозваны все православные миссионеры во избежание волнений среди мусульман. Миссионерские обязанности были возложены на приходское православное духовенство, которое в большинстве не знало языки коренных народов региона²⁸¹.

Таким образом, законодательство, регламентирующее организацию мусульманского прихода и мечети как его религиозно-обрядового центра, складывалось постепенно. Эти разрозненные нормы были впервые кодифицированы только в 1836 г. при составлении свода законов Российской империи, причем в рамках Устава строительного, а не Устава духовных дел иностранных исповеданий. По мере совершенствования законодательства этот нормативный акт дополнялся в редакциях 1842, 1857, 1886 и 1900 годов (с изменением нумерации статей). Устав строительный определял: общий порядок рассмотрения дел о постройке мечетей (ст. 260/154), минимальный норматив численности прихода и обязательство его финансирования членами общины (ст. 261/155), необходимость согласования строительства с господствующей Православной Церковью (ст. ст. 262–263/156–157), требования к архитектурным проектам культовых зданий (ст. 264/158), их противопожарной безопасности (ст. 265/159), а также ответственность за нарушение этих правил (ст. 160). В то же время многие аспекты строительства и функционирования мечетей вообще не были урегулированы действующим законодательством: процедура приня-

²⁷⁹ ПСЗ. – Собр. 1-е. – Т. XIX. – № 13996.

²⁸⁰ ПСЗ. – Собр. 1-е. – Т. XXII. – № 16710.

²⁸¹ ПСЗ. – Собр. 1-е. – Т. XX. – С. 1167; Загидуллин И. К. Исламские институты в Российской империи: Мечети в европейской части России и Сибири. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2007. – С. 76.

тия общественного приговора о возведении мечети, порядок получения разрешений на ее ремонт и перенос, изменения статуса храма с пятывременного на соборный. Они вырабатывались практикой на основе расширительного толкования близких правовых норм по аналогии.

Главным условием, необходимым для образования самостоятельного мусульманского прихода и постройки мечети в Российской империи, по указу от 22 июня 1744 г. было наличие не менее 200–300 ревизских душ мужского пола²⁸². Путем введения этого минимального норматива правительство стремилось ограничить количество мечетей и приходского духовенства для более эффективного контроля за меньшим числом мусульманских общин. В качестве формального обоснования выдвигалась «забота» о материальном благополучии верующих, для которых было бы затруднительно содержать «избыточное» количество духовных лиц, не занятых производительным трудом. В 1851 г. оренбургский гражданский губернатор И. М. Пятулов даже предложил повысить минимальный норматив и давать разрешение на строительство первой мечети при наличии не менее 500, а для второй мечети – не менее 800 душ мужского пола. За счет запрета на перестройку и ремонт, обеспечивающего естественный выход из эксплуатации обветшавших молитвенных зданий, предполагалось постепенно сократить их численность до указанной нормы, но правительство отклонило этот план как слишком радикальный²⁸³. По сути, государство пыталось механически перенести на мусульманские общины принцип организации православного прихода, объединяющего несколько деревень вокруг храма только в крупном селении²⁸⁴. При этом не учитывалась специфика исламского ритуала: необходимость проведения ежедневной пятикратной молитвы, обязательное присутствие на коллективном намазе в пятничные и праздничные дни, погребение покойного в день смерти до захода солнца с приглашением духовного лица для омовения и совершения других процедур по строго определенным правилам.

Дискриминационное ограничение на постройку мечети только при наличии 200–300 душ мужского пола лишало жителей мало-

²⁸² ПСЗ. – Собр. 1-е. – Т. XII. – № 8978.

²⁸³ Азаматов Д. Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII–XIX вв. – Уфа: Гилем, 1999. – С. 99–100.

²⁸⁴ Загидуллин И. К. Исламские институты в Российской империи: Мечети в европейской части России и Сибири. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2007. – С. 127.

людных деревень и городских диаспор возможности организовать на месте общественное богослужение, наладить религиозный быт под руководством собственного официально признанного имама. Для удовлетворения духовных потребностей они были вынуждены приписываться к мечетям в более крупных селениях, преодолевать значительные расстояния для совершения обрядов или приглашения муллы к себе. Особенно ярко эти сложности проявлялись в степном Оренбургском крае в силу его демографических и природных особенностей: низкой плотности населения и больших расстояний между деревнями, хуторской организации хозяйства, особенно у полукочевого башкирского населения, суровых климатических условий и перепадов ландшафта с оврагами, многочисленными реками, гористыми участками, затруднявшими транспортную доступность.

Например, 2 декабря 1871 г. жители дер. Илячевой 4-й Усерганской волости Орского уезда ходатайствовали о разрешении постройки собственного молитвенного здания, поскольку их приходская мечеть в дер. Хайбуллиной отстояла на 15 верст, через 2 речки, так что в период весеннего половодья верующие не могли посещать общественную молитву и совершать другие религиозные обряды у муллы. Но Оренбургское губернское правление журналом от 31 августа 1874 г. № 3726 отклонило их просьбу потому, что 97 мужчин дер. Илячевой и 277 мужчин дер. Хайбуллиной было недостаточно для образования 2 самостоятельных приходов по минимальным нормативам, установленным законом (указы от 6 сентября 1874 г. №№ 4395, 4396)²⁸⁵.

Или, например, 14 октября 1884 г. мусульмане дер. Супханкуловой Верхнеуральского уезда в своем общественном приговоре указали, что ближайшая соборная мечеть находится в дер. Арышпаровой за 25 верст, «и при таком расстоянии представляется невозможным отправляться для богомоления по случаю постоянного в их местности разлива вод, болотистых и каменистых мест, а в зимнее время – вследствие больших снегов, затрудняющих проезд». На этом основании верующие подали заявку на строительство собственного культового здания. Верхнеуральское уездное полицейское управление поддержало его необходимость по местным природно-климатическим условиям, а жители дер. Арышпаровой были вполне согласны на отчисление супханкуловцев из их прихода. Тем не менее, гу-

²⁸⁵ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4131. Л. 364–365 об.

бернская администрация по журнальному постановлению от 21 октября 1886 г. № 946 отказала в ходатайстве потому, что в дер. Супханкуловой числились всего 69 ревизских душ м. п. вместо 200, необходимых по закону для разрешения мечети (указ от 23 октября 1886 г. № 3639)²⁸⁶.

Минимальный норматив в 200–300 душ мужского пола был законодательно установлен для всех мусульманских приходов, а не только вновь образуемых. Поэтому если при выделении новой общины, в старом приходе могло остаться менее 200 мужчин, региональные органы не давали разрешение на постройку еще одной мечети с образованием самостоятельного прихода. Например, во второй половине XIX в. жители дер. Габдрафиковой Кипчакской волости Оренбургского уезда относились к приходу соборной мечети дер. Верхне-Кунакбаевой, расположенной в 7 верстах. «Во время весеннего половодья и разлития речек и оврагов» они лишались «возможности бывать при богослужении». Это побудило их в 1873 и 1880 гг. дважды ходатайствовать о выделении дер. Габдрафиковой в самостоятельный приход с постройкой отдельной соборной мечети, но Оренбургское губернское правление неуклонно отвечало отказом малочисленному сельскому обществу. Наконец, в 1896 г. население деревни превысило минимальный законодательный норматив и достигло 205 наличных душ мужского пола. Жители деревень Габдрафиковой и Верхне-Кунакбаевой возбудили совместное ходатайство о разделении их на 2 прихода. Но журналом от 8 июня 1896 г. № 639 губернская администрация снова отклонила просьбу, поскольку за отчислением 205 мужчин в новый приход дер. Габдрафиковой при старой Верхне-Кунакбаевской соборной мечети осталось бы всего 110 наличных душ мужского пола, что противоречило ст. 261 Строительного устава (указ от 13 июня 1896 г. № 2788)²⁸⁷.

Статистический анализ по 12 уездам Оренбургской губернии, проведенный И. К. Загидуллиным, показывает, что в конце XVIII в. на одно мусульманское селение в крае приходилось в среднем 71,4 души мужского пола: от 49,1 души м. п. в Оренбургском уезде до 89,5 души м. п. в Верхнеуральском уезде.

²⁸⁶ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4179. Л. 248–248 об.

²⁸⁷ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4217. Л. 213–213 об.

Таблица 1 – Численность мусульманских селений Оренбургской губернии в 1795 г.²⁸⁸

№ п/п	Название уездов	Количество		Среднее число в поселении душ м. п.
		селений	душ м. п.	
1.	Верхнеуральский	130	11637	89,5
2.	Белебеевский	185	12858	69,5
3.	Бирский	190	13755	72,4
4.	Бугульминский	30	3580	70,2
5.	Бугурусланский	4	221	55,2
6.	Бузулукский	7	580	82,8
7.	Мензелинский	153	11799	77,1
8.	Оренбургский	229	11244	49,1
9.	Стерлитамакский	195	15690	80,4
10.	Троицкий	119	8136	68,3
11.	Уфимский	85	6409	75,4
12.	Челябинский	90	5247	58,3
	Итого:	1417	101156	71,4

Таким образом, законодательный минимум для образования самостоятельного религиозного прихода в 2–4 раза превышал среднее количество мужчин в населенном пункте. В результате для жителей мелких поселений, составлявших большинство на Южном Урале, соблюдение исламского ритуала, обрядов жизненного цикла, связанных в Российской империи с государственной регистрацией актов гражданского состояния, было затруднено необходимостью поездки в более крупное село, которое становилось центром прихода для нескольких деревень.

Исторические источники свидетельствуют о том, что расстояние от приходской мечети до приписанных к ней малочисленных сел в Оренбургской губернии нередко составляло 10–20 верст и более²⁸⁹. Например, в 1889 г. к приходу Таналыкской соборной мечети Орского уезда относились 47 душ м. п. в самой станице, 24 души в пос. Кол-

²⁸⁸ Загидуллин И. К. Исламские институты в Российской империи: Мечети в европейской части России и Сибири. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2007. – С. 100.

²⁸⁹ ГАОО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 938. Л. 33 об. – 34, 35 об. – 36, 60 об. – 61, 74–74 об., 87 об. – 88, 89 об. – 90; ГАОО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 3577. Л. 115 об. – 116; ЦИА РБ. Ф. И-295. Оп. 2. Д. 8. Л. 102 об. – 103 и др.

пацком (за 40 верст), 23 души в пос. Уртазымском (за 50 верст), 67 душ в пос. Новоорском (за 80 верст), 32 души в пос. Павловском (за 100 верст) и 57 душ в станице Наследницкой (за 120 верст), а всего 250 мужчин, исповедовавших ислам²⁹⁰. В соответствии с законодательством Российской империи эти мусульмане, рассеянные по 6 поселкам, не имели права построить более 1 мечети с двумя штатными муллами и одним муэдзином, но даже объединение в рамках общего прихода не решало для них проблему удовлетворения духовных нужд, не давало возможности регулярно посещать богослужения и проводить обряды под руководством священнослужителя из-за огромных расстояний до религиозного центра.

Дополнительные сложности для реализации религиозных прав мусульман создавала неопределенность законодательной формулировки, разрешавшей строительство мечети из расчета на 200–300 душ мужского пола, что позволяло властям произвольно отодвигать минимальную планку в этих пределах.

Так, в 1867 г. к мусульманскому приходу безуездного города Илецка были причислены 122 мужчины пос. Григорьевского и 34 мужчины пос. Прохладного Угольной станицы Оренбургского уезда²⁹¹. Однако на практике их жители испытывали значительные сложности с посещением городской мечети для проведения общественной молитвы, регистрации рождений, браков и смертей, ведь пос. Григорьевский находился от нее за 20, а поселок Прохладный – даже за 40 верст. В марте 1872 г. местные мусульмане постановили приговор, в котором указали, что «такое дальнейшее расстояние от Илецкой мечети, в особенности в зимнее и весеннее время, когда разливается находящаяся на пути речка, лишает их возможности отправлять обряды магометанской религии». К этому времени численность мужского населения возросла в Григорьевском до 174, в Прохладном до 43, а в обоих поселках – до 217 душ, что, казалось бы, давало по закону право на образование самостоятельного прихода. Поэтому верующие ходатайствовали о разрешении им построить деревянную соборную мечеть в Григорьевском как более крупном поселке, принимая на свой счет содержание храма, а впоследствии и духовных лиц. Для культового здания было выбрано место, которое полностью отвечало законодательным нормам противопожарной безопасности об оставлении вок-

²⁹⁰ ГАОО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 938. Л. 115 об. – 116; ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4195. Л. 140–142.

²⁹¹ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4066. Л. 192–195 об.

руг свободного пространства на 20 саженей. Оно располагалось на окраине села, так что лишь с одной стороны к нему подходили дома, да и то на 30 саженей, а с трех остальных сторон вообще не было других построек. Угольное станичное правление не только завершило общественный приговор, но и подтвердило справедливость изложенных в нем обстоятельств. Тем не менее, при рассмотрении ходатайства губернская администрация пошла по пути узкого, ограничительного толкования закона. Она заявила, что постройка мечети допускается при наличии 200 душ только в порядке исключения, а по общему правилу для образования самостоятельного прихода необходимо не менее 300 мужчин мусульманского вероисповедания. По мнению региональных властей, при местных условиях не было крайней необходимости в устройстве отдельной мечети для казачьих поселков, уже приписанных к городскому приходу. «Тем более, что и в русских селениях нередко встречается, что приходские церкви отстоят иногда более чем за 50 верст от причисленных к ним селений». Поэтому журнальным постановлением ОГП от 29 июля 1873 г. № 1416 просьба мусульман о строительстве новой мечети была оставлена без последствий (указы от 28 июля 1873 г. №№ 2903, 2904)²⁹².

Таким образом, на практике лишь достижение 300 ревизских душ м. п. гарантировало разрешение на постройку мечети, а при меньшем количестве в 200 мужчин и более согласие давалось по усмотрению государственных органов при наличии «уважительных», на их взгляд, причин. Эта неопределенность была устранена только законом от 15 декабря 1886 г., который однозначно разрешил строительство мечетей уже при 200 наличных душах мужского пола²⁹³.

Данная новелла позволила также устранить формальный подход к определению количества верующих, достаточного для образования нового прихода. Согласно указу от 22 июня 1744 г. постройка мечети допускалась из расчета на 200–300 ревизских душ м. п., то есть при определении ее необходимости учитывалась не реальная численность населения, а зафиксированная последней переписью²⁹⁴. В Оренбургской губернии ревизии проводились в 1747, 1762, 1782, 1795, 1811, 1816, 1834, 1850 и 1858 гг. Таким образом, между переписями населения проходило от 5 до 20 лет, а в среднем – 14 лет. Но при рассмотрении ходатайств о постройке мечетей государственные органы продолжали

²⁹² ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4121. Л. 658–659 об.

²⁹³ ПСЗ. – Собр. 3-е. – Т. VI. – Отд. 1-е. – № 4102.

²⁹⁴ ПСЗ. – Собр. 1-е. – Т. XII. – № 8978.

обращаться к устаревшим статистическим данным, которые не отражали прирост населения за межпереписной период. Для удовлетворения духовных потребностей в малочисленных населенных пунктах верующим приходилось дожидаться, пока следующая ревизия формально зафиксирует у них превышение минимального норматива, позволяющего построить мечеть. Разрыв между учтенным и наличным населением стал особенно нарастать после проведения последней ревизии 1858 г. В течение последующих 28 лет строительство мечетей, по сути, было заморожено на достигнутом уровне мусульманского населения. В условиях его постоянного прироста это создавало огромные трудности в организации религиозно-обрядовой жизни для нового поколения мусульман.

Например, в 1883 г. жители дер. Сеитовой Сызгинской волости Троицкого уезда обратились в Оренбургское губернское правление за разрешением на перестройку их мечети, обветшавшей за свою более чем полувековую историю. Один из прихожан Мухаметшарип Ишмухаметов пожертвовал на обновление храма 100 руб., а недостающие средства жители планировали получить путем общественного сбора. И хотя в дер. Сеитовой реально проживали 203 мужчины, но по документам последней переписи населения еще 1858 г. продолжали числиться всего 150 ревизских душ м. п. На этом формальном основании ОГП журнальным постановлением от 30 сентября 1883 г. № 806 и отозвало им в разрешении на перестройку давно существующей мечети (указ от 15 октября 1883 г. № 4420)²⁹⁵.

Только 16 декабря 1886 г. по жалобе одной из мусульманских общин было высочайше утверждено мнение Государственного Совета, которое изменило минимальный норматив, необходимый для разрешения постройки мечети с образованием самостоятельного прихода: 200 наличных мужчин вместо 200–300 ревизских душ м. п. При этом высший законосовещательный орган Российской империи отметил, что «со времени производства последней X народной переписи прошло около тридцати лет. В течение этого периода у лиц, вошедших в сию ревизию, успело образоваться уже второе поколение, не записанное в ревизские сказки». А их «данные давно уже утратили характер достоверности и потому не могут быть принимаемы ныне в соображение»²⁹⁶.

Но при всем совершенствовании, оттачивании законодательных формулировок высокий норматив минимальной численности прихо-

²⁹⁵ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4168. Л. 704–795 об.

²⁹⁶ ПСЗ. – Собр. 3-е. – Т. VI. – Отд. 1-е. – № 4102.

да в Российской империи не позволял членам небольших мусульманских общин открывать мечети собственными силами и вынуждал их искать юридические лазейки для повседневного удовлетворения религиозных нужд. Еще сенатским указом от 22 июня 1744 г. было разрешено при нехватке в населенном пункте для образования самостоятельного прихода собственных жителей присоединять к ним население соседних деревень до достижения 200–300 ревизских душ мужского пола, дававших право на постройку уже одной общей, совместной мечети²⁹⁷. На практике верующие использовали эту возможность для того, чтобы обойти законодательное ограничение, искусственно нарастить численность прихода за счет формальной приписки к нему соседей до недостающего количества.

Например, жители дер. Уразовой Тептяро-Учалинской волости Верхнеуральского уезда приговором от 17 февраля 1880 г. обратились в Оренбургское губернское правление с ходатайством о разрешении постройки 2-й соборной мечети. Ее необходимость объяснялась тем, что река делила село пополам. И во время разлива, «весенней и осенней распутицы» жители заречной части не могли посещать мечеть на другом берегу за 2 версты от их домов. В дер. Уразовой проживали 373 мужчины, исповедовавших ислам, но по закону этого было недостаточно для образования двух приходов численностью не менее 200 душ м. п. в каждом. Поэтому первоначально Губернское правление отказало верующим по журнальному постановлению от 28 мая 1880 г. Тогда уразовцы новым приговором от 10 апреля 1882 г. попросили причислить к будущему приходу 45 ревизских душ из дер. Кубяковой соседней Кубеляк-Телевской волости, которые еще 1 декабря 1881 г. выразили на это свое согласие. За счет юридической уловки численность новой общины превысила минимальный норматив, да и при старой мечети осталось бы необходимое количество прихожан для сохранения самостоятельного прихода. С учетом этих обстоятельств ОГП журналом от 29 сентября 1883 г. № 804 постановило разрешить постройку 2-й соборной мечети в дер. Уразовой (указы от 19 октября 1883 г. №№ 4508, 4509, 4510)²⁹⁸.

Впрочем, местные власти далеко не всегда удавалось провести за счет юридической фикции. Так, 27 марта 1870 г. жители дер. Узембаевой 3-й Усерганской волости Орского уезда постановили приговор, которым ходатайствовали об отчислении из Халиловского прихода и

²⁹⁷ ПСЗ. – Собр. 1-е. – Т. XII. – № 8978.

²⁹⁸ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4168. Л. 698–700.

разрешении построить отдельную мечеть. Существующее молитвенное здание в дер. Халиловой находилось от них в 20 верстах, почему «в весеннее водоразлитие реки Губерли» узембаевцы встречали «большие препятствия в отправлении магометанских треб». Для образования собственного прихода на законных основаниях им немного не хватало жителей при 194 ревизских душах м. п. Поэтому узембаевцы пошли на хитрость и попросили отчислить к их новой мечети из Халиловского прихода еще 10 из 136 мужчин соседней дер. Абубакировой. К тому же, последним было бы гораздо ближе ходить за 200 сажень в Узембаево, чем ездить за 20 верст в Халилово для участия в общественном богослужении и других религиозных обрядах. Да, и в самом Халиловском приходе после отчисления осталось бы достаточное количество верующих в 322 души м. п. Но Губернское правление не поддалось на этот прием. В журнальном постановлении от 17 июля 1871 г. № 2641 оно указало, что не находит уважительных причин для отчисления 10 из 136 мужчин дер. Абубакировой к новому приходу, и оставило без последствий просьбу мусульман о постройке мечети в дер. Узембаевой (указы от 27 сентября 1871 г. №№ 3857, 3858)²⁹⁹. Повторное ходатайство также было отклонено по журналу ОГП от 20 сентября 1872 г. № 1726 (указы от 4 октября 1872 г. № 3315, 3316)³⁰⁰.

Решить проблему малолюдных мусульманских селений с организацией религиозно-обрядового центра в обход закона не помогало и апеллирование к верноподданническим чувствам, выражение лояльности к монархической власти. Иногда в прошениях о постройке мечетей в качестве дополнительного аргумента верующие особо подчеркивали, что лишены возможности молиться «о здравии и благоденствии Их Императорских Величеств и всей Августейшей Царской Семьи», в высокочтожественные и табельные дни³⁰¹. Для обоснования постройки мечети в изъятие из общих правил использовались и более изощренные способы.

Так, при рапорте от 11 мая 1883 г. № 995 Орское уездное полицейское управление представило на распоряжение губернских властей приговор жителей дер. Гадильгареевой, которые просили дозволить им сооружение деревянной соборной мечети «в память о в Бозе почившем Императоре Александре II с установлением совершения в сей

²⁹⁹ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4106. Л. 152–153.

³⁰⁰ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4114. Л. 797–798 об.

³⁰¹ ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 17. Л. 479 об. – 480 об.; РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 507. Л. 116 и др.

мечети ежегодных 1-го марта, в день кончины Императора ... богомолений по обряду магометанскому». При этом они объяснили, что состоят в приходе соборной мечети дер. Кутановой, но большая часть их односельчан не может ходить туда за 18 верст в одну сторону для участия в общественной молитве. Однако при проверке обстоятельств уездной полицией оказалось, что в самой дер. Кутановой числятся прихожанами всего 58 душ м. п. и в Гадильгареевой – еще 171 мужчина, что позволяет иметь по закону лишь одну мечеть. Жители дер. Кутановой, где она находилась, в своем приговоре высказались категорически против отделения соседей потому, что в этом случае пришлось бы закрыть мечеть в их собственном селе по недостаточности прихожан для существования самостоятельного прихода. Губернское правление отметило, что «хотя желание жителей деревни Гадильгареевой о постройке мечети в память о в Бозе почившем Государе Императоре Александре II заслуживает полного одобрения как выражение верноподданнических чувств, но, тем не менее» его «осуществление не может быть допущено в виду 261 статьи Устава Строительного», которая разрешает постройку новой мечети при наличии не менее 200 душ м. п. В итоге журналом ОГП от 5 ноября 1886 г. ходатайство мусульман было отклонено, о чем просителям объявили по указу от 10 ноября 1886 г. № 4021. Тогда жители дер. Гадильгареевой решили подойти к проблеме с другой стороны и уговорили своих соседей из дер. Акбулатовой 3-й Бурзянской волости присоединиться к ним для составления нужного числа прихожан. При рапорте от 23 ноября 1887 г. № 2402 Орское уездное полицейское управление передало губернским властям приговор жителей дер. Акбулатовой от 2 января 1887 г. о желании 58 ревизских душ причислиться к новому Гадильгареевскому приходу и согласие жителей дер. Киикбаевой от 12 июля 1887 г., к мечети которой они относились до этого времени. Но журналом от 30 декабря 1887 г. № 1044 губернская администрация не признала возможным удовлетворить новое ходатайство потому, что в этом случае все равно пришлось бы упразднить приход в дер. Кутановой, на что ее жители были не согласны (указ от 5 января 1888 г. № 13)³⁰².

В условиях самодержавной монархии только обращение к самому императору как носителю высшей законодательной власти могло решить проблему в изъятие из действовавших правовых норм. Например, в 1906 г. на основании доклада министра внутренних дел Николай II «высочайше» разрешил возведение мечети в 1 малочис-

³⁰² ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4184. Л. 542–543 об.

ленном населенном пункте, а в 1907 г. удовлетворил уже 10 аналогичных ходатайств. 20 января 1908 г., рассмотрев очередную просьбу о постройке мечети в дер. Бурыл-Айгировой Оренбургской губернии при наличии 171 души м. п., император написал: «Согласен. Но обращаю внимание на весьма участвовавшие ходатайства»³⁰³. Это побудило МВД разработать новый порядок рассмотрения прошений о строительстве мечетей для малочисленных общин, призванный разгрузить монарха от малозначительных в государственном масштабе дел.

18 февраля 1908 г. император одобрил доклад министра внутренних дел о предоставлении тому права лично разрешать с учетом местных условий постройку мечетей и при наличии менее 200 прихожан в порядке исключения из действующего законодательства. И. К. Загидуллин утверждает, что в Департаменте духовных дел иностранных исповеданий МВД были выработаны определенные критерии рассмотрения прошений от малочисленных общин: если количество прихожан составляло менее 150 наличных душ мужского пола, ходатайство сразу отклонялось, а в других случаях направлялось на заключение местного губернатора. С учетом его мнения окончательное решение принимал директор Департамента, который только в затруднительных случаях выносил вопрос на рассмотрение лично министра внутренних дел. Отказ МВД мог быть обжалован в общем порядке в Сенате³⁰⁴.

Однако анализ практики рассмотрения ходатайств по Оренбургской губернии показывает, что численность прихожан не имела решающего значения, а учитывалась в комплексе с текущей политической обстановкой, позицией губернатора, местными природно-ландшафтными условиями, транспортной доступностью и расстоянием до ближайших мечетей, проживанием в самом населенном пункте или его окрестностях лиц православного вероисповедания.

Так, приговором от 22 апреля 1914 г. жители дер. Мало-Халиловой 3-й Усергенской волости Орского уезда ходатайствовали о разрешении им постройки мечети в порядке исключения при наличии всего 130 душ м. п. От приходской мечети в дер. Старо-Халиловой их отделяло только 6 верст, но дорогу пересекали 2 больших оврага, которые в период весеннего половодья и распутицы затоплялись талы-

³⁰³ Загидуллин И. К. Исламские институты в Российской империи: Мечети в европейской части России и Сибири. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2007. – С. 126–127.

³⁰⁴ Загидуллин И. К. Исламские институты в Российской империи: Мечети в европейской части России и Сибири. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2007. – С. 127.

ми водами и делали путь непроезжим на 2–3 недели в году. В результате «масса случаев погребения умерших» проводилась без муллы, а родители сами нарекали имена новорожденным, не вписывая их в метрические книги, «чрез что в будущем» возникали «недоразумения при определении возраста молодым людям во время отбытия воинской повинности». С учетом положительного заключения оренбургского губернатора от 22 апреля 1915 г. № 375 МВД разрешило 4 августа 1915 г. за № 4688 строительство соборной мечети в дер. Мало-Халиловой с образованием самостоятельного прихода³⁰⁵.

Или, например, 24 января 1912 г. мусульмане казачьего поселка Прохладного Богуславской станицы Оренбургского уезда на общественном сходе решили обратиться в государственные органы с просьбой о разрешении построить пятивременную мечеть. Для участия в богослужениях, проведения обрядов жизненного цикла и регистрации актов гражданского состояния им приходилось ездить за 22 версты в одну сторону до ближайшей соборной мечети в пос. Григорьевском через «несколько опасных оврагов», весенний разлив рек, «в непогоду», «невыносимые бураны и холода» на открытой степной местности. Не имевшие лошадей, старики и «убогие» вообще месяцами не бывали на общественной молитве. В результате «казаки, преданные Царю и Отечеству, лишены возможности помолиться Богу в Высочайшие Царские дни, также праздничные и табельные». Поскольку в пос. Прохладном проживало всего 125 мусульман мужского пола, Оренбургское губернское правление не могло самовольно преступить требование закона и указом от 21 января 1913 г. № 171 отклонило ходатайство верующих, но одновременно посоветовало им обратиться к министру внутренних дел за разрешением на постройку мечети в порядке исключения. Тем не менее, вопреки положительной резолюции оренбургского губернатора, директор Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД решением от 3 апреля 1913 г. № 1291 также отклонил просьбу верующих за неимением в пос. Прохладном 200 мусульман мужского пола, требуемых ст. 155 Устава строительного для образования нового прихода³⁰⁶. 4 марта 1915 г. местные казаки возбудили повторное ходатайство о разрешении им строительства пятивременной мечети, поддержанное начальником Оренбургской губернии. МВД запросило сведения о вероисповедном составе населения в этом районе. Несмотря

³⁰⁵ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 507. Л. 139–139 об., 141–142 об., 149–151.

³⁰⁶ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 507. Л. 112–117.

на то, что православные составляли большинство жителей ближайшей округи и самого пос. Прохладного, а численность наличных мусульман в нем сократилась со 125 до 95 мужчин в связи с призывом казаков на Первую мировую войну, заместитель министра внутренних дел на этот раз 31 мая 1916 г. за № 3002 дал согласие на постройку молитвенного здания с образованием самостоятельного прихода «в изъятие закона»³⁰⁷. Очевидно, на это решение повлияла необходимость духовного единения многоконфессиональной страны перед лицом общего врага в условиях Первой мировой войны и нарастания внутривластного кризиса.

С другой стороны, наличие более 150 прихожан мужского пола отнюдь не гарантировало получение санкции на строительство мечети в исключительном порядке. Так, 9 ноября 1910 г. за № 10279 МВД отказало в постройке молитвенного здания башкирам дер. Канчуриной Таймасовской волости Оренбургского уезда, в которой 159 душ м. п. были приписаны к приходу дер. Верхне-Муталовой за 20 верст³⁰⁸. Резолюцией от 26 сентября 1914 г. № 8160 заместитель министра отклонил ходатайство 160 мужчин дер. Ишбердиной 3-й Усергенской волости Орского уезда, согласившись с оренбургским губернатором в том, что «расстояние в 15 верст от приходской мечети не может служить препятствием к отправлению духовных треб»³⁰⁹. 29 октября 1912 г. за № 10044 директор Департамента не разрешил постройку мечети жителям дер. Хамитовой Верхнеуральского уезда при наличии 173 душ м. п. и расстоянии до ближайшего дома молитвы в 30 верст «с крайне плохими подъездными путями»³¹⁰.

Таким образом, при разрешении мечетей с недостаточным количеством прихожан в исключение из закона никаких четких критериев не было, а решение принималось всякий раз индивидуально с учетом различных факторов. Впрочем, исключительный порядок, высочайше утвержденный 18 февраля 1908 г., облегчал положение только отдельных приходов, но не мог удовлетворить религиозные нужды всех малочисленных мусульманских общин в масштабах страны. Так, в 1906 г. подобным образом было разрешено 1 ходатайство, в 1907 г. – 10, в 1908 г. – 16, в 1909 г. – 33, а в 1910 г. – 8³¹¹.

³⁰⁷ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 507. Л. 236–254.

³⁰⁸ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 507. Л. 39–44, 78.

³⁰⁹ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 507. Л. 128–135.

³¹⁰ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 507. Л. 102–102 об., 111.

³¹¹ Загидуллин И. К. Исламские институты в Российской империи: Мечети в европейской части России и Сибири. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2007. – С. 127.

В число 200 душ мужского пола, необходимых по закону для образования нового мусульманского прихода, учитывалось только постоянное, а не временное население. В Оренбургском крае это создавало дополнительные сложности для организации религиозной жизни мусульман на обширных землях казачества в силу их особого правового статуса, который препятствовал переселенцам легализоваться здесь в качестве постоянных жителей.

Еще с конца XVIII – начала XIX столетий в казачьих укреплениях на Оренбургской линии стали селиться мусульмане невоенных сословий, привлеченные выгодами приграничной торговли с казахским населением. С 60-х годов XIX в. их численность в казачьих пригородах и станицах стала резко возрастать на фоне широкого притока татарских крестьян из малоземельных районов Поволжья в Оренбургский край.

Но согласно Положению об Оренбургском казачьем войске от 12 декабря 1840 г. лицам гражданских сословий, не вошедшим в его состав, запрещалось иметь на казачьих землях постоянную оседлость и пользоваться поземельными довольствиями³¹². По законодательству Российской империи местом постоянного жительства крестьян, поселившихся в казачьих станицах, продолжали считаться их прежние села или волости, к которым они были юридически приписаны. Только именным высочайшим указом от 5 октября 1906 г. сельским обывателям и лицам других бывших податных сословий была предоставлена свобода избрания постоянного места жительства, в качестве которого стало рассматриваться не место приписки, «а место, где они по службе, или занятиям, или промыслам, или недвижимому имуществу имеют оседлость, либо домашнее обзаведение»³¹³. Кроме того, согласно ст. 7 Положения о поземельном устройстве в казачьих войсках от 21 апреля 1869 г. общественные казачьи земли были частично изъяты из гражданского оборота и не могли отчуждаться в собственность представителей других сословий³¹⁴. Поэтому большинство мусульманских переселенцев проживало здесь на съемных квартирах и арендуемой земле. С юридической точки зрения они не считались постоянными жителями казачьих поселков и не учитывались при рассмотрении ходатайств о постройке мечетей, даже если их реальная численность превышала законодательно установленный минимальный норматив в 200

³¹² ПСЗ. – Собр. 2-е. – Т. XV. – Отд. 1-е. – № 14041.

³¹³ ПСЗ. – Собр. 3-е. – Т. XXVI. – № 28932.

³¹⁴ ПСЗ. – Собр. 2-е. – Т. XLIV. – Отд. 1-е. – № 46996.

душ мужского пола, необходимых для образования мусульманского прихода. К тому же, и сами участки под строительство культовых зданий могли быть предоставлены только на условиях ежегодного внесения в общественный капитал арендной платы за землю под мечетью или молитвенным домом. Все это создавало серьезные проблемы для удовлетворения религиозных нужд мусульман невоенных сословий в казачьих населенных пунктах.

Так, во второй половине XIX – начале XX вв. мусульманские переселенцы стали активно оседать не только в губернском городе Оренбурге, но и в примыкавшем с восточной стороны казачьем Форштадте. В административном отношении он образовывал самостоятельный поселок Оренбургский одноименной станицы ОКВ, имея собственные органы управления, но исторически был составной частью города. Если, по данным 1861 г., в Форштадте проживал 21 мусульманин (9 мужчин и 12 женщин), то к 1886 г. их число возросло до 1354 человек (667 мужчин и 687 женщин) или 16,5 % от общей численности жителей³¹⁵.

22 февраля 1905 г. 636 мусульман пос. Оренбургского постановили приговор, в котором указали, что место их жительства находится в 2-х верстах (2,12 км) от городских мечетей, и поэтому они нуждаются в собственном богослужебном здании. Все расходы по строительству принимал на свой счет оренбургский купец 1-й гильдии М. Г. Хусаинов, который уже выкупил под него права аренды на дворовое место № 46 по Наследницкой ул. шириной 16 саженей (34,14 м) и длиной 20 саженей 1 аршин (43,38 м) за 500 руб.³¹⁶ 10 марта 1905 г. уполномоченный крестьянин Гарифулла Батталов подал в ОМДС ходатайство о разрешении построить мечеть на этом месте с образованием самостоятельного прихода. Рассмотрев этот вопрос положительно, 26 апреля 1905 г. Духовное собрание постановило направить переписку по этому делу в Оренбургское губернское правление³¹⁷. На запрос администрации уездная полиция доложила, что в поселке проживает мусульман м. п. 1080 душ, христиан об. п. свыше 15 тыс., причем дома православных расположены вокруг места предполагаемой постройки мечети. Поскольку земля находилась в ведении ОКВ, Губернское правление обратилось в Войсковое хозяйственное правление (ВХП), ко-

³¹⁵ ЦИА РБ. Ф. И-295. Оп. 10. Д. 94. Л. 76 об.; ГАОО. Ф. 164. Оп. 1. Д. 104. Л. 134 об. – 135.

³¹⁶ ГАОО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 2743. Б. п.

³¹⁷ ЦИА РБ. Ф. И-295. Оп. 6. Д. 872. Л. 1–2об.

торое вынесло этот вопрос на рассмотрение казаков Оренбургского поселка. 14 мая 1906 г. поселковый сход постановил отказать в ходатайстве о постройке мечети, так как официально в Форштадте было всего 3 мусульманских двора, «остальные же лица этого вероисповедания проживают на съемных квартирах и не имеют оседлости». 6 июля 1906 г. это решение было подтверждено постановлением ВХП № 2433 «за неимением в этом поселке коренных жителей-магометан», о чем просителям объявили только в январе 1907 г., спустя 2 года после начала хождения их документов по инстанциям³¹⁸.

Проблемы с удовлетворением религиозных нужд возникали и у мусульманских рабочих многочисленных промышленных предприятий и горных разработок, возникших во второй половине XIX в. на землях, арендуемых у оренбургского казачества. Например, в 1901 г. мусульманские рабочие Кочкарских золотых приисков (ныне г. Пласт Челябинской области) возбудили ходатайство о разрешении постройки соборной мечети с образованием самостоятельного прихода. Однако Войсковое хозяйственное правление ОКВ в качестве представителя собственника земли отказалось отвести для строительства земельный участок. На этом основании 15 февраля 1905 г. ОГП отклонило просьбу верующих. Правда, вскоре по их жалобе МВД разъяснило губернским властям, что молитвенный дом может быть устроен в любом пригодном для этого помещении, а вопрос о владении землей не стоит в непосредственной связи с устройством духовных нужд мусульман³¹⁹. Поэтому новым указом от 12 июня 1906 г. Оренбургское губернское правление все-таки разрешило образовать самостоятельный приход при уже существующем молитвенном доме на Аполлинариевском прииске³²⁰.

Наиболее ярко весь комплекс проблем, связанных со строительством мечетей на землях казачества представителями других сословий, проявился в истории мусульманской общины станицы Зверино-головской Челябинского уезда Оренбургской губернии (ныне райцентр Курганской области). На протяжении всего XIX – начала XX столетий в силу выгодного приграничного положения она была местом проведения крупных базаров и ярмарок, где приезжие мусуль-

³¹⁸ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4236. Л. 10–11.

³¹⁹ Загидуллин И. К. Махалля в промышленных поселениях в Европейской части России и Сибири (XIX – начало XX вв.) // Татарские мусульманские приходы в Российской империи. Мат. научно-практ. конф. (27–28 сентября 2005 г., г. Казань). – Казань: Институт истории АН РТ, 2006. – С. 79.

³²⁰ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4235. Л. 439–441.

манские торговцы выменивали на промышленные товары у кочевого казахского населения продукцию животноводства. С середины XIX в. многие татарские предприниматели стали селиться здесь в собственных домах и на съемных квартирах.

В 1864 г. «торгующие в станице Звериноголовской Оренбургского казачьего войска башкиры и государственные крестьяне из магометан Казанской и Вятской губерний» подали ходатайство на имя военного министра о разрешении им построить мечеть. Однако на запрос оренбургского генерал-губернатора наказной атамана казачьего войска 10 июня 1864 г. за № 3171 доложил, что, по данным статистики, в поселке числятся всего 60 мужчин, исповедующих ислам, тогда как по ст. 261 Строительного устава для образования самостоятельного мусульманского прихода требовалось не менее 200 душ мужского пола. На основе заключения атамана и отрицательного отзыва военного министра начальник края отклонил прошение верующих 1 сентября 1864 г. за № 2360. Вопреки официальной статистике, звериноголовцам удалось собрать 210 подписей местных мусульман под новым ходатайством о сооружении мечети. Поэтому 28 декабря 1865 г. за № 3549 оренбургский генерал-губернатор поручил Войсковому хозяйственному правлению собрать более точные сведения о реальной численности мусульманского населения. По результатам проверки в Звериноголовской оказался на лицо 231 мусульманин мужского пола, в том числе 3 оседлых казака, 168 представителей других сословий, постоянно проживавших на квартирах, и 60 разночинцев, не имевших в станице собственного хозяйства. Православные станичники в июне 1865 г. и апреле 1866 г. двумя приговорами выразили согласие на постройку мечети, но с «непременным» условием, чтобы ее прихожане ежегодно вносили в общественный капитал арендную плату за участок под культовым зданием в размере 30 коп. за каждую квадратную сажень (4,55 кв. м). Бережливые мусульманские торговцы считали эти запросы чрезмерными и предложили обычную плату в 3 коп. Но разногласия между собственниками и арендаторами не имели решающего значения. Оренбургское губернское правление констатировало, что в Звериноголовской постоянно, оседло проживают всего 3 мусульманина из числа казаков. Остальные верующие находятся в станице только по торговым делам, уже числятся в других приходах на прежних местах жительства, куда могут выехать в любое время. Поэтому журналом от 10 октября 1866 г.

№ 2318 оно отклонило их просьбу о разрешении строительства новой мечети (указ от 20 октября 1866 г. № 3408)³²¹.

Тогда местные мусульмане решили подойти к проблеме с другой стороны. В конце концов, собираться на общественную молитву они могли в любом подходящем помещении, а насущной, первой необходимостью для них было определение собственного муллы для регистрации актов гражданского состояния (рождения, браков, разводов и смерти). Поэтому в 1867 г. мусульманские жители станицы сняли в аренду готовый дом для ежедневного проведения намаза и подали ходатайство о переводе к нему имама дер. Аллагуловой Пензенской губернии Кадыргалия Биктемирова, называя свое молитвенное здание пятитрепременной мечетью. На запрос губернских властей о времени и обстоятельствах ее разрешения челябинская уездная полиция 16 декабря 1867 г. за № 122 раздраженно заметила, что в станице Звериноголовской нет никакой пятитрепременной мечети. В результате 7 января 1868 г. журнальным постановлением № 122 ОГП отказалось удовлетворить ходатайство мусульман, поскольку «на утверждение мулл» без мечетей «закона не существует» (указы от 24 января 1868 г. №№ 383, 384)³²².

Тем не менее, мусульманский молитвенный дом в Звериноголовской продолжал действовать неофициально, а обязанности муллы и азанчея при нем исполняли татары Биктемиров и Зарипов. В сентябре 1869 г. проживавший в станице крестьянин М.-Ю. Мухаммедьяров подал жалобу в ОМДС и просил запретить им совершение духовных треб, как не имеющим на это права. Оправдывая своих единоверцев и защищая их интересы, Духовное собрание ответило, что по шариату любой мусульманин, хорошо знающий религиозные догматы и обряды, может возглавлять общественную молитву, проводить наречение имени, бракосочетание и погребение. Тем более, это касается Биктемирова, который сдал экзамен на духовные звания, получил указ на должность муллы, дающий полное право на беспрепятственное совершение обрядов согласно статьям 44 и 45 т. 1 Основных государственных законов и ст. 2 т. 11 Устава духовных дел иностранных исповеданий. Равным образом, по канонам ислама любой верующий может провозглашать азан, в том числе и Зарипов. В жалобе не было приведено никаких конкретных фактов, «каких личностей обвенчал Биктемиров и кого обмолитвовал из новорожденных». «Усматривая

³²¹ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4061. Л. 59–61.

³²² ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4074. Л. 378–379.

из прошения Мухаммедьярова бездоказательную кляузу», ОМДС просило губернские власти не придавать ей значения. Тем не менее, жалоба побудила одного из местных жителей, троицкого купца 2-й гильдии Сейфульмулюкова снова подать ходатайство о постройке в станице Звериноголовской собственной мечети, чтобы легализовать деятельность мусульманской общины. Его активно поддержало и Духовное собрание, которое подчеркнуло, что большое число мусульман не только съезжается туда по торговым делам, но и фактически проживает в поселке на постоянной основе, хотя и числится на стороне. Однако журналом от 1 июня 1871 г. № 1082 ОГП снова отклонило ходатайство об открытии мусульманского прихода в станице Звериноголовской, как противоречащее точному смыслу ст. 261 Строительного устава, поскольку приезжие мусульманские торговцы не считались постоянными жителями станицы (указы от 14 июня 1871 г. №№ 2343, 2344, 2345)³²³.

Указом от 11 декабря 1872 г. № 5125 Духовное собрание на свой страх и риск разрешило построить ее жителям новый молитвенный дом. Местные мусульмане были причислены к приходу ближайшей мечети в пос. Трехозерском Усть-Уйской станицы, где издавна проживали их единоверцы из числа казаков. Это позволило определить к Трехозерской мечети по указу ОГП от 14 марта 1875 г. № 784 на должность 2-го муллы Садыка Кадыргалиева (Биктемирова)³²⁴, который остался в Звериноголовской и совершал там религиозные обряды.

Постепенно все большее количество мусульман обзаводилось в станице собственными домами, а не съемными квартирами, открывало магазины и промышленные предприятия, причислялось в купечество и мещанство ближайшего уездного города Челябинска. 27 марта 1880 г. мусульманские купцы и другие разночинцы, проживавшие в станице Звериноголовской, постановили приговор, которым ходатайствовали перед губернской администрацией о разрешении им перестроить свой молитвенный дом в полноценную соборную мечеть. На запрос ОГП в октябре 1880 г. уездная полиция доложила, что: 1) постройка мечети действительно необходима, так как все мусульмане не помещаются даже во дворе молитвенного дома; 2) новый приход будет состоять из 300 мужчин, постоянно проживающих в станице, а еще до 400 единоверцев ежегодно приезжают сюда по торговым делам и остаются на временное жительство; 3) прихожане Трехозерской со-

³²³ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4105. Л. 545–547 об.

³²⁴ ГАОО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 3577. Л. 45 об. – 46.

борной мечети согласны на отчисление звериноголовцев, а у них останется достаточное число мусульман для сохранения своего прихода. Однако из общественного приговора следовало, что молитвенный дом в станице Звериноголовской построен среди жилых зданий, а за место под ним прихожане уплачивают станичному обществу арендную плату. Поэтому Губернское правление поручило полиции дополнительно выяснить, согласны ли местные казаки на уступку этого земельного участка для строительства мечети, и на каком расстоянии она будет находиться от жилых домов. По осмотру челябинской уездной полицией выяснилось, что выбранное место не соответствовало требованиям ст. 265 Строительного устава, поскольку располагалось ближе 20 саженей к жилым домам. Поэтому ОГП журналом от 1 июня 1881 г. отказало в постройке мечети на этом участке. Постановлением от 9 июня 1882 г. № 613 было отклонено и повторное ходатайство верующих (указ от 23 июня 1882 г. № 2779)³²⁵. И только после того как они выкупили прилегающие постройки для сноса и обеспечения противопожарной зоны, Оренбургское губернское правление журналом от 3 января 1885 г. № 2, наконец, разрешило мусульманам Звериноголовской станицы перестроить их молитвенный дом в каменную соборную мечеть с образованием самостоятельного прихода через 21 год после возбуждения первого ходатайства об этом (указы от 11 января 1885 г. №№ 134, 135)³²⁶.

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX вв. мусульманские переселенцы из других сословий, обосновавшиеся на землях оренбургского казачества, испытывали серьезные проблемы в удовлетворении своих религиозных нужд. В силу особенностей правового статуса казачьих земель, запрета на их отчуждение в собственность большинство мигрантов проживало на съемных квартирах и участках. С юридической точки зрения они не считались постоянными жителями казачьих поселков, что препятствовало достижению минимального норматива в 200 душ м. п., необходимого для организации нового прихода. Но даже в случае разрешения постройки мечети или молитвенного дома, верующие были вынуждены вносить в общественный казачий капитал ежегодную арендную плату за участок, занимаемый культовым зданием.

Законодательно установленный норматив минимальной численности прихода в 200–300 душ мужского пола вводился в практику

³²⁵ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4164. Л. 381–396.

³²⁶ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4174. Л. 3–5 об.

организации религиозной жизни мусульман постепенно. Исторические источники свидетельствуют о том, что в 40-е гг. XVIII – 20-е гг. XIX вв. абсолютное большинство мечетей в Оренбургской губернии продолжали строиться незаконно, без учета минимальных нормативов прихода и без официальных разрешений от государственных органов. Это объяснялось не только отсутствием в законе четко прописанной процедуры их получения, последовательности действий, мер ответственности за самовольное строительство, низкой правовой грамотностью населения, но и глубоко укоренившимся в регионе принципом автономности мусульманской общины, самостоятельного решения ее внутренних религиозных вопросов.

Решающее значение для перевода строительства мечетей в регламентированные законом процедуры имела интеграция мусульманского духовенства в административную систему Российской империи, возложение на муллу государственных функций по регистрации актов гражданского состояния. С 1829 г. этим правом были наделены только имамы, утвержденные государством с соблюдением установленного порядка. Отсутствие в приходе официально разрешенной мечети препятствовало определению к ней духовного лица, необходимого для регистрации юридически значимых актов рождения, заключения и расторжения браков, смерти. Это заставляло прихожан самим легализовать свои молитвенные здания для решения насущных вопросов гражданских, семейных и наследственных отношений.

В результате предпринятых мер число мусульманских молитвенных зданий и духовных лиц в Оренбургской губернии существенно сократилось. Если в 1831 г. здесь насчитывалось 1663 мечети и 2883 священнослужителя, то в 1835 г. – 1235 мечетей и 2039 духовных лиц³²⁷.

Переводу строительства мусульманских культовых зданий в правовое русло способствовала и целенаправленная политика государственных органов по укрупнению приходов. Указом Оренбургского магометанского духовного собрания от 11 октября 1839 г. было предписано закрыть все мечети, при которых состояло менее 200 душ м. п., а их прихожан причислить к ближайшим полноценным приходам³²⁸.

Именным указом императора Сенату от 15 августа 1845 г. было утверждено Уложение о наказаниях уголовных и исполнительных,

³²⁷ Азаматов Д. Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII–XIX вв. – Уфа: Гилем, 1999. – С. 99.

³²⁸ Азаматов Д. Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII–XIX вв. – Уфа: Гилем, 1999. – С. 98.

которое впервые установило ответственность за самовольное возведение мечетей без разрешения администрации. Согласно ст. 1359 виновные в этом деянии стали подвергаться денежному штрафу в размере от 100 до 200 руб. (ст. 1073 в редакции 1866 г.). При этом сами незаконные мечети могли быть закрыты «по усмотрению главного местного начальства»³²⁹.

Например, в 1867 г. мусульмане Гирьяльского отряда Красногорской станицы Оренбургского казачьего войска перенесли подальше от Урала вглубь поселка 24 усадьбы. Ежегодно река отмывала от берега большие куски земли, так что со временем угроза обрушения нависла и над мечетью, вблизи которой не осталось домов прихожан. Это побудило жителей подать ходатайство об ее переносе на другое место, где были распланированы новые дворовые участки. На запрос губернских властей рапортом от 22 декабря 1867 г. № 6705 Орское уездное полицейское управление доложило, что при Гирьяльской мечети состоят прихожанами всего 134 души м. п. тогда, как по закону для ее сохранения требовалось не менее 200. Поэтому журнальным постановлением от 22 января 1868 г. Оренбургское губернское правление отказало мусульманам в их просьбе. Однако, не дожидаясь письменного разрешения, жители самовольно уже приступили к строительству мечети на новом месте. Губернские власти узнали об этом только в июне 1868 г., когда получили от местного муллы Садретдина Калимуллина новое заявление с просьбой разрешить достройку храма и придать ему официальный статус. Указом от 12 августа 1868 г. № 3234 ОГП постановило закрыть незаконно возведенную мечеть и предписало полиции провести дознание для привлечения к ответственности виновных в самовольном строительстве. По его результатам Орский уездный суд решением от 31 июля 1869 г. определил: на основании ст. 1073 Уложения о наказаниях подвергнуть жителей Гирьяльского отряда и их муллу штрафу в размере 100 руб.³³⁰.

Однако, несмотря на принятые меры, даже в 1851 г. ревизия, проведенная Оренбургским губернским правлением, выявила, что 730 из 1663 (44 %) мечетей в крае по-прежнему не соответствовали законодательному нормативу минимальной численности прихода и имели при каждой менее 200 душ мужского пола.

³²⁹ ПСЗ. – Собр. 2-е. – Т. XX. – Ч. 1. – № 19283.

³³⁰ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4145. Л. 288–293 об.

Таблица 2 – Количество мечетей в Оренбургской губернии с
числом прихожан менее 200 душ м. п. по данным 1851 г.³³¹

Уезды	Число мечетей	При них духовных лиц
Белебеевский	127	187
Бирский	168	237
Верхнеуральский	27	40
Мензелинский	136	230
Оренбургский	44	72
Стерлитамакский	62	133
Троицкий	31	37
Уфимский	110	171
Челябинский	5	7
Округа казачьих полков	20	33
Всего:	730	1148

Таким образом, установление законодательством Российской империи минимальной численности прихожан в 200–300 душ мужского пола, необходимых для разрешения на постройку мечети, не учитывало особенностей мусульманского ритуала, обязательности по шариату ежедневной пятикратной молитвы и коллективного пятничного намаза при наличии уже более трех человек. Демографические и природные особенности Оренбургского края, низкая плотность населения и широкое распространение хуторского хозяйства в степных районах, наличие обширных казачьих земель с особым правовым статусом, препятствовавших легализации мусульманских переселенцев как постоянных жителей, создавали серьезные сложности для выполнения законодательного норматива. Поэтому для удовлетворения своих повседневных религиозных нужд верующие были вынуждены прибегать к юридическим уловкам, искусственному наращиванию численности прихожан за счет объединения жителей нескольких населенных пунктов или возводить мечети незаконно под угрозой уголовного преследования.

Постоянные отказы малочисленным мусульманским группам в разрешении на постройку собственных мечетей побудили ОМДС как выразителя и защитника интересов единоверцев поставить перед

³³¹ Азаматов Д. Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII–XIX вв. – Уфа: Гилем, 1999. – С. 99.

гражданской администрацией вопрос об изменении существующего порядка. В 1866 г. муфтий сообщил Духовному собранию, что многие мусульманские общества обращаются к нему с ходатайствами о предоставлении им возможности исправно совершать предписанные молитвы, которым препятствуют отдаленность мечетей и их недостаточное количество. Это «имеет самое вредное влияние на нравственность магометан, которые, прекращая обязательное по шариату для каждого ... общественное богослужение и пользуясь праздным временем, становятся безнравственными: сначала не считают грехом отступление от обрядов религии, потом ослабевают в самой вере, теряют уважение к обряду брака, присяги и, наконец, предаются всем порокам и преступлениям». ОмДС, на обсуждение которого была вынесена проблема, пришло к выводу, что главным препятствием для возобновления ветхих и строительства новых мечетей является законодательное ограничение минимальной численности прихода в 200–300 душ мужского пола. Поэтому Духовное собрание постановило ходатайствовать перед Оренбургским губернским правлением о разрешении мусульманам открывать молитвенные дома без учета количества прихожан в тех населенных пунктах, где по закону нельзя было построить мечеть из-за малочисленности жителей. Однако региональный орган журналом от 4 июля 1866 г. № 1456 отклонил это представление «по неимению в виду узаконения, которым бы разрешалось устраивать молитвенные дома для магометан» (указ от 6 июля 1866 г. № 1456)³³².

Вынесенное однажды решение в дальнейшем служило Оренбургскому губернскому правлению прецедентом для рассмотрения всех аналогичных просьб. Так, 9 января 1885 г. жители дер. Зельиновой Юмашевского сельского общества 1-й Бурзянской волости Орского уезда постановили приговор, которым ходатайствовали о дозволении им устроить молитвенный дом. Его необходимость мусульмане обосновывали тем, что приходская мечеть в дер. Юмашевой располагалась за 20 верст, почему «некоторые из них, несостоятельные, не могут участвовать в общественных молениях». Для проведения ежедневного пятикратного намаза верующие уже приобрели у башкира Султантемирова пятистенный деревянный дом, крытый тесом, и ожидали согласия властей на его использование в качестве культового здания. Но ОГП на основании архивной справки по журналу от 5 октября 1886 г. № 4022 оставило их прошение без последствий «по неиме-

³³² ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4053. Л. 547–548 об.

нию в виду закона», предусматривавшего саму возможность открытия мусульманских молитвенных домов (указ 10 ноября 1886 г. № 4022). Организовать же в дер. Зельиновой самостоятельную мечеть не позволяла численность жителей в 115 душ м. п. вместо 200, необходимых по российскому законодательству³³³.

Не найдя понимания и поддержки на региональном уровне, муфтий ОМДС в 1867 г. обратился в вышестоящие инстанции с проектом, который предлагал новые нормативы строительства мусульманских культовых зданий. При наличии в поселении менее 20 семей верующих рекомендовалось разрешать постройку молитвенного дома с одним духовным лицом, от 20 до 100 семей – пятивременной мечети с двумя духовными лицами (имамом и муэдзином), а более 100 семей – соборной мечети с тремя духовными лицами (двумя имамами и муэдзином либо имамом и двумя муэдзинами)³³⁴. Однако установление в Российской империи высокого норматива численности прихожан преследовало цели ограничения количества мусульманских приходов, духовных лиц для обеспечения за ними более эффективного государственного контроля, поэтому проект муфтия так и не был реализован.

Российское законодательство продолжало игнорировать понятие мусульманского молитвенного дома. Оно различало только пятивременные и соборные мечети. Первые предназначались для ежедневного пятикратного намаза, но проведение коллективных пятничных и праздничных богослужений допускалось лишь во вторых. Поэтому каждая пятивременная мечеть, как правило, причислялись к другой – соборной, чтобы верующие могли принимать участие и в обязательном пятничном намазе. В странах исламского Востока соборные мечети для общественной пятничной молитвы (джамии) возводились исключительно в населенных пунктах, имевших статус «миср», то есть признаки города: наличие правителя, судьи и охранников общественного порядка, улиц, бани, рынка и других атрибутов. Но в Российской империи определяющим критерием для типа мечети стал статус не поселения, а приходского духовенства. Утверждение к молитвенному зданию лица со званием хатыба, имеющего право читать проповедь (хутбу) после пятничной молитвы, уже служило достаточным

³³³ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4179. Л. 412–413.

³³⁴ Загидуллин И. К. Особенности структурирования мусульманского молитвенного дома в общеимперское правовое пространство // Мечети в духовной культуре татарского народа (XVIII в. – 1917 г.). Мат. Всеросс. научно-практ. конф. (25 апреля 2006 г., г. Казань). – Казань: Институт истории АН РТ, 2006. – С. 130–131.

основанием для переименования пятивременной мечети в соборную³³⁵. С другой стороны, тип мечети определял численность положенного при ней штатного духовенства. Согласно высочайше утвержденному 9 декабря 1835 г. мнению Государственного Совета при пятивременной мечети она была ограничена одним имамом и одним муэдзином, а при соборной мечети – одним хатыбом, одним имамом и одним муэдзином³³⁶.

Д. Д. Азаматов в своей работе об Оренбургском магометанском духовном собрании писал, что этим же законом было разрешено возведение пятивременной мечети при наличии 200 душ м. п., соборной мечети – при наличии 300 душ м. п., а по высочайше утвержденному 15 декабря 1886 г. мнению Государственного совета, якобы, даже позволялось открытие мусульманских молитвенных домов без прикрепленных имамов независимо от числа прихожан³³⁷. Однако тексты данных нормативных актов вообще не содержат подобных правил³³⁸. Указами от 22 июня 1744 г. и 23 августа 1756 г. был установлен единый минимальный норматив численности прихода в 200–300 душ м. п., необходимых для разрешения постройки любой мечети, независимо от ее типа, пятивременного или соборного. На практике сами члены вновь образуемого прихода выбирали и запрашивали в ходатайстве желательный статус храма, исходя из местных условий: будущей наполняемости молитвенного здания, доступности ближайшей соборной мечети, наличия финансовых средств для устройства более крупного помещения и содержания расширенного штата духовенства³³⁹.

Недостаточно четкое законодательное различие между двумя видами мусульманских культовых зданий усугублялось тем, что незаконные молитвенные дома в поселениях, где малочисленность жителей не позволяла официально организовать самостоятельных приход, тоже назывались пятивременными мечетями, поскольку были предназначены для повседневногo отправления пятикратной молитвы.

³³⁵ Загидуллин И. К. Пятивременные и соборные (джами) мечети в округе Оренбургского магометанского духовного собрания // Мечети в духовной культуре татарского народа (XVIII в. – 1917 г.). Мат. Всеросс. научно-практ. конф. (25 апреля 2006 г., г. Казань). – Казань: Институт истории АН РТ, 2006. – С. 96, 99–100.

³³⁶ ПСЗ. – Собр. 2-е. – Т. X. – Отд. 2-е. – № 8663

³³⁷ Азаматов Д. Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII – XIX вв. – Уфа: Гилем, 1999. – С. 97, 101.

³³⁸ ПСЗ. – Собр. 2-е. – Т. X. – Отд. 2-е. – № 8663; ПСЗ. – Собр. 3-е. – Т. VI. – Отд. 1-е. – № 4102.

³³⁹ Загидуллин И. К. Исламские институты в Российской империи: Мечети в европейской части России и Сибири. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2007. – С. 158.

Закон от 9 декабря 1835 г. разрешил в таких мечетях с одним муллой при достижении 200 душ м. п. увеличивать штат духовенства, то есть, по сути, легализовать приход. Тем не менее, заключением от 6 октября 1910 г. Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД разъяснил, что с юридической точки зрения между молитвенным домом и мечетью нет никакой разницы, а потому организация мусульманских приходов на их основе возможна только при соблюдении всех требований закона, в том числе и минимального норматива в 200 душ м. п.³⁴⁰.

Таким образом, в независимых мусульманских государствах Волго-Уральского региона строительство мечетей не ограничивалось ничем, кроме общих требований шариата. Однако во второй половине XVI в. эти территории были подчинены иноверным, православным Российским государством. По мере складывания и укрепления абсолютной монархии в 10–60-е годы XVIII в. оно предприняло попытку насильственной христианизации мусульманских народов Поволжья и Урала для централизации управления на основе идеологического единообразия. Для сохранения идентичности в противостоянии иноконфессиональному государству и чуждому культурному окружению мусульманские общины Волго-Уральского региона замкнулись, перешли к самоизоляции, а их основные функции сосредоточились вокруг мечети как консолидирующего центра. Она стала не только местом проведения основных религиозных обрядов, но и сбора общины для решения ее важнейших внутренних вопросов, отправления суда по нормам шариата, объявления правительственных указов и распоряжений, передачи культурной и конфессиональной традиции через приходские учебные заведения.

Осознав невозможность форсированного установления единообразия в идеологической сфере на основе православия, Российское государство в правление Екатерины II перешло от политики насильственной христианизации к признанию ислама в качестве терпимой религии, от давления на разрозненные, автономные мусульманские общины к выстраиванию для них собственной вертикали управления, поставленной под контроль правительства. Законодательство, регламентирующее организацию мусульманских приходов и строительство

³⁴⁰ Загидуллин И. К. Особенности структурирования мусульманского молитвенного дома в общеимперское правовое пространство // Мечети в духовной культуре татарского народа (XVIII в. – 1917 г.). Мат. Всеросс. научно-практ. конф. (25 апреля 2006 г., г. Казань). – Казань: Институт истории АН РТ, 2006. – С. 133.

мечетей как их религиозно-обрядовых центров, складывалось постепенно. При составлении Свода законов Российской империи в 1836 г. эти разрозненные нормы были впервые кодифицированы в Строительном уставе.

По законодательству Российской империи с 1744 г. главным условием для разрешения постройки мечети с образованием самостоятельного мусульманского прихода было наличие не менее 200–300 верующих мужского пола. Путем введения этого минимального норматива правительство стремилось ограничить количество мечетей и приходского духовенства для более эффективного контроля за меньшим числом мусульманских общин. По сути, государство пыталось механически перенести на иноверцев принцип организации православного прихода, объединяющего несколько деревень вокруг храма только в крупном селении. Однако при этом не учитывалась специфика исламского ритуала: необходимость проведения ежедневной пятикратной молитвы, обязательное присутствие на коллективном намазе в пятничные и праздничные дни, погребение покойного в день смерти до захода солнца с приглашением духовного лица для омовения и совершения других процедур по строго определенным правилам. В результате мусульманские жители малолюдных деревень и городских диаспор испытывали серьезные трудности в удовлетворении духовных нужд: были вынуждены приписываться к мечетям в более крупных селениях, часто преодолевать значительные расстояния до них для совершения обрядов с регистрацией актов гражданского состояния, прибегать к юридическим уловкам для искусственного наращивания численности своей общины до минимального норматива или возводить молитвенные здания незаконно под угрозой уголовного преследования.

В степном Оренбургском крае дискриминационное ограничение на постройку мечети при наличии не менее 200–300 мусульман мужского пола создавало дополнительные сложности для организации их религиозного быта в силу демографических и природных особенностей региона: низкой плотности населения и больших расстояний между деревнями, хуторской организации хозяйства, особенно у полукочевого башкирского населения, суровых климатических условий и перепадов ландшафта с оврагами, многочисленными реками, гористыми участками, затруднявшими транспортную доступность.

В отличие от многих других регионов еще одним препятствием для удовлетворения религиозных потребностей мусульманского на-

селения в Оренбургской губернии был особый правовой статус казачьих территорий. Обосновавшиеся на них переселенцы не могли причислиться к местным обществам без перехода в казачье сословие, приобрести в собственность землю, частично изъятую из гражданского оборота, а потому проживали на арендованных участках и зачастую съёмных квартирах, считались не постоянным, а временным населением и не учитывались при рассмотрении ходатайств о постройке мечетей, даже если их реальная численность превышала законодательно установленный минимальный норматив в 200–300 душ мужского пола, необходимых для образования мусульманского прихода. К тому же, и сами участки под строительство культовых зданий могли быть предоставлены только на условиях ежегодного внесения в общественный казачий капитал арендной платы за землю под мечетью.

Даже при соответствии мусульманских общин Российской империи минимальному нормативу численности, необходимому для образования религиозных приходов, в процессе сооружения и функционирования их мечетей возникало немало практических сложностей, связанных с пробелами в законодательстве. Прежде всего, оно не регламентировало порядок принятия общественного приговора о возведении культового здания. Его процедура выработывалась административной практикой на основе расширительного толкования по аналогии общих правил, установленных для сельских сходов.

Решение о постройке мечети с образованием нового прихода принималось не менее 2/3 старших домохозяев, глав семей. При этом право голоса не предоставлялось младшим членам семейств, не имевшим самостоятельного хозяйства, жившим нераздельно со старшим поколением, на общих дворах. Таким образом, при возбуждении ходатайства о строительстве новой мечети учитывалось мнение только экономически самостоятельных мужчин, которым собственно и предстояло финансировать постройку и содержание молитвенного здания, а также необходимого по штату духовенства. Требование квалифицированного большинства было обосновано интересами мусульман, остававшихся в старом приходе, которые в случае его разделения должны были нести большие расходы на содержание мечети и духовенства, распределяемые на меньшее число людей.

Например, 31 июля 1890 г. рапортом за № 3259 Духовное собрание сообщило Оренбургскому губернскому правлению, что по заявлению имама 1-й соборной мечети дер. Ново-Мусиной Фаткуллы Исхакова, в мае 1890 г. без его ведома и согласия жители решили раз-

делиться на 2 прихода. Несмотря на его увещевания, они обнесли место для новой мечети каменной стеной. Вслед за этим крестьянин Нигматулла Багдалов представил на распоряжение губернской администрации 2 приговора от 18 июня с ходатайствами о разрешении постройки новой мечети и определении его самого на должность муллы. Губернское правление поручило полиции удостовериться в соблюдении процедуры, установленной законом. По результатам проверки выяснилось, что постройку нового молитвенного здания поддержали только 69 из 130 старших домохозяев, то есть простое, а не квалифицированное большинство. По мнению Оренбургского уездного полицейского управления, в случае разделения прихода у жителей просто не хватило бы средств на содержание двойного числа мечетей и духовенства. Против выделения новой общины выступили и оставшиеся прихожане 1-й соборной мечети, выразив свое несогласие в особом приговоре. На этом основании Оренбургское губернское правление журналом 30 ноября 1890 г. № 1064 отказало в разделении прихода, поскольку заявление о постройке новой мечети подписали менее 2/3 старших домохозяев, положенных по закону (указ от 7 декабря 1890 г. № 5329)³⁴¹.

Ходатайство о разрешении на строительство культового здания оформлялось общественным приговором, подписанным участниками схода непосредственно в день его проведения. Он составлялся в обязательном присутствии должностных лиц, которые контролировали и заверяли соблюдение установленной процедуры. За выполнением требований закона у крестьянского населения следили сельские старосты и волостные старшины, у башкирского военно-служилого сословия – юртовые старшины и кантонные начальники, у казаков – поселковые и станичные атаманы, а у горожан – полицейские чиновники. Отсутствие должностных лиц при постановлении общественного приговора, не заверенного их подписью и печатью, открывало возможности для фальсификации документа и служило безусловным основанием для отклонения ходатайства о постройке мечети.

Так, при рапорте от 17 октября 1871 г. № 333 Тангауровское волостное правление Орского уезда представило на распоряжение губернских властей приговор жителей Габдулнасыровского сельского общества, которые ходатайствовали о переносе на новое место и перестройке соборной мечети в дер. Янгазиной. Однако при рассмотрении этого документа обнаружилось, что он «не засвидетельствован, как бы

³⁴¹ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4199. Л. 166–167 об.

следовало, Волостным Правлением». Поэтому журналом от 27 октября 1871 г. № 3000 ОГП постановило вернуть приговор через Орское уездное полицейское управление. Более того, ему было предписано «внушить Волостному Правлению, чтобы оно на будущее время не позволяло себе входить с представлениями в Губернское Правление, а делало таковые по порядку подчиненности чрез Полицейское Управление» (указы от 3 ноября 1871 г. №№ 4316, 4317)³⁴².

Или, например, 12 июня 1904 г. жители казачьего пос. Аблязовского Верхнеуральского уезда в присутствии поселкового атамана постановили общественный приговор, которым возбудили ходатайство о постройке мечети с образованием самостоятельного прихода и назначением собственного муллы. При надписи от 20 июля 1904 г. Войсковое хозяйственное правление ОКВ переслало его на рассмотрение региональных властей. Но губернская администрация отметила, что приговоры о постройке мечетей должны приниматься непременно в присутствии сельских старост и волостных старшин, а на территории войсковых земель – с приглашением не только поселкового, но и станичного атамана, чего не было сделано. Это стало одним из оснований для отклонения просьбы мусульман по журнальному постановлению ОГП от 25 сентября 1904 г. № 910 (указы от 26 октября 1904 г. № 3529, 2530)³⁴³.

Верующие, желавшие образовать другой приход, должны были в своем общественном приговоре:

- обосновать необходимость постройки новой мечети (ст. 154 Устава строительного);

- дать письменное обязательство о финансировании в будущем содержания молитвенного здания и необходимого при нем духовенства (статья 155 Устава строительного);

- указать, по какому государственному образцовому плану желают построить культовое здание, или представить самостоятельно составленный чертеж (статья 158 Устава строительного).

В качестве побудительных причин ходатайства об открытии новой мечети мусульмане обычно указывали на тесноту существующего храма вследствие прироста населения или на отдаленность культового здания от мест их жительства, которые препятствовали своевременному участию в богослужении и совершению духовных треб. Например, при возбуждении дела об организации 2-го прихода татары пос.

³⁴² ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4107. Л. 334–334 об.

³⁴³ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4233. Л. 738–739.

Никольского Ильинской станицы ОКВ в документе по итогам общественного схода 9 марта 1878 г. отмечали, что на 620 мусульман мужского пола у них «имеется одна соборная мечеть, которая по небольшому размеру от увеличившегося числа душ прихожан при богомолении не вмещает в себя богомольцев, в особенности при годовых праздниках, от чего совершается богомоление около мечети»³⁴⁴. Или, к примеру, жители деревень Узембаевой и Абсалямовой 3-й Усерганской волости Орского уезда в мирском приговоре 1879 г. доказывали необходимость у них соборной мечети тем, что ближайшая «находится ... на расстоянии 20 верст так, что во время весенних и осенних разливов реки Губерли и других мелочных речек представляется невозможным проезд в деревню Халилову для исполнения богомолений по целому месяцу, а между тем, в это время нередко встречаются духовные требы»³⁴⁵. Отсутствие письменного обоснования для постройки мечети служило поводом к отклонению ходатайства даже при наличии всех иных законных условий, дающих право на открытие нового храма. Так, в августе 1873 г. на рассмотрение губернской администрации поступил приговор прихожан Дюсмеевской соборной мечети Алексеевской волости Оренбургского уезда, которые просили о разделении их общины на 2 самостоятельные. И хотя по закону 448 местных мужчин мусульманского вероисповедания было достаточно для образования двух приходов, ОГП журналом от 5 октября 1873 г. № 1986 оставило их заявление без последствий именно потому, что письменно «жители не разъяснили уважительных причин» к такому разделению (указы от 13 октября 1873 г. №№ 3993, 3994)³⁴⁶.

Открытие мечети не ограничивалось разовыми расходами на строительство, а требовало в последующем постоянного финансирования на хозяйственное содержание молитвенного здания, его отопление, освещение, уборку, текущий ремонт, выплату вознаграждения приходским священнослужителям. Поэтому закон обязывал членов общины при составлении приговора об организации нового прихода давать письменное обязательство о содержании в будущем самой мечети и положенного при ней по штату мусульманского духовенства. Так, 23 августа 1907 г. купцы, мещане и башкиры Сеитовского посада своим приговором обратились через Духовное собрание к властям за разрешением на постройку 10-й соборной мечети с образованием само-

³⁴⁴ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4149. Л. 429–429 об.

³⁴⁵ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4161. Л. 317–318 об.

³⁴⁶ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4123. Л. 585–586.

стоятельного прихода. Однако журналом от 5 ноября 1907 г. ОМДС постановило вернуть документ потому, что в нем отсутствовало обязательство финансировать новый храм и служителей культа. При прошении от 14 января 1908 г. уполномоченные Абдулкарим Сейфулмулюков и Гатаулла Абдюшев представили в Духовное собрание соответствующую подписку жителей от 23 августа 1907 г. Однако согласно закону обязательство прихожан содержать будущую мечеть и ее духовенство следовало прописать в самом приговоре, а не оформлять отдельным документом. Поэтому журнальным постановлением от 4 февраля 1908 г. ОМДС вновь отклонило просьбу верующих. И только после того, как 1 марта 1908 г. в новый общественный приговор внесли необходимое условие, документы были переданы дальше по инстанции, а журналом ОГП от 23 февраля 1909 г. № 93 постройка 10-й соборной мечети в Сеитовском посаде санкционирована (указы от 3 марта 1909 г. №№ 1195, 1196, 1197)³⁴⁷.

В составе России на протяжении второй половины XVI – первой четверти XIX столетий волго-уральские мусульмане самостоятельно выбирали облик своих мечетей в соответствии с традициями исламского народного зодчества, сложившимися в регионе. Однако со времен Петра I в целях обеспечения противопожарной безопасности, упорядочения внутренней дорожной сети, регулярной застройки в поселениях по европейским планировочным и художественно-эстетическим образцам государство постепенно усиливало контроль за градостроительной сферой. При дефиците на местах квалифицированных кадров архитекторов и инженеров активно внедрялось типовое строительство по высочайше утвержденным планам, которое достигло своего наивысшего развития в первой трети XIX в. В этот период были созданы образцовые проекты почти всех видов казенных, общественных и частных зданий, введены органы строительно-технического надзора на губернском уровне, унифицировано делопроизводство по строительству³⁴⁸. Нормативное проектирование распространилось и на храмы различных конфессий, в том числе мусульманские.

В 1828 г. пензенский гражданский губернатор доложил Министерству внутренних дел о том, что «в некоторых татарских деревнях ... начато строение мечетей посреди улиц самопроизвольно и безобраз-

³⁴⁷ ЦИА РБ. Ф. И-295. Оп. 6. Д. 1445. Л. 1–6 об.; ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4237. Л. 156–156 об.

³⁴⁸ Пирожкова И. Г. История строительного законодательства Российской империи: Научная монография. – М.: «Канон +», РООИ «Реабилитация», 2008. – С. 69.

но», а потому просил «составить единообразный план, по коему могла бы производиться постройка таковых мечетей в приличном виде». По поручению МВД его Строительный комитет разработал образцовый план и фасад мечети, который был высочайше утвержден 19 января 1829 г. императором Николаем I, а по указу от 31 мая 1829 г. разослан министерством на места в Губернские и Областные правления в качестве обязательного для использования во всех мусульманских общинах Европейской части России и Сибири³⁴⁹. При этом российские власти преследовали благую цель – сократить расходы верующих на разработку собственного чертежа, предложив типовой проект храма, безопасного в техническом и противопожарном отношении. Однако на практике он создал для мусульман неразрешимые проблемы, поскольку полностью игнорировал традиции исламской культовой архитектуры, которые складывались в регионе столетиями с учетом местных природно-климатических условий. К этому времени наиболее распространенным типом мечети в Поволжье и на Урале был небольшой и дешевый в изготовлении прямоугольный деревянный сруб с одной дверью и сенями для удобства отопления и удержания тепла во время продолжительных зим. Крыша храма имела острые углы скатов для самоочистения от снега и прорезалась минаретом, который по сравнению с отдельно стоящим отличался конструктивной жесткостью, устойчивостью к ветровым нагрузкам и большей экономичностью³⁵⁰. Образцовый же государственный проект 1829 г. предлагал чрезвычайно сложное в плане восьмигранное помещение с 12-ю косыми рублеными углами и 8-ю стойками для поддержания потолка, причем сени располагались не с одной стороны, а обхватывали молитвенный зал по всему периметру с 3-мя дверями. Высокий потолок и большой внутренний объем требовали значительных расходов на отопление, а низкий угол скатов – постоянной очистки крыши зимой для предотвращения угрозы ее обрушения под тяжестью накопившегося снега³⁵¹. Несоответствие образцового проекта местным условиям, сложность его технического воплощения, дороговизна строительства и последующего обслуживания храма приводили к тому, что мечети в строгом

³⁴⁹ ПСЗ. – Собр. 2-е. – Т. IV. – № 2902.

³⁵⁰ Надырова Х. Деревянное культовое зодчество Волго-Камья: истоки и традиции / Мечети в духовной культуре татарского народа (XVIII в. – 1917 г.): Материалы Всероссийской научно-практической конференции (25 апреля 2006 г., г. Казань). – Казань: Институт истории АН РТ, 2006. – С. 290.

³⁵¹ Загидуллин И. К. Исламские институты в Российской империи: Мечети в европейской части России и Сибири. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2007. – С. 233.

соответствии с ним практически не сооружались, несмотря на обязательный характер.

Выражая солидарное мнение мусульманских общин, в 1843 г. ОМДС обратилось в Министерство внутренних дел с просьбой издать «новые планы с фасадами в простейшем виде, сообразно обычаю магометан, числу прихожан и их строению, а именно: вместо крестообразного здания, какое обозначено на образцовом плане, предоставить строить мечети из двух и трех комнат в ряд, с особыми позади здания местом для муллы (михрап) и на переди с крытым крыльцом, а наверху здания минаретою для провозглашения азана»³⁵². Духовное собрание даже само подготовило и рекомендовало для утверждения типовые проекты двух пятивременных и двух соборных мечетей, отвечавшие сложившейся строительной практике, функциональному назначению и обычной наполняемости храмов. Они представляли собой прямоугольные здания с лаконичными фасадами без архитектурных излишеств и украшений, состоявшие из двух комнат и сеней (кроме одного варианта), с четырехскатными крышами и установленным по центру минаретом, восьмигранным в основании³⁵³. Однако чиновники Главного управления путей сообщения и публичных зданий почитали их безыскусными и постарались обогатить всем опытом предшествующего развития европейской и азиатской архитектуры. В результате 18 ноября 1843 г. были высочайше утверждены императором, а по указу Сената от 18 января 1844 г. разосланы на места переработанные до неузнаваемости новые образцовые проекты двух пятивременных и двух соборных мечетей (большого и малого размеров)³⁵⁴. С этого времени при возбуждении ходатайства о возведении нового культового здания, мусульмане должны были указывать в общественном приговоре, по какому из обязательных государственных проектов они желают произвести постройку. Все образцовые планы и фасады предлагали только купольный тип зданий с богатым декором и сложными архитектурными элементами, применимыми, скорее, в каменном зодчестве: карнизами, пилястрами, рустовкой, арочными окнами, порталами входов. Безусловно, они стимулировали развитие городской татарской архитектуры, обогатили ее новыми приемами и сблизили с господствующим стилем русского классицизма, но при-

³⁵² Нугманова Г. Г. Архитектура Волго-Уральского региона: постколониальный взгляд на Российскую империю // Известия КазГАСУ. – 2009. – № 2 (12). – С. 25.

³⁵³ Загидуллин И. К. Исламские институты в Российской империи: Мечети в европейской части России и Сибири. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2007. – С. 234.

³⁵⁴ ПСЗ. – Собр. 2-е. – Т. XIX. – Отд. 1-е. – № 17539.

нительно к сельским условиям оказались мало реализуемыми вследствие ограниченных финансовых возможностей, уровня профессионального мастерства крестьянского населения и повсеместного использования дерева как наиболее дешевого и доступного строительного материала. К тому же, образцовые проекты 1844 г. не всегда учитывали специфику мусульманского ритуала. За исключением одного варианта, они предусматривали только декоративные минареты, которые не могли служить прочной опорой для провозглашения с высокой точки обязательного призыва на общественную молитву (азана). Хотя образцовые планы и фасады мечетей 1844 г. получили, особенно в городах, гораздо более широкое воплощение, чем предыдущий, в сельской местности продолжали господствовать традиции народного исламского зодчества. Неоднократные случаи штрафования за постройку мечетей «не по образцовому чертежу» вызывали недовольство сельского мусульманского населения и, в конце концов, побудили Департамент уделов Министерства императорского двора обратиться в МВД с представлением об отмене этого обязательного порядка. В результате высочайше утвержденным 17 декабря 1862 г. мнением Государственного Совета было разрешено строить мечети не только по государственным образцовым планам и фасадам, но и другим проектам, «какие прихожанами будут признаны удобными»³⁵⁵. Однако разработанные ими самостоятельно планы должны были каждый раз представляться на рассмотрение и утверждение губернской строительной и дорожной комиссии (с 1864 г. – Строительного отделения Губернского правления), а в особо важных случаях – передаваться на согласование самого МВД.

Предоставление свободы в выборе архитектурного проекта не исключало нормативного регулирования со стороны государственных органов, которые продолжали формулировать общие требования к строительству. Так, циркуляром от 26 мая 1864 г. № 99 министр внутренних дел предписал принять меры к переделке во всех общественных зданиях выходных дверей с тем, чтобы они «непрерывно» открывались не внутрь, а наружу «во избежание могущих быть несчастных случаев»: гибели людей при толчее и давке, вызванной пожаром, обрушением и т. д. 10 июня 1864 г. за № 1190 Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД направил его в ОМДС, которое при отношениях от 12 сентября 1864 г. разослало циркуляр губернским и войсковым хозяйственным правлениям. По запросу министерства об

³⁵⁵ ПСЗ. – Собр. 2-е. – Т. XXVII. – Отд. 2-е. – № 39044.

исполнении ОГП журнальным постановлением от 17 января 1869 г. № 115 вновь поручило уездным полицейским управлениям проследить за тем, чтобы во всех общественных зданиях, где выходные двери открываются внутрь, они были переделаны наружу, а о результатах доложить (указы от 4 февраля 1869 г.)³⁵⁶.

При рассмотрении представленного прихожанами проекта мечети органы строительно-технического надзора могли внести в него необходимые изменения в целях улучшения безопасности или даже эстетического вида культового здания.

Так, в 1884 г. доверенный мусульманской общины представил проект постройки каменной мечети в станице Звериноголовской Челябинского уезда. По результатам его рассмотрения Строительное отделение в своем отношении ОГП от 24 декабря 1884 г. № 874 отметило ряд недостатков архитектурного проекта: 1) в огромной мечети, рассчитанной более чем на 750 человек, был предусмотрен только один выход, тогда как требовалось, по крайней мере, три; 2) дверные пролеты под минаретом были слишком узкими; 3) подпол следовало засыпать, а сами полы настелить на бетонную основу; 4) хоры запланированы высотой всего 3 аршина (2,13 м), хотя должны быть не менее 3,5 аршина (2,49 м) и даже до 3,75 аршина (3,04 м) при том, что туда необходимо устроить не менее 2 лестниц; 5) не показано, как будут укреплены хоры и потолочные балки, то есть где положат прогоны по столбам. Устранение этих замечаний было необходимо для обеспечения безопасности людей. Отсутствие лестниц, дополнительных выходов и узкие проемы единственной двери затрудняли эвакуацию в случае пожара и грозили давкой. Неукрепленные полы и хоры с пустым пространством под ними могли не выдержать веса людей, а крыша – рухнуть без опоры на потолочные балки и столбы. Поэтому Строительное отделение не сочло возможным утвердить проект мечети в таком виде. Однако чтобы не затягивать рассмотрение дела, по просьбе ахуна Караван-Сарайской мечети г. Оренбурга Сулеймана Даутова специалисты Строительного отделения сами разработали новый план, который без долгих проволочек был утвержден губернатором, а журналом ОГП от 3 января 1885 г. № 2 мусульманам Звериноголовской станицы было разрешено построить по нему каменную соборную мечеть (указы от 11 января 1885 г. №№ 134, 135)³⁵⁷.

³⁵⁶ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4084. Л. 366–367.

³⁵⁷ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4174. Л. 3–5 об.

Общественный приговор с обоснованием необходимости постройки мечети, обязательством ее финансирования и указанием на выбранный архитектурный проект направлялся на рассмотрение компетентных органов.

Устав строительный 1832 г. впервые закрепил, что в Европейской части России и Сибири «построение новых мечетей допускается не иначе, как по представлениям от приходов ... Оренбургскому Магометанскому Духовному Собранию и с утверждения начальства губернского». При поступлении общественного приговора и сопроводительных документов Духовное собрание проверяло соблюдение требований закона к организации прихода и процедуре возбуждения ходатайства, а затем вместе со своим заключением о необходимости постройки новой мечети направляло всю переписку по делу на окончательное разрешение Губернского правления. Положительная резолюция духовных властей на просьбу о строительстве нового молитвенного здания зависела от того, насколько хорошо прихожане финансировали уже существующие культовые постройки. При решении вопроса о сооружении второй и последующих мечетей в населенном пункте ОМДС требовало «сведения о том, в исправности ли ... содержатся» старые, а «именно: имеются ли на них минареты, покрыты ли они железом и окрашены ли, обшиты ли снаружи тесом, оштукатурены ли внутри, и имеются ли в них приличные подстилки для молящихся (намазлыки)»³⁵⁸. Тем самым, оно хотело убедиться, что верующие будут в состоянии прилично содержать еще один новый храм. Так, при возбуждении ходатайства о постройке 10-й соборной мечети в Каргале Духовное собрание дало ему ход только после того, как жители дополнительно представили акт осмотра полицейским надзирателем всех 9-и действующих мечетей посада от 14 января 1908 г., подтверждавший их исправное содержание³⁵⁹. В случае же несоответствия каких-либо из поданных документов требованиям закона ОМДС могло своим постановлением отклонить ходатайство верующих уже на предварительной стадии, не доводя его до рассмотрения губернскими властями.

Однако для проверки документов и изложенных обстоятельств Духовное собрание было вынуждено обращаться в полицейские органы, а за окончательным разрешением на постройку мечети – в Губернское правление, для которого его заключение о необходимости но-

³⁵⁸ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 625. Л. 24 об. – 25.

³⁵⁹ ЦИА РБ. Ф. И-295. Оп. 6. Д. 1445. Л. 2–3 об.

вого культового здания имело только рекомендательный характер. Отсутствие властных полномочий и собственного аппарата на местах превращало ОМДС в лишнюю передаточную инстанцию, затягивавшую рассмотрение дела. Поэтому в большинстве случаев мусульмане предпочитали обращаться не в далекую Уфу, а через ближайший орган общественного самоуправления в свою губернскую администрацию, от которой собственно и зависело разрешение постройки мечети.

Засвидетельствованный приговор направлялся крестьянами через волостное правление, башкирами через кантонного начальника, казаками через станичное правление в уездное полицейское управление (до 1862 г. – в земский суд), а горожанами – напрямую в городское полицейское управление, которые представляли документы на окончательное разрешение губернских властей. По их поручению полиция проверяла соблюдение установленной процедуры и условий, необходимых для постройки мечети. Она выясняла:

1) к какому приходу принадлежат просители, сколько душ мужского пола желают перейти в новую мечеть и сколько останется при старой;

2) соответствует ли место, выбранное под постройку мечети, требованиям противопожарной безопасности, установленным законом;

3) имеют ли жители достаточные средства на строительство мечети, а также на содержание в будущем культового здания и штатного духовенства;

4) является ли вообще необходимой постройка мечети по местным обстоятельствам.

В соответствии с именным указом гражданским губернаторам от 31 мая 1829 г. на мечети были распространены положения высочайшего указа от 13 декабря 1819 г. о строительстве православных церквей в сельской местности. В целях обеспечения противопожарной безопасности храмы предписывалось возводить лишь на площадях, не ближе 10 саженей от других строений со всех сторон³⁶⁰. Устав строительный в редакции 1842 г. увеличил это свободное пространство до 20 саженей³⁶¹. Поэтому при поступлении общественного приговора о разрешении новой мечети полицейский чиновник осматривал выбранное для постройки место и составлял акт об его соответствии требованиям закона с замерами расстояний до ближайших зданий. Несоблю-

³⁶⁰ ПСЗ. – Собр. 3-е. – Т. VI. – Отд. 1-е. – № 4102.

³⁶¹ Устав строительный в редакции 1842 г. // Свод законов Российской империи. – Ч. 1. – Т. XII. – Ст. 225.

 дение противопожарной зоны служило основанием для отказа в ходатайстве.

Так, приговором от 27 марта 1880 г. мусульмане из купцов и других разночинцев, проживавших в станице Звериноголовской Челябинского уезда, ходатайствовали перед властями о разрешении им перестроить молитвенный дом в соборную мечеть. На запрос Оренбургского губернского правления в апреле 1881 г. полиция доложила, что культовое здание располагалось на участке размерами по улице 17 и вглубь двора 18 саженей. Однако с двух сторон к нему вплотную подходили избы, а с остальных отстояли на 7 и 9 саженей, соответственно. Рассмотрев предложенный архитектурный проект, Строительное отделение сообщило Губернскому правлению, что в целом он отвечает закону, но согласно ст. 265 Устава строительного вокруг мечети необходимо оставить свободное пространство не менее 20 саженей до жилых домов. Поскольку выбранное место не соответствовало требованиям законодательства, ОГП журнальным постановлением от 1 июня 1881 г. отказало в разрешении на постройку мечети. Однако в то же время указом от 8 июля 1881 г. № 3500 через Челябинское полицейское управление оно предложило мусульманам два возможных выхода: либо найти новое место, отвечающее условиям закона, либо заключить соглашения с владельцами соседних домов об их переносе для расширения двора мечети. Вслед за этим челябинский купец Ибрагим Измаилов, проживавший в пос. Звериноголовском, подал на имя губернатора прошение от 26 августа 1881 г., доверенность прихожан и удостоверение Станичного правления № 2617 о том, что в селении нет свободных участков, отвечавших требованиям ст. 265 Устава строительного, за исключением окраин, выходивших в казахскую степь. Он вновь просил разрешить постройку мечети на прежнем месте в порядке исключения по ст. 220 Устава, так как во многих городах и селах их сооружение допускалось без соблюдения противопожарных требований. Уполномоченный общины добавил, что «доверители его живут в станице Звериноголовской уже много лет, не были ни в чем еще тягостными для местных жителей, а напротив, развели в станице торговлю, украсили постройками ... и постоянно служат на пользу общества, и что в случае окончательного отказа в постройке просимой мечети они вынуждены будут искать возможности переселиться в какое-либо другое место, где бы они имели полную свободу в отправлении обрядов своей религии». Однако по разъяснению Правительствующего Сената требования ст. 265 Строительного

устава не применялись только к условиям городской застройки, а в сельской местности были обязательными для исполнения. Поэтому ходатайство мусульман было снова отклонено по журналу ОГП от 9 июня 1882 г. № 613 (указ от 23 июня 1882 г. № 2779)³⁶². После этого доверенный звериноголовской общины мусульман, челябинский купец Ибрагим Измаилов в прошении от 22 октября 1884 г. объявил, что выкупил у владельцев все строения, примыкавшие к молитвенному дому. Он обещал их снести, чтобы освободившийся участок полностью соответствовал размерам, установленным законом. В подтверждение своих слов благотворитель представил копии с 4 договоров, засвидетельствованных Станичным правлением, о приобретении домов у казаков Шеметова, Крылова, Пензина и казачки Солониной. С учетом этого Оренбургского губернское правление своим журналом от 3 января 1885 г. № 2, наконец, разрешило местным мусульманам перестроить молитвенный дом в соборную мечеть с образованием самостоятельного прихода (указы от 11 января 1885 г. №№ 134, 135)³⁶³.

Для согласия на сооружение мечети достаточно было и письменного обязательства домовладельцев перенести свои строения в будущем для обеспечения противопожарной зоны вокруг участка, который пока еще не отвечал нормам строительного законодательства. Так, при рапорте от 4 января 1868 г. № 10 Бурзян-Кипчакское волостное правление представило на рассмотрение губернской администрации приговор жителей деревень Кульчумовой, Карагузиной и Раймановой Оренбургского уезда, которым они просили о переносе их мечети на другое место. Прихожане указали, что начальство разрешило им отремонтировать ветхую мечеть в дер. Кульчумовой, но жители этого не сделали потому, что храм «состоит близ реки Сакмары, берег которой ежегодно от воды обваливается и угрожает» ему «опасностию». Поэтому жители трех деревень, составлявшие один приход, сообща посчитали за лучшее перенести мечеть в центр села, для чего планировали снести дома башкир Калимуллы Мухаметрахимова и Файзуллы Ильясова. ОГП указом от 1 февраля 1868 г. № 484 поручило полиции выяснить и доложить: согласны ли сами домовладельцы на снос их жилья, и будет ли после этого новое место соответствовать требованиям ст. 265 Устава строительного. На это Оренбургское уездное полицейское управление рапортом от 17 июня 1868 г. № 7858 доложило, что хозяева двух домов действительно дали подписки о согласии на их

³⁶² ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4164. Л. 381–396.

³⁶³ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4174. Л. 3–5 об.

снос для расчистки места под будущий храм. После этого мечеть будет полностью отвечать требованиям закона и отстоять от жилых построек даже на 25 саженей. Получив подтверждение, ОГП журнальным постановлением от 13 октября 1868 г. № 3294 дало согласие на перенос мечети в дер. Кульчумовой на новое место (указы от 28 октября 1868 г. №№ 4289, 4290, 4291, 4292)³⁶⁴.

Согласно статье 154 Устава строительного при рассмотрении ходатайств о сооружении новых мечетей государственные органы должны были удостовериться «в достаточности средств для приличного их содержания». В противном случае возведение культового здания могло растянуться на долгие годы, усугубляя и без того тяжелое материальное положение верующих, а потому не допускалось.

Так, в 1866 г. жители дер. Бикбердиной Сарт-Калмыкской волости Челябинского уезда ходатайствовали о разрешении им постройки собственной мечети: ближайший храм в дер. Абултаевой находился за 10 верст, почему они были вынуждены проводить богослужение в частных домах. Однако на запрос полиции мировой посредник 2-го участка Челябинского уезда доложил, что бикбердинцы «как все вообще башкирские припущенники ... очень бедного состояния. Это доказывает, между прочим, тем, что сбор повинностей с них идет всегда медленно и с большими недоимками», как это было и за первую половину текущего года. С учетом этого заключения Губернское правление посчитало, что местным жителям будет не по средствам построить и содержать отдельную мечеть, а потому журналом от 14 августа 1869 г. отказало им в просьбе (указы от 22 августа 1869 г. №№ 3438, 3439)³⁶⁵.

Или, например, 9 января 1899 г. на общественном сходе жители дер. Утеевой Ново-Башкирской волости Оренбургского уезда по причине тесноты 1-й сельской мечети решили ходатайствовать о разделении прихода на 2 самостоятельных с постройкой в их деревне 3-й соборной мечети. За неимением собственных средств мусульмане также просили разрешить сбор добровольных пожертвований Лукману Салихову и Гисматулле Губайдуллину, которых избрали своими доверенными лицами по делу о строительстве новой мечети. Уполномоченные общины при прошении представили мирской приговор на рассмотрение ОМДС. По справке с ведомостью оказалось, что в дер. Утеевой при 1-й соборной мечети состояло 476 наличных душ м. п., а при

³⁶⁴ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4081. Л. 795–798.

³⁶⁵ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4089. Л. 421–424.

2-й – 230, так что действительно была необходимость в открытии еще одного молитвенного здания по тесноте уже существующих. Но поскольку, по собственному признанию жителей, они не имели средств на постройку этой дополнительной мечети, а надеялись только на добровольные пожертвования, Духовное собрание журнальным постановлением от 3 апреля 1899 г. № 18 не дало хода их просьбе (указ от 7 апреля 1899 г. № 2007)³⁶⁶.

Полицейский чиновник должен был оценить финансовые возможности заявителей непосредственно на месте, учитывая развитие хозяйства и достаток жителей, собранные денежные средства и заготовленные стройматериалы. Но порой его письменное заключение носило чисто формальный характер и не отражало действительное материальное положение верующих. Так, в 1911 г. Губернское правление разрешило возведение 2-й соборной мечети в пос. Чесноковском Нижнеозерной станицы ОКВ по заверению полиции о том, что «прихожане вновь образуемого прихода средства как на постройку мечети, так равно и на содержание нужного при ней духовенства имеют»³⁶⁷. Но даже в 1917 г. они все еще не приступили к работам, начать которые планировали «по миновании дороговизны» строительных материалов³⁶⁸.

В Оренбургской губернии со сложным этноконфессиональным составом населения региональные власти вообще не следовали слепо ограничительной, дискриминационной линии православно-монархического центра по отношению к «иноверцам», а шли навстречу религиозным нуждам мусульман в интересах гражданского мира и согласия, безопасности, экономического развития. Поэтому при рассмотрении дел о постройке мечетей они исходили из конкретных местных обстоятельств, давая разрешение даже в надежде на будущее поступление финансовых средств.

Так, в 1902 г. жители дер. Яфаровой Каликинской волости Оренбургского уезда возбудили ходатайство о разрешении им строительства 2-й соборной мечети. Собранных прихожанами 300 руб. для этого не хватало, но они планировали выручить недостающие средства за счет дополнительной целевой запашки земли, посева хлеба и продажи излишков урожая. А между тем, потребность во втором молитвенном помещении действительно была острой. В своем приговоре члены об-

³⁶⁶ ЦИА РБ. Ф. И-295. Оп. 2. Д. 240. Б. п.

³⁶⁷ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4239. Л. 49–49 об.

³⁶⁸ ГАОО. Ф. 11. Оп. 11. Оп. 2. Д. 3473. Л. 109.

щины указывали, что на 549 мужчин в дер. Яфаровой имеется только «одна деревянная соборная мечеть, которая по многочисленности прихожан ныне оказывается совершенно невместительной так, что во время моления многие из них остаются вне мечети, кроме того, в ночное и ненастное время прихожанам, живущим в дальнем расстоянии ..., а особенно престарелым, не представляется возможности посещать» богослужение. Войдя в их положение, губернская администрация отступила от буквы закона и журналом от 23 августа 1902 г. № 386 разрешила возведение 2-й соборной мечети без достаточных средств, понадеявшись, что «осенью капитал на постройку ... увеличится» (указы от 4 сентября 1902 г. № 2557, 2558, 2559)³⁶⁹. Но как показывают документы, она была завершена только в 1906 г.³⁷⁰

Наконец, на основе собранных по делу материалов проверки, с учетом численности мусульманского населения, расстояния и транспортной доступности до ближайшей мечети, ее вместимости и технического состояния, наличия подходящего участка и финансовых средств у верующих полицейские органы давали губернским властям свое заключение о действительной необходимости постройки храма или отсутствии в этом надобности. При этом негативный отзыв выносился крайне редко.

Например, в ноябре 1881 г. мусульмане дер. Саракташ просили у губернских властей санкцию на открытие пятивременной мечети, поскольку ближайшее культовое здание отстояло на 7 верст. Но Оренбургское уездное полицейское управление выяснило, что в указанной деревне числились только мещане Сеитовского посада, многие из которых реально проживали в других башкирских и татарских деревнях. Полиция пришла к выводу, что насущной необходимости в постройке нет, а «ходатайство вызвано желанием одних землевладельцев Абдулгазизовых», на участке которых временно обосновались арендаторы. В согласии с мнением компетентных органов Губернское правление отказало жителям дер. Саракташ в сооружении отдельной мечети по журнальному постановлению от 19 июня 1885 г. № 445 (указ от 10 июля № 2770)³⁷¹.

Все собранные по делу материалы со своим заключением о необходимости постройки нового храма полиция передавала на рассмотрение Губернского правления. Свое разрешение на строительство ме-

³⁶⁹ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4229. Л. 152–157.

³⁷⁰ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4236. Л. 218–218 об.

³⁷¹ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4173. Л. 409–410.

чети оно согласовывало с органами духовного управления, причем не только мусульманскими, но и православными как представителями официальной, господствующей церкви в Российской империи.

Еще указами от 19 ноября 1742 г., 22 июня 1744 г., 23 сентября 1753 г. было запрещено строительство мечетей в тех населенных пунктах, где мусульмане проживали совместно с новокрещеными, «дабы» им «от магометан не было какого соблазна». Однако указом императрицы Екатерины II от 17 июня 1773 г. о терпимости всех вероисповеданий православным архиереям было запрещено вмешиваться в «дела, касающиеся до иноверных исповеданий и до построения по их закону молитвенных домов». В 1857 г. господствующая Православная Церковь вновь получила действенный инструмент, который позволял учитывать ее интересы при решении вопроса о строительстве богослужебных зданий других конфессий вблизи православных храмов. На основании статьи 262 новой редакции Устава строительного сооружения мечетей стало допускаться лишь там, где не могло «произойти соблазна в вере для живущих вместе с магометанами» не только новокрещеных татар, но и христиан вообще. При рассмотрении ходатайств о постройке мусульманских храмов в смешанных населенных пунктах губернские власти были обязаны предварительно согласовывать этот вопрос с местным епархиальным начальством³⁷². Разумеется, такие новеллы входили в противоречие с официально провозглашенным принципом веротерпимости и неоднозначно воспринимались даже в самих правительственных кругах. По инициативе Министерства внутренних дел уже высочайшим указом от 6 января 1862 г. это положение было отменено, а разрешение строительства мечетей полностью перешло в компетенцию гражданских властей³⁷³. Впрочем, при поступлении сигналов от епархиального начальства они зачастую вносили коррективы в первоначальные планы размещения мусульманских храмов по соседству с домами христиан или церквями.

Стараниями идеолога православного самодержавия обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева по высочайшему повелению о
Т
10 октября 1885 г. прежний порядок был восстановлен в полном объеме³⁷⁴. Дозволение на постройку мечетей в населенных пунк-

³⁷² Устав строительный // Свод законов Российской империи. – Изд. 1857 г. – Т. XII. – Ч. 1. – Ст. 262.

³⁷³ ПСЗ. – Собр. 2-е. – Т. XXXVII. – № 37834

³⁷⁴ Загидуллин И. К. Исламские институты в Российской империи: Мечети в европейской части России и Сибири. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2007. – С. 80.

тах, где совместно проживали мусульмане и православные, вновь стало выдаваться только при наличии письменного заключения об отсутствии возражений со стороны местного епархиального начальства. Это давало Православной Церкви возможность прямо не допускать сооружение мусульманских храмов не только во всех городах, но и во многих сельских поселениях. Однако в Оренбургской губернии епархиальные власти не проводили единую линию на сознательное ограничение или запрещение строительства мечетей из-за опасения межконфессиональных конфликтов в приграничном регионе с высокой долей коренного мусульманского населения и практически полного отсутствия конкуренции за новообращенных.

Немногочисленные конфликты возникали только на низовом уровне по инициативе отдельных священнослужителей, мнение которых формировало позицию руководства по каждому конкретному случаю. Их возражения против строительства мечетей, близкого соседства православных и мусульманских храмов были вызваны стремлением к сохранению патриархального уклада жизни, имевшего глубокую религиозную основу, к межкультурной сегрегации, обособленности, различными фобиями по отношению к носителям иной духовной традиции, например, опасениями того, что ход православного богослужения будет нарушаться исламскими обрядами (провозглашением азана, похоронными процессиями и т. д.).

Проблема усугублялась тем, что в законах не было четкого критерия, на каком именно расстоянии от христианских церквей должны располагаться мечети, что открывало возможности для ущемления религиозных прав мусульман населения. В конкретных случаях епархиальные власти обычно оговаривали, что мечеть может находиться на одной улице с православным храмом не ближе 100 саженей, а на другой улице – не ближе 50. Такое требование было установлено российским законодательством в отношении синагог и еврейских школ, но на практике применялось и к мусульманским богослужебным зданиям³⁷⁵. Например, подобные оговорки были сделаны при разрешении постройки 5-й соборной мечети г. Орска в 1909 г., 2-й соборной мечети поселка Линевского в 1911 г.³⁷⁶ и др. Особое межведомственное совещание, проходившее 30 апреля –

³⁷⁵ Устав строительный // Свод законов Российской империи. – Изд. 1900 г. – Т. XII. – Ч. 1. – Ст. 150.

³⁷⁶ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4237. Л. 429–429 об.; Д. 4239. Л. 299–299 об.

16 мая 1914 г., официально распространило правила постройки еврейских синагог и молитвенных школ на вновь возводимые мечети в Российской империи³⁷⁷.

Иногда напряженность между православной и мусульманской общинами в одном населенном пункте возникала на почве спора за конкретный земельный участок, когда в противоречие вступали их строительные планы. Например, в 1898 г. татарская часть жителей поселка 2-го Зубочистенского Оренбургского уезда и губернии поставила вопрос о разрешении постройки 2-й соборной мечети на окраине, где специально для этого были приобретены 3 земельных участка общими размерами 40 на 50 сажений. Однако наряду с мусульманами, которые составляли большинство, в поселке постоянно проживали 10 русских семей в количестве 39 человек. По малочисленности они не имели собственного храма и были вынуждены посещать церковь, расположенную в 5 верстах в станице Татищевской. Поэтому на запрос Оренбургского губернского правления епархиальное начальство уведомило, что на выбранном участке «желательнее было бы видеть» православную часовню, хотя оно не возражает против сооружения мечети в любом другом месте поселка. Со своей стороны, мусульмане заявили, что не собираются добровольно уступать землю, на покупку которой затратили 55 руб., тем более что к месту строительства уже были свезены заготовленные ими лесоматериалы и камень общей стоимостью 1050 руб. К тому же, православные семьи вообще не проживали компактно в этом районе, а их дома были разбросаны по всему поселку. При наличии свободных площадей на окраинах не имело принципиального значения, где именно строить часовню, сбор средств на которую еще только начинался. С учетом этих обстоятельств 4 октября 1900 г. епархиальное начальство отказалось от своих первоначальных претензий. На основе его положительного заключения ОГП журнальным постановлением от 10 октября 1900 г. № 607 официально разрешило мусульманам начать возведение 2-й соборной мечети на выбранном участке земли³⁷⁸.

Но по большей части при согласовании постройки мечети епархиальное начальство, основываясь на докладах местных благочинных священников и миссионеров, ограничивалось формальным заключением о том, что открытие нового мусульманского храма не приведет к со-

³⁷⁷ Загидуллин И. К. Исламские институты в Российской империи: Мечети в европейской части России и Сибири. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2007. – С. 82.

³⁷⁸ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4225. Л. 629–632 об.

блазну для христиан. И даже в тех редких случаях, когда такая угроза реально существовала, оно не всегда использовало предоставленные ему исключительные права. Так, после издания высочайшего указа об укреплении начал веротерпимости от 17 апреля 1905 г. под влиянием мусульманской агитации из православия в ислам отпало большинство нагайбаков, проживавших в поселке Нежинском Оренбургского уезда и губернии. Хотя обязанностью епархиальных властей было возвращение старокрещеных татар в лоно Православной Церкви, отношением от 4 января 1907 г. за № 144 епископ Оренбургский и Уральский Иоаким (Левицкий) дал согласие на постройку у них соборной мечети, которая расположилась всего в 25 саженьях от домов христиан³⁷⁹. По-видимому, местная епархия просто решила не провоцировать конфликт между православной и мусульманской общинами, который мог бы расколоть жителей поселка и осложнить их совместное проживание.

Разумеется, вопрос о постройке новой мечети согласовывался и с собственным, вышестоящим для религиозной общины мусульманским руководством. Если ходатайство поступало в Губернское правление, минуя ОМДС, региональная администрация своим указом все равно запрашивала у духовного органа письменное заключение о целесообразности открытия нового храма. На позицию Духовного собрания в этом вопросе влияли не только соблюдение формальных условий законодательства и интересы единоверцев, но и мнение священнослужителей реорганизуемого прихода, которые лучше знали местные условия, религиозные нужды и материальные возможности своей паствы. Правда, в случае разделения общины ее духовенство существенно теряло в доходах за совершение религиозных треб, а потому нередко выступало против строительства новой конкурирующей мечети по соседству. Так, например, 14 января 1890 г. члены Старо-Аллабердинского прихода Бушман-Суун-Каракипчакской волости Оренбургского уезда постановили приговоры об его разделении на 2 самостоятельных и постройке соборной мечети в дер. Ново-Аллабердиной. Ее обязался возвести и содержать купец Губайдулла Давлетшин. Предполагалось отчислить к будущему храму не только всех жителей самой дер. Ново-Аллабердиной числом 135 наличных душ м. п., но также 70 из 346 мужчин дер. Старо-Аллабердиной для обеспечения минимального норматива численности прихода, установленного законом. В этом случае доходы мусульманских священнослужителей должны были значительно сократиться, а, возможно, даже от-

³⁷⁹ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4236. Л. 59–60.

пала бы необходимость во втором мулле. Поэтому в марте 1890 г. имамы существующей Старо-Аллабердинской мечети Юсупов и Якупов подали губернским властям заявление о незаконности составленных приговоров и просили не разрешать постройку нового культового здания. Однако проверка подтвердила соблюдение прихожанами всех требований законодательства. В итоге журнальным постановлением от 7 июля 1890 г. № 596 Оренбургское губернское правление разрешило верующим построить соборную мечеть в дер. Ново-Аллабердинной с образованием самостоятельного прихода, а жалобу их мулл отклонило как безосновательную (указы от 17 июня 1890 г. №№ 3015–3018)³⁸⁰. Тем не менее, ОМДС постановлением от 1 октября 1892 г. все равно обязывало при возбуждении ходатайства о постройке мечети предоставлять письменный отзыв приходского духовенства о необходимости нового храма, несмотря на возможность его личной, корыстной заинтересованности в исходе дела³⁸¹.

Проверка соблюдения обязательных условий и установленной процедуры, осмотр места предполагаемого строительства, рассмотрение и утверждение архитектурного проекта, согласование с органами духовного управления занимали много времени. Поэтому даже при отсутствии замечаний от момента принятия общественного приговора до вынесения положительного решения о строительстве мечети в Оренбургской губернии проходило, как правило, 6–7 месяцев³⁸². В случаях же возникновения трудностей переписка по делу могла затягиваться до 1–7 лет³⁸³. Верующие, заинтересованные в скорейшем начале строительства и функционирования храма, пытались подтолкнуть движение их документов по инстанциям за счет подачи новых прошений, личных связей в чиновничьей среде и даже подкупа.

Так, в 1885 г. старший делопроизводитель Оренбургского губернского правления Д. В. Трофимов получил по почте от мурлы дер. Ильчиной Тептяро-Учалинской волости Верхнеуральского уезда Абдулкаюма Мухамедьярова письмо следующего содержания:

«Милостивый Государь, Дмитрий Владимирович!

Жители деревни Ильчиной Тептяро-Учалинской волости ходатайствуют о скорейшем разрешении им постройки второй соборной ме-

³⁸⁰ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4197. Л. 321–323 об.

³⁸¹ Кобзев А. В. Исламская община Симбирской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. – Н. Новгород: Издательский дом «Медина», 2007. – С. 41–42.

³⁸² ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4109. Л. 15–16; Д. 4171. Л. 645–646 об.; Д. 4214. Л. 389–390; Д. 4229. Л. 152–157 и др.

³⁸³ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4184. Л. 275–275 об. и др.

чети. Представление Верхнеуральскому Уездному Полицейскому Управлению уже сделано. Поэтому всепокорнейше прошу Вас, сделайте такую милость выпустить разрешение поскорее, чтобы постройку начать по зимнему пути. За что все жители нашей деревни будут приносить молитвы ко Всевышнему создателю».

В письмо были вложены 20 руб. Но сознательный чиновник не утаил взятку, а рапортом от 4 февраля 1885 г. сообщил о попытке подкупа в Губернское правление. При изучении письма один из советников 2-го отделения опознал хорошо знакомый ему почерк Тептяро-Учалинского волостного писаря, урядника Оренбургского казачьего войска Батурина, который когда-то служил с ним в Верхнеуральском уездном полицейском управлении. Правда, сам мулла, бывший автором «денежного письма», предусмотрительно не поставил под ним свою подпись. Между тем, никакой необходимости в подкупе вообще не было потому, что журнальным постановлением от 5 февраля 1885 г. Губернское правление само разрешило постройку 2-й соборной мечети в дер. Ильчиной, о чем готовился указ. Журналом от 12 февраля 1885 г. оно постановило передать присланные деньги согласно ст. 313 т. 13 Свода законов Российской империи на благотворительные цели в Приказ общественного призрения. От муллы дер. Ильчиной Абдулкаюма Мухамедьярова были затребованы объяснения, на каком основании он нанес оскорбление должностному лицу. А участие в подкупе волостного писаря Батурина поручили расследовать Верхнеуральскому уездному по крестьянским делам присутствию (указы от 21 февраля 1885 г. №№ 757, 758, 759)³⁸⁴.

Наконец, в случае соблюдения всех необходимых условий и установленной законом процедуры Губернское правление своим журнальным постановлением разрешало строительство соборной мечети с образованием нового самостоятельного прихода или возведение пятивременной мечети в рамках уже существующего. На основе журнала посылался указ в уездное или городское полицейское управление, которому предписывалось:

- объявить о решении просителям по месту жительства;
- выдать разработанный ими и утвержденный органом строительного надзора чертеж или выбранный жителями образцовый план мечети с взысканием денег за его изготовление в казначейство;
- проконтролировать последующее возведение культового здания в полном соответствии с проектом и требованиями строительного законодательства.

³⁸⁴ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4174. Л. 313–315.

Еще один указ о разрешении постройки мечети направлялся для сведения в Оренбургское магометанское духовное собрание.

Для заведования сооружением, перестройкой или ремонтом культового здания мусульманская община обычно выбирала на сельском сходе одного или нескольких уполномоченных, которые распределяли финансовые средства, закупали необходимые материалы (камень, дерево, жость, гвозди и др.), нанимали подрядчика и работников (землекопов, каменщиков, плотников, маляров, печников, кровельщиков)³⁸⁵. К началу XX в. общие расходы на постройку деревянной мечети в Волго-Уральском регионе колебались от 700–800 до 2000–3000 руб.³⁸⁶

По поручениям губернской администрации текущий технико-строительный надзор за сооружением мусульманских культовых зданий осуществляли полицейские чиновники с выездом на место. Они контролировали соответствие возводимой постройки утвержденному государственными органами архитектурному проекту, а также соблюдение требований противопожарной безопасности. При этом в случае выявления каких-либо нарушений полиция имела право приостановить все строительные работы до устранения недостатков.

Так, протоколом Строительного отделения ОГП от 24 июля 1904 г. № 220 был утвержден проект на постройку в дер. Биккуловой каменной мечети вместо прежней деревянной. Однако разрешение дали только при условии переноса всех строений, находящихся к ней ближе 20 саженей, что поручалось проконтролировать Оренбургскому уездному исправнику по указу от 27 июля 1904 г. № 790. Согласно его предписанию пристав 1-го стана Оренбургского уезда 19

июня 1905 г. осмотрел место строительства. При этом оказалось, что все частные дома вокруг мечети остались на прежних местах не снесенными. По результатам замеров они подходили к будущему храму: с северной стороны – на 16, 14, 11, 10 и 7,5 саженей, с западной – на 17, 6,5 и 3 сажени, с восточной – на 14 и 5 саженей и с южной – на 8 саженей. Поскольку жители дер. Биккуловой не выполнили указание о расчистке противопожарной зоны вокруг мечети на 20 саже-

³⁸⁵ Кобзев А. В. Исламская община Симбирской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. – Н. Новгород: Издательский дом «Медина», 2007. – С. 37.

³⁸⁶ Гибадуллина Э. М. Мусульманские приходы Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. / Отв. ред. Д. В. Мухетдинов. – Нижний Новгород: Издательский дом «Медина», 2008. – С. 73; ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4225. Л. 629–632 об. и др.

ней, установленной ст. 159 Строительного устава, пристав приостановил все работы на культовом объекте. Доверенный местных мусульман Газиз Аюпов подал прошение в ОГП о возобновлении строительства без сноса частных домов, мотивируя это тем, что они принадлежат людям бедного состояния, общество также не может помочь им с переносом, а другого места для молитвы у сельчан нет. Но впоследствии он все же представил общественный приговор, которым односельчане обязались перенести все постройки, находящиеся ближе 20 саженей от мечети. Г. Аюпов просил разрешения достроить ее сейчас же, в виду окончания строительного сезона и тем избавить общество от больших убытков, поскольку в противном случае мечеть останется ничем не прикрытой до весны следующего года, и ее будет размывать дождями. На основании статей 159 и 160 Устава строительного издания 1900 г. и ст. 1307 Уложения о наказаниях Строительное отделение ОГП своим постановлением от 20 августа 1905 г. № 484 разрешило возобновить сооружение мечети, но одновременно предупредило, что богослужение в здании будет дозволено только после переноса прилегающих построек на 20 саженей без разрывов. Об этом было дано знать Оренбургскому уездному полицейскому управлению для наблюдения и объявления доверенному Г. Аюпову, с которого взята соответствующая расписка (указ от 22 августа 1905 г. № 1029)³⁸⁷.

После окончания строительства готовую мечеть освидетельствовал на предмет соответствия проекту и требованиям безопасности один из сотрудников Строительного отделения, которое на основе его письменного заключения принимало решение о вводе культового здания в эксплуатацию.

Например, в 1906 г. младший инженер Овчаренко осмотрел завершенную 2-ю соборную мечеть дер. Яфаровой Каликинской волости Оренбургского уезда. Он выявил следующие расхождения с первоначальным проектом здания, утвержденным протоколом Строительного отделения ОГП от 5 сентября 1902 г.:

1) Вместо двух предполагавшихся печей имелась только одна, поставленная в главной комнате, в расстоянии 1 аршина от стены. Во время осмотра печь перекладывалась, так как старая уже сама обрушилась, а вместе с ней и дымовая труба.

2) Вместо рубленых сеней, предусмотренных по плану, были поставлены тесовые. С северо-восточной стороны мечеть не имела вхо-

³⁸⁷ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4234. Л. 823–824.

да, а устроено два других – с северо-западной и юго-восточной сторон.

3) Взаимные соединения стропильных ног, а также их соединения с затяжками и ригелями сделаны недостаточно прочно и не скреплены скобами.

4) Расстояние от окружающих построек составило: с юго-запада – 9,33 сажени, с северо-запада – 10 сажений, с северо-востока – 20 сажений, с юго-востока – 7,27 сажений.

На основании осмотра младший инженер Овчаренко предложил:

1) сложить новую печь на фундаменте и коренную трубу, сделав кирпичные разделки в местах соприкосновения дымоходов с деревянными частями здания, чтобы избежать возгорания кровли от постоянного нагрева;

2) взаимные соединения стропильных ног, а также их соединения с затяжками и ригелями скрепить железными скобами для большей прочности конструкции;

3) освободить пространство вокруг мечети до 20 сажений, предписанных законом.

Он сделал вывод, что в текущую зиму 1906–1907 гг. богослужение в новом здании можно допустить при условии тщательного наблюдения за исправным состоянием печей и домовых труб в мечети, а также в постройках, расположенных к ней ближе 20 сажений. При наступлении же строительного сезона необходимо провести работы по всем 3-м указанным пунктам.

На основании этого заключения ОГП журналом по Строительному отделению от 20 марта 1907 г. № 143 обязало жителей дер. Яфаровой устранить выявленные недостатки и войти в соглашение с домовладельцами, построек, находящихся ближе 20 сажений к мечети, об их сносе. Наблюдение за выполнением этих требований было возложено на Оренбургского уездного исправника (указ от 3 апреля 1907 г. № 320)³⁸⁸.

Законодательство, регламентировавшее организацию мусульманских приходов и строительство мечетей в Российской империи, постепенно менялось, совершенствовалось, что вкупе с демографическими, политическими и иными факторами оказывало влияние на динамику численности исламских культовых зданий в Оренбургской губернии. Статистические данные позволяют проследить эти колебания на протяжении всего XIX – начала XX веков:

³⁸⁸ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4236. Л. 218–218 об.

Таблица 3 – Динамика численности мечетей в Оренбургской губернии за 1800–1912 гг.³⁸⁹

Год	Количество мечетей	Численность мусульман	Число мусульман м. п. на 1 мечеть
1800	1147	–	–
1839	1725	535854	155,3
1856	1695	788585	248,6
1858	1699	818654	257,0
1868	586	223702	207,8
1894	529	347102	342,5
1900	535	386909	378,4
1901	560	385760	359,5
1902	565	390521	361,8
1903	577	400139	362,8
1904	583	412737	371,3
1910	595	484649	427,0
1912	599	498837	429,5

Снижение количества мусульманских культовых зданий после 1850 г. и 1865 г. объясняется сокращением территории Оренбургской губернии и передачей уездов из ее состава во вновь образованные Самарскую и Уфимскую губернии. Вместе с тем, в 60–80-е годы XIX в. также отмечено падение числа мечетей, не связанное с административно-территориальными преобразованиями. По мере удаления от последней ревизии населения 1858 г. установленный в Российской империи законодательный норматив минимальной численности мусульманского прихода в 200 ревизских душ мужского пола все больше тормозил строительство новых мечетей. К тому же, власти использовали положение для ликвидации незаконных малолюдных приходов путем запрета на ремонт и перестройку их культовых зданий, которые вследствие этого постепенно разрушались и выходили из эксплуатации. Только замена норматива с 200 ревизских на 200 наличных душ мужского пола по

³⁸⁹ Азаматов Д. Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII–XIX вв. – Уфа: Гилем, 1999. – С. 97–99, 102; Ведомость о духовенстве магометанского закона за 1833 г. // Журнал министерства внутренних дел. – 1834. – Ч. XIII. – Приложение; Ведомость о духовенстве магометанского закона за 1839 г. // Журнал министерства внутренних дел. – 1834. – Ч. XIII. – Приложение; РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 1093. Л. 7; Д. 1132, Л. 2–5; Адрес-календарь и памятная книжка Оренбургской губернии на 1896 г. – Оренбург: Губернская типо-литография, 1895. – С. 4–5, 16–17.

закону от 16 декабря 1886 г. способствовала восстановлению и дальнейшему росту количества мечетей. Однако в начале XX в. при сохранении тенденции к увеличению численности мусульманских культовых зданий общий уровень обеспеченности верующих мечетями стал уменьшаться. Если в 1901 г. 1 мечеть в Оренбургской губернии приходилась на 359,5 мусульман мужского пола, то в 1904 г. – на 371,3, в 1910 г. – на 427, а в 1912 г. – на 429,5 верующих мужчин. Из-за сложной бюрократической процедуры согласований и завышенных требований ввод новых мечетей не поспевал за приростом мусульманского населения, что не могло не вызывать общественного недовольства верующих.

В процессе функционирования мечетей возникал и целый ряд трудностей, связанных с тем, что законодательством Российской империи не был регламентирован порядок получения разрешений на их текущий и капитальный ремонт, перестройку взамен сгоревших или обветшавших, переноса на другое место, изменения статуса с пяти-временного на соборный.

Так, в 50-е гг. XIX в. Духовное собрание по мирским приговорам самостоятельно дозволило жителям деревень Явгильдиной и Максютовой Оренбургской губернии исправить их мечети, «буде последние не пришли в совершенную ветхость», а в противном случае рекомендовало обратиться в Губернское правление за разрешением на строительство новых культовых зданий по высочайше утвержденным планам и фасадам. Губернский прокурор опротестовал эти указы. На основе расширительного толкования правовых норм он считал, что санкцию на проведение ремонтных работ может выдавать только тот же орган, которому согласно статье 223 Устава строительного принадлежит исключительное право разрешать постройку мечетей, то есть Губернское правление. Однако на запрос министра внутренних дел оренбургский и самарский генерал-губернатор в своем отзыве поддержал позицию Духовного собрания, «так как нет в виду закона, обязывающего испрашивать разрешения Губернского Начальства на поправку уже выстроенных мечетей». Желая разгрузить региональную администрацию от переписки по мало-значительным делам, он предложил «предоставить сему Собранию давать разрешения подведомственным ему приходам и на будущее время, не передавая поступающих о том просьб на рассмотрение и постановление Губернского Правления». Этот порядок и был закреплен указом Правительствующего Сената от 7 сентября 1856 г. № 47479³⁹⁰.

³⁹⁰ Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений по округу Оренбургского магометанского духовного собрания. 1836–1903 гг. – Уфа: Оренбург. магометан. духов. собр., 1905. – С. 9–10.

Таким образом, судебной практикой Российской империи было выработано правило, согласно которому Оренбургское магометанское духовное собрание могло выдавать разрешения на текущий, мелкий ремонт мечетей, не требующий изменения их планов и фасадов³⁹¹, а Губернские правления – так же на перестройку и перенос культовых зданий. При этом использовались процедура, последовательность действий, требования и условия, сложившиеся в отношении дел о постройке новых мечетей.

Например, 7 марта 1881 г. прихожане 2-й соборной мечети дер. Сарманаевой Оренбургского уезда в количестве более 2/3 старших домохозяев постановили общественный приговор, засвидетельствованный Зобовским волостным старшиной, о разрешении им перестроить свою мечеть. Они указали, что деревянное культовое здание было сооружено еще в 1861 г. и с тех пор за 20 лет сильно обветшало так, что требуют починки крыши, минарет, стены, а, кроме того, верующие хотели бы увеличить молитвенный зал, сделав его длиннее на 6 аршин. Старый план на постройку этой мечети сгорел в пожар 1877 г., а потому жители просили выдать им новый. Согласно заведенному порядку за разрешением на перестройку и ремонт они обратились в Оренбургское губернское правление через уездную полицию. При освидетельствовании места, на котором находилась мечеть, приставом 2-го стана Оренбургского уезда оказалось, что в нарушение требований противопожарной безопасности к ней с двух сторон подходили ближе чем на 20 сажень жилые строения, принадлежавшие крестьянину Галиакберову и отставному рядовому Рахимкулову. Однако владельцы обязались подписками перенести свои дома на другие места при помощи односельчан. Поэтому 10 февраля 1884 г. своим журналом ОГП разрешило провести необходимый ремонт и расширить здание 2-й соборной мечети дер. Сарманаевой, придерживаясь нового плана, выданного строителям через Оренбургское уездное полицейское управление³⁹².

Или, например, 7 ноября 1872 г. на Аллабердинском сельском сходе жители деревень Давлеткуловой и Максютовой своим приговором ходатайствовали о дозволении им перенести мечеть на новое место жительства. Выяснилось, что дер. Давлеткулова «построена на таком открытом месте, что зимою все находящиеся в этой деревне дома и хозяйственные строения совершенно заносит снегом, следствием чего

³⁹¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 625. Л. 30 об.

³⁹² ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4170. Л. 347–348.

многие из домохозяев по необходимости с давнего времени вынуждены были перенести дома свои на другую сторону речки Юшатырки, где устроили свои усадьбы под горою так, что с одной стороны строения их закрыты горою от северного ветра, а с другой стороны – небольшой лесок, растущий по означенной речке, охраняющий усадьбы их от снежных наносов». Теперь верующие хотели перенести на новое место и перестроить мечеть вместо ветхого строения в обезлюдевшем поселке. Для решения проблемы губернская администрация затребовала от Оренбургского уездного полицейского управления сведения о числе прихожан и план на существующую мечеть. Из представленных данных оказалось, что храм был построен в 1836 г. по высочайше утвержденному образцовому плану 1829 г. Жители выразили желание восстановить мечеть по прежнему проекту, причем новое место по результатам осмотра соответствовало требованиям Строительного устава. Полиция так же донесла, что в Давлеткуловском приходе числятся 303 души м. п., и представило план на мечеть, выданный жителям деревни 17 августа 1836 г. Журнальным постановлением ОГП от 28 октября 1875 г. № 1615 им было разрешено перенести на другое место и заново отстроить соборную мечеть по прежнему плану, за чем предписано наблюдать Оренбургскому уездному полицейскому управлению (указ от 18 ноября 1875 г. № 4048)³⁹³.

Разумеется, ремонт, перестройка или перенос мечетей разрешались только в тех мусульманских приходах, которые отвечали законодательно установленному для них минимальному нормативу численности прихожан в 200 душ мужского пола. Отказами на обновления власти добивались постепенного сокращения количества незаконно возведенных культовых зданий по мере их естественного разрушения и выхода из эксплуатации.

Так, общественным приговором от 24 мая 1886 г. жители дер. Максютовой Оренбургского уезда просили о перестройке их деревянной соборной мечети, которая была сооружена еще в 1763 г. Однако по журналу от 20 октября 1886 г. № 948 Оренбургское губернское отклонило их заявление, так как в приходе числилось всего 130 ревизских душ м. п. вместо 200, положенных по закону (указ от 23 октября 1886 г. № 3647)³⁹⁴.

Или, например, 17 сентября 1899 г. и 3 мая 1900 г. члены Барангуловского сельского общества Оренбургского уезда постановили 2 при-

³⁹³ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4134. Л. 325–326 об.

³⁹⁴ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4179. Л. 250–250 об.

говора, которыми ходатайствовали в ОМДС о переносе мечети из дер. Старо-Барангуловой в дер. Ново-Барангулову. На покинутом большинством жителей месте оставалась только одна семья. Приход же образовывали дер. Куватова в 1 версте от мечети, на другом берегу реки Сакмары, вотчинники дер. Ново-Барангуловой – в 1,5 верстах и их припущенники – в 400 сажнях. Дальнейшее существование храма на старом месте не приносило никакой пользы, тем более, что здание пришло в совершенную ветхость и требовало капитального ремонта или перестройки. При рапорте от 10 марта 1900 г. № 1573 Духовное собрание представило оба приговора в Оренбургское губернское правление и донесло, что со своей стороны считает перенос мечети необходимым. По результатам осмотра приставом 1-го стана Орского уезда участка, предназначенного для переноса мечети в дер. Ново-Барангулову, оказалось, что он расположен к северо-востоку от селения, на ровном месте, свободном от строений и отстоявшем от домов на 25 сажней, а, следовательно, вполне соответствовал требованиям противопожарных норм. 12 сентября 1902 г. за № 2275 ОГП предписало Орскому уездному исправнику собрать и доставить сведения о том, когда и кем разрешена постройка мечети, и какова численность ее прихожан. Рапортом от 24 мая 1902 г. № 947 уездная полиция доложила, что приход составляют 176 человек мужского пола, в том числе в дер. Ново-Барангуловой – 53 дома и 144 мужчины, а в дер. Куватовой – 12 домов с 32 душами м. п. Культовое здание насчитывало более 100 лет, но никто уже не помнил точного времени и обстоятельств его возведения при отсутствии архитектурного плана. Поскольку численность наличных прихожан была меньше законодательного норматива в 200 душ м. п., Губернское правление журнальным постановлением от 25 февраля 1903 г. № 162 отказало в переносе мечети на новое место, о чем дано знать Орскому уездному полицейскому управлению для объявления просителям (указ от 4 марта 1903 г. № 724)³⁹⁵.

За самовольные ремонт, перестройку или перенос мечети без официального разрешения уполномоченного органа виновные подлежали уголовной ответственности на равных основаниях с незаконной постройкой культового здания.

Так, мусульмане дер. Утеевой Новобашкирской волости Оренбургского уезда своим общественным приговором от 25 августа 1885 г. инициировали в Губернском правлении ходатайство о скорейшем разрешении им перестроить мечеть. От жителей был затребован план на

³⁹⁵ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4230. Л. 361–364.

существующее здание, но 15 января 1886 г. они заявили приставу 2-го стана Оренбургского уезда, что документ сгорел во время одного из пожаров. Утеевцы настаивали на том, чтобы им разрешили перестроить мечеть именно на прежнем месте. Ради этого они единогласно заявили приставу с подписанием акта, что в течение лета 1886 г. снесут все жилые и надворные постройки, прилегающие к мечети ближе чем на 20 сажений, для соблюдения требований пожарной безопасности, выровняют место и уберут с него мусор. Вследствие этого губернские власти предписали полицейским органам спросить, согласны ли прихожане перестроить мечеть по высочайше утвержденному образцовому плану, который будет им выслан, а если нет, то затребовать от них составленный ими план в 2 экземплярах. И в том, и в другом случае следовало также представить расписки домовладельцев о том, что они обязуются перенести свои постройки на узаконенное расстояние. Однако община подпиской от 3 декабря 1886 г. отозвалась, что она уже перестроила мечеть летом 1886 г. по прежнему плану, высланному от начальства, только по сравнению с ним добавлен минарет шириной 4 аршина и высотой 6 аршин, а нового плана иметь не желает. Поскольку постройка была произведена без официального разрешения, Строительное отделение ОГП поручило Оренбургскому уездному исправнику собрать и представить сведения о том, кем она была сделана, по какому плану, когда окончена, кем освидетельствована, было ли расчищено пространство вокруг мечети, как того требовал закон. Во исполнение этого Оренбургское уездное полицейское управление при рапорте № 2787 представило новый приговор мусульман дер. Утеевой и акт пристава 2-го стана. Выяснилось, что верующие, долго не получая разрешения и плана, с общего согласия в 1886 г. перестроили мечеть по своему усмотрению на старом фундаменте, добавив минарет высотой 6 аршин и шириной 4 аршина. Приговором от 8 июля 1887 г. они объяснили, что действительно обязались снести постройки, находящиеся ближе 20 сажений к мечети, но сделать этого не могут по неимению средств из-за неурожая хлеба в последние 3 года. Кроме того, потребовалось бы снести около 20 жилых домов с надворными постройками, причем большинство из них принадлежало деревенской бедноте. Поэтому жители признали возможным расширить площадь вокруг мечети с восточной стороны только на 11 сажений, с южной – переулок в 5 сажений увеличить еще на 5, с западной и северной стороны – до 10 сажений, причем обязались произвести эти работы весной 1889 г. 11 марта 1889 г. еще одним приговором они ходатай-

ствовавали об утверждении перестроенной ими мечети, не доводя их до убытков переделкой по новому плану. Сущность дела подтверждалась и актом осмотра мечети с прилегающей площадью приставом 2-го стана Оренбургского уезда от 11 марта. Рассмотрев обстоятельства дела, Губернское правление пришло к выводу, что мусульманская община произвела постройку самовольно, без утвержденного плана и с нарушением ст. 265 Устава строительного, то есть без разрыва в 20 сажений от существующих жилых построек. Поэтому журнальным постановлением по Строительному отделению от 8 мая 1890 г. № 393 оно приказало уездной полиции возбудить против жителей дер. Утеевой преследование по ст. 1073 Уложения о наказаниях издания 1885 г. (указ от 25 мая 1890 г. № 461)³⁹⁶.

Наконец, по мере роста малолюдных мусульманских общин, их финансовых возможностей по содержанию расширенного штата духовенства неизбежно возникал вопрос о переименовании существующей пятивременной мечети в соборную, что позволяло проводить пятничное богослужение непосредственно на месте, без еженедельных поездок в более крупный населенный пункт, являвшийся центром сложносоставного прихода. Процедура изменения статуса культового здания долгое время была предметом спора между светскими и духовными властями. Губернские правления считали, что этот вопрос входит в их компетенцию, поскольку после переименования мечети в соборную прихожане получали право на увеличение штата священнослужителей, а утверждение в мусульманских духовных должностях по закону как раз было прерогативой региональной администрации. Духовное же собрание, напротив, полагало, что изменение статуса молитвенного здания относится к его ведению как чисто религиозный вопрос, касающийся права совершать в той или иной мечети пятничное богослужение.

Отсутствие руководящих правовых норм вело к тому, что на практике разрешения на переименование мечети из пятивременной в соборную выдавали и ОМДС, и губернские правления, в зависимости от того, в какой орган прихожане направляли соответствующее прошение. В Оренбургской губернии была выработана своего рода компромиссная процедура. Если мирской приговор об изменении статуса храма поступал в Губернское правление, оно предварительно запрашивало заключение Духовного собрания. Если же мусульмане обращались напрямую в ОМДС, то религиозное учреждение до рассмот-

³⁹⁶ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4196. Л. 429–432 об.

рения ходатайства по существу также согласовывало переименование с региональной администрацией³⁹⁷.

Так, при рапорте от 21 марта 1897 г. № 1608 Оренбургское уездное полицейское управление передало на зависящее распоряжение ОГП общественный приговор мусульман дер. Кутучевой Кипчакской волости о переименовании их пятивременной мечети в соборную. Жители указали, что их молитвенное здание причислено к приходу Актиновской соборной мечети, отстоящей от места жительства на 10 верст. Вследствие этого во время весеннего разлива воды и зимних буранов они встречают серьезные трудности с проездом туда для еженедельного участия в коллективном пятничном намазе. На запрос губернских властей Оренбургское магометанское духовное собрание сообщило, что по местным обстоятельствам считает необходимым открытие соборной мечети в дер. Кутучевой, которое и санкционировало. С учетом его позиции ОГП журнальным постановлением от 24 июня 1897 г. № 269 также дало согласие на изменение статуса культового здания. При этом Духовное собрание считало, что переименование пятивременной мечети в соборную состоялось по его указу от 15 мая 1897 г., а Губернское правление брало отсчет от собственного указа, датированного 3 июлем того же года³⁹⁸.

В то же время указом Правительствующего Сената от 16 июня 1887 г. все-таки было признано, «что переименование мечетей из пятивременных в соборные составляет вопрос религиозный»³⁹⁹. А сенатским указом от 3 сентября 1902 г., наконец, закреплено, что этот вопрос подлежит «обсуждению Оренбургского Магометанского Духовного Собрания, а не Губернского Правления»⁴⁰⁰.

Строительство и последующая эксплуатация культового здания требовали значительных денежных средств. К началу XX столетия в Оренбургской губернии только ежегодные расходы на содержание мечети (отопление, освещение, текущий ремонт, уборку, чистку ды-

³⁹⁷ Загидуллин И. К. Исламские институты в Российской империи: Мечети в европейской части России и Сибири. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2007. – С. 148–152.

³⁹⁸ ЦИА РБ. Ф. И-295. Оп. 2. Д. 8. Л. 105 об. – 106; ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4218. Л. 585–585 об.

³⁹⁹ Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений по округу Оренбургского магометанского духовного собрания. 1836–1903 гг. – Уфа: Оренбург. магометан. духов. собр., 1905. – С. 29–30.

⁴⁰⁰ Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений по округу Оренбургского магометанского духовного собрания. 1836–1903 гг. – Уфа: Оренбург. магометан. духов. собр., 1905. – С. 191–192.

моходов, охрану и др.) составляли в среднем 200–300 руб. и выше в зависимости от объема необходимых работ⁴⁰¹. Основными источниками финансирования мечетей как религиозно-обрядовых центров приходом были: сборы прихожан, индивидуальные пожертвования, вакуфное имущество, общественная запашка и сдача земли в аренду⁴⁰².

Поскольку мечеть была местом общественного пользования, а для получения разрешения на ее постройку прихожане предварительно давали письменное обязательство о совместном содержании культового здания, на сельском сходе особым мирским приговором они могли объявлять ежегодный или разовый сбор средств на эти цели: по обязательно-уравнительному или посильному принципам. Если текущее обслуживание храма было по плечу даже сельским жителям, то первоначальные расходы на его сооружение нередко превышали их возможности. В этом случае верующие могли прибегать к сбору добровольных пожертвований и за пределами общины, но только с разрешения органов государственной власти. Хотя российское законодательство не регламентировало подобную процедуру применительно к мусульманам, во второй половине XIX в. постепенно сложился порядок публичного сбора ими пожертвований по правилам, которыми руководствовались православные духовные консистории. Прихожане на основе общественного приговора подавали губернатору через Духовное собрание или напрямую соответствующее прошение, в котором указывали цель, сумму, район и срок предполагаемого сбора, а также лиц, уполномоченных на его проведение⁴⁰³. Глава региона со своим заключением пересылал ходатайство на разрешение в МВД. Согласие на сбор пожертвований во всероссийском масштабе давал лично император «по всеподданнейшему докладу» министра внутренних дел. При этом на ОМДС возлагались функции финансового контроля за правильным сбором пожертвований. После удовлетворения ходатайства религиозный орган на-

⁴⁰¹ ЦИА РБ. Ф. И-295. Оп. 3. Д. 16383. Б. п.; Оп. 6. Д. 657. Л. 21–23, 42–55, 58–61; Д. 2381. Л. 1–18, 59–68 об.; Оп. 8. Д. 1316. Л. 2–37, 89–100 об., 108–142 об.

⁴⁰² Гибадуллина Э. М. Механизмы финансирования строительства и содержания сельских мечетей в Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. // Источники существования исламских институтов в Российской империи. Сборник статей / Сост. и отв. ред. И. К. Загидуллин. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. – С. 37–43; Кобзев А. В. Экономическая основа деятельности махаллей Симбирско-Ульяновского края в дореволюционное и советское время: преемственность и перемены // Там же. – С. 163–177; Сенюткина О. Н. Формы содержания мусульманского духовенства, мечетей и конфессиональных школ на Нижегородчине // Там же. – С. 236–245.

⁴⁰³ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 625. Л. 25–25 об.

правлял уполномоченным представителям общины для записи собранных сумм специальные «шнуровые книги», на обложке которых указывались фамилии, имена, отчества сборщиков и срок проведения акции, а все страницы пронумеровывались и заверялись подписью одного из казыев (заседателей) Духовного собрания с приложением печати этого учреждения. Книги выдавались через Губернское правление, которое разъясняло получателю документа установленный порядок сбора пожертвований. По окончании его разрешенного срока сборщик возвращал приходные ведомости в ОМДС для сличения записей с имеющейся на лицо суммой⁴⁰⁴.

Помимо коллективных сборов внутри общины и за ее пределами, важным источником финансирования для постройки мечетей были индивидуальные крупные пожертвования. Архивные источники свидетельствуют о том, что в Оренбургской губернии уже с середины XVIII в. отдельные лица зачастую брали на себя все расходы по возведению молитвенного здания. Например, ведомость мечетям по 9-му башкирскому кантону за 1834 г. показывает, что из 160 мусульманских храмов на этой территории 54 мечети (34 %) были построены «обществом», «по мирскому приговору», 61 мечеть (38 %) сооружена на индивидуальные пожертвования, и для 45 мечетей (28 %) не указаны спонсоры⁴⁰⁵. Среди жертвователей отмечены купцы, должностные лица общественного самоуправления, действующие и отставные мусульманские священнослужители и даже зажиточные крестьяне, в том числе женщины.

Так, в Сеитовском посаде к концу XVIII столетия на средства местных торговцев были возведены уже восемь мечетей: 1-я – в 1746 г. Сеитом Хаялиным, 2-я – в 1760 г. Габдуллой Габрахмановым, 3-я – в 1767 г. Ягофером Абдюковым, 4-я и 5-я – в 1773 г. Апиком Чапеевым и Бикчентеем Маметкуловым, 6-я – в 1783 г. Мухаммедрахимом Кайсаровым, 7-я – в 1790 г. Абзелилом Халиловым и 8-я – в 1792 г. Хасаном Улеевым⁴⁰⁶.

⁴⁰⁴ Загидуллин И. К. Публичные сборы пожертвований для строительства мечетей в городах Европейской части России и Сибири (XIX – начало XX вв.) // Источники существования исламских институтов в Российской империи. Сборник статей / Сост. и отв. ред. И. К. Загидуллин. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. – С. 70–104.

⁴⁰⁵ ГАОО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 9958. Л. 205–225.

⁴⁰⁶ ЦИА РБ. Ф. И-295. Оп. 4. Д. 489. Л. 134–136 об., 138, 150–150 об., 170–170 об., 567–568, 654; ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 83. Л. 36–38; Ф. 6. Оп. 4. Д. 135. Л. 15–15 об.; Д. 9958. Л. 223 об. – 225.

Однако подобная практика получила широкое распространение не только в крупных торгово-ремесленных центрах с прослойкой формирующейся буржуазии, но даже в татарских и башкирских селах, где уровень экономического развития еще не привел к значительному социальному и имущественному расслоению, складыванию крупного капитала. Например, начальник 9-го башкирского кантона Барангул Куватов за свой счет в 1800 г. построил мечеть в родной деревне Барангуловой, а в 1809 г. – 2-й храм в пос. Кондуровском Орского уезда. Его примеру последовал в 1809 г. юртовой старшина Яхъя Аккубеков в деревне Кутлумбетовой Кипчакской волости Оренбургского уезда. Мечеть в деревне Акчуриной 3-й Усерганской волости Орского уезда была перестроена в 1810 г. иждивением ее муллы Базарбая Рысаева. В 1829 г. каргалинский купец Рахметулла Хайбуллин единолично пожертвовал всю сумму на открытие 2-й соборной мечети в дер. Нижние Чебеньки⁴⁰⁷. В 1837 г. сгоревшую мечеть дер. Имангуловой Оренбургского уезда заново отстроил «своим коштом» местный башкир Хасанбай Байназаров⁴⁰⁸. Ветхое молитвенное здание в пос. Никитинском обновил в 1839 г. князь Шагиахмет Тевкелев⁴⁰⁹. В 1870 г. для сооружения мечети в дер. Бикбердиной Сарт-Калмыкской волости Челябинского уезда объединили свои капиталы урядник Кулберда Мамбеткулов, башкиры Юсуп Кунакбаев и Асетулла Яныбаев⁴¹⁰. Татарский крестьянин Хайбулла Курбангалиев в 1872 г. вызвался покрыть все расходы на возведение 2-го приходского храма в дер. Мустафиной Рождественской волости Оренбургского уезда⁴¹¹. В 1883 г. башкиры Мухаммедсалих Тазитдинов и Якуп Абдулнасыров профинансировали новую соборную мечеть в дер. Карагузиной Бурзян-Кипчакской волости Оренбургского уезда⁴¹² и так далее.

Крупные индивидуальные пожертвования могли обеспечить не только строительство, но и последующее содержание приходских институтов за счет доходного вакуфного имущества. В мусульманском праве под вакуфом понимается любое движимое или недвижимое имущество, переданное или завещанное на религиозные и благотворительные цели, в том числе дома, торговые лавки, магазины, земель-

⁴⁰⁷ ГАОО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 9958. Л. 205 об. – 206; 207 об. – 208; 222 об. – 224.

⁴⁰⁸ ЦИА РБ. Ф. И-295. Оп. 4. Д. 44. Л. 15–26.

⁴⁰⁹ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4123. Л. 253–255.

⁴¹⁰ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4099. Л. 517–518.

⁴¹¹ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4109. Л. 15–16.

⁴¹² ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4166. Л. 238–240.

ные участки, денежные капиталы, проценты с которых перечисляются на духовные нужды⁴¹³.

В исторической науке господствует мнение татарского исследователя З. С. Миннуллина о том, что после разгрома Казанского ханства, «с середины XVI века и до последней четверти XVIII века не может быть и речи о каких-либо вакуфных пожалованиях, особенно земельных»⁴¹⁴. Это обосновывается экономической слабостью мусульманского населения и дискриминационными, ограничительными мерами Российского государства по отношению к национальным меньшинствам. Только либерализация религиозной политики при Екатерине II, постепенное развитие капиталистических отношений, складывание мусульманской торгово-купеческой буржуазии заложили к концу XVIII столетия предпосылки для восстановления практики крупных пожертвований⁴¹⁵. Правда, башкирский историк Д. Д. Азаматов отмечал, что на Южном Урале «теоретически существовали довольно благоприятные условия для добровольных пожертвований», поскольку Российская империя проводила здесь более мягкую религиозную политику, обусловленную слабостью центральной власти и нежеланием лишиться раз будоражить башкирское население. Как следствие, сюда устремлялись широкие массы переселенцев из числа мусульман, вынужденных покинуть Среднее Поволжье из-за проводившейся там политики насильственной христианизации и кампании по уничтожению мечетей. Однако, по мнению Д. Д. Азаматова, отсутствие крепких мусульманских традиций делало невозможным широкое распространение здесь вакуфов⁴¹⁶.

Между тем, выявленные нами архивные источники прямо доказывают, что на Южном Урале не только сложились предпосылки, но и состоялось реальное возрождение практики вакуфных пожертвований

⁴¹³ Салихов Р. Р. Татарская буржуазия России и трансформация традиционной мусульманской благотворительности во второй половине XIX – начале XX вв. // Ислам и благотворительность. Материалы всероссийского семинара. – Казань: Б. и., 2006. – С. 30.

⁴¹⁴ Миннуллин З. С. Проблемы вакфа: история и современность // Религии в современной обществе: история, проблемы, тенденции. – Казань: Б. и., 1998. – С. 176.

⁴¹⁵ Салихов Р. Р. Татарская буржуазия России и трансформация традиционной мусульманской благотворительности во второй половине XIX – начале XX вв. // Ислам и благотворительность. Материалы всероссийского семинара. – Казань: Б. и., 2006. – С. 26.

⁴¹⁶ Азаматов Д. Д. Из истории мусульманской благотворительности. Вакуфы на территории Европейской части России и Сибири в конце XIX – начале XX вв. – Уфа: Издательство Башкирского университета, 2000. – С. 5.

гораздо раньше, чем в любых иных местах Волго-Уральского региона, еще в середине XVIII века. Материальную основу для этого обеспечило стремительное формирование национального капитала, мусульманской купеческой буржуазии, которое в приграничном Оренбургском регионе искусственно стимулировали сами власти, поощряя переселения татарских торговцев, предоставляя им законодательные льготы и привилегии, для развития экономических отношений с народами Казахстана и Средней Азии через их российских единоверцев как естественных посредников. Центром взаимодействия между ними стала основанная в 1744 г. Оренбургская подгородняя Сеитова слобода (Каргала), где достаточно быстро сложилась зажиточная прослойка, разбогатевшая на приграничной и караванной торговле со среднеазиатскими государствами. Уже в 1753 г. каргалинские торговые татары на общем сходе учредили первый вакуф, выделив наиболее крупный участок своих лесных угодий для содержания религиозных институтов⁴¹⁷.

Однако широкое распространение практика вакуфных пожертвований в Оренбургском крае все-таки получила только с середины XIX в., по мере развития капиталистических отношений. Так, 1-й соборной мечети г. Оренбурга в 1848 г. бухарский подданный Тляумбай Маркибаев подарил дворовое место для постройки медресе, в 1860-е гг. князь Ахметгарей Чингиз оставил по завещанию деньги на сооружение вакуфной 2-этажной каменной лавки, в 1871 г. бухарец Фахретдин Мукминжанов передал участок с каменной землянкой стоимостью 700 руб., а в 1885 г. оренбургский купец 2-й гильдии Чемир Акильбеков выделил землю стоимостью 100 руб. для сооружения нового учебного корпуса за 1000 руб.⁴¹⁸. В пользу 3-й соборной мечети губернского центра оренбургский мещанин Абдулгазим Хакимович Абдулвалиев в 1903 г. завещал 2 деревянных и 1 каменный флигель с дворовым участком, вдова бухарского подданного Биби-Кандалата Шарифхузина в 1908 г. – 1-этажный дом с двумя деревянными флигелями, каменным полуэтажом и холодными службами стоимостью 300 руб., а крестьянин Ахметша Иксанович Иксанов в 1916 г. – деревянный флигель с надворными постройками⁴¹⁹.

В Сеитовском посаде (Каргале) 5 февраля 1865 г. местный купец 2-й гильдии Мухамед Абубакиров выделил по завещанию 7-й собор-

⁴¹⁷ ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 81. Л. 95.

⁴¹⁸ ЦИА РБ. Ф. И-295. Оп. 3. Д. 8829. Л. 2 об.; Оп. 6. Д. 87. Л. 59; Д. 305. Л. 5 об. – 6, 29–30; Д. 3723. Л. 4–4 об., 22.

⁴¹⁹ ЦИА РБ. Ф. И-295. Оп. 6. Д. 657, 1724, 3967.

ной мечети, построенной его дедом Абзелилом Халиловым, каменную лавку № 22 на Базарной площади стоимостью 800 руб. серебром⁴²⁰. Другой каргалинский купец 2-й гильдии Ахмедгазиз Мухаммедгалиевич Абдулменяков оставил после смерти капитал в 1500 руб. серебром с тем, чтобы он был употреблен на содержание той же мечети. 22 сентября 1883 г. его двоюродные братья приобрели на эти деньги одноэтажную каменную лавку на Базарной площади в корпусе под № 5, длиной 6 аршин 3 вершка и шириной 5 аршин 2 вершка, крытую железом⁴²¹. Обе вакуфные лавки сдавались в аренду, а вырученные деньги «согласно шариату» употреблялись на закупку дров для отопления и керосина для освещения мечети.

В 1871 г. купец города Илецкая Защита Губайдулла Габидуллич Губаев пожертвовал по акту 3 каменных лавки стоимостью 960 рублей в пользу местного мусульманского духовенства и мечети⁴²².

Значительное вакуфное имущество сложилось и в уездном городе Троицке. В 1895 г. купец 1-й гильдии Мухаммеджан Ахмеджанович Бакиров подписал духовное завещание, по которому предназначил на содержание 1-й городской мечети каменную лавку в Гостином дворе стоимостью 2000 руб.⁴²³. В 1906 г. было утверждено к исполнению завещание, составленное в 1899 г. купцом 1-й гильдии Мухаммедшарифом Ахмеджановичем Яушевым, который оставил 15 тыс. руб. на строительство 3 новых мечетей и 35 тыс. руб. на образование вакуфного фонда для 2-го мусульманского прихода города⁴²⁴. В 1914 г. купец Мухаммеджан Фазылжанович Валеев пожертвовал в пользу 4-й троицкой мечети деревянную лавку, оцененную в 3000 руб.⁴²⁵. В 1901 г. купец 1-й гильдии Абдулвали Ахмеджанович Яушев передал в собственность построенной им 6-й соборной мечети г. Троицка 2 земельных участка под нею с многочисленными надворными постройками стоимостью 2000 руб.⁴²⁶.

Троицкое купечество опекало и мусульманский приход расположенного поблизости Миасского завода. В 1894 г. купец 2-й гильдии Галиулла Фаткуллович Уразаев приобрел земельный участок на Пичугинской ул. для строительства мечети в этом промышленном по-

⁴²⁰ ЦИА РБ. Ф. И-295. Оп. 5. Д. 203. Л. 4–5.

⁴²¹ ЦИА РБ. Ф. И-295. Оп. 5. Д. 202. Л. 4–4 об., 11.

⁴²² ЦИА РБ. Ф. И-295. Оп. 6. Д. 305. Л. 3 об. – 4, 22, 28–28 об., 25–35 об.

⁴²³ ЦИА РБ. Ф. И-295. Оп. 3. Д. 14192.

⁴²⁴ ЦИА РБ. Ф. И-295. Оп. 6. Д. 1459. Л. 3–4 об., 11–11 об., 20–20 об., 29–30 об.

⁴²⁵ ЦИА РБ. Ф. И-295. Оп. 6. Д. 3351. Л. 4–6, 8, 16–17, 20 об.

⁴²⁶ ЦИА РБ. Ф. И-295. Оп. 3. Д. 16383.

селке, а в 1910 г. оформил на него дарственную. В 1911 г. он пожертвовал приходу еще одно дворовое место на Златоустовской ул. стоимостью 250 руб. Вскоре на нем был построен 2-этажный каменный магазин, который сдавался в аренду и приносил ежегодный доход от 800 до 1000 руб.⁴²⁷.

Наконец, в 1906 г. перед своей смертью купец 1-й гильдии Ахмед Мухаммедгалиевич Хусаинов учредил самый крупный вакуф Российской империи, значение которого далеко выходило за региональные рамки. Благотворитель выделил 3 дома в Оренбурге, гостинично-складской комплекс в Нижнем Новгороде, проценты по закладным и банковские капиталы на общую сумму в 498086 руб. 22 коп. для финансирования 6-й оренбургской мечети, ее приходского медресе «Хусаиния», выплаты пособий учителям 60 мектебе в Вятской, Казанской, Оренбургской, Симбирской, Уфимской губерниях и Уральской области, выдачи 26 стипендий для обучения мусульманских юношей в правительственных гимназиях, училищах и вузах, ежегодной отправки в хадж 2 человек, а также издания учебников и книг религиозно-нравственного характера⁴²⁸.

Таким образом, благодаря важной посреднической роли последователей ислама в экономических отношениях России с народами Казахстана и Средней Азии на территории приграничной Оренбургской губернии сложилась значительная прослойка мусульманской торгово-купеческой буржуазии, наличие которой обусловило ранее возрождение и широкое распространение в регионе практики вакуфных пожертвований при многообразии их форм (денежные капиталы, ценные бумаги, земельные участки, лавки, магазины, гостиница, склады). По этому показателю край занимал первое, лидирующее место среди всех регионов Российской империи за пределами Крыма, Кавказа и Средней Азии. К 1917 г. общая стоимость 18 вакуфных учреждений в Оренбургской губернии оценивалась примерно в 630 тыс. руб., что составляло 64 % стоимости всех 91 вакуфа Европейской части России и Сибири в 990,5 тыс. руб.⁴²⁹. Тем не менее, вакуфное имущество вместе с мусульманским капиталом концентрировалось преимущественно в городах и не могло решить проблему финансирования исламс-

⁴²⁷ ЦИА РБ. Ф. И-295. Оп. 6. Д. 2383. Л. 2–3, 7–9, 17, 20–26, 29–35 об.

⁴²⁸ ЦИА РБ. Ф. И-295. Оп. 8. Д. 1316.

⁴²⁹ Азаматов Д. Д. Из истории мусульманской благотворительности. Вакуфы на территории Европейской части России и Сибири в конце XIX – начале XX вв. – Уфа: Издательство Башкирского университета, 2000. – С. 42–53, 78.

ких приходов в масштабах всей Оренбургской губернии. В отличие от единоверцев в Крыму, на Кавказе и в Средней Азии, у мусульман Волго-Уральского региона вакуффы не стали главной основой для всеобъемлющей системы содержания религиозных институтов. Для сравнения в Кокандском ханстве вакуфные учреждения сосредоточили в своих руках 14,3 % всех обрабатываемых земель, в Бухарском эмирате – 24,6 %, в Хивинском ханстве – до 40 %. В начале XX в. общие вакуфные доходы мечетей и медресе в Русском Туркестане составляли 594057 руб. и 983193 пуда зерна в год⁴³⁰. На территории Самаркандской, Сыр-Дарьинской и Ферганской областей Российской империи только мусульманским учебным заведениям принадлежали 2208 лавок, 974 торговых места, 58 караван-сараев, 24 торговые бани, 15 мельниц и 9 каналов⁴³¹. Лишь в одном из регионов Кавказа – Дагестане вакуфный статус имели 63985 десятин земли по сравнению с 1382 десятинами во всей Европейской части России и Сибири, то есть в 46 раз больше. В 5 уездах Крыма под вакуфами находилось более 87 тыс. кв. саженей сельской земли, 300 десятин в городах, 500 домов и лавок, которые оценивались в 800 тыс. руб.⁴³². Несмотря на то, что только за 1889–1917 гг. количество вакуфов в округе ОМДС возросло в 4,3 раза, короткий период, отведенный историей на восстановление их практики после разгрома независимых мусульманских государств в Волго-Уральском регионе и Сибири, дисперсное проживание последователей ислама, экономическая отсталость кочевых групп населения, а также игнорирование российским законодательством самого института исламских пожертвований в регионе не позволили обеспечить доходным имуществом подавляющее большинство местных мусульманских приходов. В то же время на территории Крыма, Средней Азии и Кавказа вакуффы накапливались столетиями в условиях полного господства шариата в правовой системе.

⁴³⁰ Айдагулов М. Институт вакуффов в Туркестане в период Российской империи // Ислам в Содружестве Независимых Государств: международная политика и сфера безопасности. Ежеквартальный научный альманах. Вып. 1. – М. – Н. Новгород: ИД «Медина», 2010. – С. 84.

⁴³¹ Наливкин В. П. Положение вакуфного дела в Туркестане до и после его завоевания // Ежегодник Ферганской области. Том III. Выпуск 1904 г. Издание Ферганского Областного Статистического Комитета. – Новый Маргелан: Типография Ферганского Областного Правления, 1904. – С. 1–56.

⁴³² Азаматов Д. Д. Из истории мусульманской благотворительности. Вакуффы на территории Европейской части России и Сибири в конце XIX – начале XX вв. – Уфа: Издательство Башкирского университета, 2000. – С. 4.

В сельских общинах Оренбургской губернии основным ресурсом крестьянского населения оставалась земля, а главным источником дохода – урожай, которые местные мусульмане пытались обратить на нужды своих религиозных институтов.

Так, в начале XX в. жители дер. Аустяновой Аллабердинской волости Оренбургского уезда пожертвовали на содержание своей мечети и медресе 30 десятин земли, в 1906 г. добавили еще 6, а в 1918 г. довели размеры вакуфного участка до 100 десятин⁴³³. 28 июля 1912 г. башкиры дер. Халиловой Карагай-Кипчакской волости Орского уезда постановили общественный приговор, которым выделили «запасную за душевым наделом землю» в количестве 122 десятин 39 саженьей «с тем, чтобы доходы» от ее использования «употреблялись на отопление, освещение, ремонт и жалование учителей мектебе и мечети»⁴³⁴. 31 января 1915 г. на сельском сходе вотчинники дер. Каипкуловой Ново-Башкирской волости Оренбургского уезда Габдрафик Абдразаков, Булякбика Юлдубаева и Минлимурза Сеитов решили передать на финансирование местной мечети и медресе 99 десятин собственной частновладельческой земли⁴³⁵. Башкиры дер. Мраковой Каракипчакской волости Оренбургского уезда передали в дар приходской мечети и медресе 45 десятин земли⁴³⁶ и т. д.

Однако серьезным барьером на пути распространения вакуфного землевладения в Оренбургской губернии были правовые ограничения, связанные с особым статусом участков башкирского населения, имевшего в крае наиболее крупные незанятые угодья. Согласно Положению о башкирах от 14 мая 1863 г. пожертвования их вотчинных земель, оставшихся свободными за душевым наделом, допускались только в казну или сельским обывателям⁴³⁷. Поэтому российские власти неизменно отклоняли все ходатайства мусульман о передаче таких участков в собственность религиозных приходов. Это вынуждало верующих для финансирования мечетей и конфессиональных учебных заведений прибегать не к дарению, а к общественной запашке или сдаче в аренду своих земель.

Так, не имея достаточных денежных средств, жители дер. Яфаровой Каликинской волости Оренбургского уезда с 1902 г. стали засе-

⁴³³ Положение о башкирах от 14 мая 1863 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. – 1863. – № 63. – С. 682–717.

⁴³⁴ ЦИА РБ. Ф. И-295. Оп. 6. Д. 3752. Л. 1.

⁴³⁵ ЦИА РБ. Ф. И-295. Оп. 6. Д. 3740. Л. 1–1 об.

⁴³⁶ ЦИА РБ. Ф. И-295. Оп. 6. Д. 3723. Л. 3–3 об.

⁴³⁷ ЦИА РБ. Ф. И-295. Оп. 6. Д. 3740. Л. 1–1 об.

вать дополнительный участок земли с тем, чтобы выручку от продажи излишков урожая употребить на закупку строительных материалов и наем работников для сооружения 2-й сельской мечети⁴³⁸. Или, например, мусульмане дер. Булатовой Ново-Башкирской волости Оренбургского уезда 10 октября 1913 г. на общественном сходе «имели суждение о том, что молитвенный дом ежегодно требуется поддерживать в исправности и в зимнее время отапливать, а запасных общественных сумм нет». Обсудив этот вопрос, прихожане мирским приговором постановили выделить на содержание культового здания «30 десятин общественной земли в урочище Узунгул вдоль казенной оброчной статьи, начиная от межи жителей деревни Юлдашевой на 600 саженой и поперек, вдоль их же межи, начиная от оброчной статьи казенного участка, на юг 400 саженой и с запада от ямки 400, на северо-восток на конечную ямку 600 саженой». Они решили сдавать этот земельный участок со следующего 1914 г. в аренду под распашку или сенокос, а доходы – направлять на хозяйственные нужды мусульманского молитвенного помещения⁴³⁹.

Наконец, уникальной особенностью Оренбургской губернии было финансирование строительства и содержания мечетей за счет средств бюджета. Для развития торговли, укрепления добрососедских отношений с народами Казахстана и Средней Азии, обеспечения безопасности границ православное государство было вынуждено обращаться к посредничеству российских мусульман, использовать традиционные исламские институты в качестве инструментов своей внешней политики. По указу императрицы Екатерины II в 1783–1785 гг. за государственный счет была построена мечеть на оренбургском Меновом дворе для мусульманских торговцев, приезжавших на ярмарку⁴⁴⁰. В 1789–1817 гг. при ней действовало казенное мусульманское училище для воспитания детей казахской элиты в духе верности Российской империи⁴⁴¹. Из государственного бюджета в 1802–1804 гг. финансировалось возведение 1-й мечети Оренбурга для мусульманских купцов, поселившихся внутри крепости⁴⁴². Наконец, в 1834–1846 гг. по инициативе властей была сооружена 2-я Караван-Сарайская мечеть

⁴³⁸ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4229. Л. 152–157.

⁴³⁹ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 507. Л. 194–194 об.

⁴⁴⁰ РГАДА. Ф. 248. Оп. 52. Д. 4266. Л. 481; ГАОО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 24. Л. 6.

⁴⁴¹ ГАОО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 24. Л. 6; Архив барона Игельстрома: Указы Екатерины Великой с предисловием графа Д. А. Толстого // Русский архив. – 1886. – Вып. 11. – С. 348.

⁴⁴² ГАОО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 763/31. Л. 2–2 об.; Оп. 7. Д. 14. Л. 49–50 об., 53–54.

для башкирского и татарского населения, которое ежегодно командировалось в Оренбург на военную службу по охране границ⁴⁴³. В дальнейшем эти храмы содержались за казенный счет, а их духовенство получало государственное вознаграждение до начала XX в. что в контексте общей религиозной политики Российской империи является уникальным явлением. Первая мечеть в Соль-Илецке также была построена в 1833–1835 гг. также при активном содействии государственных органов, которые видели в этом средство для укрепления связей с кочевым казахским населением⁴⁴⁴. В Оренбургской губернии мусульмане традиционно пользовались поддержкой и органов местного самоуправления, которые бесплатно предоставляли землю для строительства мечетей и учебных заведений, выдавали пособия на содержание мусульманских школ и библиотек, освобождали дома духовенства от уплаты налогов и т. д.

Таким образом, в целом на территории Оренбургской губернии сложилась самодостаточная система внутреннего общественного финансирования мусульманских приходов и их институтов. При этом основными источниками содержания мечетей как религиозно-обрядовых центров являлись: сборы прихожан, индивидуальные пожертвования, вакуфное имущество, общественная запашка и сдача земли в аренду. Характерными, отличительными особенностями Оренбургской губернии были гораздо более раннее возрождение, еще с 60-х годов XVIII в. и значительно более широкое распространение практики пожертвований вакуфного имущества в пользу мусульманских приходов, чем в любых других регионах Европейской части России и Сибири. Предпосылками для развития вакуффов в разнообразных формах (банковских вкладов, ценных бумаг, земельных участков, доходных лавок, магазинов, гостиницы, складов) стало раннее формирование в приграничном Оренбургском крае при содействии государства мусульманского капитала, прослойки торгово-купеческой буржуазии, которая использовалась в качестве естественного посредника в экономических отношениях России с единоверцами в Казахстане и Средней Азии. Более высокому уровню материального обеспечения исламских религиозных институтов на Южном Урале также способствовала возможность использования для их финансирования общественной запашки или сдачи в аренду значительного фонда свободных степных земель тогда, как в регионах

⁴⁴³ ГАОО. Ф. 6. Оп. 11. Д. 517.

⁴⁴⁴ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3922.

Центральной России и Поволжья этому препятствовала ситуация аграрного перенаселения.

Повседневное управление финансово-хозяйственными делами религиозного прихода мусульманская община осуществляла через своих представителей: духовных лиц, выборных уполномоченных для разовых поручений, постоянных попечителей. Последними уже с середины XVIII в. в городских поселениях Оренбургской губернии становились спонсоры сооружения мечети и их наследники, так что финансовое положение этих мусульманских приходов напрямую зависело от благосостояния конкретных торгово-купеческих семей. Например, после смерти купца Хасана Улеева, построившего в 1792 г. 8-ю соборную мечеть Сеитовского посада, ремонтом культового здания занимался его сын Абдрахман Хасанович Улеев, а сгоревший деревянный храм заново отстроил за свой счет в камне внук Гали Габбасович Улеев⁴⁴⁵.

В 1871 г. муфтий ОМДС Салимгарей Тевкелев предложил распространить институт попечителей на все мусульманские приходы путем введения соответствующей единицы в штат мечети. Предполагалось, что каждая религиозная община будет избирать сроком на 3 года специального попечителя (назыра) для заведования ее финансами и имуществом. Любое движение общественных сумм подлежало внесению в приходно-расходную книгу, ежемесячной проверке духовенством и ревизии по первому требованию прихожан. Для самих попечителей предусматривалась система поощрений: за содействие устройству благотворительного, образовательного учреждения или исполнение обязанностей в течение 2-х сроков – награждение серебряной, а за 4 срока – золотой медалями. Однако проект не был утвержден светскими властями⁴⁴⁶.

Тем не менее, со второй половины XIX в. по мере трансформации традиционных институтов мусульманской благотворительности, их приспособления к новым социально-экономическим условиям капиталистического общества, постановки на плано-организационную основу постепенно складываются, а в начале XX в. получают повсеместное распространение в городских приходах выборные попечительские советы. Их создание отвечало стремлению буржуазии взять под

⁴⁴⁵ ЦИА РБ. Ф. И-295. Оп. 4. Д. 489. Л. 566–566 об.; Искандеров Р., Искандеров А. Сеитов посад: Очерки по истории Оренбургской (Татарской) Каргалы. – Казань: Татар. Кн. Изд-во, 2005. – С. 57.

⁴⁴⁶ Азаматов Д. Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII – XIX вв. – Уфа: Гилем, 1999. – С. 11.

контроль расходов собственных пожертвований. От 1 до 5 выборных попечителей обеспечивали в общине сбор и расходование финансовых средств, распоряжение имуществом, содержание, ремонт, отопление, освещение, уборку, охрану и другие хозяйственные нужды, закупали для этого необходимые материалы и нанимали работников. Кроме того, в приходских учебных заведениях члены попечительского совета участвовали в приеме абитуриентов, приглашали и увольняли преподавателей, контролировали образовательный процесс, присутствовали на экзаменах. В годы Первой русской революции на волне общественных устремлений к демократизации попечительства стали появляться и в отдельных сельских приходах. Например, уже 11 февраля 1905 г. по приговору общины, утвержденному Губернским присутствием, попечителями 1-й соборной мечети дер. Сарманаевой Зобовской волости Оренбургской губернии были избраны местные крестьяне Халиулла Абдрахимов и Шейхильислам Юзеев. Однако в сельской местности попечительства оставались редкостью. Так, по запросу Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД в 1912 г. Оренбургское губернское правление сообщило, что, помимо городов, они действовали только в 7 казачьих и 2 крестьянских приходах Оренбургского уезда, но полностью отсутствовали в селах Верхнеуральского, Орского, Троицкого и Челябинского уездов⁴⁴⁷.

Таким образом, статистические данные показывают, что в начале XX в. из-за сложной бюрократической процедуры согласований и завышенных нормативных требований ввод новых мечетей перестал поспевать за приростом мусульманского населения Оренбургской губернии, а уровень обеспеченности верующих культовыми зданиями стал снижаться, что делало насущной необходимостью совершенствование действующего законодательства.

Мусульманские общины осуществляли управление финансово-хозяйственными делами религиозных приходов, строительство и текущее содержание мечетей через своих представителей: духовных лиц, выборных уполномоченных для разовых поручений, постоянных попечителей. Со второй половины XIX в. по мере трансформации традиционных институтов мусульманской благотворительности, их приспособления к новым социально-экономическим условиям капиталистического общества, постановления на планово-организационную основу постепенно складываются, а в начале XX в. получают повсеместное распространение в городских приходах выборные попечительские со-

⁴⁴⁷ ГАОО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1170. Л. 1–18.

веты. Их члены обеспечивали в общине сбор и расходование финансовых средств, распоряжение имуществом, содержание, ремонт, отопление, освещение, уборку, охрану и другие хозяйственные нужды мечетей и приходских учебных заведений, закупали для этого необходимые материалы и нанимали работников. Однако создание попечительских советов отвечало, прежде всего, стремлению буржуазии взять под личный контроль расходование собственных пожертвований, а потому практически не затронуло сельские районы, где для этого была слабая социальная база.

Основными источниками финансирования строительства и текущего содержания мечетей как религиозно-обрядовых центров мусульманских приходов являлись: сборы прихожан, индивидуальные пожертвования, вакуфное имущество, общественная запашка и сдача земли в аренду. Характерными, отличительными особенностями Оренбургской губернии были гораздо более раннее возрождение, еще с 60-х годов XVIII в. и значительно более широкое распространение практики пожертвований вакуфного имущества в пользу мусульманских приходов, чем в любых других регионах Европейской части России и Сибири. Предпосылками для развития вакуфов в разнообразных формах (банковских вкладов, ценных бумаг, земельных участков, доходных лавок, магазинов, гостиницы, складов) стало раннее формирование в приграничном Оренбургском крае при содействии государства мусульманского капитала, прослойки торгово-купеческой буржуазии, которая использовалась в качестве естественного посредника в экономических отношениях России с единоверцами в Казахстане и Средней Азии. Более высокому уровню материального обеспечения исламских религиозных институтов на Южном Урале также способствовала возможность использования для их финансирования общественной запашки или сдачи в аренду значительного фонда свободных степных земель тогда, как в регионах Центральной России и Поволжья этому препятствовала ситуация аграрного перенаселения. Как следствие, на территории Оренбургской губернии в целом сложилась самодостаточная система внутреннего общественного финансирования мусульманских приходов и их институтов.

1.3. Мусульманские образовательные и благотворительные институты

Уникальной особенностью мусульманского населения Российской империи было повсеместное создание общественной системы конфес-

сионального образования, которая действовала практически независимо от государства и финансировалась за счет добровольных пожертвований прихожан. Еще во второй половине XVIII в. И. Г. Георги писал, что «Татара магометанского закона великое и похвальное о порядочном воспитании детей имеют попечение. Они не только приучают детей к прилежанию, бережливости и к другим прародительским обыкновениям, но и пекутся еще о научении их чтению, письму, арабскому языку и вере. Небрежение же о таком наставлении поставляется родителям в великий грех; а потому и во всякой их деревушке есть особливая молебная хранина и школа»⁴⁴⁸. В середине XIX столетия К. Фукс подтверждал, что «Татарин, не умеющий читать и писать, презирается своими земляками и как гражданин не пользуется уважением других. По сему-то всякий отец старается как можно ранее записать детей своих в училище, где они бы выучились по крайней мере, читать, писать и узнали бы начала своей религии»⁴⁴⁹.

При каждой мечети духовные лица организовывали мусульманские начальные школы – мектебе, где под их руководством мальчишки изучали основы ислама (гыйльмихал), религиозную этику (ахляк), чтение и письмо на арабском языке и тюрки, а также 4 действия арифметики.

Подготовку самих священнослужителей и педагогов обеспечивали средние учебные заведения – медресе, которые открывались только там, где имелись квалифицированные преподаватели (мударрисы). В зависимости от уровня их знаний программа медресе могла включать в себя: религиозную догматику (гакаид), правила орфоэпического чтения (таджвид) и толкования (тафсир) Корана, жизнеописание Пророка (сира), его изречения (хадисы) и методику их изучения (усул хадис), мусульманское право (фикх) и его методику (усул фикх), правила распределения наследственных долей (фараиз), логику (мантыйк) и философию (хикмет), этимологию (сарф) и синтаксис (наху) арабского и персидского языков, алгебру и геометрию.

Со второй половины XVIII в. крупнейший на Южном Урале комплекс мусульманских образовательных учреждений среднеазиатского типа складывается в Каргале (ныне с. Татарская Каргала Сакмарского района Оренбургской области). Ежегодно сюда прибывали де-

⁴⁴⁸ Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Ч. 2. – СПб., 1799. – С. 9.

⁴⁴⁹ Фукс К. Казанские татары в статистическом и этнографическом отношении. Казань, 1844. – С. 126–127.

сятки новых учеников из Среднего Поволжья, где они зачастую не имели возможности получить традиционного образования из-за действующих ограничений со стороны властей. Стандарты образования в каргалинских медресе были столь высоки, что в конце XVIII в. даже взрослые имамы и мударрисы со всего Волжско-Уральского региона нередко отказывались от своих религиозных дел, отправляясь на обучение в Сеитовский посад. В 1810 г. здесь обучались 359 шакирдов, в 1869 г. – 496, а концу XIX в. – уже около 700. Многие выпускники продолжали свое обучение в Бухаре, Самарканде, Балхе, Герате, Кабуле и других признанных центрах исламской культуры. В каргалинских медресе получили образование многие выдающиеся деятели мусульманской культуры: крупнейший татарский поэт XVIII в., автор многочисленных трактатов по философии, богословию, праву, филологии Габдрахим Утыз-Имяни (1754–1834), поэт и дипломат Абульманих Каргалый (1782 – не ранее 1833), автор популярных религиозно-дидактических сочинений Хибатулла Салихов (1794–1867), трое первых глав российских мусульман, муфтии ОМДС Мухамеджан Хусаинов (1756–1834), Габдессалам Габдрахимов (1765–1840) и Габделвахид Сулейманов (1786–1862). Однако не менее значимым является то, что на протяжении долгого времени комплекс образовательных учреждений в Сеитовском посаде обеспечивал мусульманскими священнослужителями и педагогами абсолютное большинство приходов Оренбургского края, создавая единое культурное пространство.

В то же время традиционная постановка обучения в мусульманских школах была схоластической и не требовала сознательного усвоения материала, не было фиксированного срока и программ обучения. Начинали с заучивания арабского алфавита из 29 букв, причем каждая проговаривалась полностью: а – алиф, б – ба, т – ти и т. д. Затем ребенок усваивал слоги из 2–3 букв и приступал к запоминанию отдельных слов, словосочетаний и предложений. Чтению обучались по книгам «Иман шарты» («Основы веры») и «Афтияк» (извлечению из Корана, равному 1/7 его части) на основе старинного буквослагательного метода: сначала проговаривали каждую букву слога, потом слог целиком, и только разобрав каждый слог, произносили слово. Обучение завершалось чтением религиозно-дидактических, нравоучительных книг и заучиванием важнейших молитв⁴⁵⁰. Таким образом, понимание подменялось зубрежкой, что требовало огромной обремени-

⁴⁵⁰ Фархшатов М. Н. Народное образование в Башкирии в пореформенный период 60–90-е годы XIX в. – М.: Наука, 1994. – С. 66

тельной работы памяти. Неудивительно, что после 3–4 лет многие выходили из мектебов, так и не научившись читать, или быстро забывали пройденное. Основные принципы организации такого обучения были заложены еще в раннем средневековье, однако в новых капиталистических условиях они становились тормозом на пути социально-экономического развития мусульманского населения.

С 90-х гг. XIX в. в рамках широкого общественно-политического движения исламского обновления (джадидизма) в Оренбургской губернии началось реформирование традиционной системы мусульманского образования с целью приблизить ее к новым реалиям капиталистического общества, запросам рынка труда и образовательным стандартам. Оно предусматривало внедрение более эффективного звукового метода обучения грамоте, разработку четких, фиксированных учебных планов и программ, их расширение за счет включения светских дисциплин, введение классно-урочной системы, вступительных, переводных и выпускных экзаменов, подготовку учебников на национальных языках с учетом современных научно-методических подходов.

Определяющую роль в реформировании системы мусульманского образования в Оренбургской губернии сыграли крупнейшие татарские предприниматели региона, братья Ахмед (1838–1906), Абдулгани (1839–1902) и Махмуд (1845–1910) Мухаммедгалиевичи Хусаиновы. Они получали образование в старометодных начальных школах на протяжении 7–8 лет, а потому хорошо понимали недостатки традиционной системы мусульманского обучения. Несмотря на заработанные миллионы, старший брат Ахмед до конца жизни не умел толком читать и писать. Поэтому Хусаиновы уделяли особое внимание вопросам образования и просвещения мусульман.

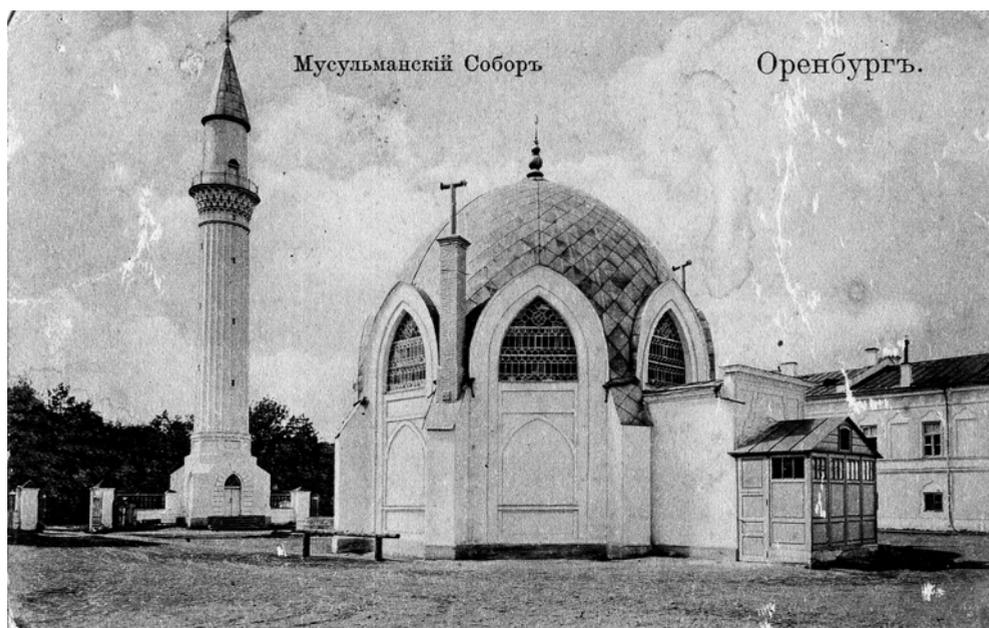
Абдулгани оказывал помощь российским шакирдам, отправлявшимся на обучение в Бухару и другие города Средней Азии, в 1893 г. познакомился в Самарканде с основоположником звукового метода преподавания татарского языка И. Гаспринским и под влиянием его идей открыл в Казалинске первую реформированную школу. После возвращения в Оренбург с 1893 по 1902 гг. он организовал в губернии около 100 мужских и более 20 женских новометодных учебных заведений, жертвовал деньги на строительство их зданий, оплачивал работу педагогов, обеспечивал современными учебниками и пособиями, лично и через своих представителей инспектировал школы во время проведения экзаменов. В 1899–1901 гг. на его средства при

Мечеть на Оренбургском Меновом дворе. 70-е гг. XIX в. Рис. Барклай, грав. Брабан

1-я соборная мечеть г. Оренбурга. Начало XX в.

2-я (Караван-Сарайская) соборная мечеть г. Оренбурга. Начало XX в.

3-я соборная мечеть г. Оренбурга на Конно-Сенной площади. Начало XX в.

Бывшая 4-я соборная мечеть г. Оренбурга. Современный вид

5-я соборная мечеть г. Оренбурга. Начало XX в.

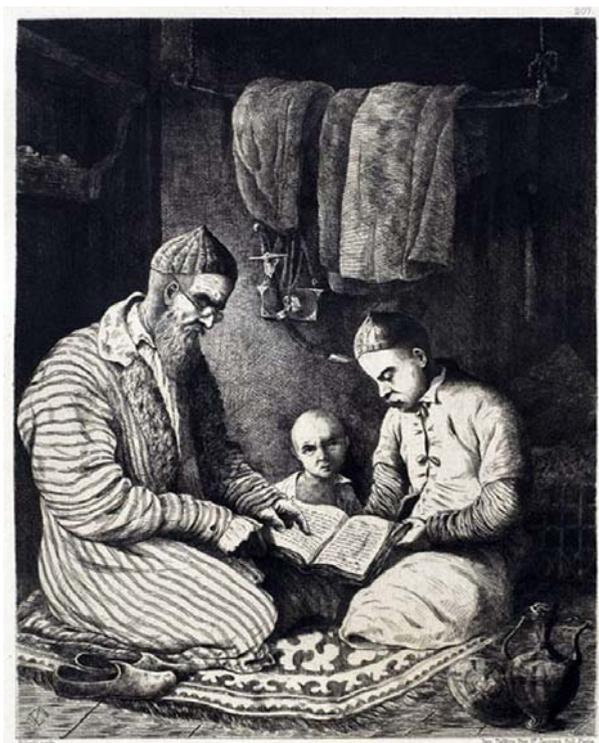

Оренбургъ. Мечеть при духовномъ магометанскомъ медресе имени
А. Г. Хусаинова.

6-я соборная мечеть г. Оренбурга и медресе «Хусаиния». Начало XX в.

Бывшая 7-я соборная мечеть г. Оренбурга. Современный вид

Бронислав Залесский. Урок чтения в Оренбурге. 1840–1850-е гг.

Медресе «Хусаиния». Начало XX в.

Попечители и гости медресе «Хусаиния». 1909 г.

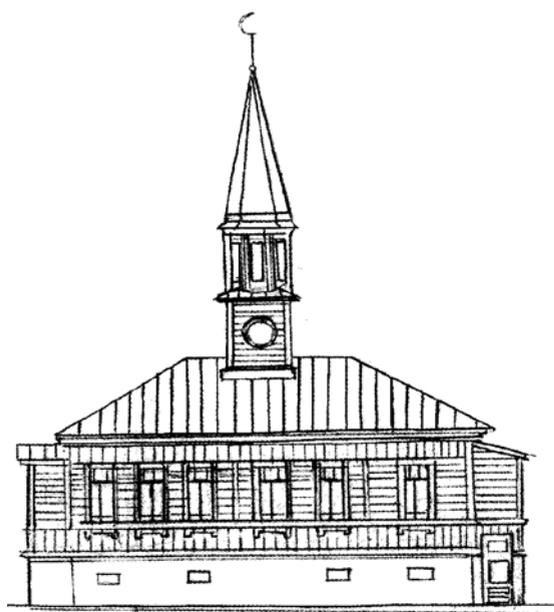
Преподаватели и учащиеся медресе «Хусаиния». Начало XX в.

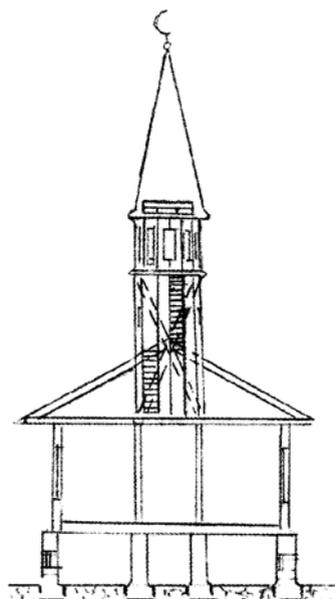
Вид с Преображенской горы на 2-ю соборную мечеть г. Орска. Начало XX в.

Мечеть в г. Бугуруслане. Начало XX в.

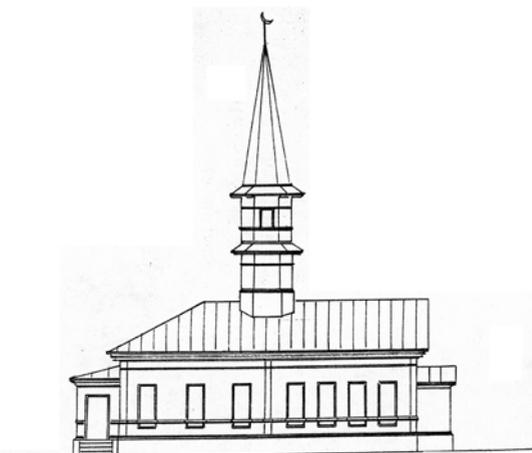
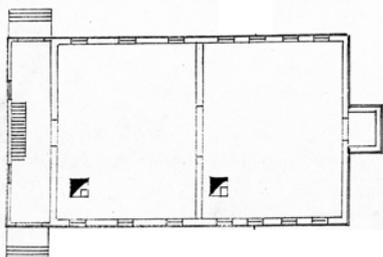
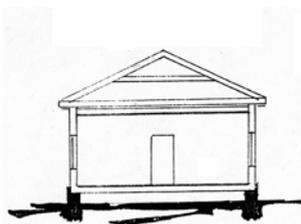

фасад

разрез

Проект мусульманского молитвенного дома в г. Бузулуке. 1896–1898 гг.

План, фасад и разрез мечети в с. Сорочинском Бузулукского уезда Самарской губернии. 1915 г.

Мечеть в Сеитовском посаде (Каргале). 1911 г.

2-я соборная мечеть Сеитовского посада (Каргалы). 1911 г.

3-я соборная мечеть Сеитовского посада (Каргалы). 1911 г.

4-я соборная мечеть Сеитовского посада (Каргалы). 1911 г.

6-я соборная мечеть Сеитовского посада (Каргалы). 1911 г.

8-я соборная мечеть Сеитовского посада (Каргалы). 1911 г.

9-я соборная мечеть Сеитовского посада (Каргалы). 1911 г.

Мечеть в с. Старые Шалты ныне Абдулинского района

9-й соборной мечети Каргалы были организованы всероссийские летние курсы по переподготовке учителей для новометодных школ, где преподавались: грамматика и синтаксис, Коран, таджвид, тафсир, акаид, хадисы, фикх, логика, математика, история, география, основы педагогики и воспитания. За 3 года их прошли 210 педагогов, в том числе в 1899 г. – 60, в 1900 г. – 70, в 1901 г. – 80 учителей, которые представляли Оренбургскую, Уфимскую, Казанскую, Самарскую, Симбирскую, Нижегородскую, Саратовскую, Вятскую, Пермскую, Пензенскую, Тобольскую губернии и Дагестан⁴⁵¹. Они разъехались по всей стране и открыли свои новометодные школы. В 1901 г. Абдулгани добился у авторитетного улема Зайнуллы Расули издания фетвы, разрешающей обучение мусульманских детей в русских общеобразовательных и профессиональных школах. В феврале 1902 г. купец оставил по завещанию в качестве вакуфа 2-этажный каменный дом в г. Оренбурге. Из доходов от его использования должны были ежегодно выплачиваться 4000 руб. учителям сельских новометодных школ и 200 руб. на обучение бедных детей, но сыновья не исполнили волю покойного.

В 1889 г. братья Хусаиновы основали в Каргале, а в 1890 г. перевели в Оренбург новометодное медресе «Хусаиния», которое по уровню материально-технического и финансового обеспечения, содержанию программы, широте и разнообразию изучаемых дисциплин, подбору педагогического персонала, организации образовательного процесса стало одним из лучших мусульманских учебных заведений Российской империи.

Его полный курс был рассчитан на 14 лет и включал: вероучение, религиозную догматику (акаид), Коран и его толкование (тафсир), правила орфоэпического чтения Священной книги (таджвид), жизнеописание Пророка (сира), священную историю и историю ислама, хадисы, мусульманское право (фикх) и его методику (усул фикх), правила распределения наследственных долей (фараиз), проповедь и ораторское искусство (вагаз ва хитабат), религиозные песнопения (монаджат), этику (ахляк), логику (мантыйк), философию и ее историю, культурологию (мэглумате мэдэния), русский, татарский, арабский и персидский языки и литературу, немецкий и французский языки, чистописание, арифметику, геометрию с тригонометрией, алгебру, физику, химию, астрономию, географию, всеобщую, русскую и татар-

⁴⁵¹ ГАОО. Ф. 10. Оп. 2. Д. 114. Л. 73–73 об.; Ф. 11. Оп. 1. Д. 544; Шараф Б. Гани бай. – Оренбург: Агентство «ПРЕССА», 1998. – Б. 147–157.

скую историю, природоведение, естественную историю (зоологию, ботанику, геологию и минералогию), законоведение, экономическую географию, политэкономия и торговое дело, бухгалтерию, черчение и рисование, педагогику и дидактику, психологию, гигиену и основы медицинских знаний, гимнастику⁴⁵².

Высокие стандарты образования поддерживались в «Хусаинии» благодаря профессиональному педагогическому коллективу. Директорами медресе были Г. Г. Давлетшин, Г. Х. Даминов, Р. Фахретдин, Т. А. Ильяси, Х. К. Бакиров, заместителями директора по учебной и научной работе – Х. К. Бакиров, С. Н. Бикбулатов, Г. С. Ибрагимов (Шнаси), В. А. Мухаммадиев, Г. Ш. Рахманкулов, Ш. А. Утяганов, А. М. Файрушин, Ш. М. Файрушин и др. В разное время здесь работали преподавателями около 150 человек, среди которых были такие деятели национальных культур как: К. А. Айдаров, З. Н. Аюханов, М. Я. Бигиев, Дж. Дж. Валиди, Н. М. Валишев, Н. Гасрый, Г. Х. Еникеев, Н. И. Еникеев, Х. Г. Забири, Г. Г. Исхаки, З. Кадыри, С. Л. Рамеев, Г. Г. Сагди, И. В. Терегулов, Х. З. Файзи-Чистапули, Т. Г. Ченакай и др. В 1914–1915 уч. г. численность педагогического коллектива достигла 35 человек, а обслуживающего персонала – 38⁴⁵³.

Значение медресе «Хусаиния» для развития мусульманского образования в Российской империи определяется тем, что оно закладывало учебно-методическую базу для реформирования национальных школ. Его преподаватели и члены попечительского совета разработали целый ряд учебников и пособий, которые широко применялись в мусульманских образовательных учреждениях Волго-Уральского региона, Сибири и Туркестана по: священной истории и истории ислама (Х. Г. Забири, Ф. Г. Карими), этике (Х. Г. Забири, Ф. Г. Карими, Р. Фахретдин), богословию (Х. Г. Забири, С. К. Камалетдинов, Г. Радуди), культурологии (С. К. Камалетдинов), арабскому языку (С. Н. Бикбулатов), правописанию (С. К. Камалетдинов), математике (Н. М. Валишев, Ш. В. Вахидов, Г. Файзи, Х. З. Файзи-Чистапули, Г. Фахри), физике (Х. Г. Забири, Х. З. Файзи-Чистапули, Г. С. Шнаси), химии (Г. С. Шнаси), географии (Г. У. Джагофаров, Ф. Г. Карими, Г. Радуди, Х. Файзи-Чистапули), естествознанию (Х. К. Бакиров,

⁴⁵² Рахимкулова М. Ф. Медресе «Хусаиния» в Оренбурге. – Оренбург: Яна Вақыт, 1997. – С. 16–23; ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 618. Л. 267–268 об.: РГИА. Ф. 621. Оп. 133. Д. 626. Л. 66–71 об.

⁴⁵³ Рахимкулова М. Ф. Медресе «Хусаиния» в Оренбурге. – Оренбург: Яна Вақыт, 1997. – С. 14.

Г. Радуди), педагогике и методике обучения отдельным предметам (Г. Х. Даминов, Ф. Г. Карими, Г. С. Шнаси)⁴⁵⁴.

Высокий уровень образования привлекал в медресе абитуриентов не только со всего Волго-Уральского региона, но и Средней Азии, Сибири, Кавказа, Крыма. Среди них были татары, башкиры, казахи, узбеки, каракалпаки, киргизы, кумыки и представители других мусульманских народов. В 1909–1910 уч. г. здесь получали образование 235 человек, в 1910–1911 уч. г. – 293, в 1913–1914 уч. г. – 294, а в 1916–1917 уч. г. – 227 студентов⁴⁵⁵. По неполным данным, за 1889–1920 гг. через медресе «Хусаиния» прошли в общей сложности 2050 воспитанников. Оно подготовило целое поколение национальной татарской, башкирской и казахской интеллигенции. Здесь получили образование: религиозные деятели К. А. Айдаров, С. Н. Бикбулатов, педагоги, ученые-методисты и филологи Р. Азнабаев, А. А. Айдаров, З. Н. Аюханов, К. К. Жубанов, Ш. Х. Сарыбаев, Ш. С. Чураев, математик Г. Г. Максудов, писатели, поэты и драматурги Х. Ю. Абушаев (Атлаши), С. И. Агиш, Г. С. Амантай, Ш. Г. Ахмадиев, Г. А. Ахмеров (Варлам), Ф. С. Бакиров, М. А. Бурангулов, М. В. Гали, Г. М. Гумер, М. Джалиль, Г. Х. Мустакаев (Биги), Г. Г. Радуди, Р. Ракиби, С. Л. Рамеев, М. Сагди, А. М. Тагиров, Ж. А. Тлепбергенов, М. М. Файзи, Ш. Фидай, З. Г. Юсупов (Шарки), литературный критик Ф. Ш. Мусагит, композитор Х. К. Ибрагимов, артисты и театральные режиссеры И. М. Альмашев, И. Б. Кудашев-Ашказарский, В. Г. Муртазин-Иманский, Н. Н. Сакаев, В. Г. Фатыхов, государственные и военные деятели Н. С. Еникеев, Т. Г. Имаков, А. А. Каспранский, Ш. Х. Усманов, Ш. А. Худайбердин, Б. А. Шафиев и многие другие.

Основатели медресе, братья Хусаиновы особе внимание уделяли развитию материально-технической базы мусульманских образовательных учреждений, оснащению их современным оборудованием, обеспечению книгами и наглядными пособиями. По завещаниям от 20 января 1904 г. и 7 декабря 1906 г. Ахмед Хусаинов учредил крупнейший вакуф Российской империи стоимостью 498096 руб. 22 коп.,

⁴⁵⁴ Рахимкулова М. Ф. Преподавание естественных наук в татарских школах дореволюционной России. – Оренбург: Агентство «ПРЕССА», 1998. – С. 77, 81–82, 95–97, 101–102, 109–110, 116, 123, 126, 139–140, 149–152, 154, 162–163, 175–177, 180–181; Она же. Медресе «Хусаиния» в Оренбурге. – Оренбург: Яна Вакыт, 1997. – С. 30, 32, 36–37, 48, 51, 61, 63–64, 71.

⁴⁵⁵ ГАОО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 228. Л. 10–10 об.; Ф. 21. Оп. 2. Д. 618. Л. 329 об.; Оп. 9. Д. 4. Л. 365–365 об.

доходы от которого в размере 35–40 тыс. руб. ежегодно шли на содержание медресе «Хусаиния», выплату пособий мугаллимам 60 реформированных начальных школ, 26 стипендий для обучения мусульманских юношей, издание учебников и книг религиозно-нравственного характера⁴⁵⁶. С 1895 г. при финансовой поддержке братьев Хусаиновых было реформировано уфимское медресе «Усмания» на основе внедрения звукового метода, включения в программу истории ислама, таджвида, татарского языка, арифметики, географии, а с 1897 г. – русского языка. В 1901 г. Ахмед Хусаинов оказал большую помощь при строительстве нового 3-этажного корпуса казанского медресе «Мухаммадия»⁴⁵⁷. 7 декабря 1906 г. он также завещал в пользу этого новометодного училища и 5-й соборной мечети г. Казани торгово-гостиничный комплекс «Лаишевское подворье» в Нижнем Новгороде стоимостью 30 тыс. руб., которое в 1912 г. принесло прибыли в размере 7400 руб., в 1913 г. – 8600 руб., в 1914 г. – 7600 руб.⁴⁵⁸. Только за период с 1896 по 1906 гг. он построил около 20 мечетей и медресе стоимостью не менее 3000 руб. каждое, выдавал жалование учителям 40 новометодных мектебе, обеспечил 200 школ необходимыми учебниками⁴⁵⁹.

Благодаря созданию системы подготовки новометодных педагогических кадров в конце XIX – начале XX вв. российской умме удалось развернуть на местах широкую сеть реформированных начальных школ. По данным земской статистики, к 1915 г. на обучение по новым методам перешли 59 % мусульманских начальных школ (мектебов) Оренбургской губернии, причем наиболее высоким этот показатель был в Оренбургском уезде – 77 %, а в Орском уезде он составлял всего 42 %. Стремительно расширялась и сеть образовательных учреждений⁴⁶⁰. Если в 1900 г. Оренбургская губерния насчитывала 266 мусульманских учебных заведений, то к 1915 г. их число превысило 541⁴⁶¹.

На рубеже XIX–XX вв. российская умма успешно адаптировала к условиям нового времени и традиционные институты мусульманской

⁴⁵⁶ ЦИА РБ. Ф. И-295. Оп. 6. Д. 1386, 2381; Оп. 8. Д. 1316.

⁴⁵⁷ Салихов Р. Р., Хайрутдинов, Р. Р. Исторические мечети Казани. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. – С. 98.

⁴⁵⁸ ЦИА РБ. Ф. И-295. Оп. 6. Д. 1386. Оп. 6. Л. 9; Оп. 8. Д. 1316. Л. 72–73, 126 об. – 130.

⁴⁵⁹ Фахретдин Р. Ахмед бай. – Оренбург: Яна Вақыт, 1997. – С. 25.

⁴⁶⁰ Доклады по народному образованию в Оренбургском Губернском Земском Собрании 3-й очередной сессии. – Оренбург, 1916. – С. 211.

⁴⁶¹ ГАОО. Ф. 164. Оп. 1. Д. 236. Л. 2 об. – 3.

благотворительности. Ее основы заложены в Священном Коране, в соответствии с которым одним из пяти столпов ислама является закят – обязательное отчисление милостыни с доходов и имущества в пользу нуждающихся. Мусульманская община традиционно принимала на себя функции по организации воспитания и обучения детей, передаче культурной и религиозной традиции, поддержке неимущих, погорельцев, семей призванных на военную службу, вдов, сирот. У волго-уральских татар и башкир она осуществлялась в рамках обычной коллективной взаимопомощи (омэ) во время распашки земли, сева и уборки урожая, сенокоса, заготовки древесины, строительства дома и других трудоемких работ.

Исследователи отмечают, что в Российской империи вплоть до конца XVIII в. традиционная мусульманская благотворительность носила стихийный, во многом неуправляемый характер, что было связано, прежде всего, с экономической слабостью мусульманского населения и дискриминационной политикой государства по отношению к национальным меньшинствам. Как следствие, многие общины того времени владели жалкое существование и с большим трудом содержали свои мечети и духовенство. Только либерализация религиозной политики при Екатерине II, постепенное развитие капиталистических отношений, складывание мусульманской торгово-купеческой буржуазии способствовали значительному росту благотворительных средств⁴⁶². В то же самое время капитал был сосредоточен, прежде всего, в городах, расходовался преимущественно на религиозные нужды, а устойчивость финансового положения общины напрямую зависела от благосостояния конкретных крупных предпринимателей. Разрушение традиционных общинных связей, обострение социальных противоречий, увеличение разрыва между бедными и богатыми, обусловленные особенностями капиталистического развития, потребовали адаптации исламских институтов к новым условиям для реального обеспечения принципа взаимопомощи как важнейшей нравственной основы мусульманского общества, его всестороннего социально-экономического и культурного прогресса. Как следствие, в конце XIX – начале XX веков в рамках широкого общественно-политического движения исламского обновления (джадидизма) открываются мусуль-

⁴⁶² Салихов Р. Р. Татарская буржуазия России и трансформация традиционной мусульманской благотворительности во второй половине XIX – начале XX вв. // Ислам и благотворительность. Материалы всероссийского семинара. – Казань: Б. и., 2006. – С. 26.

манские благотворительные и культурно-просветительские общества, которые позволили консолидировать усилия и финансовые ресурсы, наладить систематический сбор пожертвований и их адресное перераспределение, обеспечить комплексное решение проблем социальной сферы на постоянной, регулярной и планомерной основе.

Первой такой организацией в Оренбургской губернии стало Троицкое мусульманское благотворительное общество, учрежденное в 1898 г.⁴⁶³. Однако в условиях жесткого контроля со стороны властей оно не смогло в полную силу развернуть свою работу. Новый импульс мусульманской общественной жизни придало издание Манифеста от 17 октября 1905 г., провозгласившего основные гражданские свободы, в том числе и свободу объединений. 4 марта 1906 г. императором были утверждены «Временные правила об обществах и союзах», в соответствии с которыми решение большинства вопросов, связанных с деятельностью общественных организаций, было передано с центрального на губернский уровень. В отличие от некоторых соседних регионов администрация Оренбургской губернии проводила более мягкую политику в отношении общественных объединений мусульман, что отчасти объясняется той важной ролью, которую они традиционно играли в экономике края, его торговле и обрабатывающей промышленности. Свидетельством лояльности властей стало широкое распространение мусульманских организаций: 4 февраля 1906 г. было зарегистрировано Челябинское мусульманское благотворительное общество, 19 июня 1906 г. – Мусульманское общество города Оренбурга, 27 октября 1906 г. – Мусульманское общество города Илецкая Защита, 18 декабря 1906 г. – Мусульманское общество башкир семи Усерганских волостей, 20 января 1907 г. – Мусульманское общество башкир Бурзян-Кипчакской, 1-й и 2-й Каракипчакских и Аллабердинской волостей, 7 июля 1907 г. – Мусульманское общество башкир Бушман-Суун-Каракипчакской волости, 20 сентября 1907 г. – Мусульманское общество башкир Бурзянской волости, 27 марта 1908 г. – Мусульманское общество Сеитовского посада и Мусульманское общество поселка Никитинского Пречистенской станицы, 28 ноября 1908 г. – Мусульманское общество города Орска, 30 ноября 1910 г. – Просветительское общество мусульман Сеитовского посада, 12 марта 1911 г. – 1-е Имангуловское благотворительное культурно-экономическое общество и Благотворительное общество деревни 2-й Имангуловой, 5 июня 1911 г. – Троицкое общество распространения просве-

⁴⁶³ Оренбургская газета. – 1898. – 29 апреля, 30 ноября; 1899. – 1 января.

щения, 27 августа 1911 г. – Троицкое общество поощрения сценического и театрального искусства, 11 мая 1912 г. – Оренбургское мусульманское женское общество и Оренбургское общество попечения об учащих мусульманах, 18 февраля 1913 г. – Троицкое общество «Хайрат» в память 300-летия царствования Дома Романовых, 8 июня 1913 г. – Челябинское благотворительное общество в память юбилея трехсотлетия царствования Дома Романовых, 21 января 1916 г. – Оренбургское мусульманское музыкально-драматическое общество, 18 марта 1917 г. – Оренбургское мусульманское общество коммерческих служащих, в июне 1917 г. – Троицкое мусульманское женское благотворительное общество, Общество мусульманок г. Каргалы⁴⁶⁴ и т. д. Для сравнения в соседней Уфимской губернии мусульманам было разрешено создание только 5 организаций при том, что абсолютная численность ее мусульманского населения была в 3 раза больше, а относительная доля в 2 раза выше, чем в Оренбуржье. Если в Оренбургской губернии официально зарегистрировали в сельской местности 5 башкирских объединений, то в Уфимской – ни одного.

Разумеется, оренбургские власти не были полностью свободны от конъюнктуры, действуя в рамках общеполитического курса и обеспечивая исполнение решений правительства на местах. По политическим соображениям или формальным основаниям Оренбургское губернское по делам об обществах и союзах Присутствие отказало в регистрации уставов: Литературного кружка мусульман г. Оренбурга (1906 г.), Миасского общества мусульман-прогрессистов (1912 г.), Мусульманского благотворительного общества деревни Новомусиной (1912 г.), Мусульманского общества трезвости Сеитовского посада (1913 г.), Общества попечения о детях мусульман, учащих в городе Верхнеуральске при 2-м соборном мектебе (1913 г.), Восточного коммерческого собрания в г. Оренбурге (1914 г.)⁴⁶⁵.

Царские власти подозревали мусульманские общественные организации в стремлении к обособленности от русских «на почве пробуждения узкого национально-политического самосознания». На волне борьбы с «панисламизмом» появился известный циркуляр мини-

⁴⁶⁴ ГАОО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 3439. Л. 15–16, 67–67 об., 74; Ф. 14. Оп. 1. Д. 293. Л. 168 об. – 199 об., 242–302 об., 438 об. – 467 об., 577 об. – 598 об., 647 об. – 670 об., 1027–1041 об.; Ямаева Л. А. Мусульманский либерализм начала XX века как общественно-политическое движение. – Уфа: Гилем, 2002. – С. 282–287; Оренбургская жизнь. – 1917. – 21 марта; Вақыт. – 1917. – 16, 20 июня.

⁴⁶⁵ ГАОО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 258. Л. 4–4 об.; Д. 353. Л. 15; Оренбургская газета. – 1913. – 20 февраля; Оренбургская газета. – 1914. – 3 мая.

стра внутренних дел П. А. Столыпина от 20 января 1910 г., который требовал от губернаторов и градоначальников «тщательно знакомиться с деятельностью уже существующих инородческих обществ и в надлежащих случаях возбудить установленным порядком вопрос об их закрытии»⁴⁶⁶. После опубликования 1 июня 1911 г. закона «Об изменении порядка утверждения уставов благотворительных заведений и правил для заведования ими» по всей стране были закрыты 13 мусульманских объединений под предлогом того, что они не прошли перерегистрацию. В Оренбургской губернии такая судьба постигла Челябинское мусульманское благотворительное общество. Его учредители дважды, 15 июня и 29 сентября 1912 г., подавали проект устава на рассмотрение Оренбургского губернского по делам об обществах Присутствия. Отрабатывая политический заказ, 3 августа региональные власти сначала предложили внести в этот документ изменения, придравшись к отдельным формулировкам. Когда же устав был исправлен, Губернское Присутствие в заседании 31 октября 1912 г. вновь отказало в регистрации. С откровенной предвзятостью оно указало, что предусмотренное уставом «распространение книг и брошюр нравственного и популярно-научного содержания среди народа ... может ... породить совершенно нежелательные, с точки зрения общественного порядка и спокойствия, явления», а «содержание мусульманских медресе и мектебе, открытие вновь учебных заведений общеобразовательного и профессионального характера» вообще является не делом Общества, а заботой «подлежащих правительственных учреждений и должностных лиц»⁴⁶⁷. Тем не менее, как только стало возможным, губернская администрация с готовностью пошла на встречу нуждам мусульман. Понимая правила бюрократической игры, 16 февраля 1913 г. челябинцы подали ходатайство об открытии нового благотворительного общества в ознаменование «великого акта» 300-летия царствования Дома Романовых, и уже 8 июня его устав был зарегистрирован, причем в прежнем виде со всеми спорными формулировками.

Мусульманские общественные организации объединяли усилия и финансовые средства, прежде всего, представителей национальной буржуазии. Так, членами Правления Троицкого мусульманского благотворительного общества были: крупный торговец мануфактурой К. А. Абдрашитов, владелец кожевенного завода, двух галантерейных магазинов в Троицке и Челябинске М. Ф. Валеев, меховщики Х. С. и

⁴⁶⁶ Ямаева Л. А. Мусульманский либерализм начала XX века как общественно-политическое движение. – Уфа: Гилем, 2002. – С. 204–206.

Н. Х. Габбасовы, торговец сырьевыми и хлебными товарами, собственник вальцевой крупчатной мельницы и шерстомойного заведения в Кустанае Г. Ф. Уразаев, владелец мануфактурного магазина Ш. Г. Учаров, бакалейщик Б. Шафигуллин, учредители Торгового дома с отделениями в Москве, Варшаве, Троицке, Челябинске, поселке Кочкарском, Кустанае, Ташкенте, Аулие-Ата, Токмаке, на Нижегородской, Ирбитской, Усть-Уйской, Чумлякской, Карачельской, Звериноголовской, Николаевской, Тукманской и Тургайской ярмарках, купцы 1-й гильдии А.-В. А, М.-Г. А. и Л. Ш. Яушевы, которым принадлежали паровая крупчатно-растровая мельница, кожевенный и мыловаренный заводы, чаеразвесочная фабрика, шерстомойка в Троицке, хлопковые плантации и заводы по очистке сырца в Ташкенте. В состав руководящих органов Мусульманского общества г. Оренбурга входили: содержатель трактира Б. Г. Баязитов, владелец пекарни с производительностью до 70 пудов хлеба в день, арендатор калачного ряда на Чернореченской пл., контрагент городской больницы и богаделен Х. У. Донсков, торговец мукой и зерном А. Ю. Капкаев, торговец хлебом, сырьем и кожами, старшина Оренбургского Биржевого Комитета Х. С. Каспулатов, торговец мясом и живым скотом М. М.-Ф. Курпачев, содержатель двух трактиров, торговец мануфактурой, хлебом и мукой А. М. Мишкин, продавец обуви и азиатских товаров З. Хабибуллин, совладелец трактира А. Хаиров, сырьевщик А. Х. Хамзин, а также члены известной семьи татарских купцов и меценатов А. А. Хусаинов и Х. М. Хусаинов, занимавшиеся торговлей и переработкой сельскохозяйственной продукции, сбытом мануфактурных, бакалейных и колониальных товаров, издательским делом. Оба последних также были среди инициаторов создания Оренбургского мусульманского музыкально-драматического общества, а вместе с крупным золотопромышленником, орским купцом 1-й гильдии М.-З. М.-С. Рамиевым состояли учредителями Мусульманского общества Сеитовского посада и Оренбургского общества попечения об учащих мусульманах. В работе Мусульманского общества города Орска принимали участие предприниматели: С. Абдуллин (бакалея), М.-З. Г. Абдулсадыков (сырье и хлеб), А. М. Бурнаев, И. М. Бурнаев, С. М. Бурнаев (соучредители торгового дома, мануфактурные товары и скот, салотопня), Х. Ю. Долотказин (мука), А. Ибатуллин (мука), Г. К. Киникеев (шерстомойка), А. Мангутов (мука), А. Рахматуллин (мануфактура), С. Умарбаев (лесоматериалы), Г. Уразаев (сырье), В. Хасанов (бакалея) и др.

Активная гражданская позиция представителей торгово-промышленной буржуазии способствовала вовлечению в деятельность мусульманских общественных организаций тесно связанных с ними приказчиков, агентов, конторских служащих. Например, заведующий оптовым магазином «Торгового дома братьев Яушевых» И. Г. Галеев был председателем Челябинского мусульманского благотворительного общества, приказчик «Торгового дома Г. Ф. Уразаев с сыновьями» Г. М. Ахмаров – секретарем Троицкого мусульманского благотворительного общества, а помощник бухгалтера Оренбургского отделения Азовско-Донского Коммерческого Банка А. А. Абдрашитов – секретарем Мусульманского общества г. Оренбурга.

Разумеется не могло остаться в стороне от решения вопросов развития образования, культуры, оказания помощи обездоленным исламское духовенство. В рамках Троицкого мусульманского благотворительного общества работали имамы М.-Х. М. Бикматов (секретарь в 1911–1913 гг., смотритель за мусульманским кладбищем), Г. М. Максудов, З. Х. Расулев, А. З. Расулев (член совета библиотеки), А. М. Рахманкулов (заместитель председателя в 1914–1917 гг.), М.-В. А. Рахманкулов (председатель ревизионной комиссии), в состав Мусульманского общества г. Оренбурга входили ахун З. Х. Кашаев, муллы А. С. Абдулкаримов (член Правления), Г. Г. Давлетшин, А. З. Кашаев, Н. Ф. Тимошев, членами Мусульманского общества г. Орска состояли имамы Г. Г. Габдуллатифов, Н. Г. Ишмеев, М.-С. Г. Рахматов, Г. М.-С. Салихов, председателем Мусульманского общества Сеитовского посада был мулла Х. А. Усманов, а наблюдательный комитет его лазарета возглавлял мулла М. М.-Ф. Мустаев⁴⁶⁸. Некоторые благотворительные организации создавались непосредственно по инициативе священнослужителей. Так, Мусульманское общество башкир Бушман-Суун-Каракипчакской волости было организовано татарскими муллами деревни Тляумбетовой С. М. Сабитовым и деревни Малой Тюлебаевой И. Залялетдиновым⁴⁶⁹. 10 февраля 1913 г. на собрании, посвященном подготовке празднования 300-летия царствования Дома Романовых, имам Челябинской соборной мечети М. Гадиев предложил в ознаменование юбилея открыть мусульманское благотворительное общество. Благодаря этой уловке, облеченной

⁴⁶⁷ ГАОО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 344. Л. 1а–7 об. 18–19, 25–31, 39–39 об., 41–41 об.

⁴⁶⁸ ГАОО. Ф. 44. Оп. 1. Д. 192. Л. 96; Оренбургская газета. – 1915. – 10 февраля.

⁴⁶⁹ ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 398. 47–48 об.; Д. 625. Л. 32–32 об.

в форму выражения верноподданнических чувств, удалось возродить под новым названием закрытую недавно властями организацию⁴⁷⁰.

Активное участие в создании и деятельности мусульманских благотворительных и культурно-просветительских обществ принимали представители формирующейся национальной интеллигенции: педагоги Л. К. Абдулгазизов, А. Валеев (Троицкое мусульманское благотворительное общество), С. Н. Бикбулатов, Х. В. Рамеев (Мусульманское общество г. Оренбурга, Оренбургское общество попечения об учащих мусульманах), К. А. Айдаров, Н. М. Валишев, Н. Гасрый, А. С. Даутов, Н. И. Еникеев, А. И. Идриси, А. М. Мачиев, М. М. Туктамышев (Оренбургское общество попечения об учащих мусульманах), И. М. Бикчентаев, Х. С. Файзи-Чистапули (Оренбургское общество попечения об учащих мусульманах, Оренбургское мусульманское музыкально-драматическое общество), Ф. М. Адамова, Г. Гусманова, З. Камалетдинова, Б. Мукминова, Ф. Салихова, Б.-М. Шафеева (Оренбургское мусульманское женское общество), Н. Абдултагиров, Х. Галиев, Г. Зулькарнайнов (Челябинское мусульманское благотворительное общество в память юбилея 300-летия царствования Дома Романовых), врачи З. Н. Байбурун (Мусульманское общество г. Оренбурга), Р. Сулейманова (Оренбургское мусульманское женское общество), А. Б. Алдияров (Троицкое мусульманское благотворительное общество), фельдшер Д. М. Мухамедшин (Троицкое мусульманское благотворительное общество, Троицкое общество поощрения сценического и театрального искусства), издатель А. М.-Л. Исхаков, редактор журнала «Яз» Ю. Х. Музафаров (Мусульманское общество г. Орска, Оренбургское общество попечения об учащих мусульманах), писатель и редактор газеты «Казах» А. Б. Байтурсунов, драматург, журналист и литературный критик К. К. Бакир (Оренбургское мусульманское музыкально-драматическое общество), прозаик и драматург Я. Вали, писатель и журналист М. Галяу, поэт М. Дулатов, публицист Ш. З. Мухамедьяров, издатель, журналист и писатель Т. С. Соловьев, редактор журнала «Шура», историк и богослов Р. Фахретдин, книгоиздатель Г. Ш. Шараф (Оренбургское общество попечения об учащих мусульманах), писатель и редактор газеты «Вақыт» М.-Ф. Г. Карими, журналист и литературный критик Б. Ш. Шараф (Мусульманское общество г. Оренбурга, Оренбургское общество попечения об учащих мусульманах, Оренбургское мусульманское музыкально-драматическое общество), актриса С. Г. Гизза-

⁴⁷⁰ ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 618. Л. 82 об. – 83, 84 об.

туллина-Волжская (Оренбургское мусульманское женское общество), юристы М.-К. Г. Каримов (Оренбургское мусульманское музыкально-драматическое общество), С. Н. Максудов, Д. Ч. Сейдалин (Оренбургское общество попечения об учащихся мусульманах) и др.

Сельские благотворительные организации объединяли мусульманских священнослужителей, учителей, зажиточных крестьян, мелких лавочников, выборных должностных лиц органов общественного самоуправления. Например, среди учредителей Благотворительного общества деревни 2-й Имангуловой отмечены: хальфа местного медресе А. М. Муртазин (председатель), владельцы бакалейных лавок С. Г. Туюшев (заместитель председателя) и А. Юртеев⁴⁷¹.

Несмотря на большое число сочувствующих, которое позволяло осуществлять сбор средств на проведение различных мероприятий, отдельных широкомасштабных акций, количество активных членов мусульманских общественных организаций было относительно невелико. На общем фоне несколько выделяется только Мусульманское общество города Оренбурга, которое к 1912 г. насчитывало в своих рядах 269 человек. Оренбургское мусульманское женское общество имело 85 членов (1912 г.), Троицкое мусульманское благотворительное общество – 65 (1913 г.), Мусульманское общество Бушман-Суун-Каракипчакской волости – 60 (1910 г.) и т. д.

Исходя из уставных целей основными направлениями деятельности мусульманских общественных организаций были содействие просвещению и оказание помощи нуждающимся в широком смысле этого слова.

В рамках культурно-просветительской работы практиковались такие формы как:

- финансирование существующих и открытие новых учебных заведений;
- организация краткосрочных курсов, чтений, научно-популярных лекций, литературных вечеров и бесед;
- выдача стипендий и поддержка нуждающихся учеников;
- открытие бесплатных библиотек.

Важное место уделялось вопросам содействия развитию образования. Так, Мусульманское общество Оренбурга содержало за свой счет пять начальных школ для детей бедных мусульман⁴⁷². В 1908 г. планировалось открытие еще пяти мектебов, трех для девочек и двух

⁴⁷¹ ГАОО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 293. Л. 187 об.

⁴⁷² Оренбургская газета. – 1908. – 10 января.

для мальчиков, на городских окраинах: в Форштадте, в районе Банного озера и в Новостройке⁴⁷³. Троицкое мусульманское благотворительное общество ежегодно выделяло по 500 руб. на содержание каждой из шести мусульманских школ города⁴⁷⁴. В Орске учредители передали в дар местной благотворительной организации три учебных заведения. В 1909 г. мецанин Г. К. Киникеев пожертвовал деревянное здание мусульманского женского училища, построенное им в казачьем Форштадте⁴⁷⁵. Согласно устному завещанию умершего орского купца 2-й гильдии А. Х. Рахметуллина его вдова Биби-Магруй Мустафична и сын Хакимзян в 1910 г. обязались построить в Ташкентской слободе и подарить Обществу мусульманское женское училище⁴⁷⁶. В 1913 г. купец 2-й гильдии А. М. Бурнаев передал в управление благотворительной организации возведенное им на собственные средства каменное здание мужского медресе при 1-й соборной мечети города⁴⁷⁷.

Мусульманские благотворительные организации не только принимали под свое крыло уже существующие конфессиональные школы, но и открывали собственные учебные заведения, в том числе специализированные для достижения частных целей их деятельности. Так, 15 декабря 1912 г. была открыта школа кройки и шитья Оренбургского мусульманского женского общества, где на протяжении 10 месяцев должны были постигать искусство 10 платных и 20 бесплатных учениц, при приеме которых отдавалось предпочтение сиротам и вдовам. Готовая продукция реализовывалась, выполнялись частные заказы на пошив одежды⁴⁷⁸. Еще в декабре 1910 г. члены Мусульманского общества г. Оренбурга впервые подняли вопрос о создании 3-хгодичной учебно-вспомогательной ремесленной мастерской для обучения детей бедных мусульман⁴⁷⁹. На столярное отделение планировалось принять 20, а на корзиночное – 10 мальчиков с обязательным преподаванием русского языка. По ходатайству Общества 7 марта 1912 г. Оренбургская Городская Дума постановила выделить под устройство мастерской земельный участок до 250 кв. саж. на Мариинской пл. с обязательством в течение 2–3 лет преобразовать ее в ремесленную школу

⁴⁷³ Оренбургская газета. – 1908. – 27 августа

⁴⁷⁴ Ямаева Л. А. Мусульманский либерализм начала XX века как общественно-политическое движение. – Уфа: Гилем, 2002. – С. 203.

⁴⁷⁵ ГАОО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 3.

⁴⁷⁶ ГАОО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 5.

⁴⁷⁷ ГАОО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 6.

⁴⁷⁸ ГАОО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 340. Л. 29–30 об.

⁴⁷⁹ Оренбургская газета. – 1910. – 17 декабря.

на общих основаниях. После завершения строительства в декабре 1913 г. были приглашены мастера соответствующих промыслов из Пермской и Вятской губерний⁴⁸⁰. В том же 1913 г. было удовлетворено ходатайство Челябинского благотворительного общества в память юбилея трехсотлетия царствования Дома Романовых о разрешении его членам открыть ремесленную школу для мусульман⁴⁸¹. При содействии губернского земства Мусульманское общество Сеитовского посада в 1915 г. организовало школу-мастерскую для обучения сапожному ремеслу⁴⁸². Осенью 1913 г. Оренбургским обществом попечения об учащих мусульманах была открыта подготовительная школа для поступающих в гимназии и реальные училища под руководством выпускника Хусаиновского медресе Н. С. Надеева. Курс обучения был рассчитан на 4 года и включал в себя вероучение, русский и татарский языки, арифметику и рисование. В первое отделение принимались дети от 7 до 9 лет, во второе – до 10, в третье – до 11 и в четвертое – до 12 лет. С каждого учащегося взималась ежегодная плата в размере 40 руб., но с учетом материального положения родителей Общество снижало или вообще освобождало от нее⁴⁸³. Наконец, при Оренбургском мусульманском музыкально-драматическом обществе, учрежденном в январе 1916 г., действовала школа, где были организованы курсы обучения игре на фортепиано, скрипке, флейте, мандолине, курае, духовых инструментах, уроки хорового пения. В 1918 г. здесь обучались 20 детей под руководством известного в городе музыканта Р. И. Лункевича⁴⁸⁴.

Мусульманам бедного достатка благотворительные организации давали возможность получить или продолжить образование в средних и высших учебных заведениях, оказывая им разовую или постоянную финансовую поддержку. Собственные стипендиальные программы имели Оренбургское общество попечения об учащих мусульманах и Троицкое общество взаимного вспоможения приказчиков. В феврале 1917 г. в ознаменование 25-летия деятельности первой мусульманской женщины-врача Биби-Разиы Кутлюяровой-Сулейма-

⁴⁸⁰ Оренбургская газета. – 1913. – 1 декабря.

⁴⁸¹ ГАОО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 344. Л. 50.

⁴⁸² Доклады Оренбургской Губернской Земской Управы 2-й очередной сессии Губернского Земского Собрания. Отдел Народного образования. – Оренбург: Электро-типография Тургайского Обл. Правления, 1915. – Доклад № 180.

⁴⁸³ Учебный план, программа и таблица еженедельных уроков подготовительной школы Оренбургского общества попечения об учащих мусульманах. – Оренбург: Типография газ. «Вакт», 1913. – С. 5–8.

⁴⁸⁴ Народное дело. – 1918. – 17 (4) мая.

новой Оренбургское мусульманское женское общество учредило стипендию ее имени для выдачи мусульманке, пожелавшей получить медицинское образование⁴⁸⁵.

В своем стремлении охватить возможно более широкие круги народных масс общества организовывали различные курсы, популярные чтения, лекции, беседы и вечера. Мусульманское общество г. Оренбурга ежегодно с 15 мая нанимало нескольких учителей и в течение 3 месяцев обучало взрослых и детей русской грамоте: 40 беднейших бесплатно, а остальных – за плату всего в 3 руб.⁴⁸⁶. На своих встречах Оренбургское мусульманское женское общество практиковало чтения религиозно-нравственных книг, стихов и литературных переводов, духовное пение⁴⁸⁷. Так, в декабре 1913 г. в доме оренбургского купца Абдулхамида Хусаинова прошло собрание, программа которого включала: чтение Корана в исполнении известных учительниц Фатимы Адамовой, Багбостан Мукминовой и Муслимы Шафеевой, доклады о распространении образования среди татарских женщин и состоянии школ (учительница Зейнаб Камалетдинова), о вопросах воспитания детей (учительница Гайша Гусманова), охраны здоровья (врач Разия Сулейманова) с учетом предписаний шариата (учительница Фатима Салихова), декламацию стихов Г. Тукая, М. Гафури, С. Сунчелея ученицами и гимназистками, чтение поэтических произведений А. Пушкина и М. Лермонтова (Рабига Шарафутдинова)⁴⁸⁸.

На протяжении долгого времени принципиально важным для мусульман Оренбургской губернии оставался вопрос об открытии постоянно действующих курсов для подготовки учителей начальных школ или учительской семинарии. Они отмечали, что в 1904 г. на 8792 мектебе в Российской империи приходилось только 2 татарских учительских школы, да и те назывались таковыми скорее по недоразумению, поскольку выпускали преподавателей русского языка для смешанных училищ и русских классов при медресе. Повышение качества и обновления содержания образования в мусульманских школах были невозможными без создания собственной системы подготовки педагогических кадров. Трижды в 1906, 1908 и 1915 гг. Мусульманское общество г. Оренбурга выступало с инициативой открытия 2-классных педагоги-

⁴⁸⁵ Оренбургское слово. – 1917. – 23 февраля.

⁴⁸⁶ Оренбургская газета. – 1908. – 24 апреля.

⁴⁸⁷ ГАОО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 340. Л. 32.

⁴⁸⁸ Ил (Страна). – 1913. – № 8. – 13 декабря; Биктимирова Т. А. Ступени образования до Сорбонны. – Казань: Алма-Лит, 2003. – С. 147.

ческих курсов для учителей начальных школ, разработав специальную программу, однако Министерство народного просвещения неизменно отвечало ему отказом⁴⁸⁹. Летом 1911 г. Мусульманским обществом г. Орска были организованы краткосрочные педагогические курсы для женщин. 15 мусульманок изучали основы вероучения, педагогику, географию, арифметику и другие предметы, по окончании 7 из них получили свидетельства о праве преподавания в начальных школах⁴⁹⁰.

Манифест от 17 октября 1905 г. и последующие акты сняли необоснованные, дискриминационные ограничения, открыли возможности для развития книгопечатания на языках народов России, выпуска национальных газет и журналов. В условиях дороговизны печатной продукции, налаживания специализированной торговой сети жизненно необходимым стало открытие бесплатных библиотек, к созданию которых многие общества приступили с первых месяцев своей работы. В феврале 1906 г. начала работу мусульманская народная библиотека-читальня при Челябинской соборной мечети, которая действовала как самостоятельная организация за счет членских взносов и добровольных пожертвований. По отчету за 1915 г. читальный зал посетили 12167 человек, в т. ч. 805 женщин, на дом было выдано 3983 книги. Библиотечный фонд включал 2122 наименования в 2554 томах на татарском и русском языках, выписывались 17 газет и 21 журнал. На финансирование учреждения было потрачено 1760 руб. 40 коп.⁴⁹¹. В октябре 1906 г. Мусульманским обществом г. Оренбурга была открыта бесплатная библиотека, которую в следующем году посетили 12251 человек, абонементом воспользовались 1984 лица⁴⁹². К 1914 г. здесь насчитывалось 4414 томов, а расходы на содержание составляли 1338 руб. 50 коп.⁴⁹³. Одной из первых распахнула свои двери мусульманс-

⁴⁸⁹ Оренбургский край. – 1906. – 24 августа; Оренбургская газета. – 1908. – 23 апреля.

⁴⁹⁰ Ямаева Л. А. Мусульманский либерализм начала XX века как общественно-политическое движение. – Уфа: Гилем, 2002. – С. 202; В мире мусульманства. – 1911. – 28 октября.

⁴⁹¹ Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. И-3. Оп. 1. Д. 1195. Л. 28, 29, 31, 31 об; Отчет Челябинской Мусульманской бесплатной народной библиотеки-читальни за 1915 г. – Уфа: Электро-Типография «Восточная печать», 1916. – С. 11, 13, 17, 18.

⁴⁹² Оренбургская газета. – 1908. – 10 января.

⁴⁹³ Доклады Оренбургской Губернской Земской Управы 2-й очередной сессии Губернского Земского Собрания. Отдел Народного образования. – Оренбург: Электро-типография Тургайского Обл. Правления, 1915. – Доклад № 122; Муксимова Н. М. История библиотеки им. Х. Ямашева // Татары в Оренбургском крае. Научно-практическая конференция: Тезисы докладов. – Оренбург: Печатный Дом «Димур», 1996. – С. 42–43.

кая библиотека «Няжат» («Спасение») в Троицке. В 1913 г. местное благотворительное общество израсходовало на нее 1175 руб. 29 коп., здесь побывали 23866 человек. Читателям предлагался выбор из 2558 наименований в 3696 томах⁴⁹⁴. В 1908 г. открылась библиотека мусульманского благотворительного общества в Орске. Осенью 1911 г. приступила к работе библиотека-читальня Мусульманского общества Сеитовского посада, которую в первый год посетили 7390 человек, а в 1914 г. – уже 12678, при том, что она располагала весьма ограниченным выбором литературы из 575 томов⁴⁹⁵. Наконец, в ноябре 1914 г. начала функционировать сельская библиотека 1-го Имангуловского благотворительного культурно-экономического общества, которая за 2 месяца приняла в своих стенах около 300 человек⁴⁹⁶.

Использовались и другие формы культурно-просветительской работы. Оренбургское мусульманское музыкально-драматическое общество собирало народные песни и мотивы, организовывало спектакли и музыкально-вокальные вечера, объявило конкурс театральных произведений на татарском языке, переводило пьесы, формировало театральный гардероб. Оно отстаивало интересы татарской труппы, добившись в январе 1917 г. снижения антрепренером платы за аренду театральной сцены по пятницам с 250 до 150 руб.⁴⁹⁷. В планах Мусульманского общества г. Оренбурга было создание первого татарского национального музея⁴⁹⁸.

Собственно благотворительная деятельность осуществлялась в таких формах как:

- организация горячего питания, бесплатных столовых, раздача хлеба, одежды и обуви в районах, пострадавших от неурожая;
- оказание денежной помощи лицам, попавшим в трудные жизненные ситуации;
- финансирование приютов для бедных и сирот;
- организация медицинского обслуживания;

⁴⁹⁴ Отчет Троицкого мусульманского благотворительного общества за 1913 г. – Троицк: Электро-типография «Энергия», 1914. – С. 4–7; ГАОО. Ф. 10. Оп. 2. Д. 202. Л. 11 об. – 13.

⁴⁹⁵ Доклады Оренбургской Губернской Земской Управы 2-й очередной сессии Губернского Земского Собрания. Отдел Народного образования. – Оренбург: Электро-типография Тургайского Обл. Правления, 1915. – Доклад № 138.

⁴⁹⁶ Доклады Оренбургской Губернской Земской Управы 2-й очередной сессии Губернского Земского Собрания. Отдел Народного образования. – Оренбург: Электро-типография Тургайского Обл. Правления, 1915. – Доклад № 179.

⁴⁹⁷ Оренбургская жизнь. – 1917. – 24 января.

⁴⁹⁸ Оренбургская газета. – 1908. – 4 марта.

- совершение похоронных обрядов и погребение неимущих, благоустройство и охрана мусульманских кладбищ.

Особенно широко дело помощи голодающим было поставлено в Мусульманском обществе г. Оренбурга. Уже в первый год своей деятельности, получая известия о начавшемся голоде, оно перевело в города Белебей, Бузулук, Бугуруслан, Бугульму по 1000 руб. на каждый уезд и командировало на места своих членов для раздачи хлеба⁴⁹⁹. В 1907 г. Общество выделило 3000 руб. для столовых санитарно-благотворительных попечительств г. Оренбурга, за счет которых ежедневно выдавались бесплатные обеды 1000 мусульман⁵⁰⁰. В ответ на просьбу Бугурусланского городского попечительства ему были высланы 82 бешмета и столько же пар сапог на сумму 500 руб. для раздачи среди татарского населения, а в Бугульму переведены еще 500 руб. для покупки одежды и обуви⁵⁰¹. В феврале 1908 г. Мусульманское общество г. Оренбурга кормило за свой счет 1202 человека, в том числе 750 в уезде⁵⁰². Бесплатные столовые были открыты в Бузулуке и Сорочинске. Основной же заботой стало обеспечение продуктами питания голодающих в Новобашкирской волости Оренбургского уезда. Уполномоченные Общества на месте ознакомились с положением дел и открыли в 14 деревнях бесплатные столовые на 756 лиц⁵⁰³. Кроме того, практиковалась выдача ежемесячных пособий в размере от 3 до 5 руб. или единовременной помощи сильно нуждающимся мусульманам. Всего за первые 6 лет деятельности с 1906 по 1912 гг. эта благотворительная организация израсходовала в пользу бедных и голодающих 25000 руб.⁵⁰⁴. Мусульманское общество г. Оренбурга оказывало финансовую поддержку ночлежному дому, а Троицкое мусульманское благотворительное общество – приюту для бедных, оплачивая содержание коек для иноверцев. Оно также организовало собственный мусульманский сиротский приют, где в 1913 г. получали кров, еду, одежду, медицинскую помощь 16 мальчиков и 10 девочек. В это время расходы на его содержание составляли 2582 руб. 35 коп.⁵⁰⁵.

⁴⁹⁹ Оренбургский край. – 1906. – 22 декабря.

⁵⁰⁰ Оренбургский край. – 1907. – 6 марта.

⁵⁰¹ Оренбургский край. – 1907. – 20 марта.

⁵⁰² Оренбургская газета. – 1908. – 17 февраля.

⁵⁰³ Оренбургская газета. – 1908. – 29 марта.

⁵⁰⁴ Вақыт. – 1913. – 8 января.

⁵⁰⁵ ГАОО. Ф. 10. Оп. 2. Д. 202. Л. 13 об.; Отчет Троицкого мусульманского благотворительного общества за 1913 г. – Троицк: Электро-типография «Энергия», 1914. – С. 8.

Отметим, что мусульмане Оренбургской губернии не замыкались на узких региональных интересах, а осознавали себя частью единого исламского мира, проявляли солидарность, чутко откликались на боль и нужду своих братьев по вере независимо от того, где они проживали. Так, Мусульманское общество г. Оренбурга в 1907 г. перечислило 500 руб. голодающим в Баку, в 1911 г. выделило 300 руб. семиреченцам, пострадавшим от землетрясения, в период Балканских войн 1912–1913 гг. организовало сбор денежных средств в пользу турецких раненных и направило их в посольство этой страны в Санкт-Петербурге⁵⁰⁶. В феврале 1915 г. был создан Оренбургский комитет вспомоществования мусульманам Карской области, пострадавшим в ходе Первой Мировой войны, который к марту собрал пожертвований на 4352 руб. 70 коп.⁵⁰⁷. В Оренбурге также начал свою работу комитет для оказания помощи мусульманским беженцам из Польши и Литвы, а для обучения их детей была открыта специальная русско-татарская школа⁵⁰⁸.

Относительно поздно получило развитие такое направление как организация медицинского обслуживания. Например, с 1913 г. в рамках деятельности Оренбургского мусульманского женского общества одна из его учредительниц Р. Сулейманова приняла на себя оказание бесплатной медицинской помощи ученицам городских медресе⁵⁰⁹. Мусульманское общество г. Оренбурга ежегодно выделяло 200 руб. родильному приюту на оплату мест для бедных мусульманок. Благодаря активной позиции членов из числа мусульман в состав правления Оренбургского общества скорой медицинской помощи и Оренбургского отделения Всемирной лиги борьбы с туберкулезом неоднократно избирался А. А. Хусаинов. Являясь одним из учредителей первой организации, он предоставил в ее пользование дом Хусаиновых на Николаевской ул., где с октября 1912 г. была открыта первая в городе станция скорой помощи с постоянными ночными и дневными дежурствами врачей. Амбулатория была хорошо оборудована и состояла из комнаты ожидания, приемной, перевязочной, комнаты для дежурно-

⁵⁰⁶ Ямаева Л. А. Мусульманский либерализм начала XX в. как общественно-политическое движение (по материалам Уфимской и Оренбургской губерний). – Уфа: Гилем, 2002. – С. 202.

⁵⁰⁷ Оренбургская газета. – 1915. – 18 февраля, 5 марта.

⁵⁰⁸ Инородческое обозрение. – 1915. – Т. II. – №№ 4–5. – С. 338; Ямаева Л. А. Мусульманский либерализм начала XX в. как общественно-политическое движение (по материалам Уфимской и Оренбургской губерний). – Уфа: Гилем, 2002. – С. 210.

⁵⁰⁹ ГАОО. Ф. . Оп. 1. Д. 34010. Л. 29–29 об.

го врача и квартиры для одного из санитаров⁵¹⁰. В том же году Мусульманское общество г. Оренбурга приобрело для нее за 50 руб. карету скорой помощи. На принадлежавшем Хусаиновым хуторе Тевкелево с 1912 г. начала работу бесплатная кумысолечебница Оренбургского отделения Лиги борьбы с туберкулезом. Отметим, что А. А. Хусаинов оказывал финансовую помощь и Оренбургской общине Красного Креста. В 1913–1917 гг. он совмещал работу в указанных организациях с должностью председателя Мусульманского общества г. Оренбурга. После начала Первой мировой войны оно уступило собственное здание под лазарет на 30 коек для раненных и больных воинов, который открылся в сентябре 1914 г. Его содержание ежегодно обходилось Мусульманскому обществу г. Оренбурга в 8000 руб.⁵¹¹. Сложности с перевозкой раненных и подбором медицинского персонала вынудили Мусульманское общество Сеитовского посада перенести открытие собственного лазарета на 10 коек также в губернский центр. Оно состоялось 7 февраля 1915 г. в доме Казаченко, № 36, на углу Степной и Нижегородской ул. Лазарет располагался в 3 комнатах с электрическим освещением⁵¹².

Источниками финансирования деятельности мусульманских благотворительных организаций были: членские взносы, пожертвования, пособия от городских и земских органов местного самоуправления, доходы от собственной предпринимательской деятельности, сдачи в аренду недвижимости и продажи имущества, проценты с банковских капиталов и за пользование средствами, вложенными в торговые предприятия, поступления от организации благотворительных спектаклей, киносеансов, цирковых представлений, народных гуляний, от устройства моментальных лотерей (аллегри) и др.

Для сохранения своего статуса действительным членам обычно необходимо было вносить не менее 3 руб. ежегодно (в Мусульманском обществе г. Оренбурга – 5 руб.) или крупную сумму единовременно. Пожертвования делались как по собственному почину, так и целенаправленно собирались на культурно-массовых мероприятиях и праздниках, на экзаменах в учебных заведениях, через установку кружек, активистами по отрывным талонным книжкам, мусульманскими священнослужителями среди прихожан, редакциями национальных газет среди своих читателей. Например, в 1912 г. в ответ на

⁵¹⁰ ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 85. Л. 234–235.

⁵¹¹ Оренбургская газета. – 1914. – 6 сентября.

⁵¹² Оренбургская газета. – 1915. – 10 февраля.

призыв помочь голодающим от неурожая, опубликованный в татарской прессе, Мусульманскому обществу г. Оренбурга было передано через журнал «Дин ва магишат» 119 руб., а через газету «Вақыт» – 1500 руб.⁵¹³. В мае 1913 г. на свадьбе сына одного генерала было собрано 500 руб. в пользу Оренбургского общества попечения об учащих мусульманах, что спасло нескольких учеников от отчисления за невнесение платы⁵¹⁴. Некоторые крупные пожертвования также имели целевое назначение. Так, в августе 1908 г. на средства, завещанные умершим купцом 1-й гильдии А. М.-Г. Хусаиновым, Мусульманское общество г. Оренбурга приобрело за 25 тыс. руб. двухэтажное здание на углу Безаковской ул. и Соляного пер., где разместилось его Правление и библиотека⁵¹⁵. Часть помещений сдавалась в аренду содержателю номеров «Урал» и чайной Х. У. Донскову, что приносило в копилку благотворительной организации более 2000 руб. ежегодно⁵¹⁶.

Организация культурно-массовых мероприятий позволяла успешно сочетать выполнение уставных задач деятельности благотворительных организаций с поиском дополнительных финансовых средств. Так, Мусульманское общество г. Оренбурга ежегодно выступало организатором празднования Сабантуя на старом ипподроме, которое включало бега рысаков, иноходцев, скачки верблюдов, гонки на велосипедах, бег, обычный и в мешках, азиатскую борьбу, лазание по канату и другие виды спорта. Все сборы от организации народных гуляний поступали в доход благотворительной организации. Например, в 1912 г. они составили 1751 руб.⁵¹⁷. Проведение Сабантуя 26 мая 1914 г. принесло Челябинскому мусульманскому благотворительному обществу чистую прибыль в размере 1553 руб. 9 коп.⁵¹⁸. Более подробное представление о структуре доходов дает отчет о народном гулянии, устроенном для пополнения средств Мусульманского общества г. Орска 25–26 мая 1913 г. Организаторами было продано входных билетов на

⁵¹³ ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 618. Л. 19; Деятельность Оренбургского мусульманского благотворительного общества за 1912 г. // Вақыт. – 1913. – 8 января. – № 1101.

⁵¹⁴ Оренбургская газета. – 1913. – 28 мая.

⁵¹⁵ ГАОО. Ф. 10. Оп. 4. Д. 158. Ч. 1. Л. 75; Муксимова Н. М. История библиотеки им. Х. Ямашева // Татары в Оренбургском крае. Научно-практическая конференция: Тезисы докладов. – Оренбург: Печатный Дом «Димур», 1996. – С. 42–43.

⁵¹⁶ ГАОО. Ф. 21. Оп. 9. Д. 4. Л. 130–130 об.

⁵¹⁷ Оренбургская газета. – 1913. – 24 мая; 1914. – 6 мая; ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 618. Л. 19.

⁵¹⁸ Отчет Челябинского мусульманского благотворительного общества, учрежденного в память юбилея 300-летия царствования Дома Романовых за 1914 г. – Челябинск: Типография «Печатное Дело», 1915. – С. 2.

294 руб. 50 коп., программ, цветов и предметов рукоделия – на 215 руб. 10 коп., мужской и женский буфеты наторговали на 515 руб. 74 коп., скамеечной комиссией было собрано 417 руб. 15 коп., поступило денежных пожертвований от разных лиц – на 89 руб. 50 коп., от девушек, вышедших замуж в прошедшем году, – 31 руб. 50 коп. Кроме того, орские мусульмане внесли в призовой фонд соревнований много рубашек, отрезков ситца, дорогих полотенец, скатертей и салфеток. Всего было собрано вещей и денег на общую сумму в 2163 руб., а чистый доход Мусульманского общества г. Орска от организации Сабантуя составил 943 руб. 5 коп. Ему также остались специально закупленные для гулянья 82 длинных скамьи и 28 стульев стоимостью еще 227 руб. 15 коп.⁵¹⁹. В 1913 г. узбекский акробат Юман передал сиротскому приюту Троицкого мусульманского благотворительного общества 184 руб., вырученные от циркового представления⁵²⁰. В 1915 г. устройство любительского спектакля участниками татарского театрального кружка под руководством Г. Бурнаева обеспечило Челябинской мусульманской библиотеке поступление в размере 113 руб. 37 коп.⁵²¹. 13 января 1916 г. по предложению активистки Оренбургского мусульманского женского общества, актрисы С. Г. Гиззатуллиной-Волжской в городском театре был дан спектакль и дивертисмент татарской труппы «Нур». Сборы составили более 1000 руб., которые за вычетом 10 % в пользу беженцев, поступили в распоряжение благотворительной организации⁵²². Популярным способом привлечения денежных средств стало использование кинематографа. В феврале 1913 г. Оренбургское общество попечения об учащихся мусульманах провело в кинотеатре «Фурор» серию благотворительных сеансов. При затратах в 300 руб. они принесли выручку в размере 1003 руб. 37 коп.⁵²³. 27 января 1917 г. Оренбургское мусульманское женское общество устроило благотворительный сеанс и лотерею-аллегри в кинотеатре «Люкс». За вычетом 1422 руб. 10 коп. расходов и 291 руб. в пользу

⁵¹⁹ Сабантуй в Орске // Мир ислама. Издание Императорского Общества Востоковедения. Под ред. Д. Позднеева. Том II. Вып. VI. – СПб.: Типография И. В. Леонтьева, 1913. – С. 410–411; Вақыт. – 1913. – 18 июня. – № 1227.

⁵²⁰ ГАОО. Ф. 10. Оп. 2. Д. 202. Л. 10 об.; Отчет Троицкого мусульманского благотворительного общества за 1013 г. – Троицк: Электро-типография «Энергия», 1914. – С. 2.

⁵²¹ ОГАЧО. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 1195. Л. 29 об. – 30; Отчет Челябинской Мусульманской бесплатной народной библиотеки-читальни за 1915 г. – Уфа: Электро-Типография «Восточная печать», 1916. – С. 14–15.

⁵²² Оренбургское слово. – 1916. – 24 февраля.

⁵²³ Оренбургская газета. – 1913. – 13 февраля.

раненных чистая прибыль составила 2619 руб. 10 коп.⁵²⁴. Моментальные лотереи проводились и без привязки к другим мероприятиям. 17 мая 1918 г. Оренбургское мусульманское музыкально-драматическое общество провело розыгрыш призов в излюбленном месте отдыха горожан на бульваре⁵²⁵.

Хотя земские органы в Оренбургской губернии были введены достаточно поздно, лишь в 1913 г., они успели наладить конструктивное сотрудничество с мусульманскими благотворительными организациями, оказывая финансовую поддержку их культурно-образовательным учреждениям. По решениям Оренбургского губернского земского собрания ежегодно выдавались пособия: Челябинской мусульманской библиотеке-читальне (600 руб.), библиотекам Мусульманского общества г. Оренбурга (500 руб.), Мусульманского общества Сеитовского посада (300 руб.), 1-го Имангуловского благотворительного культурно-экономического общества (300 руб.)⁵²⁶. В 1915 г. помощь земства позволила реализовать проект организации в Каргале специальной школы-мастерской для обучения ремеслам детей бедных мусульман. По просьбе председателя местного общества, которому удалось собрать всего 500 руб., оно добавило недостающие 630 руб. на ее оборудование и содержание⁵²⁷. Органы городского самоуправления также уделяли пристальное внимание нуждам мусульманского населения как важной части местного сообщества. Челябинская мусульманская библиотека-читальня ежегодно получала еще одно пособие из городского бюджета в размере 400 руб.⁵²⁸. По решениям Троицкой Думы оказывалась финансовая поддержка мусульманскому сиротскому приюту (500 руб.) и библиотеке (300 руб.)⁵²⁹.

Отчеты мусульманских благотворительных и культурно-просветительских обществ показывают, что основу их поступлений составляли все-таки добровольные пожертвования. Именно ограниченность ресурсов при сложности и многообразии стоящих перед ними задач заставляла постоянно изыскивать новые источники финансирования,

⁵²⁴ Оренбургское слово. – 1917. – 8 марта.

⁵²⁵ Наше дело. – 1918. – 17 (4) мая. – № 44.

⁵²⁶ ГАОО. Ф. 43. Оп. 3. Д. 290. Л. 42 об. – 43.

⁵²⁷ Оренбургская газета. – 1915. – 23 января

⁵²⁸ ОГАЧО. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 1195. Л. 26 об.; Отчет Челябинской Мусульманской бесплатной народной библиотеки-читальни за 1915 г. – Уфа: Электро-Типография «Восточная печать», 1916. – С. 8.

⁵²⁹ ГАОО. Ф. 10. Оп. 2. Д. 202. Л. 10 об. – 11; Отчет Троицкого мусульманского благотворительного общества за 1913 г. – Троицк: Электро-типография «Энергия», 1914. – С. 2–3.

использовать оригинальные формы привлечения денежных средств, обращаться за содействием к городским и земским органам самоуправления. Относительно прочным было финансовое положение организаций в тех городах, где имела значительная прослойка национальной буржуазии. Например, в 1912 г. приход Мусульманского общества г. Оренбурга составил 13735 руб. 93 коп., а расход – 7557 руб. 84 коп.⁵³⁰. Троицкое мусульманское благотворительное общество в 1913 г., аккумулировав 22504 руб. 2 коп., потратило 5853 руб. 17 коп.⁵³¹. В небольших населенных пунктах и особенно в сельской местности мусульманские организации испытывали острую нехватку денежных средств и были вынуждены сосредотачивать свое основное внимание на приоритетном вопросе поддержки образования. Так, в 1910 г. Мусульманское общество Илецкой Защиты израсходовало всего 518 руб., из которых большая часть в размере 300 руб. пошла на школьные нужды⁵³². За первые два года работы из 300 руб., которые удалось собрать Мусульманскому обществу башкир Бушман-Суун-Каракипчакской волости, 200 руб. были потрачены на выдачу пособий учителям медресе и покупку ученических книг для детей бедняков⁵³³.

Таким образом, создание мусульманских благотворительных и культурно-просветительских организаций в конце XIX – начале XX веков стало адекватным ответом на вызовы и угрозы времени, успешной попыткой адаптации традиционных исламских институтов к новым капиталистическим условиям. Оно позволило консолидировать усилия и финансовые ресурсы, наладить систематический сбор пожертвований и их адресное перераспределение, обеспечить комплексное решение проблем социальной сферы на постоянной, регулярной и планомерной основе.

В отличие от некоторых соседних регионов власти Оренбургской губернии проводили более мягкую политику в отношении общественных объединений мусульман, что отчасти объясняется той важной ролью, которую они традиционно играли в экономике края, его торговле и обрабатывающей промышленности.

⁵³⁰ ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 618. Л. 19; Деятельность Оренбургского мусульманского благотворительного общества за 1912 г. // Вакыт. – 1913. – 8 января. – № 1101.

⁵³¹ ГАОО. Ф. 10. Оп. 2. Д. 202. Л. 11–15; Отчет Троицкого мусульманского благотворительного общества за 1913 г. – Троицк: Электро-типография «Энергия», 1914. – С. 3–11.

⁵³² ЦИА РБ. Ф. 187. Оп. 1. Д. 412. Л. 409 об.; Ямаева Л. А. Мусульманский либерализм начала XX в. как общественно-политическое движение (по материалам Уфимской и Оренбургской губерний). – Уфа: Гилем, 2002. – С. 202–203.

⁵³³ ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 398. Л. 4а.

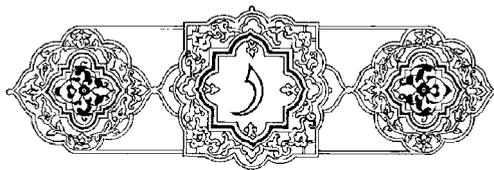
В состав мусульманских благотворительных и культурно-просветительских организаций входили преимущественно представители национальной буржуазии, а также приказчики, конторские служащие, мусульманские священнослужители, интеллигенция (педагоги, врачи, лица творческих профессий и др.). Сельские благотворительные общества объединяли духовенство, учителей, зажиточных крестьян, мелких лавочников, выборных должностных лиц органов общественного самоуправления.

Исходя из уставных целей основными направлениями деятельности мусульманских общественных организаций были содействие просвещению и оказание помощи нуждающимся в широком смысле этого слова. В рамках культурно-просветительской работы практиковались такие формы как: финансирование существующих и открытие новых учебных заведений; организация краткосрочных курсов, чтений, научно-популярных лекций, литературных вечеров и бесед; выдача стипендий и поддержка нуждающихся учеников; открытие бесплатных библиотек. Благотворительная деятельность осуществлялась в таких формах как: организация горячего питания, бесплатных столовых, раздача хлеба, одежды и обуви в районах, пострадавших от неурожая; оказание денежной помощи лицам, попавшим в трудные жизненные ситуации; финансирование приютов для бедных и сирот; организация медицинского обслуживания; совершение похоронных обрядов и погребение неимущих, благоустройство и охрана мусульманских кладбищ.

Основным источником финансирования мусульманских благотворительных и культурно-просветительских обществ были пожертвования, которые не только делались по собственному почину, но и целенаправленно собирались на культурно-массовых мероприятиях и праздниках, на экзаменах в учебных заведениях, через установку кружек, активистами по отрывным талонным книжкам, мусульманскими священнослужителями среди прихожан, редакциями национальных газет среди своих читателей. Вспомогательную роль играли: членские взносы, пособия от городских и земских органов местного самоуправления, доходы от собственной предпринимательской деятельности, сдачи в аренду недвижимости и продажи имущества, проценты с банковских капиталов и за пользование средствами, вложенными в торговые предприятия, поступления от организации благотворительных спектаклей, киносеансов, цирковых представлений, народных гуляний, от устройства моментальных лотерей (аллегри) и др.

В целом к 1917 г. мусульманская умма Оренбургского края успешно адаптировалась к меняющимся условиям своей образовательные и социально-благотворительные институты, располагала широчайшей сетью исламских приходов, культовых зданий и штатом профессионального духовенства.

Глава 2. Испытания в годы Советской власти (1917–1991 гг.)

После Октябрьской революции пришедшие к власти большевики стали последовательно проводить курс на искоренение религии. 18 декабря 1917 г. был принят совместный декрет ВЦИК и СНК РСФСР «О гражданском браке, о детях и ведении книг актов гражданского состояния», призванный подорвать господствующее положение религии в брачно-семейных отношениях. Религиозный брак (никах) был объявлен частным делом лиц, вступающих в семейный союз, не влекущим никаких юридических последствий. Если в Российской империи мусульмане пользовались значительной автономией в гражданско-правовой сфере, а многие вопросы заключения и расторжения браков, раздела наследственного имущества регулировались нормами шариата и разрешались мусульманскими священнослужителями, то теперь они попали под действие советского семейного права и государственных структур.

Следующим шагом стало издание 23 января 1918 г. Декрета СНК РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Формально он предоставил право свободно исповедовать любую религию или не исповедовать никакой (ст. 3), не предусматривал вмешательства государства во внутреннюю жизнь религиозных обществ. Однако одновременно все их имущество было объявлено народным достоянием, то есть национализированы здания мечетей, медресе и мектебов, их внутренняя обстановка, вакуфные пожертвования и т. д. Статья 12 Декрета прямо запрещала религиозным организациям владеть вообще какой-либо собственностью, а также лишала их прав юридических лиц. Богослужебные здания и предметы культа передавались им в бесплатное пользование по договорам с местными органами власти, которые могли изъять имущество в случае «ненадлежащего» отношения. Деятельность мусульманских общин должна была ограничиваться исключительно удовлетворением религиозных потребностей верующих. Не допускалось преподавание вероучения во всех государственных, общественных и частных учебных заведениях (ст. 9). За нарушение этого запрета Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. предусматривал наказание в виде принудительных работ на срок до 1 года (ст. 121).

Вслед за коротким Декретом, состоявшим всего из 13 статей, появилась подробная инструкция Наркомата юстиции РСФСР о поряд-

ке проведения его в жизнь от 28 августа 1918 г., которая еще в большей степени ущемляла свободу вероисповедания. В частности, она объявляла подлежащими закрытию все благотворительные и культурно-просветительские организации, расходующие средства на религиозные цели.

Укрепив свою власть победой в Гражданской войне, советское правительство пошло на некоторую либерализацию внутривластного курса по отношению к верующим, которую в исторической науке иногда называют «религиозным НЭПом». Но практика показывает, что многие законодательные инициативы были направлены на установление эффективного контроля за деятельностью религиозных организаций, что было невозможно без предоставления им прав юридических лиц. В соответствии с постановлением ВЦИК от 3 августа 1922 г. все религиозные общества обязали пройти государственную регистрацию в отделе управления губернского или областного исполкома советов, без которой они не могли осуществлять какую-либо деятельность. Ее порядок был подробно регламентирован совместной инструкцией Наркоматов юстиции и внутренних дел РСФСР от 15 апреля 1923 г. На основе этих документов в 1923–1924 гг. была осуществлена массовая регистрация мусульманских религиозных обществ.

Придание религиозным общинам статуса юридических лиц позволило государственным органам установить реальный надзор за их деятельностью. Ежегодно в местные исполкомы советов они должны были подавать списки верующих, членов управленческих органов и служителей культа с указанием места жительства и рода занятий, что давало исчерпывающую информацию об их составе. Все немолитвенные собрания разрешались только с предварительного согласия соответствующего административного отдела по заявленной повестке дня. Для контроля использовались и негласные проверки.

Тем не менее, период с 1923 по 1927 годы характеризуется относительной религиозной свободой, временным равновесием сил, когда советские власти были вынуждены хотя бы внешне считаться с широким сохранением веры значительной частью населения. С 1928 г. большевики приступили к осуществлению грандиозных планов социалистического строительства. Они были направлены на слом не только традиционного хозяйственного уклада, но и образа жизни, мышления, крестьянской религиозной идеологии, которая составляла серьезную конкуренцию насаждаемым сверху коммунистическим идеям. Поэтому советское государство от политики религиозной терпимости пере-

шло к воинствующему атеизму, повело широкомасштабное наступление против мусульманских институтов и верующих⁵³⁴.

Если в октябре 1924 г. постановлением ЦИК и СНК СССР было вновь разрешено создание богословских школ при мечетях и религиозное обучение на дому, то 28 мая 1928 г. Президиум ЦИК СССР отменил этот закон, и началось массовое закрытие медресе и мектебов.

17 сентября 1928 г. издается постановление ВЦИК о «добровольной» передаче «пустующих» церквей, монастырей и мечетей под культурно-просветительские учреждения. На деле оно обернулось принудительной конфискацией недвижимости у религиозных организаций. Только в Башкирской АССР было изъято 1047 мечетей, из них в 51 здании размещены школы и клубы, а подавляющее большинство культурных сооружений, 838, использовано под хозяйственные нужды⁵³⁵.

8 апреля 1929 г. было принято совместное постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях», которое вводило множество дополнительных ограничений их деятельности. Им запрещалось: 1) создавать кассы взаимопомощи, кооперативы, производственные объединения и вообще пользоваться находящимся в их распоряжении имуществом для каких-либо иных целей, кроме удовлетворения религиозных потребностей; 2) оказывать материальную поддержку своим членам; 3) организовывать как специальные детские, юношеские, женские, молитвенные и другие собрания, так и общие литературные, рукодельнические, трудовые, по обучению религии и т. п. собрания, группы, кружки, отделы, а также устраивать экскурсии и детские площадки, открывать библиотеки и читальни, организовывать санатории и лечебную помощь⁵³⁶.

Согласно постановлению НКВД РСФСР от 1 октября 1929 г. № 329 все религиозные объединения, не прошедшие перерегистрацию до 1 мая 1930 г., объявлялись ликвидированными. Под этим предлогом в массовом порядке закрывались мечети Татарстана, Башкирии, Оренбургской, Свердловской, Челябинской и других областей Урала, Поволжья, Сибири и Европейской части России.

При этом местные власти допускали массовые нарушения установленной законом процедуры: проводили собрания о ликвидации

⁵³⁴ Юнусова А. Б. Ислам в Башкортостане. – Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 1999. – С. 147.

⁵³⁵ Там же. – С. 148.

⁵³⁶ Действующее законодательство о религиозных объединениях. – Уфа, 1930. – С. 45–57.

религиозных объединений с участием партийного, комсомольского и хозяйственного актива, не допуская на туда самих верующих, а иногда и просто подделывали подписи под протоколами.

Так, 19 марта 1934 г. в с. Тукай ныне Александровского района прошло собрание общественности, посвященное чистке колхозных кадров. После его окончания, «когда люди уже начали расходиться, председатель сказал: «Обождите, вот мы здание мечети 3-го прихода назначили для детских яслей. Нет ли против кого?». Женщины-колхозницы поднимали руки «за». Член приходского совета Ахмедзян Темирбулатов просил слова, но ему не разрешили высказаться». Не дожидаясь утверждения протокола Средневожским крайисполкомом, в декабре 1934 г. сельсовет занял мечеть под склад зерна. Верующие перенесли богослужение в один из частных домов, но местные власти запретили им проводить общественную молитву и в этом помещении. В своей жалобе от 10 января 1935 г. мусульмане резюмировали: «Хотя имеем муллу, но негде собираться. За 1934 г. все налоги уплатили, но с нас требуют пени в 70 руб.»⁵³⁷.

Схожая ситуация сложилась и в соседнем селе Султакай ныне также Александровского района. В сентябре 1934 г., после сбора урожая сельсовет «временно» засыпал в здание мечети новый хлеб, который, якобы, негде было хранить. Прихожанам неоднократно обещали вывезти его на склады, но этого так и не произошло. Между тем, верующие продолжали исправно платить все налоги за культовое здание, которое по договору числилось в их пользовании. Совершать богослужение в частном доме им было запрещено под угрозой штрафа. Наконец, в 1935 г. местные власти провели собрание общественности, на котором было решено закрыть мечеть, как «бездействующую» в течение 2 лет, для переоборудования под сельскую школу⁵³⁸.

В с. Новоякупово Абдулинского района 17 апреля 1934 г. представители местной администрации самовольно взломали замки и забрали мечеть под склад хлеба. Через некоторое время помещение было освобождено, однако, летом на период полевых работ снова занято: сначала под ясли для детей колхозников, а затем и школу, хотя в селе имелись для этого и более подходящие здания. Члены мусульманской общины также внесли за 1934 г. все налоги и страховые взносы на 130 руб. И хотя сельсовет уже твердо нацелился на закрытие места

⁵³⁷ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 1632. Л. 121–122.

⁵³⁸ ГА РФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 1632. Л. 115, 117.

молитвы, но бесстыдно потребовал с верующих еще 1000 руб. на приобретение облигаций государственного займа⁵³⁹.

Для вытеснения религии из общественной жизни вообще активно использовались фискальные меры. Культовые здания были обложены непомерными налогами и обязательными страховыми взносами. Прежде мусульманские священнослужители уплачивали налоги на общих основаниях и по единым ставкам, установленным для всех категорий плательщиков. Согласно Положению о подоходном налоге 1924 г. его максимальная прогрессивная планка составляла 37,5 %. Однако с 1926 г. служители культа были приравнены к лицам, живущим на нетрудовые доходы, максимальную ставку подоходного налога для них увеличили до 67,5 %, а с 1927 г. – до 81 %.

В рамках государственной атеистической кампании в 1930–1937 годах были закрыты все мечети в Оренбургском крае. К этому времени общее количество зарегистрированных мусульманских общин по сравнению с дореволюционным периодом сократилось по РСФСР до 35 %, а по всему Советскому Союзу – до 27 %⁵⁴⁰. Параллельно с передачей храмов государственным учреждениям были проведены массовые аресты духовенства. В 1930-е гг. по приговорам внесудебных органов в Оренбургском крае были необоснованно расстреляны 12 мусульманских священнослужителей: с. Новоякупово Абдулинского района Насретдин Идрисов (1880–1931), пос. Акбулак ныне Акбулакского района Улюме Катаевич Катаев (1877–1937) и Галиулла Салаватов (1873–1937), с. Асекеево ныне Асекеевского района Мухаммедхаррас Шарифзянович Сулейманов (1871–1937), с. Карагузино ныне Саракташского района Мухаммедзакир Абдулвалиевич Халитов (1877–1937), с. Кульчумово ныне Саракташского района Ахмат-Газис Вагизович Бакиев (1872–1937), с. Кутлуево ныне Асекеевского района Абдулхак Абдулкадырович Мазитов (1869–1937), с. Новосултангулово ныне Асекеевского района Габдулкуптдус Бурганутдинов (1862–1937), с. Новоякупово Абдулинского района Кашаф Булатов (1864–1937), г. Оренбурга Абдулла Загидуллович Кашаев (1883–1938), г. Соль-Илецка Сабит Исмагилович Зайтов (1860–1937), с. Тарханы ныне Асекеевского район Махмут Идрисов (1886–1937)⁵⁴¹.

⁵³⁹ ГА РФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 1455. Л. 42–43.

⁵⁴⁰ Ислам и мусульманская культура в Среднем Поволжье: история и современность. Очерки. – Казань: Мастер Лайн, 2002. – С. 300.

⁵⁴¹ Книга памяти жертв политических репрессий в Оренбургской области. – Калуга: Золотая аллея, 1998. – С. 31, 51, 52, 132, 143, 144, 283, 338, 358; Денисов Д. Н. Репрессии против мусульманских священнослужителей в 1920–1930-е гг. // Край Оренбургский. Праведной дорогой ислама. – Оренбург: Орлит-А, 2007. – С. 114–116.

Десятки духовных лиц были подвергнуты длительным срокам заключения, высылке в Среднюю Азию и Сибирь. Типичным примером того, как государственная машина перепахала судьбу целой семьи, может служить история муэдзина с. Верхние Чебеньки ныне Сакмарского района Карима Мухаметгалимовича Искандарова (1890–1967). В конце 1920-х – начале 1930-х гг. он попал под раскулачивание вместе со всей своей семьей, двумя братьями Галимом и Хакимом, сестрами Фархиямал и Хусниямал, шестью их взрослыми детьми и был выслан на поселение в Акмолинскую область Казахстана. Строил железную дорогу Караганда – Кузнецк, работал в совхозе поселка № 5 Шортандинского района Акмолинской области. Там же потерял всю свою семью: сначала схоронил двух несовершеннолетних сыновей – Расиха и Фагима, замужнюю дочь Минзифу. Двое других сыновей «врага народа» Габдрахман и Габрауф погибли на фронтах Великой Отечественной войны. Неизлечимо больная жена Фатыма умерла в 1954 г. И только тогда, после смерти И. В. Сталина Карим Искандаров смог вернуться в родное село. Умер он в полном одиночестве в 1967 г.⁵⁴².

Под давлением репрессий религиозная жизнь мусульман Оренбуржья во многом перешла из общественной сферы в частную, семейную, где втайне продолжали исповедовать ислам, придерживаться традиционных обрядов.

В годы Великой Отечественной войны органы власти вынуждены были изменить свое отношение к отдельным, наиболее массовым и лояльно настроенным религиозным культам и организациям. Реалии военного положения диктовали необходимость проведения политики, направленной на гражданское единение. Продолжение конфронтации власти и религии могло привести к опасному расколу в обществе. В результате уже в последние военные годы органы власти переходят к проведению более либеральной религиозной политики. Церковные организации, занявшие с первых дней войны патриотическую позицию, стали союзниками советского государства в борьбе против фашизма и обрели тем самым возможность построить свои отношения с властью на новых условиях. Наряду с православной церковью активно сотрудничали с органами советской власти и мусульманские религиозные организации. В мечетях производился сбор продуктов, одежды, денежных средств, распространялись облигации государственных займов для нужд фронта. Муфтий ЦДУМ Г. Расулев на-

⁵⁴² Искандаров Р. Ш. Верхние и Нижние Чебеньки. – Сакмара, 1999. – С. 130–131.

правил на имя И. Сталина телеграмму, в которой упомянул о своем послании к мусульманам с призывом жертвовать средства на постройку танковой колонны. Личный взнос муфтия составил 50 тыс. рублей. Эта телеграмма и ответ на нее И. Сталина, который благодарил муфтия за заботу о бронетанковых силах Красной Армии, были опубликованы в марте 1943 г. в газете «Известия»⁵⁴³. Кроме материальной помощи и патриотических обращений к мусульманскому населению страны, высшее мусульманское духовенство объявило священную войну против фашистской Германии.

Соответственно несколько изменились и формы контроля за деятельностью религиозных организаций. В сентябре 1943 г. при Совнарком (с 1946 г. – при Совете Министров) был учрежден Совет по делам Русской православной церкви. 19 мая 1944 г. также при Совнарком создается Совет по делам религиозных культов (далее СРК СНК СССР), как орган, призванный осуществлять деятельность по координации взаимоотношений между органами власти и религиозными организациями всех конфессий, исключая православие. Непосредственно на местах эти функции возлагались на уполномоченных СРК, деятельность которых регламентировалась распоряжением заместителя Председателя СНК СССР Молотова от 25 марта 1945 г. Первым уполномоченным СРК по Чкаловской области (с 1938 по 1957 годы Оренбургская область носила такое название) стал С. Царев. Непосредственно к уполномоченному обращались верующие со всеми вопросами, касающимися регистрации религиозных общин, открытия молельных домов, проведения религиозных праздников и многим другим вопросам.

26 февраля 1945 г. Комиссией СНК СССР по освобождению и отсрочкам от призыва по мобилизации было принято постановление, освобождающее от призыва служителей культа официально зарегистрированных религиозных организаций и действующих молитвенных зданий. Важнейшим документом, обозначившим некоторое изменение государственной политики по отношению к религиозным объединениям, стало постановление СНК СССР от 28 января 1946 года «О молитвенных зданиях религиозных культов». Зарегистрированным религиозным обществам представлялись ограниченные права юридического лица, разрешалось производство предметов религиозного культа и продажа их верующим, аренда, строительство и покупка в собственность строений (кроме молитвенных зданий), открытие

⁵⁴³ Известия. – 1943. – 3 марта.

текущих счетов в отделениях Госбанка, приобретение транспортных средств⁵⁴⁴. Кроме того, 3 декабря 1946 г. постановлением СМ СССР «О порядке обложения налогом служащих религиозных культов» был несколько снижен уровень налогообложения духовенства, а в августе 1948 г. по отношению служащих религиозных культов был смягчен паспортный контроль.

Улучшению взаимоотношений между органами советской власти и мусульманскими религиозными организациями способствовало также то, что после войны советское правительство, в интересах сближения с мусульманскими государствами Ближнего Востока, нуждалось в активной просоветской позиции мусульманского духовенства. Намечившееся потепление взаимоотношений с советскими структурами и их политическая заинтересованность, в свою очередь, были использованы религиозными общинами для легализации своей деятельности и возобновления работы молитвенных зданий.

В Чкаловской области в этот период действующих мечетей не оставалось. Активизация мусульманского населения в Чкаловской области пришлось на последние военные годы. Первыми в январе 1944 г. в Совнарком обратились верующие-мусульмане с. Старомукменево Асекеевского района. Однако к этому времени при Совмине был создан только Совет по делам Русской православной церкви, и заявителям был дан ответ, что рассмотрение вопроса об открытии мечети не входит в его компетенцию⁵⁴⁵.

В 1944 г. на проведение праздника Ураза-байрам в Чкалов прибыл секретарь муфтия Центрального духовного управления мусульман (ЦДУМ) Г. З. Расулева – Баймухамет Тугузбаев. 6 августа, выступая на кладбище перед верующими, он отчитался о работе ЦДУМ, призвал чкаловских мусульман к сбору пожертвований в Фонд обороны, и в то же время выразил пожелание об открытии в Чкалове мечети. Это выступление побудило верующих обратиться с соответствующим ходатайством в местные органы власти с ходатайством об открытии мечети⁵⁴⁶. 8 февраля 1945 г. Чкаловским облисполкомом было принято положительное решение об открытии мечети. 16 марта оно было утверждено Советом по делам религиозных культов. Уже в 7 апреля

⁵⁴⁴ Собрание Узаконений РСФСР. – Т. 232. – С. 101.

⁵⁴⁵ Архив управления внутренней политики аппарата Губернатора и Правительства Оренбургской области. Дело № 11 об открытии мечети в с. Мукменово Асекеевского района. Л. 1–3.

⁵⁴⁶ ГАОО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 211. Л. 147.

1945 г. чкаловская община была официально зарегистрирована, и ей передано здание бывшей 3-й соборной мечети г. Оренбурга по адресу Конно-Сенная площадь, д. 3.

7 апреля 1945 г. муллой Чкаловской мечети был утвержден Зиятдин Мухамеджанович Рахманкулов. Он родился 2 (14) мая 1881 г. в семье потомственных священнослужителей⁵⁴⁷. Его отец Мухамеджан Абдулгагирович Рахманкулов был 2-м муллой 1-й соборной мечети города Троицка (ныне Челябинской области), брат Габдрахман – 1-м имамом 3-й мечети, дядя Ахметхази Абдулгагирович Рахманкулов – 1-м муллой 1-й соборной мечети, ахуном г. Троицка и Троицкого уезда, один двоюродный брат Мухаммедвали Ахметхазиевич Рахманкулов служил 2-м имамом в том же приходе, а другой, Хасан Ахметхазиевич, – в селе Редутово ныне Чесменского района Челябинской области. Сам Зиятдин уже в 1899 г. совершил хадж, а в 1905 г. окончил одно из троицких медресе. Указом Оренбургского губернского правления от 24 августа 1906 г. № 3168 он был утвержден в должности 2-го муллы, а также в званиях имама-хатыба и мударриса к 3-й соборной мечети г. Троицка⁵⁴⁸. После ее закрытия перебрался в Ташкент, где 2 года работал переводчиком в государственных органах. С 1934 по 1937 годы находился на иждивении сына, после чего снова вернулся на государственную службу в качестве канцелярского и торгового работника.

Уполномоченный Совета по делам религиозных культов в регионе называл его «маститым знатоком всех догматов Корана». З. М. Рахманкулов владел русским, татарским, арабским, персидским, турецким языками, хуже знал английский и немецкий языки. Будучи грамотным и опытным служителем культа, он пользовался среди верующих исключительным авторитетом. Многие мусульмане среднего возраста, в обычные дни не посещавшие мечеть, во время почитаемых религиозных праздников специально приходили в храм послушать его проповедь.

Сама же мечеть открылась лишь в августе 1945 г. Задержка произошла по вине руководства швейной фабрики, медлившего с переселением учащихся школы ФЗО, которые занимали здание мечети под общежитие⁵⁴⁹. Для их проживания было выделено другое помещение по Пьяновскому переулку, д. 21, но потребовалось время для его ремонта и вывоза туда оборудования трикотажной фабрики.

⁵⁴⁷ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 38. Л. 164 об. – 165.

⁵⁴⁸ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4235. Л. 616 – 616 об.

⁵⁴⁹ ГАОО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 173. Л. 15.

Чкаловская мечеть представляла собой каменное здание с крытой железными листами крыши. Высота минарета составляла 28 метров. Внешняя и внутренняя архитектура молитвенного здания были в хорошей сохранности. Подвальное помещение под мечетью использовалось под хранение овощей. Одно отделение подвала мечети было передано общине только 1 сентября 1947 г. На территории мечети располагалась разделенная на две половины сторожка, в которой предполагалось поселить имама и сторожа. Однако сама сторожка религиозному обществу наряду с мечетью передана не была, и в ней продолжали проживать частные лица – вдова погибшего на войне красноармейца Харченко и инвалид труда Малышев с женой. С целью их расселения религиозному обществу было предложено произвести ремонт полуразрушенного дома по ул. Постникова, 54. Но представители общины не согласились с таким вариантом, заявив, что не могут осуществлять ремонт квартиры для Малышева, как недостойного человека. Тем не менее, за счет общины было выделено 15 тыс. рублей гражданке Харченко, которая приобрела для себя дом и освободила половину сторожки. Для переселения же семьи Малышева, который вел себя вызывающе, затрагивая национальные и религиозные чувства мусульман, потребовалась помощь местных властей.

В 1946 г. Чкаловская община подписалась на государственный заем на общую сумму 30 тысяч рублей⁵⁵⁰. В свою очередь, советские органы власти также, по возможности, старались учитывать интересы и нужды верующих. Так, например, в 1946 г. были удовлетворены просьбы мусульман об упорядочении торговли мясом на городском рынке, где до этого она осуществлялась смешанно всеми видами мяса. Переоборудование, по указанию председателя горсовета, рынка для торговли отдельно свининой, говядиной, бараниной и кониной было положительно встречено не только татарским, но и русским населением.

Практически сразу вслед за верующими Чкалова стали направлять свои ходатайства о регистрации религиозных общин мусульмане и из других районов области. В октябре 1945 г. было зарегистрировано общество мусульман села Старокульшарипово Асекеевского района (численность верующих около 80 человек). Помещение мечети, переданной по договору религиозному обществу, с 1936 по 1940 гг. использовалось под клуб. В годы войны ее использовали для хранения зерна. Одноэтажное деревянное здание было лишено минарета.

⁵⁵⁰ ГАОО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 173. Л. 5, 74.

Служителем культа был утвержден имам Зуфар Мукимов (1888 г. р., имел низшее духовное образование).

Мусульмане села Султакай ходатайствовали о возвращении им здания бывшей мечети, но так как оно было переоборудовано под клуб, верующие согласились использовать под молитвенное здание пустующий одноэтажный бревенчатый дом. В декабре 1945 г. мусульманская община в селе Султакай численностью 60 верующих была официально зарегистрирована. Иمامом мечети стал Мухамедгалин Габдрахманов (1875 г. р., в 1901 г. окончил медресе в с. Каргала, с 1929 г. состоял в колхозе).

Следующее мусульманское религиозное общество было зарегистрировано в октябре 1946 г. в селе Татарская Каргала, где в пользование верующих была возвращена мечеть № 8. Иمامом мечети был утвержден Халиулла Газизович Даутов. Родился он в 1872 г. здесь же, в с. Каргала, где в 1894 г. окончил медресе. В период с 1894 по 1910 гг. служил в 23-м пехотном Козловском полку, который дислоцировался сначала в Курске, а затем в Харькове. После демобилизации Х. Г. Даутов десять лет, с 1910 по 1920 гг., работал учителем в одном из каргалинских медресе. Затем, вплоть до открытия мечети в 1946 г. трудился на различных работах в селах Татарская Каргала и Верхние Чебеньки. Одним из основных мотивов при удовлетворении ходатайства стало то, что Каргала – старинное татарское селение, в котором до революции имелось девять мечетей.

По тем же мотивам и также в октябре 1946 г. была открыта мечеть и в городе Соль-Илецке (ул. Пионерская, д. 5). Верующим была возвращена в пользование самая маленькая по размерам мечеть, находящаяся на окраине города. Старое деревянное одноэтажное здание мечети требовало ремонта. Мечеть имела минарет и галерею для женщин. 7 декабря 1946 г. с общиной верующих был заключен договор о передаче в безвозмездное и бессрочное пользование мечети. Иمامом мечети был утвержден Улсульфазыл Мустафин (1879 г. р., в 1908 г. окончил Оренбургское Караван-Сарайское духовное училище, духовное звание – имам-хатыб). Обязанности азанчи исполнял Абдрахман Биктимиров (1892 г. р.), в обязанности которого входили охрана здания мечети, ее отопление в зимнее время, призыв к молитве с минарета и омовение покойников.

В декабре 1946 г. было возвращено здание бывшей мечети зарегистрированному обществу мусульман села Старое Гумерово. В декабре 1946 г. зарегистрированному обществу мусульман села Старое Гуме-

рово было возвращено здание бывшей мечети. Деревянное здание мечети было одноэтажным, без минарета. Имамом был утвержден Мухамедали Азнабаев (1888 г. р., в 1904 г. окончил медресе в г. Оренбурге).

И последним, в январе 1947 г. было зарегистрировано религиозное общество мусульман в селе Новомусино Шарлыкского района, где верующие под молитвенное здание арендовали переднюю часть частного дома гражданина Бикмурзина⁵⁵¹. В 1947 г. общиной был построен молитвенный дом. Муллоу мечети был утвержден Мусалимов Кабир Адгамович. Он родился в 1890 г. В 1915 г. окончил медресе в Уфимской губернии. С 1915 по 1929 гг. был учителем медресе и муллоу в Белебеевском уезде и кантоне.

Таким образом, всего за 1945–1947 гг. в регионе было зарегистрировано 7 общин мусульман. Для координации их работы в 1946 г. ЦДУМ назначило имам-хатыба административного центра З. М. Рахманкулова мухтасибом Чкаловской (ныне Оренбургской) области.

Однако далеко не все заявления верующих о регистрации их общин удовлетворялись. Большая часть обращений отклонялась органами государственной власти под различными предлогами. В январе 1947 г. Советом по делам религиозных культов было распространено инструктивное письмо «О порядке оформления дел об открытии молитвенных зданий». В нем указывался расширенный перечень документов, необходимых для решения вопроса об открытии молитвенного здания. Здесь же оговаривались возможные мотивы отклонения ходатайств: непригодность здания, малочисленность группы верующих, использование здания под культурные, производственно-оборонительные цели или под жилье, наличие поблизости культового здания той же конфессии и другие. С этого момента регистрация религиозных общин в Чкаловской области практически была прекращена. Причины отклонения ходатайств были вполне типичными. Так, заявление верующих об открытии второй мечети в г. Чкалове было оставлено без последствий в виду использования здания мечети под оборонные нужды. Два ходатайства от верующих сел Тукай и Ново-Султангулово отклонены в связи с переоборудованием зданий мечетей под клубы. Основанием для отказа в регистрации общины с. Нежинка стало размещение в бывшей мечети МТС. Использование здания мечети под школу послужило основанием к отклонению ходатайства жителей с. Баширово. Наиболее любопытна формулировка Краснохолмс-

⁵⁵¹ ГАОО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 211. Л. 145–146.

кого райисполкома, на основании которой было отказано в регистрации верующим мусульманам с. 1-я Зубочистка. Местные власти сообщали о том, что здание мечети переоборудовано под клуб, но временно используется под зернохранилище⁵⁵². Всего в течение 1945–1946 гг. мусульманами Чкаловской области было подано 15 ходатайств, из которых удовлетворены только 6. За 1947 г. от местных верующих поступило еще 6 заявлений о регистрации исламских общин, но уже все они получили отказ.

В первые послевоенные годы верующие мусульмане получили возможность возобновить паломничество в Мекку. В 1944 г. священн^{ый} для мусульман город удалось посетить 6 верующим из СССР, в 1945 г. уже 17. Все претенденты на поездку проходили тщательную проверку на предмет своей благонадежности. На 1946 г. было запланировано паломничество 30 верующих. Однако хадж не состоялся по причинам нелетной погоды, во всяком случае, так было объявлено официально⁵⁵³. В 1947 г. планировалось паломничество в Мекку 40 верующих. В состав этой группы был включен и мухтасиб З. М. Рахманкулов. В связи с этим он, совместно с членами исполнительного органа чкаловской общины, обратился к уполномоченному с просьбой оказать содействие в обеспечении соответствующей этому событию одеждой, «чтобы наша Чкаловская область других не подвела»⁵⁵⁴. В результате, через уполномоченного в «Особторге» удалось подобрать качественный материал и пошить из него на фабрике индивидуальных заказов подходящий костюм. Кроме того, Рахманкулову была предоставлена «броня» на получение билета до Москвы. К сожалению, радостные приготовления оказались напрасными. Решением Правительства паломничество было отложено на 1948 г. в связи с установлением противохолерных карантин^{ов} в странах Ближнего Востока и Египте. Вместе с тем, на проходившем в Москве с 11 по 15 июля 1947 г. кустовом совещании уполномоченных Совета по делам религиозных культов отмечалось, что проведенные в предыдущие годы с помощью Совета паломничества в Мекку «способствовали разоблачению антисоветской клеветы в странах Востока»⁵⁵⁵.

⁵⁵² ГАОО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 173. Л. 115–121.

⁵⁵³ Потапова А. Н. К вопросу о паломничестве к святым местам // Религия и общество: судьбы людей и народов. Материалы молодежно-студенческой научно-практической конференции. – Оренбург: Изд. центр ОГАУ, 2003. – С. 62–63.

⁵⁵⁴ ГАОО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 173. Л. 124.

⁵⁵⁵ Центр документации новейшей истории Оренбургской области (ЦДНН^ИОО). Ф. 371. Оп. 11. Д. 186. Л. 5.

Ежегодно перед проведением мусульманских праздников Ураза-байрам и Курбан-байрам ЦДУМ распространяло обращения ко всем общинам верующих, в которых содержались рекомендации по соблюдению советского законодательства, во избежание конфликтных ситуаций и неудовольствия со стороны властных структур. В июне 1947 г., после выхода в свет Постановления СМ СССР «О ликвидации нарушений устава сельхозартели» ЦДУМ выступило с обращением с призывом к верующим не ослаблять своей работы на производстве в период проведения праздника Ураза. Это обращение было зачитано Чкаловским мухтасибом З. Рахманкуловым перед верующими сразу после молитвы. В дни религиозных праздников служителям культа рекомендовалось проводить молитвы в утренние часы, до начала рабочего дня, чтобы совершение религиозного обряда не имело своим последствием нарушение трудовой дисциплины.

Одним из последних значительных проявлений либерализации государственной религиозной политики стало постановление правительства СССР от 11 сентября 1948 г., разрешающее проведение IV меджлиса мусульманского духовенства (предыдущий подобный съезд состоялся в 1926 г.). Представительство на меджлисе от регионов строго контролировалось органами власти, так же как и повестка заседаний съезда мусульманского духовенства. Так, от Чкаловского мухтасибата полагалось избрать 2 делегатов. Для их избрания в Чкалов прибыли выборщики от 6 религиозных общин. Из-за дальнего расстояния и осеннего бездорожья не смогли прибыть на выборы делегатов только представители от общины мусульман села Новомусино. Выборы проходили по двум кустам. От первого делегатом на съезд мусульман был избран мухтасиб З. М. Рахманкулов, а от второго – имам мечети села Старокульшарипово З. Мукимов⁵⁵⁶.

В общей сложности меджлис, который был оперативно создан уже в октябре 1948 г., собрал 53 делегата от мусульманских объединений РСФСР, а также религиозных деятелей из других союзных республик Средней Азии, Украины, Литвы и Белоруссии, приглашенные в качестве гостей. На съезде З. М. Рахманкулов был избран казыем и заместителем муфтия Духовного управления мусульман Европейской части СССР и Сибири (ДУМЕС), а с конца 1948 г. стал совещать должности мухтасиба Чкаловской (ныне Оренбургской) и Куйбышевской (ныне Самарской) областей.

⁵⁵⁶ ГАОО. Ф. Р-617. Оп. 1 Д. 211. Л. 49.

Делегат меджлиса приняли новый устав, переименовавший ЦДУМ в Духовное управление мусульман Европейской части СССР и Сибири (ДУМЕС). Однако новый документ, составленный под контролем соответствующих структур, наглядно свидетельствовал о постепенном изменении подходов к взаимодействию государства с религиозными организациями. В соответствии с уставом ДУМЕС из числа полномочий высшего органа мусульман изымалось право выдачи разрешений на открытие новых приходов, образование новых и изменение границ существующих мухтасибатов, возможность составления метрических книг и выдачи на их основе справок. Кроме того, ДУМЕС окончательно терял право открывать религиозные школы и краткосрочные курсы для мулл и муэдзинов. Среди сохранившихся полномочий Духовного управления можно отметить возможность разъяснять верующим основы ислама и право толкования вопросов религиозной догматики. ДУМЕС наделялся правом выдачи удостоверений и смещения служителей религиозного культа за нарушения предписаний ислама и советского законодательства. В обязанности ДУМЕС входило ведение учета количества мечетей, молитвенных домов и религиозных обществ⁵⁵⁷. По сути дела новым уставом были формально зафиксированы уже сложившиеся к этому периоду принципы взаимоотношений государства и мусульманских религиозных организаций.

Окончание войны позволило советским органам власти приостановить политику либерализации по отношению к религии. Фактически уже с 1947 г. начинается новый этап государственной антирелигиозной кампании. Более четко эта линия политики была обозначена в инструкции СРК, распространенной среди уполномоченных на местах в апреле 1948 г. В ней «категорически» предлагалось прекратить всякую регистрацию религиозных общин. В период с 1947 по 1951 гг. от мусульман Чкаловской области было направлено 19 ходатайств, однако ни одно из них удовлетворено не было.

Анализ подаваемых заявлений позволяет сделать вывод о том, что почти во всех случаях верующие просили о возвращении им старых культовых зданий, несмотря на то, что большинство из них уже давно было переоборудовано под школы, клубы и другие культурно-просветительные учреждения. В подобных случаях советские органы власти никогда не шли на уступки верующим. Только при условии, если молитвенное

⁵⁵⁷ Юнусова А. Б. Ислам в Башкортостане. – Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 1999. – С. 216–218.

здание оставалось пустующим или использовалось под хозяйственные нужды, ходатайства верующих могли быть удовлетворены.

В некоторых случаях успешному продвижению ходатайств мешала разобщенность верующих. Во многом это объясняется сохраняющимися противоречиями между отдельными мусульманскими общинами. Зачастую верующие близко расположенных друг от друга селений, и даже проживающие в одном населенном пункте, отказывались подавать объединенные ходатайства. В силу своей разобщенности отдельные малочисленные религиозные группы чаще всего не имели материальной возможности не только построить новые молитвенные здания, но и даже арендовать отвечающие всем требованиям помещения для молитвенных собраний. Впрочем, имелись случаи и совершенно обратного рода. Так, верующие села Асекеево самостоятельно построили молитвенное здание, правда не получив на это разрешения, почему в результате им и было отказано в регистрации общины. Райисполком запретил верующим собираться на молитвы в незарегистрированной мечети. Общество мусульман села Новомусино не только совместно арендовало помещение, но и имело планы строительства нового молитвенного помещения⁵⁵⁸. Однако подобные случаи оставались единичными.

Между тем, официально зарегистрированные религиозные общества в силу малочисленности были просто не в состоянии удовлетворить духовные потребности широких масс верующих. Это привело к развитию скрытых форм богослужения в незарегистрированных религиозных группах. Их возглавляли зачастую бывшие муллы или просто старики, не имевшие специального религиозного образования, но хорошо знавшие Коран, молитвы и правила шариата. По состоянию на конец 1950 г., в Чкаловской (ныне Оренбургской) области действовали 64 незарегистрированные религиозные группы мусульман общей численностью 3275 человек⁵⁵⁹. Из них от 39 общин ходатайства о легализации религиозной деятельности в органы государственной власти вообще никогда не поступали. В ряде населенных пунктов, таких, например, как с. Кутлуево Асекеевского района, с. Ибряево Секретарского района, с. Озерки Илекского района, г. Бугуруслан⁵⁶⁰ и некоторых других, численность верующих в нелегально действующих религиозных обществах составляла от 100 до 300 человек.

⁵⁵⁸ ГАОО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 211. Л. 34–35.

⁵⁵⁹ ГАОО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 228. Л. 17.

⁵⁶⁰ ЦДННАО. Ф. 371. Оп. 14. Д. 173. Л. 6.

В ежедневных и пятничных молитвах из-за трудовой занятости, как правило, принимали участие лишь старики. Но мусульманские праздники отмечались очень широко. Причем зачастую местные руководители относились к этому вполне спокойно, или даже способствовали верующим в соблюдении религиозных обрядов, отдавая дань общим национально-культурным традициям. Так, в сообщении начальника УМГБ Чкаловской области М. Никулина в облисполком от 5 сентября 1947 г. приводятся данные о том, что в с. Черновка Соль-Илецкого района председатель колхоза «День урожая», член Коммунистической партии Есенжанов участвовал в обряде жертвоприношения в честь религиозного праздника Курбан-байрам, при этом была зарезана колхозная корова. В Ибряевском сельсовете Секретарского района председатель колхоза и секретарь первичной парторганизации объявили выходным первый день праздника Ураза-байрам. Тогда же в колхозе «Ирек» («Свобода») Асекеевского района верующие мусульмане на работу не вышли, а в других хозяйствах района трудились только комбайнеры и трактористы⁵⁶¹.

После завершения мусульманских религиозных праздников местные органы направляли уполномоченному отчеты об участии верующих в совместных молениях. По некоторым фактам, изложенным в этих отчетах, можно судить о масштабах религиозной жизни в местах, где отсутствовали официально зарегистрированные религиозные организации. Так, 22 сентября 1950 г. в с. Асекеево на молитву в день праздника Курбан-байрам на сельских кладбищах собирались две группы верующих по 40–50 человек в каждой. Сюда же съехались верующие из близлежащих поселков Кзыл-Юлдуз, Муслимовка, Рамазановка и Урняк. В Асекеевском районе мусульмане собирались также в селах Кутлуево (40 человек молилось под открытым небом), Старомукменово (55 человек, включая верующих из соседних поселков Игенчеляр и Шамасовка), Новосултангулово (50–60 мусульман, в том числе из с. Старосултангулово и д. Курбанай). Во всех татарских селах района в дни праздника было забито около 60 голов овец. В г. Орске верующие в дни праздника Курбан-байрам собирались на окраине города, в Форштадте и молились во дворе дома Нигматулина. 22 сентября на праздничной молитве здесь присутствовало 120 человек, в том числе 30 женщин. В жертву было принесено свыше 10 баранов. Около трех часов длился молебен на кладбище с. Старая Белогорка Новосергиевского района. На него собра-

⁵⁶¹ ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 11. Д. 796. Л. 32.

лось около 30 мусульман. После богослужения верующие расходились по гостям, готовили угощения.

Большинство представителей татарского, казахского и башкирского населения, несмотря на то, что и не собирались на праздничную молитву, тем не менее, в день Курбан-байрама готовили блюда национальной кухни, накрывали стол, приглашали родственников и соседей на праздничный обед.

В с. Наурузово Пономаревского района рано утром 22 сентября 1950 г., в день праздника Курбан-байрам богослужение проводилось в поле, около кладбища. На нем присутствовало около 85 человек, в том числе 35 детей и подростков. Молитву читал житель этого села Т. Идрисов. 5 июля 1951 г. праздник ураза-байрам в с. Наурузово отмечали 102 человека, которые собрались для общей молитвы на кладбище. Проповедь читал «бродячий мулла» Т. Идрисов. В с. Дюсметьево этого же района Курбан-байрам в 1950 г. отмечали около 80 человек во главе с колхозником М. Габидулиным. На праздничную молитву в день праздника Ураза-байрам в 1951 г. собрались 31 мусульманин⁵⁶². В Бугуруслане в этот день на кладбищах собиралось порядка 150–200 человек. В 8 сельсоветах Абдулинского района в праздничных молитвах принимали участие 135 человек.

Таблица 4 – Посещение мусульманами молитвенных собраний в мечетях Чкаловской (ныне Оренбургской) области в 1947–1949 гг.⁵⁶³

Мечеть	Обычный день			Обычный день месяца Рамадан			Обычная пятница			Пятница месяца Рамадан			Намаз в день Ураза-байрама и Курбан-байрама		
	1947	1948	1949	1947	1948	1949	1947	1948	1949	1947	1948	1949	1947	1948	1949
г. Чкалов	30	25-30	25-30	40-45	40-45	40-45	200	200-250	200-250	250-300	250-300	250-300	3000	3500-4000	3500-4000
г. Соль-Илецк	15	15-20	15-20	20-23	20-25	20-25	50	30-40	30-40	60-70	50-65	50-65	450	350-400	150-200
с. Каргала	12-	12-	12-	18-	18-	15-	25-	30-	25-	40-	40-	30-	350	250-	150-

⁵⁶² Архив управления внутренней политики аппарата Губернатора и Правительства Оренбургской области. Дело № 2с Секретная переписка с Советом по делам религиозных культов при СМ СССР. 18 февраля 1950 г. – 7 декабря 1962 г. Д. 2с. Л. 10–13, 17, 20–21, 25, 44, 45.

⁵⁶³ ГАОО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 211. Л. 36, 158.

	14	15	15	22	22	20	30	40	30	45	45	35		300	175
с. Султакай	10- 12	10- 12	10- 12	15- 28	15- 25	15- 25	20	20- 23	20- 23	25- 30	25- 30	20- 25	60	60- 70	55- 65
с. Новомусино	25	15- 20	15- 20	30- 35	30- 35	20- 25	45	45- 50	45- 50	50- 60	50- 60	60- 70	–	200- 250	110- 120
с. С. Кульша- рипово	10- 12	10- 12	10- 12	15- 20	15- 20	18- 25	30	20- 25	20- 25	40- 45	40- 45	40- 45	–	200	150
с. С. Гумерово	10- 12	10- 15	10- 15	15- 18	15- 18	12- 16	20	20- 25	20- 25	30- 35	30- 35	30- 35	–	60- 70	60- 70

В мае 1950 г. большое деревянное здание мечети в с. Старо-Гумерово было разобрано и материалы использованы для строительства семилетней школы в соседнем с. Кутуш. Поводом для изъятия здания мечети у верующих явилось то, что они не выполнили условия договора о передаче здания мечети в пользование религиозной общине. В соответствии с этим документом верующие обязаны были произвести ремонт здания. Однако к 1950 г. половина помещений мечети не имели пола и потолка, 5 из 14 окон были заделаны саманом, остальные окна имели только одинарные летние рамы. Одна небольшая печка голландского типа не в состоянии была обогреть большое помещение площадью 80 кв. метров. Такое состояние мечети позволило местным властям обвинить членов религиозной общины в нерадивом отношении к зданию и изъять его для общественных нужд. Причем сделано это было местными властями самовольно, без получения разрешения у областных органов и Совета по делам религиозных культов. Позднее, после того как Совет по делам религиозных культов указал на незаконность подобных действий, были подготовлены все необходимые для изъятия здания мечети документы. Облисполком поддержал действия Старо-Гумеровского сельсовета. Более того, облисполком считал необходимым снять с регистрации общество верующих с. Старо-Гумерово.

Большое внимание советские органы уделяли контролю за деятельностью руководителей религиозных организаций. Чкаловский мухтасиб З. М. Рахманкулов пользовался среди верующих большим авторитетом. Всего в первые послевоенные годы в городе насчитывалось около восьми тысяч верующих мусульман. По этой причине Рахманкулов все свое основное внимание уделял городской общине. В отличие от сельских общин, где намаз совершался в мечетях два-три раза в день, в Чкалове молитвенные собрания проводились ежеднев-

но пять раз. Посещаемость на протяжении многих лет оставалась стабильной: на утренний намаз приходило 20–30 верующих, в полдень 40–50, в пятницу в полдень собиралось до 250 человек. В дни религиозных праздников Курбан-байрам и Ураза-байрам в большой молитве участвовало ежегодно от трех до четырех тысяч верующих. Мечеть не могла вместить такое большое количество людей, и поэтому в дни праздников молитвенные собрания проходили во дворе мечети.

Одной из особенностей мусульманского культа является тесная связь имама со своими прихожанами, что выражается в индивидуальной работе с верующими. Поэтому мусульманские общины всегда были немногочисленны, а в населенных пунктах обычно было несколько мечетей. Рахманкулов же вынужден был один обслуживать всех верующих мусульман г. Чкалова. Ежедневно в мечети проводилось пять молитвенных собраний. В конце 1940-х – начале 1950-х годов эти собрания стабильно посещали: утром 25–30 человек, в полдень – 40–50 чел., в пятницу в полдень – 200–250 чел. Во время праздничных молитв число прихожан превышало 3 тыс. человек. Помимо совершения обычных религиозных обрядов, мухтасиб ежедневно, после полуденного намаза посещал верующих, проводил с ними беседы, призывал более аккуратно посещать молитвенные собрания в мечети. Несмотря на то, что в этих посещениях Рахманкулову помогал муэдзин мечети М. А. Аминов, даже совместно они были не в состоянии удовлетворить все нужды верующих. В связи с этим, в 1947 г. верующие обратились с ходатайством об открытии в Чкалове второй мечети. Ходатайство было отклонено, а верующим порекомендовали обратиться в ЦДУМ с просьбой о назначении в чкаловскую мечеть еще одного муллы. Первоначально, не имея материальной возможности содержать двух служителей культа, исполнительный орган общины отказался от этого предложения, и лишь в 1951 году, по инициативе муфтия, чкаловская община была подкреплена назначением второго имама мечети Ш. Яфаева⁵⁶⁴.

В 1951 г. обратился к уполномоченному с просьбой разрешить проведение ремонта мечети и благоустройства прилегающей территории. Предполагалось оштукатурить и побелить стены мечети и минарет, окрасить крышу, переложить печи, перекрыть железными листами крышу подвала. Ограду из отходов штамповочной жести предпо-

⁵⁶⁴ ГАОО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 228. Л. 82. (По другим данным, Ш. Яфаев был назначен вторым имамом мечети в г. Соль-Илецк, так как действующий имам мечети У. Муштафин тяжело болел и не мог полноценно выполнять свои обязанности (ЦДННОО. Ф. 371. Оп. 16. Д. 150. Л. 15.)

лагалось заменить на каменную. Кроме того, планировалось провести озеленение территории, высадив 200 пятилетних лип и 700 кустов акации⁵⁶⁵.

Столь напряженная работа в городской общине не позволяла Рахманкулову в должной мере заниматься делами и других религиозных общин мухтасибата. За период с 1945 по 1950 годы Рахманкулову не удалось ни разу посетить действующие в области общины, а всю информацию о движении ходатайств он получал в основном через уполномоченного Совета по делам религиозных культов по Чкаловской области С. Царева. Тот, кстати, по своему весьма положительно отзывался о Рахманкулове в своих отчетах, отмечая, что «...он не проявляет активности по развертыванию религиозного движения в области», а также «...без предварительного совета с уполномоченным не выезжает в командировки в приходы зарегистрированных мечетей Чкаловской области»⁵⁶⁶. Подобные утверждения в некоторой степени соответствовали действительности. Так, например, после того, как бугурусланской общине в 1951 г. было в очередной раз отказано в регистрации, муфтий, получивший жалобу от верующих, письменно попросил Рахманкулова разобраться на месте с вопросом об открытии мечети, если нужно, помочь правильно оформить ходатайство и договор аренды помещения. Рахманкулов, в свою очередь, обратился к уполномоченному за разъяснением причин отказа в регистрации. Последний, сославшись на неискренность и личную материальную заинтересованность инициатора ходатайств – Хуснутдинова, порекомендовал мухтасибу воздержаться от поездки, как тот и вынужден был поступить⁵⁶⁷. В Бугуруслан Рахманкулов смог попасть лишь заехав туда по пути, следуя в г. Куйбышев, куда он направлялся для ознакомления с делами присоединенной в 1949 г. к мухтасибату области и своего представления уполномоченному Совету по делам религиозных культов по Куйбышевской области. В этом же году Рахманкулов ездил в г. Орск, а в 1951 году дважды выезжал в г. Соль-Илецк.

В целом же столь тесное сотрудничество с органами советской власти, контролирующими деятельность религиозных организаций, следует рассматривать как разумную осторожность и единственно возможный путь к сохранению тех скромных возможностей, которые открылись перед верующими после войны. Тактика сотрудничества и

⁵⁶⁵ ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 16. Д. 150. Л. 14.

⁵⁶⁶ ГАОО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 211. Л. 147; Д. 228. Л. 80.

⁵⁶⁷ ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 16. Д. 150. Л. 9.

всемерного проявления лояльности к органам власти характерна для деятельности всех религиозных организаций в этот период. ЦДУМ, в частности, через свои циркуляры предписывало, например, не совершать обрядов бракосочетания без справки из органов ЗАГСа, не затягивать молитвенные собрания, дабы исключить опоздания на работу. Традиционным для религиозных общин стало внесение пожертвований в различные фонды и перечисление средств на государственные займы. тысяч рублей из средств, пожертвованных верующими в дни проведения праздника Ураза-байрам, от имени чкаловской общины были направлены на государственный заем в 1951 году.

Достаточно стабильным оставалось количество обрядов, совершаемых в мечетях Чкаловской области. При этом имеются все основания предполагать, что официальные данные несколько уменьшены, так как многие обряды совершались на дому у верующих. В таблице 5 приведены данные о количестве совершенных религиозных обрядов по шести действующим мечетям Чкаловской области за 1951–1953 годы.

Таблица 5 – Совершение религиозных обрядов в мечетях Чкаловской области в 1951–1953 гг.⁵⁶⁸

Мечеть	Годы	бракосочетаний	имянаречений	похорон	чтение мавлюдов
г. Чкалов	1951	58	47	71	85
	1952	70	31	115	90
	1953	62	29	72	100
г. Соль-Илецк	1951	6	6	12	20
	1952	10	13	11	15
	1953	6	6	7	15
с. Каргала	1951	8	10	6	25
	1952	7	8	6	20
	1953	6	9	5	20
с. Султакай	1951	9	10	5	15
	1952	8	9	4	12
	1953	8	10	5	нет свед.
с. Новомусино	1951	12	10	6	20
	1952	8	9	6	15

⁵⁶⁸ ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 17. Д. 1325. Л. 4.

с. Старокульшарипово	1953	7	7	5	нет свед.
	1951	30	25	12	30
	1952	22	20	10	20
	1953	16	17	7	нет свед.
Всего:	1951	123	105	112	195
	1952	125	90	152	172
	1953	105	78	101	135

Определенная роль отводилась религиозным организациям в распространении советской идеологии, в частности, пропаганде внешне-политической позиции советского руководства как внутри страны, так и за ее пределами. Например, в декабре 1951 года Ш. Хиялетдинов обязал З. М. Рахманкулова предложить всем имамам мечетей через проповеди и в беседах разъяснить верующим содержание постановлений, принятых на Всесоюзной конференции сторонников мира, участником которой был и муфтий ЦДУМ. В августе 1952 года в Чкаловскую соборную мечеть было направлено письмо из Духовного управления, в котором в очередной раз предписывалось не затягивать утренний молебен, а также предлагалась для проповеди тема – «Борьба народов за мир». Эта тематика стала постоянной. В своей проповеди З. Рахманкулов призвал верующих присоединиться «...ко всем честным людям с гневным голосом протеста против зверств, чинимых американскими империалистами в Корее», а также «добросовестно относится к работе на производстве, чтобы молитвой и трудом укрепить дело мира»⁵⁶⁹.

В эти годы З. М. Рахманкулов, сталкиваясь с постоянными отказами на свои инициативы, в известной мере «ушел в себя». Он старался поддерживать ходатайства верующих мусульман о регистрации религиозных общин, старался обустроить чкаловскую общину, но чаще всего сталкивался с запретами со стороны местных властей и разуверился в возможности изменения сложившейся ситуации. К тому же, по некоторым сведениям, полученным уполномоченным Совета в ходе бесед с мухтасибом, можно сделать вывод о некоторой натянутости во взаимоотношениях между З. М. Рахманкуловым и муфтием Хиялетдиновым. В частности, неудовлетворенность деятельностью муфтия содержится в следующем высказывании З. М. Рахманкулова: «С приходом в ДУМ муфтий много обещал: хотел создать библиотеку, организовать подготовку и переподготовку служителей культа, наладить

⁵⁶⁹ ГАОО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 228. Л. 116.

 выпуск календарей и проч. На деле же он больше заботится о деньгах. Требуется сбора невыполнимой суммы, причем без учета наших потребностей в расходах на содержание мечети»⁵⁷⁰.

25 декабря 1952 г. З. М. Рахманкулов скончался. По врачебному заключению причиной смерти стал рак пищевода. Хоронили его 26 декабря, в рабочий день, однако, несмотря на это, на кладбище бывшего муллу провожали более тысячи человек. Авторитет мухтасиба среди верующих был настолько высок, что после его смерти посещаемость мечети снизилась более чем вдвое. Достаточно большая группа верующих собралась лишь на траурную молитву по случаю смерти И. В. Сталина. Большинство молящихся при этом горько плакали. От имени чкаловской общины Правительству СССР была послана телеграмма с выражением соболезнований.

На собрании общины новым муллой Чкаловской мечети был избран Абдулгаиз Сибагатуллович Муртазин. Он родился в 1885 г. в пос. Шишма ныне Саракташского района Оренбургской области и был сыном муэдзина 2-й местной мечети. В 1909 г. окончил медресе «Галия» в Уфе. Указом Оренбургского губернского правления от 16 февраля 1911 г. № 140 был утвержден в должности 1-го муллы, а также в званиях имама-хатыба и мударриса 2-й соборной мечети поселка Алабайтальского (ныне Беляевского района)⁵⁷¹. Открыл новометодную школу, что вызвало конфликт с консервативно настроенными жителями села во главе с муллой 1-й мечети, ишаном Хабибуллой Махмутовым, получившим традиционное образование в Бухаре⁵⁷². В январе 1915 г. по его инициативе создано Алабайтальское потребительское общество, а в мае 1916 г. А. С. Муртазин был делегатом Первого съезда уполномоченных потребительских обществ Оренбургского района, на котором было принято решение об их объединении в союз⁵⁷³. На Первом съезде мусульман Оренбургской губернии он избран депутатом высшего представительного органа национально-культурной автономии мусульман тюрко-татар Внутренней России и Сибири –

⁵⁷⁰ Архив управления внутренней политики аппарата Губернатора и Правительства Оренбургской области. Дело № 8. «Переписка с Советом по делам религиозных культов при СМ СССР и с исполкомами райгорсоветов. 1950–1958 гг. Опитин В. Служебная записка председателю Совета по делам религиозных культов при СМ СССР И. В. Полянскому. Л. 91.

⁵⁷¹ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4239. Л. 261–261 об.

⁵⁷² ГАОО. Ф. 21. Оп. 9. Д. 4. Л. 270; ЦИА РБ. Ф. И-295. Оп. 6. Д. 3344.

⁵⁷³ Оренбургская газета. – 1915. – 21 января. – № 319; ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 590. Л. 50–51 об.

Миллет Меджлиси (20.11.1917–11.01.1918)⁵⁷⁴. В первые годы советской власти служил муллой и учителем в Буртинской и Екатериновской волостях. После закрытия мечети с 1930 по 1945 годы работал каменщиком в различных организациях Средней Азии. В 1945 г. переехал в г. Казань, где проживал у сына. С 1948 по 1952 годы работал строителем и пчеловодом в колхозе им. Андреева Шишминского сельсовета Саракташского района.

Уполномоченный по делам религиозных культов по Оренбургской области выступил против избрания А. С. Муртазина муллой Чкаловской мечети. Он считал, что тот скрывался в Средней Азии от возможных преследований, так как прежде имел крупное хозяйство и наемных работников. Местные органы власти обратились в Уфу и рекомендовали муфтию воздержаться от этого назначения. В результате А. С. Муртазин был направлен муллой в Стерлитамак, откуда в 1954 г. переведен в Ростов-на-Дону.

25 мая 1953 г. муллой Чкаловской мечети был назначен Халиуллы Латыпович Латыпов, имевший звания имам-хатыба и мударриса. Он родился в 1881 году в с. Малая Цильна ныне Дрожжановского района Республики Татарстан. В 1907 году поступил в медресе «Марджания» при 1-й соборной мечети г. Казани. С 1918 по 1922 годы работал там же преподавателем. В 1922–1929 годах служил имамом в родном селе, а с 1946 по 1953 годы – муллой в г. Ульяновске⁵⁷⁵.

Посещаемость мечети после его приезда заметно возросла и достигла прежних показателей. Х. Латыпов возглавлял организацию верующих Чкаловской области в течение года. Основной своей задачей он полагал повышение авторитета официально действующей религиозной организации. В связи с этим Х. Латыпов проводил разъяснительную работу среди верующих, с тем, чтобы они за совершением всех религиозных обрядов обращались только к законным служителям культа. По его инициативе был обновлен состав мутавали. По просьбе верующих женщин мухтасиб проводил для них отдельные духовные беседы.

В 1953 г. о своем желании совершить паломничество заявили в ДУМ четверо граждан, проживавших на территории Юлтыйского сельсовета Ивановского района Чкаловской области: Д. Каюпов, Н. Райманов, И. Тукташев и К. Суюндуков (все башкиры по нацио-

⁵⁷⁴ Оренбургский казачий вестник. – 1917. – 28 октября.

⁵⁷⁵ Салихов Р. Р., Хайрутдинов Р. Р. Исторические мечети Казани. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. – С. 43–44.

нальности). Правда, в ходе проверки выяснилось, что направление этих заявлений было инсценировано самим муфтием и сами «паломники» в Мекку готовы были поехать скорее из любопытства. Одному из заявителей – Кунаккулу Суюндукову, исполнилось 108 лет и к моменту проверки заявлений он уже умер. Другому из заявителей – Нигматулле Райманову, был уже 81 год и длительная поездка в Саудовскую Аравию была невозможна по состоянию здоровья.

13 мая 1954 г. Х. Л. Латыпов был переведен в г. Казань к мечети Марджани. На его место был назначен мулла Фарук Шарафутдинович Шарафутдинов, имевший звания имам-хатыба и мударриса. Он родился в 1891 г. в семье муллы с. Трюк-Тямти ныне Тюлячинского района Республики Татарстан. После окончания медресе с 1920 г. служил имамом в селе Ковали ныне Пестречинского района Республики Татарстан. За выступление в защиту своего брата-муллы 13 октября 1929 г. арестован, а 5 февраля 1930 г. приговорен тройкой ГПУ ТАССР по ст. 58-10 УК («антиколхозная религиозная агитация») к 5 годам концлагерей (г. Котлас ныне Архангельской области). С 1946 г. служил муллой в Чистополе, Казани и Троицке. В Чкалов прибыл из Троицка Челябинской области, где у него не сложились отношения с исполнительным органом мечети. Уполномоченный по Чкаловской области, давая характеристику новому мулле, сообщал: «По натуре и складу характера малоподвижен и меланхоличен, его хлопоты устремлены не столько к ревностному служению Аллаху, сколько вопросам земным – материальным»⁵⁷⁶.

Многие верующие с окраин города долгое время собирались на молитву группами по частным домам. Там появились и свои проповедники. Ф. Шарафутдинов разъяснял верующим, что при наличии мечети Аллаху более угодна коллективная молитва. Для привлечения большего количества верующих в мечеть мулла обращался к уполномоченному с просьбой поспособствовать прекращению нелегальной религиозной деятельности со стороны самозванных проповедников. Поскольку сбор денег среди верующих в будние дни не производится, основное внимание было направлено на привлечение верующих на молитву в пятницу. В обычные дни Ф. Шарафутдинов нередко поручал отправление молитвы в мечети одному из членов исполнительного органа, что привело к значительному сокращению посещаемости мечети. Если в 1952–1953 гг. в обычные дни в мечеть приходило от 35 до 40 человек, то в 1954 г. их количество сократилось до 10–15

⁵⁷⁶ ГАОО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 238. Л. 42.

верующих. В то же время почти вдвое увеличилась посещаемость мечети по пятницам. За счет верующих с окраин города и сельских районов нередко на молитву собирались до 600–700 верующих. Соответственно, в 2 раза увеличилось и количество собираемых средств. Это позволило произвести ремонт мечети. Были проведены электричество и водопровод, что необходимо для совершения омовения перед молитвой, начала использоваться световая сигнализация с минарета для оповещения верующих о времени приема пищи во время поста, 35 тысяч рублей было затрачено на обнесение двора мечети забором, отремонтирован и окрашен минарет.

В этот период священнослужители по-прежнему были вынуждены приспосабливаться к условиям советской действительности. В дни религиозных праздников служителям культа рекомендовалось проводить молитвы в утренние часы, до начала рабочего дня, чтобы совершение религиозного обряда не имело своим последствием нарушение трудовой дисциплины. В июне 1954 года, лично посетив Чкалов, муфтий Ш. Хиялетдинов дал указание закончить молитву до восьми часов утра. На проповедь могли оставаться только верующие, не работающие на производстве. Каждая проповедь в мечети непременно заканчивалась здравицей советскому правительству и непосредственно главе государства и партии. Выступая в эти дни на праздничной молитве перед более чем трехтысячной аудиторией, мулла Чкаловской мечети Ф. Ш. Шарафутдинов в своей проповеди обрушился на «правителей» США, которые «совершают зверства в Индокитае, Южной Корее, американцы эксплуатируют народы колоний, мусульман Востока и Азии. Их ставленники обращаются с народом как с рабами, они избивают детей, калечат женщин и стариков»⁵⁷⁷. По утверждению уполномоченного В. Опитина, часть верующих при этом прослезилась. В заключение проповеди мулла призвал мусульман хорошо работать и честно выполнять распоряжения своих начальников. В этом же году была значительно урезана традиция пения такбира верующими по пути в мечеть. Власти усмотрели в этом элементы своего рода религиозной демонстрации, в результате чего последовало распоряжение муфтия, по которому пение молитвы разрешалось только при входе во двор мечети.

В 1954 г. Ф. Шарафутдинов совершил паломничество в Мекку. В 1955 г. документы на хадж оформили также азанчей Чкаловской мечети Ибрагим Исхаков и рабочий прииска Айдырля Имамутдин Али-

⁵⁷⁷ ГАОО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 238. Л. 13.

баев. Последний не сумел пройти необходимую для поездки медицинскую комиссию и не собрал необходимой суммы для оплаты поездки. И. З. Исхаков смог собрать все необходимые для выезда документы: медицинскую справку, подтверждающую отсутствие заразных болезней и способность совершить длительное путешествие, автобиографию, справку о заработной плате, 18 фотографий, заполнил соответствующую анкету. Однако в совершении паломничества ему все же было отказано.

Согласуясь с современными требованиями, пересматривались категории верующих, освобождавшихся от обязательного воздержания от приема пищи в дни поста. В соответствии с разъяснениями, содержащимися в письме ЦДУМ, распространенном в мае 1955 г., в их число включались рабочие, занятые физическим трудом, школьники и больные. Опрос верующих по этому поводу в Бугуруслане показал, что многие расценили подобное расширительное толкование как отступление от одного из пяти принципов мусульманской веры.

В апреле 1956 г. ЦДУМ была распространена инструкция, в соответствии с которой несколько увеличивались полномочия мулл, и повышался уровень их контроля за расходованием средств обществ верующих. Так, в соответствии с новыми положениями, мулла в обязательном порядке включался в состав исполнительного органа мечети сверх установленного количества его членов и таким образом мог играть заметно большую роль в управлении всеми делами религиозного органа, в том числе и финансовыми. Кроме того, инструкция обязывала членов исполнительного органа следить, а в необходимых случаях принимать меры к недопущению совершения религиозных обрядов незарегистрированными муллами. Таким образом, ДУМ стремилось усилить позиции своих непосредственных представителей в приходах.

Однако попытки вмешательства имамов в управление финансами нередко вели к их конфликту с исполнительным органом мечети. Трения на материальной почве появились и в Чкаловской мечети между членами двадцатки и муллой Ф. Шарафутдиновым. В результате в ноябре 1956 г. он получил новое назначение от Духовного управления в Омск.

На освободившееся место муллы Чкаловской соборной мечети был переведен из Ростова-на-Дону Абдулгазиз Муртазин. Одновременно он стал мухтасибом Чкаловской и Куйбышевской областей. При нем продолжилось переоборудование Чкаловской мечети. В ходе капитального ремонта внутри мечети были убраны круглые печи и поставлены радиаторы водяного отопления, укреплен потолок. Над котельной

была сделана пристройка, в которой разместилась канцелярия и была оборудована раздевалка. Во дворе появилась теплая комната для умывания лица, ног и рук перед молитвой. В канцелярии мечети, после неоднократных прошений, был установлен телефон. Правда, вскоре это было расценено как ошибка, и уполномоченный рекомендовал начальнику телефонной станции найти удобный предлог для отключения связи. Таким способом, по-видимому, орган контроля за деятельностью религиозных организаций стремился воспрепятствовать более тесным контактам главы соборной мечети с другими приходами мухтасибата.

В праздничные дни мечеть не могла вместить всех верующих, и поэтому богослужение проводилось во дворе молитвенного здания. При этом содержание молитвы и проповеди муллы не доходило до последних рядов верующих. Слышимость была очень плохая. Исполнительный орган мечети неоднократно обращался к уполномоченному с просьбами разрешить использование звукоусиливающей техники и неизменно получал отказ. Только в 1958 г., в дни праздника Ураза-байрам, во время праздничной молитвы во дворе мечети было разрешено установить микрофон и усилитель. Добиться установки звукоусиливающей аппаратуры удалось лишь благодаря тому, что после молебна был оглашен текст статьи муфтия Ш. Хиялетдинова, напечатанной в «Советской России» под заголовком «Адское злодеяние». В ней выражался протест против французской агрессии в Тунисе. В завершение, как всегда, была зачитана здравница в честь советского правительства и лично Н. С. Хрущева, как поборников мира. Делясь впечатлениями от наблюдений за молитвой, уполномоченный Совета В. Опитин в своем отчете отмечал: «Впечатление создалось такое, что расходились, будто с митинга, а не с молитвенного собрания»⁵⁷⁸.

Таблица 6 – Посещение мусульманами молитвенных собраний в мечетях Оренбургской области в 1956–1958 гг.⁵⁷⁹

Мечеть	Обычный день			Пятница			Праздники		
	1956	1957	1958	1956	1957	1958	1956	1957	1958
Оренбург	25-30	25-30	20-25	500	500	400	4000	4000	3800
Соль-Илецк	12	12	10	45	40	35	350	300	300

⁵⁷⁸ ГАОО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 240. Л. 90.

⁵⁷⁹ ГАОО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 240. Л. 131.

Новомусино	15	13	12	50	40	40	350	300	260
Ст. Гумерово	8	6	6	18	16	15	120	90	80
Ст. Кульшарипово	17	15	15	50	40	35	550	450	400
Султакай	10	8	8	25	25	20	150	115	110
Тат. Каргала	10	12	10	50	45	40	300	250	260

Политика секуляризации, а также перемены, происходившие в общественной жизни и сознании верующих, побуждали религиозных деятелей модернизировать и сам культ, вносить определенные изменения в комплекс религиозных догм. В рассматриваемый период социально-политическая позиция духовенства значительно изменилась. Особенно заметно это на примере мусульманского духовенства, которое в послевоенные годы получило возможность пусть и неравноправного, но сотрудничества с органами власти и всячески стремилось доказать свою лояльность советской государственности. От осуждения всяких социальных преобразований и выступлений против власти оно перешло к одобрению социальных революций и заявлениям о том, что построение социализма и коммунизма предсказано в Коране и получило благословение Аллаха⁵⁸⁰.

Таблица 7 – Совершение религиозных обрядов в мечетях Чкаловской области в 1956–1958 гг.⁵⁸¹

Мечеть	Наречений имени			Бракосочетаний			Похорон		
	1956	1957	1958	1956	1957	1958	1956	1957	1958
Оренбург	47	45	44	86	72	74	74	83	59
Соль-Илецк	16	15	10	12	11	7	11	9	6
Новомусино	20	18	16	20	17	13	11	9	7
Ст. Гумерово	6	5	4	4	4	2	4	3	2
Ст. Кульшарипово	26	23	20	20	18	15	11	9	6
Султакай	10	9	7	6	5	3	5	4	3
Тат. Каргала	15	13	10	9	9	7	8	7	5
Всего:	140	128	111	157	135	121	123	124	93

В конце 1950-х – начале 1960-х годов последовал новый виток антирелигиозной кампании. Французский исследователь Ксавье ле Тор-

⁵⁸⁰ Настольная книга атеиста / Под общ. ред. С. Д. Сказкина. – 9-е изд., испр. и доп. – М.: Политиздат, 1987. – С. 174.

⁵⁸¹ ГАОО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 240. Л. 131.

ривеллек в качестве одной из причин изменения политического курса по отношению к верующим указывает на опасения верхних эшелонов власти по поводу возможной утраты идеологической монополии в условиях отсутствия массовых репрессий⁵⁸². При этом решительный отказ от негативных черт сталинизма рассматривался советским руководством как одно из условий воплощения в ближайшем будущем идеи строительства коммунистического общества и религия рассматривалась как угроза выбранному идеологическому курсу. В результате был принят курс на окончательное вытеснение религии из общественной жизни. Центральное руководство требовало наведения порядка в деятельности религиозных организаций, установления жесткого контроля за деятельностью незарегистрированных групп верующих. Основным методом борьбы в эти годы стало закрытие под любым предлогом религиозных приходов.

Правовой базой этой политики послужило Постановление ЦК КПСС и СМ СССР «О мерах по ликвидации нарушений духовенством советского законодательства о культах» от 13 января 1960 г. В его развитие последовали Постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 16 марта 1961 г. «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культах», а также Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 4 мая 1961 г. «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно-полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни».

В марте 1961 г. действующие при Совете Министров СССР Совет по делам Русской православной церкви и Совет по делам религиозных культов утвердили «Инструкцию по применению законодательства о культах», с грифом «не для печати». Инструкция содержала обширный перечень ограничений и прямых запретов, связанных с регистрацией и деятельностью религиозных организаций. Религиозные объединения и служители культов не имели права использовать молитвенные собрания верующих для политических выступлений; побуждать верующих отказаться от выполнения своих гражданских обязанностей; вести пропаганду, направленную на отрыв верующих от активного участия в государственной, культурной и общественно-политической жизни; совершать религиозные обряды и церемонии в

⁵⁸² Ксавье ле Торривеллек. Религиозные границы и религиозная политика двух Советов в поликонфессиональном Волго-Уральском регионе (1954–1965) // Исповеди в зеркале: Межконфессиональные отношения в центре Евразии (на примере Волго-Уральского региона – XVIII–XXI вв.). – Нижний Новгород: Изд-во НГЛУ, 2012. – С. 157.

государственных, общественных и кооперативных учреждениях. Кроме того, верующие были не вправе создавать кассы взаимопомощи и заниматься благотворительной деятельностью, открывать библиотеки и читальни, организовывать кружки и проводить собрания, не имеющие отношения к отправлению культа. Запрещалось также устраивать религиозные шествия, совершать религиозные обряды и церемонии под открытым небом, а также на квартирах и домах верующих. Последнее напрямую было направлено против религиозных организаций, действующих нелегально.

Следствием реализации этих постановлений стала перестройка церковного управления, в результате которой служители культа были окончательно отстранены от руководства финансово-хозяйственной деятельностью в религиозных обществах. Эта функция в полном объеме была передана исполнительным органам, что позволило органам власти усилить контроль за деятельностью религиозных организаций. Усилилось давление на религиозные организации, связанное с требованием перечисления денежных средств в Фонд мира. Началась масштабная кампания по ликвидации паломничества к «святым местам», ограничены возможности приобретения религиозными организациями имущества. Все эти мероприятия сопровождались усилением научно-атеистической пропаганды.

Оренбургским облисполкомом 12 января 1961 г. было принято решение «Об усилении борьбы с нарушениями советского законодательства о религиозных культах со стороны духовенства и руководителей сектантских групп». Были разработаны конкретные мероприятия по усилению и улучшению антирелигиозной работы. При каждом районном совете депутатов рекомендовалось создание комиссий содействия по соблюдению законодательства о культах. Комиссии предписывалось создавать на общественных началах, во главе с заместителем председателя или секретарем исполкома. К основным обязанностям комиссий относилось: предотвращение фактов нарушения законодательства о культах; недопущение необоснованного и грубого администрирования, а также оскорбления чувств верующих; изучение религиозной обстановки; применение мер к прекращению деятельности незарегистрированных обществ и групп; систематически прослушивать проповеди, если в них содержатся политические высказывания, противоречащие интересам советского общества, немедленно информировать об этом облисполком; задерживать бродячих проповедников и лиц, совершающих обрезание у мальчиков.

По отношению к действующим религиозным обществам органы власти в этот период проводили жесткую запретительную политику. Так, руководство соборной мечети в г. Оренбурге ходатайствовало о разрешении строительства в приходе нового дома для имама, а также обустройстве в отремонтированной секции подвального помещения мечети помещения для молитвенных собраний женщин. В обеих просьбах уполномоченным было категорически отказано. Подвальное помещение было разрешено занять лишь под хозяйственный склад⁵⁸³. Запретительная политика государства отразилась и на посещаемости мечети. Если в 1960 г. на утренней молитве в день праздника Уразабайрам молилось 3200 человек, то в 1961 г. уже только 2000 верующих (в том числе 150 человек возрасте от 20 до 25 лет). Справедливости ради следует отметить, что погода 18 марта была дождливая, и это неизбежно сказалось на посещаемости мечети. В Соль-Илецкой мечети в этот день молилось 300 человек, в Каргале – 350 и в Старо-Кульшарипово – 300 верующих⁵⁸⁴.

Отделом пропаганды и агитации Оренбургского обкома КПСС был разработан подробный план на 1961 г., предусматривающий координацию деятельности партийных и советских организаций, культурных учреждений, радио, печати, общества по распространению научных и политических знаний с целью улучшения антирелигиозной пропаганды⁵⁸⁵.

15 августа 1961 г. облисполкомом было принято решение о проведении единовременного учета религиозных объединений, молитвенных зданий и имущества, находящихся в пользовании религиозных организаций.

В этом же году Шарлыкский райисполком в связи с нарушениями советского законодательства о религиозных культах расторгнул договор на передачу молитвенного дома с религиозной организацией с. Новомусино. После утверждения этого решения облисполкомом материалы были переданы в Совет по делам религиозных культов.

В июне 1962 г. решением Оренбургского облисполкома было снято с регистрации религиозное общество мусульман г. Соль-Илецка с фор-

⁵⁸³ ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 20 Д. 853. Л. 10.

⁵⁸⁴ ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 20. Д. 1321. Л. 59.

⁵⁸⁵ Николаев О. В. Взаимоотношения власти и протестантских организаций в Оренбургской области (историко-правовой аспект)// Религия и общество: судьбы людей и народов. Материалы молодежно-студенческой научно-практической конференции. – Оренбург: Изд. центр ОГАУ, 2003. – С. 10–12.

мулировкой «в связи с распадом и фактами грубых нарушений постановлений местных советских органов и законодательства о религиозных культурах». Здание мечети передано райисполкому для использования под клуб ДОСААФ. В августе этого же года с решением областных властей согласился и Совет по делам религиозных культов.

В 1963 г. каргалинская мечеть в течение трех месяцев была закрыта решением Оренбургского райисполкома. Однако впоследствии эти действия были признаны грубым администрированием со стороны органа власти, и мечеть продолжила свою работу⁵⁸⁶.

Таблица 8 – Посещение мусульманами молитвенных собраний в мечетях Оренбургской области в 1963–1964 гг.⁵⁸⁷

Мечеть	Обычная пятница		Ураза-байрам		Курбан-байрам	
	1963	1964	1963	1964	1963	1964
г. Оренбург	470	375	3000	2000	2500	1600
с. Татарская Каргала	120	115	450	363	380	323
С. Старокульшарипово	130	125	320	300	300	100

В результате проведения этой кампании в Оренбургской области прекратили свою деятельность 4 из 7 мечетей. К началу 1964 г. в регионе продолжали работать лишь 3 зарегистрированных прихода в г. Оренбурге, с. Татарская Каргала и с. Старокульшарипово.

Таблица 9 – Совершение религиозных обрядов в мечетях Оренбургской области в 1963–1964 гг.⁵⁸⁸

Мечеть	Наречений имени		Бракосочетаний		Похорон		Других	
	1963	1964	1963	1964	1963	1964	1963	1964
г. Оренбург	11	5	42	34	107	127	198	136
с. Татарская Каргала	21	27	10	16	25	33	45	70
с. Старокульшарипово	23	8	11	10	19	6	87	49
Всего:	55	40	63	60	151	166	330	255

⁵⁸⁶ ГАОО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 246. Л. 15–16.

⁵⁸⁷ ГАОО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 395. Л. 13.

⁵⁸⁸ ГАОО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 395. Л. 13.

В сложившихся условиях священнослужители были вынуждены искать способы привлечения верующих, особенно молодежи, в религиозные организации, стремились найти общие моменты в советской идеологии и религиозном вероучении. Так, мухтасиб А. С. Муртазин в своей проповеди в феврале 1965 г., пытаясь заинтересовать молодежь учением ислама, доказывал, что соблюдение норм морального кодекса строителя коммунизма всецело отвечает догматике ислама, которая, в свою очередь, соответствует всем нормам советской жизни. В заключение своей проповеди мулла отметил, что посещение мечети с чистой душой – это уже большое и светлое дело, даже если верующим не удастся соблюдать в быту регулярно все каноны и обряды ислама. Таким образом, служители культа пытались изыскать аргументы, позволяющие человеку, не выполняющему многих строго обязательных предписаний, считать себя верующим.

Стремясь заполнить образовавшуюся в результате запретительных мероприятий пустоту в комплексе общественных отношений, органы власти вновь обратились к расширению применения новой советской обрядности. 18 февраля 1964 г. Советом Министров РСФСР было принято Постановление «О внедрении в быт советских людей новых гражданских обрядов». В области начал свою работу Координационный совет по контролю за выполнением законодательства о культурах и новым безрелигиозным обрядам. В дни религиозных праздников местными органами власти и комсомольскими организациями организовывались свои торжественные мероприятия. Так, исполком Бугурусланского горсовета в конце декабря 1967 г. специально приурочил к началу праздника Ураза-байрам открытие татарского клуба им. Тукая. На протяжении трех дней после открытия клуба силами художественной самодеятельности для татарской молодежи в нем устраивались балы-маскарады. План работы клуба был специально выстроен так, чтобы массовые мероприятия приходились на дни мусульманских религиозных праздников⁵⁸⁹.

В июне 1965 г. в состав Северного района из Клявлинского района Куйбышевской области было передано с. Бакаево. В этом селе действовала зарегистрированная еще в феврале 1945 г. мусульманская религиозная организация⁵⁹⁰. С апреля 1949 г. имамом мечети состоял

⁵⁸⁹ ГАОО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 277. Л. 39.

⁵⁹⁰ В некоторых документах уполномоченного Совета по Оренбургской области указывается, что религиозное общество мусульман в с. Бакаево было зарегистрировано в марте 1966 г. (Архив управления внутренней политики аппарата Губернатора и Правительства Оренбургской области. 1970. Дело № 2с. Информационный отчет комиссии содействия Северного района за 1969 г. Л. 124.

Гильмутдин Фатхутдинович Зарипов. Он родился в 1893 г. в семье крестьян с. Камышла впоследствии Куйбышевской области. Окончил медресе, владел арабским и русским языками. В 1931 г. был осужден на 3 года лишения свободы. Деревянная мечеть, которую он обслуживал, при общей площади 160 кв. м. могла вместить до 800 человек.

12 июля 1965 г. мухтасибом соборной мечети в Оренбурге был вновь назначен Х. Л. Латыпов. К этому моменту кампания по ужесточению контроля за деятельностью религиозных организаций перешла в свою инерционную фазу. Религиозные организации к этому времени превратились, по сути, в придаток государственного аппарата и сочетали традиционную религиозную деятельность с пропагандой советской идеологии.

Представители снятого с регистрации общества мусульман в г. Соль-Илецке в течение 3 лет после ликвидации обращались с коллективными обращениями и жалобами, неоднократно приезжали в Москву по этому вопросу. В январе 1965 г. верующими было подано очередное ходатайство регистрации, имеющее 38 подписей. Все заявители вызывались в Соль-Илецкий горисполком и после соответствующих бесед 10 из них отказались от своих подписей. Еще четверо верующих были исключены из списка учредителей, так как ранее они допускали нарушения законодательства о религиозных культах. По итогам рассмотрения заявления о регистрации горисполком выдал отрицательное заключение. После того, как облисполком в мае 1965 г. также принял решение об отказе в регистрации общества мусульман в г. Соль-Илецке по причине отсутствия в городе специального культового здания, верующие обжаловали это решение в Совет министров РСФСР и Совет национальностей Верховного Совета СССР. В результате Совет по делам религиозных культов в ноябре 1965 г. отменил свое прежнее решение о согласии на снятие с регистрации общества мусульман г. Соль-Илецка и рекомендовал облисполкому поступить аналогичным образом, замечая при этом, что отсутствие специального культового здания не может служить основанием для отказа в регистрации. Такое решение, по мнению председателя Совета А. Пузина, «придаст деятельности религиозного общества законность, успокоит верующих, прекратит всякого рода нарушения правопорядка, а также облегчит атеистам доступ к верующим для проведения с ними научно-атеистической работы»⁵⁹¹. Несмотря

⁵⁹¹ Архив управления внутренней политики аппарата Губернатора и Правительства Оренбургской области. 1966. Дело № 5. «Информации, представления и проекты, вносимые уполномоченным Совета в Совет по делам религий и местные советские и партийные органы». Л. 25

на это исполкомом Оренбургского облсовета 31 марта и повторно 20 июня 1966 г. снова было принято решение об отказе в удовлетворении ходатайства. В 1966 г. мусульмане Соль-Илецка снова обратились с ходатайством о регистрации. По свидетельству одного из инициаторов этого обращения А. Д. Ахмадеева, который встречался в сентябре 1966 г. с уполномоченным Совета по Оренбургской области, сразу после этого все подписавшие документ были вызваны на беседу в райпрокуратуру где им предлагалось прекратить нелегальные религиозные собрания и ходатайства о регистрации. Все члены «двадцатки» были вызваны в горисполком, где от них под угрозой применения административных мер, штрафов, лишения пенсии также требовали отказаться от своих подписей⁵⁹². Религиозный вопрос принимал и национальный оттенок, так как в Соль-Илецке продолжала функционировать православная церковь, и это вызывало возмущение у мусульман.

В январе 1966 г. группа мусульман г. Оренбурга обратилась в органы власти с жалобой по поводу строительства на земельном участке старого мусульманского кладбища, ранее не использовавшемся для захоронения, гаража для машин обкома партии. Старое кладбище к этому времени было уже закрыто, а новое еще не благоустроено. В результате мусульманам было дано разрешение производить захоронения на оставшемся свободном участке старого кладбища, и был ускорен процесс благоустройства нового кладбища.

Анализ подаваемых религиозными обществами жалоб, позволяет сделать вывод о том, что зачастую местные власти для снижения религиозной активности верующих старались применять такие административные меры как отключение электричества и водоснабжения. Так, например, была отключена от электричества мечеть в с. Старокульшарипово, и уполномоченному пришлось доказывать местным органам власти незаконность подобного рода действий.

Несмотря на широкие масштабы антирелигиозной пропаганды количество верующих, посещающих мечети в дни религиозных праздников не сокращалось. В январе 1966 г., в месяц уразы на вечернюю молитву в оренбургскую мечеть ежедневно приходило порядка 180 верующих. По пятницам в дни поста собиралось вместе до 500 мусульман. 23 января, в день празднования уразы-байрама в Оренбург-

⁵⁹² Архив управления внутренней политики аппарата Губернатора и Правительства Оренбургской области. 1966. Дело № 5. «Информации, представления и проекты, вносимые уполномоченным Совета в Совет по делам религий и местные советские и партийные органы. Л. 26–29, 35–37.

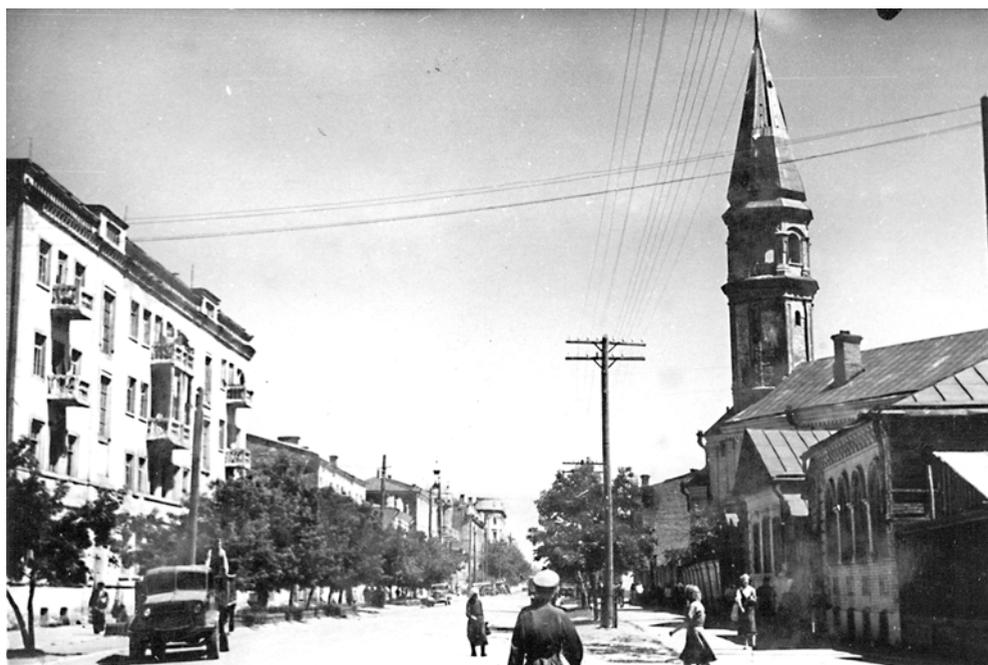
ской мечети не смогли поместиться все желающие и имам мечети Х. Л. Латыпов был вынужден читать молитву гайди-ураза дважды, один раз в здании мечети и второй раз во дворе. В общей сложности на молитве присутствовало около 4 тыс. человек, причем около 20 % из них составляли молодые люди в возрасте от 18 до 30 лет. Из близлежащих сел верующие приезжали на рейсовых автобусах, личных автомашинах и мотоциклах, на такси и конных подводах. Проповедь имама читалась на арабском и татарском языках и в значительной своей части была посвящена моральному облику и воспитанию молодежи. Особое внимание было обращено вопросам образования и любви к Родине: «Дорогие друзья мусульмане! Мы живем в такое время, что без грамоты и науки нельзя жить. С точки зрения толкования религии ислама, изучение науки считается самым благородным делом. ... Дорогая молодежь! Не проводите время зря, учитесь, украшайте сами себя грамотой науки. Отдавайте все силы любимой Родине и народу. Родина и народ ждут от вас много добрых дел. ... любите Родину свою так, как заботится о нас Родина. Мы должны иметь симпатию и любовь к Родине. Будьте патриотами Родины. ... Молим Аллаха, да будет победа за победой в деле построения справедливого равенства людей во всем мире. Аминь»⁵⁹³.

В качестве пожертвований было собрано около 2 тыс. рублей. Несмотря на распутицу 1 апреля 1966 г., во время празднования Курбан-байрама, на молитву пришло уже около 5000 верующих, и было собрано более 900 рублей в качестве пожертвования.

В Татарской Каргале на праздничной молитве гайди-ураза присутствовало 386 человек (в том числе 12 женщин), и было собрано около 400 рублей пожертвований. В мечеть с. Бакаево на праздник Ураза-байрам прибыло 365 мусульман, в том числе 65 человек моложе 20 лет. Однако все верующие не смогли поместиться в мечети и были вынуждены расположиться во дворе. В качестве пожертвований было собрано 381 рубль. В мечети с. Старокульшарипово на праздничной молитве, которую читал имам З. М. Мукимов, присутствовало 196 мусульман и поступило 140 рублей пожертвований⁵⁹⁴.

⁵⁹³ Архив управления внутренней политики аппарата Губернатора и Правительства Оренбургской области. 1967. Д. 2с. Секретная переписка с Советом по делам религий и др. организациями. Информационный отчет уполномоченного Совета по делам религий при Совете министров СССР по Оренбургской области за 1966 год. Л. 9.

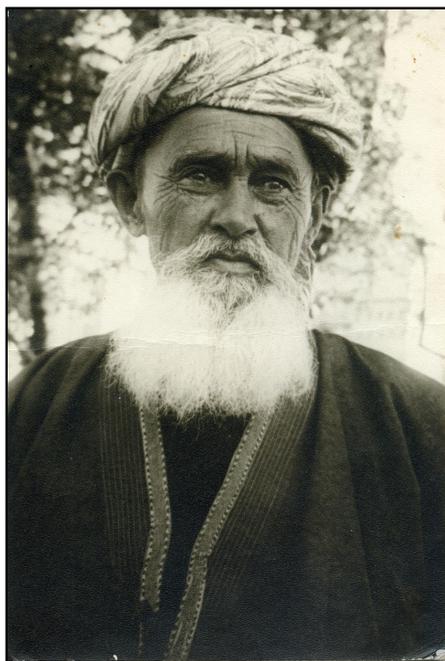
⁵⁹⁴ Архив управления внутренней политики аппарата Губернатора и Правительства Оренбургской области. 1966. Дело № 5. Информации, представления и проекты, вносимые уполномоченным Советом в Совет по делам религий и местные советские и партийные органы. С. 3, 6, 8–9, 14, 19.

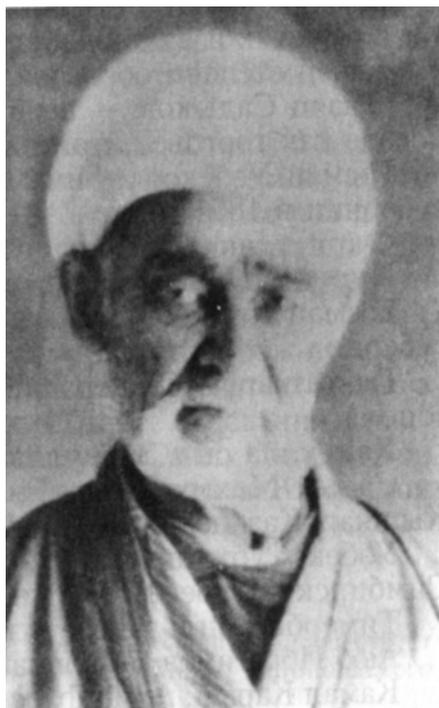
Бывшая 6-я соборная мечеть г. Оренбурга. Советский период

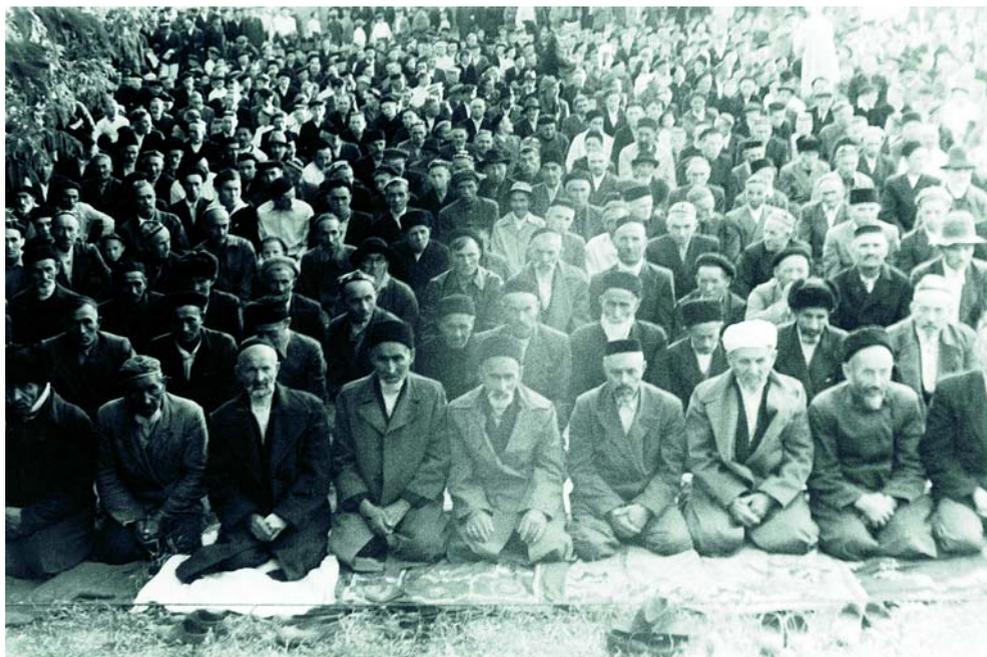
Оренбургская соборная мечеть (бывшая 3-я). 1962 г.

*Мулла мечети г. Оренбурга Зиятдин Мухамеджанович Рахманкулов.
1940–1950-е гг.*

*Мулла мечети с. Татарская Каргала Сакмарского района
Халиулла Газизович Даутов*

Праздничная молитва на Курбан-Байрам. Оренбург. 9 августа 1954 г.

Мулла мечети г. Оренбурга Абдулгизиз Сибатулович Муртазин. 1950–1960-е гг.

Праздничная молитва на Ураза-байрам. Оренбург. 1959 г.

Омовение перед молитвой (тахарат). Оренбург. 1962 г.

*Мулла А. С. Муртазин разъясняет положения Корана в мечети г. Оренбурга.
1962 г.*

Исполнительный орган мечети г. Оренбурга за подсчётом пожертвований. 1962 г.

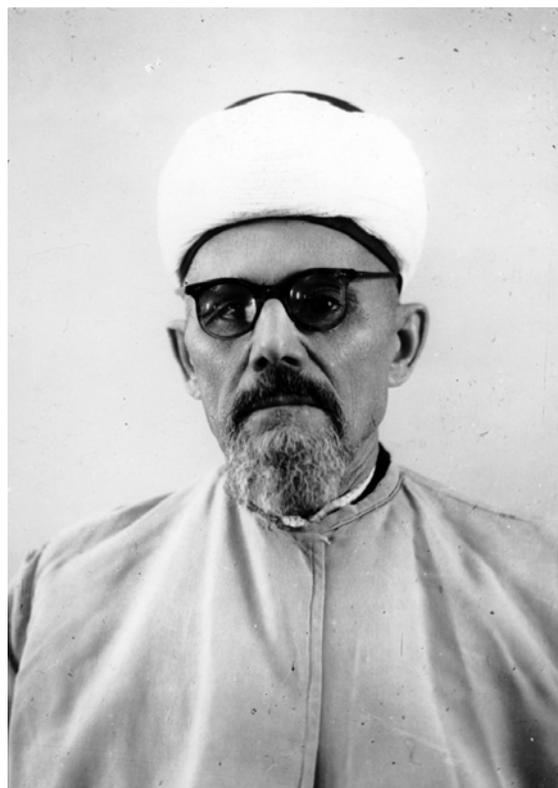
*Мулла г. Оренбурга А. С. Муртазин проводит обряд наречения имени (исем кушу).
1962 г.*

*Мулла г. Оренбурга А. С. Муртазин проводит джаназа-намаз
(молитву по умершему). 1962 г.*

Прощание с умершим муллой г. Оренбурга А. С. Муртазиным. 1965 г.

Мулла мечети г. Оренбурга Халиулла Латыпович Латыпов. 1960–1970-е гг.

*Мулла Х. Л. Латыпов с членами исполнительного органа мечети г. Оренбурга.
1960–1970-е гг.*

Мулла мечети г. Оренбурга Яхъя Аляутдинович Имаметдинов. 1970–1980-е гг.

Праздничная молитва во дворе мечети г. Оренбурга. 1970–1980-е гг.

*Мулла Я. А. Имамединов с членами исполнительного органа мечети г. Оренбурга.
1970–1980-е гг.*

Намаз в Оренбургской соборной мечети (икамат). 1980-е гг.

Мулла А. Х. Хайруллин проводит намаз в Оренбургской соборной мечети (кыйам). 1980-е гг.

Намаз в Оренбургской соборной мечети (суджуд). 1980-е гг.

Намаз в Оренбургской соборной мечети (када). 1980-е гг.

Аксакалы в первом ряду на пятничной молитве. Оренбург. 1980-е гг.

Празднование 1100-летия принятия ислама. Оренбург. Август 1989 г.

Усиление административного контроля за деятельностью нелегальных религиозных групп побуждало верующих более активно ходатайствовать о своей легализации. Советом по делам религий при Совете Министров СССР 21 июня 1966 г. было распространено разъяснение «О новом порядке регистрации и снятии с регистрации религиозных объединений, об открытии и закрытии молитвенных зданий и домов».

15 декабря 1966 г. облисполкомом было утверждено положение с четким определением задач деятельности комиссий содействия по соблюдению законодательства о культах. Но и после этого деятельность комиссий оставалась крайне вялой. Так, комиссия содействия при Акбулакском райисполкоме была создана только 30 декабря 1966 г. и на протяжении всего 1967 г. ею не было обнаружено на территории района никакой религиозной деятельности. Работа членов комиссий чаще всего ограничивалась учетом нелегально действующих общин верующих.

Большой резонанс получила во второй половине 1960-х гг. очередная попытка верующих-мусульман зарегистрировать свою организацию в г. Бугуруслане. К этому времени верующие подавали ходатайства о регистрации уже 8 раз (в 1947, 1955, 1957, 1958, 1959, 1960, 1964, 1967 годах). В июле 1956 г. исполняющий обязанности председателя Совета по делам религиозных культов Гостев в своем письме на имя чкаловского уполномоченного В. Опитина писал: «Искусственно тормозить регистрацию фактически действующих религиозных обществ не следует. Если в Бугуруслане фактически действующее религиозное общество подпадает под постановление Совета Министров СССР от 17 февраля 1955 г., Вам нет оснований ему отказывать в регистрации, а нужно оформить материалы для посылки на рассмотрение Совета»⁵⁹⁵. Однако местные органы категорически отказывали в легализации деятельности этого религиозного общества.

25 сентября 1967 г. все необходимые материалы о регистрации общества мусульман в Бугуруслане были направлены для рассмотрения и окончательного решения в Совет по делам религий при Совете Министров СССР. Однако, еще до окончательного решения этого вопроса органами власти, верующие приобрели для молитвенных целей дом. В результате в декабре 1967 г. районный народный суд при-

⁵⁹⁵ Архив управления внутренней политики аппарата Губернатора и Правительства Оренбургской области. Дело № 2с. Секретная переписка с Советом по делам религиозных культов при СМ СССР и исполкомами городских и районных Советов по вопросам религиозных праздников и мероприятиях. 1953–1958. Л. 164.

нял постановление о признании договора купли-продажи недействительным и передал дом в фонд коммунальных предприятий г. Бугуруслана. Верующие опротестовали это решение в Верховном Суде РСФСР, который постановил вернуть дом продавцу, а уплаченные за него деньги верующих взыскать в пользу государства. Однако местные хозяйственные власти к этому времени уже разместили в доме библиотеку, и в связи с этим было решено все оставить, как оно есть⁵⁹⁶.

По-прежнему очень внимательно органы власти следили за осуществлением религиозных обрядов. По данным уполномоченного, в 1969 г. по четырем зарегистрированным организациям мусульман было проведено 76 обрядов имянаречения, 77 религиозных браков и 240 отпеваний⁵⁹⁷.

Еще одно из направлений деятельности религиозных организаций, которое находилось под постоянным контролем со стороны органов власти. Было связано с поступлением и расходованием денежных средств. Со всех официально зарегистрированных религиозных организаций ежегодно собирались сведения о поступлении и расходовании денежных средств. В 1969 г. общий доход всех мусульманских организаций Оренбургской области составил 30 тыс. 900 рублей, из них 3 тыс. 500 руб. были получены за исполнение религиозных обрядов и 27 тыс. 100 руб. поступили в качестве добровольных пожертвований. Израсходовано было в течение года 24 тыс. 600 руб., в том числе 5 тыс. 500 руб. пошли на содержание священнослужителей, еще 1 тыс. 900 руб. – на содержание исполнительных органов религиозных обществ. 5 тыс. 900 руб. на ремонт и содержание молитвенных зданий и 2 тыс. 500 руб. были перечислены в Центральное Духовное управление мусульман. При этом в Фонд мира было перечислено 3 тыс. 600 руб. и в фонд охраны памятников архитектуры – 800 рублей. Для сравнения отметим, что доход религиозных организаций Русской православной церкви за этот же период составил 1256 тыс. 600 руб., а в фонд мира было направлено 195 тыс. 400 руб.

Особое внимание, как органами власти, так и самими священнослужителями уделялось недопущению проведения религиозных обрядов нелегальными проповедниками. В 1969 г. мухтасиб Х. Л. Латыпов, выступая с проповедью во время проведения праздника Уразабайрам, в очередной раз подчеркнул, что «обряды должны выполняться только им, а не нелегальным путем»⁵⁹⁸. В Бугуруслан из года в год

⁵⁹⁶ ГАОО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 270. Л. 5.

⁵⁹⁷ ГАОО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 269. Л. 27.

⁵⁹⁸ ГАОО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 274. Л. 113.

приезжали религиозные проповедники из республик Средней Азии. Приехавший из Ташкента в 1969 г. на праздник Ураза-байрам М. Асадулин на следующий же день был выдворен из города.

Органы власти не могли не учитывать этих изменений. Новый период религиозной политики государства был связан с образованием в 1965 г. единого Совета по делам религий при Совете Министров СССР во главе с В. А. Куроедовым. С целью наведения порядка в учете и контроле за деятельностью отдельных групп верующих было решено предоставить возможность наиболее крупным из неофициально существующих групп легализовать свою деятельность и вместе с тем предпринять все возможные меры для прекращения деятельности незарегистрированных организаций верующих. В связи с этим Президиумом Верховного Совета РСФСР 18 марта 1966 г. было принято Постановление «Об административной и уголовной ответственности за нарушение законодательства о религиозных культах». Этим актом предписывалось упорядочить дело регистрации религиозных организаций и в случае их нежелания официально легализовать свою деятельность, применять меры административного воздействия. Между тем, на местах это постановление было воспринято как сигнал к ужесточению борьбы с нелегально действующими религиозными общинами.

24 июля 1968 г. Совет Министров РСФСР принял постановление «Об усилении контроля за выполнением законодательства о религиозных культах», в котором местным органам власти в очередной раз предписывалось упорядочить дело регистрации религиозных организаций, разобраться с каждым из незарегистрированных объединений и определить, какие из них подлежат регистрации, а также принять необходимые меры в отношении религиозных организаций, уклоняющихся от регистрации. Рассматривая предложения по выполнению данного Постановления, Оренбургский облсовет в августе 1968 г. выразил мнение о необходимости зарегистрировать общество мусульман в г. Бугуруслане⁵⁹⁹. Несмотря на предварительное согласие, первое же обсуждение на исполкоме облсовета вопроса о регистрации общины мусульман в Бугуруслане показало, что абсолютное большинство его членов выступает против регистрации. Потребовалось новое вмешательство Совета по делам религий для положительного решения этого вопроса. Молитвенный дом мусульман в Бугуруслане начал действовать только с 1969 г. Иمامом мечети был назначен Халим Ганеев (1891 г. р., образование среднее).

⁵⁹⁹ ГАОО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 268. Л. 15.

В своей проповеди, прочитанной в 1969 г. в честь праздника Ураза-Байрам, Х. Ганеев говорил о достижениях советской власти и заключал: «Ведь все это достигнуто благодаря и в результате науки. Благодаря советской власти в нашей стране учатся, люди овладевают знаниями, наукой. Науку распространяет среди людей наша всепобеждающая советская власть... Граждане! Помолимся Аллаху и просим его, чтобы он послал мир на земле и победу нашему правительству над врагами – Аминь»⁶⁰⁰.

Постановлением Совета по делам религий от 31 октября 1968 г. была утверждена новая «Инструкция об учете религиозных объединений, молитвенных домов и зданий, а также о порядке регистрации исполнительных органов религиозных объединений и служителей культа», где давался перечень десяти документов, необходимых для учета каждого религиозного объединения.

16 октября 1969 г. исполком оренбургского облсовета принял решение «О ходе выполнения Постановления Совета Министров РСФСР от 24 июля 1968 г. «Об усилении контроля за выполнением законодательства о религиозных культурах» в г. Орске и Александровском районе». Исполкомам городского и районного советов предлагалось разобраться с каждым из незарегистрированных религиозных обществ и групп и определить, какие из них подлежат регистрации. В отношении организаций, уклоняющихся от регистрации, предписывалось принять соответствующие административные меры. Однако данное решение на местах исполнено не было. Ни одно общество не было зарегистрировано и не взято на учет как действующее нелегально.

Немалые трудности для верующих-мусульман были связаны с совершением паломничества в Мекку. Верующий, желающий совершить паломничество должен был обратиться с письменной просьбой в ДУМ и в случае отсутствия возражений – подать заявление уполномоченному по делам религий в своем регионе. Уполномоченным велась запись очередников и ежегодно давалась разрядка на количество паломников. Каждое заявление рассматривалось советом по делам религий с учетом рекомендаций, выданных уполномоченным. Совет же окончательно формировал группу паломников. В этом плане показателен пример рассмотрения ходатайства о паломничестве Х. З. Рахманкулова. В 1968 г. ему было отказано в хадже и разъясне-

⁶⁰⁰ Архив управления внутренней политики Аппарата Губернатора и Правительства Оренбургской области. Дело за 1970 г. Л. 136.

но, что группа уже сформирована. Однако на самом деле решающим фактором в подобном решении этого вопроса стала сопроводительная записка уполномоченного по Оренбургской области Г. Д. Василенко, который высказал мнение о нецелесообразности направления Х. З. Рахманкулова в Мекку⁶⁰¹.

В 1970 г. с заявлением о желании совершить паломничество обратились председатель исполнительного органа религиозного общества мусульман г. Оренбурга З. Г. Зарипов, пенсионеры Мухаммед-Вали Садыкович Хакимов (1891 г.р.) и Сапаша Дженалинов (1901 г. р.).

Таблица 10 – Совершение религиозных обрядов в мечетях Оренбургской области в 1970 г.⁶⁰²

Мечеть	Наречений имени	Бракосочетаний	Похорон
г. Оренбург	10	49	141
г. Бугуруслан	12	10	8
с. Бакаево	10	3	15
с. Татарская Каргала	32	14	35
Всего:	64	76	199

В своих проповедях представители духовенства стремились подчеркнуть единство советского общества свою законопослушность. Имам мечети в с. Татарская Каргала Нигматуллин в своей проповеди во время проведения в 1970 г. праздника Курбан-байрам обратился к верующим со следующими словами: «Граждане! Мы все люди советские. Мы должны верить Богу, никогда не забывать и верить нашим советским законам, надо быть примерным и всегда следовать по пути нашего великого вождя – товарища Ленина»⁶⁰³.

Местные органы власти совместно с комиссиями содействия исполкомам по соблюдению законодательства о религиозных культах продолжали активно проводить атеистическую работу с населением. В дни проведения праздника Ураза-байрам в 1971 г. (с 19 апреля по 20 ноября) в г. Орске были прочитаны лекции на атеистические темы: «Женщина и религия», «Реакционная сущность религии», «Религия на службе капитала» и др. Кроме того, в эти дни был проведен город-

⁶⁰¹ ГАОО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 280. Л. 2–7.

⁶⁰² ГАОО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 287. Л. 6.

⁶⁰³ ГАОО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 290. Л. 119.

ской семинар руководителей атеистических секций и лекторов-атеистов, в красных уголках школ, библиотек и культурно-просветительских учреждений были оформлены книжные выставки на тему «Наука и религия», на стендах вывешены газеты «Атеист» и «Юный атеист», в учебных заведениях были проведены атеистические анкеты.

Таблица 11 – Сведения о прохождении уразы и Уразы-байрама в Оренбургской области в 1970 г.⁶⁰⁴

Мечеть	Число мусульман, участвующих в намазах							Поступило руб.	
	Пятница до уразы	Пятница уразы	Таравих-намаз	Уразы-байрам	в том числе			1969 г.	1970 г.
					18–30 лет	30–60 лет	старше 60 лет		
г. Оренбург	350	450	150	2000	100	1400	500	2214	2254
г. Бугуруслан	125	115	51	400	150	180	70	569	1502
с. Бакаево	67	50	82	263	0	133	130	774	814
с. Тат. Каргала	46	47	63	357	137	196	24	513	615
С. Старо-Кульшарипово	29	47	32	131	0	60	71	425	465
Всего:	617	709	378	3151	387	1969	795	4495	5651

Беседы и доклады на атеистические темы прошли и в с. Татарская Каргала. В сельской библиотеке был организован «уголок атеиста» и книжная выставка «сущность религии». В Домбаровском районе в дни проведения поста и праздника Ураза-байрам в культурно-просветительских учреждениях проводилась эстафета культуры, в ходе которой коллективами художественной самодеятельности исполнялись номера на антирелигиозные темы. В Акбулакском районе в дни праздника было прочитано 25 лекций и докладов на темы: «Религия – враг народа», «О религиозных праздниках и обрядах», «Женщина и ислам», «Ислам сегодня и завтра» и пр. В селах Чишма-Баш, Алга, Юлдуз Бугурусланского района были прочитаны лекции на темы: «Что такое ислам», «Ураза и ее вред для здоровья», «Религия и женщина», «Чем религия вредит развитию детей», «Реакционная сущность мусульманских праздников и обрядов». В районной газете «Бугурусланская правда» была помещена статья Х. Сафина «Пережитки прошлого», посвященная

⁶⁰⁴ ГАОО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 287. Л. 88.

характеристики с официальной точки зрения мусульманских праздников и обрядов⁶⁰⁵.

В Новоорском районе в 1971 г. в преддверие праздника Курбан-байрам (6–9 февраля) по местному радио были организованы передачи на темы «Мусульманская вера и современность» и «Мусульманские обряды и советская действительность». В областной газете Южный Урал в октябре 1973 г. была опубликована статья «О традициях полезных и вредных», авторы которой проводили сравнение между Курбан-байрамом и сабантуем, однозначно высказываясь в пользу последнего⁶⁰⁶. По их мнению, сабантуй является своеобразным смотрам духовных и физических достижений народа. Исходя из этого авторами предлагалось ежегодно проводить областные сабантуи с приглашением представителей от всех районов, соседних областей и республик.

Перед каждым религиозным праздником комиссии содействия по контролю за соблюдением законодательства о религиозных культах при исполкомах советов направляли ответственным работникам письма с изложением содержания и смысла праздника, обращали их внимание на необходимость усиления контроля в предпраздничные и праздничные дни за соблюдением законодательства о религиозных культах⁶⁰⁷. Активно работали и комиссии по внедрению в жизнь новых обрядов, которыми проводились торжественные регистрации новобрачных, молодежные свадьбы, вручение свидетельств о рождении и др.

Религиозные организации по-прежнему выполняли свою агитационную функцию по разоблачению империалистической политики Западных держав в азиатско-африканском регионе. В феврале 1972 г., в преддверии праздника Курбан-байрам муфтием Ш. Хиялетдиновым всем имамам были разосланы тексты обращения ко всем народам мира с призывом бороться за мир, требовать немедленного вывода израильских войск из арабских земель, требовать прекращения бомбардировок Северного Вьетнама, выступать против империалистической политики в Индокитае. В дни праздника это обращение было зачитано во всех мечетях и молитвенных домах. Идеологические установки, содержащиеся в обращении муфтия всецело соответствова-

⁶⁰⁵ Сафин Х. Пережитки прошлого // Бугурусланская правда. – 1971. – 5 февраля.

⁶⁰⁶ Гафаров З., Огниев В. О традициях полезных и вредных // Южный Урал. – 1973. – 4 октября.

⁶⁰⁷ ГАОО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 301. Л. 1.

ли общеполитическим установкам советского правительства: «Дорогие братья мусульмане! Как известно, наше правительство Советского Союза неустанно ведет миролюбивую политику между народами, постоянно борется за смягчение международного напряжения, за освобождение угнетенных народов от агрессии. Чтобы больше помогать странам, ведущим борьбу за освобождение и независимость наша оборонная мощь должна быть еще сильнее. Для этого каждый гражданин должен работать усердно, добросовестно и внимательно, беречь народные богатства и быть высокогуманным, бдительным»⁶⁰⁸. Кроме того, верующим в очередной раз было напомнено содержание фетвы ДУМ Европейской части СССР и Сибири «О жертвоприношении животными в праздник гайди-курбан» где, со ссылкой на законы шариа, жертвоприношение объявлялось необязательным ритуальным обрядом Ислама.

В сфере реализации государственной антирелигиозной политики особое внимание уделялось ограничению возможности привлечения к активной религиозной жизни детей и молодежи. 14 марта 1972 г. Совет по делам религий дал Разъяснение «О применении законодательства о религиозных культах, касающегося детей и подростков». Был установлен порядок предварительного оформления документов в исполнительных органах власти для осуществления обряда крещения.

Интересные данные в связи с этим дали результаты опроса, проведенного в 1973 г. членами комиссии содействия при Саракташском райисполкоме в дни проведения праздника Курбан-байрам. Большинство опрошенных отметили, что соблюдали религиозные обряды в дни праздника в силу традиции и нередко не знали об их истинном происхождении и религиозном значении. Это позволило сделать вывод о том, что значительная часть лиц, соблюдающих религиозные обряды, не придавали им религиозного смысла, а всего лишь следовали формальной традиции⁶⁰⁹.

Во все районы области в адрес ответственных работников исполкомов, занимающихся вопросами религиозных культов под грифом «для служебного пользования» были разосланы сборника «Законодательство о религиозных культах».

В 1975 г. был создан областной координационный совет по контролю за соблюдением законодательства о религиозных культах и внедрению новых гражданских обрядов.

⁶⁰⁸ ГАОО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 294. Л. 3.

⁶⁰⁹ ГАОО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 304. Л. 3.

В начале 70-х годов обострился конфликт между муллой и исполнительным органом Оренбургской соборной мечети. Возраст и плохое здоровье не позволяли Х. Латыпову полноценно исполнять свои обязанности (в 1972 г. ему исполнилось 85 лет). Председатель мутавали Зариф Гарипович Гарипов обвинял муллу в том, что он не выполняет свои обязанности, служит только своим интересам и не советуется с членами исполнительного органа: «Латыпов советуется только с 2–3 людьми, со своими, из шайки хулиганов»⁶¹⁰. Духовное управление встало на сторону председателя мутавали и в результате в июле 1972 г. Х. Латыпов был уволен со своей должности и перебрался в Ульяновск.

По рекомендации ДУМЕС и на основании решения исполнительного органа религиозного общества мусульман 4 октября 1972 г. имам-хатыбом Оренбургской мечети был назначен Яхья Аляутдинович Имаметдинов. Он родился 15 марта 1909 г. в семье крестьян с. Чембилей ныне Красно-Октябрьского района Нижегородской области. Получил начальное религиозное образование дома у своих родителей, затем окончил 5 классов медресе. Вел крестьянское хозяйство в родном селе. С 1926 по 1930 годы жил в Москве, где сначала работал грузчиком на складе, а с 1928 г. – формовщиком-литейщиком на заводе «Компрессор». С октября 1931 по май 1934 годов служил в армии пограничником. Демобилизовавшись, вернулся в Москву, где работал смазчиком в автогужпарке ДТК при ВЦИКе. В 1936 г. перебрался на постоянное место жительства в Оренбург, до 1960 г. работал шофером хозотдела УВД, а с марта 1960 по апрель 1969 годов – стрелком-охранником на Оренбургском машиностроительном заводе. Награжден медалями «За боевые заслуги» и «За победу над Германией». С открытием в 1945 г. соборной мечети в г. Оренбурге стал ее активным прихожанином, входил в состав «двадцатки» – исполнительного органа прихода.

Во главе других мусульманских приходов области в этот период стояли: в с. Татарская Каргала – имам-хатыб Нигматуллин Рахматулла Гизатуллович (1903 г. р.), в с. Бакаево – имам-хатыб Зарипов Гильмутдин Фатхутдинович (1893 г. р.), в с. Старокульшарипово – имам-хатыб Мукимов Зуфар Мукимович (1888 г. р.), в г. Бугуруслане – имам Салахутдинов Хамитшагит Салахутдинович (1896 г. р.)⁶¹¹. Исполнительные органы мечетей состояли также из людей в основ-

⁶¹⁰ ГАОО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 308. Л. 35.

⁶¹¹ ГАОО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 309. Л. 5.

ной своей массе пожилых. Так, в начале 1970-х гг. в состав мутавали мечети с. Татарская Каргала входили 9 пенсионеров и 14 колхозников. Среди них: Акисов (председатель, 1897 г. р.), Раимов (1903 г. р.), Уразов (1904 г. р.), Мулюков (1904 г. р.), Аитов (1906 г. р.), Садыков (председатель ревкомиссии, 1904 г. р.).

Сильные морозы, пришедшиеся на время празднования в 1972 г. праздника Курбан-байрам, несколько снизили количество верующих, посетивших Соборную мечеть в г. Оренбурге. Накануне праздника молилось 370 верующих, в день Курбан-байрама – порядка 1100 человек (в 1971 г. – 2000 человек), в том числе в возрасте от 18 до 40 лет – около 100 человек, от 40 до 50 лет – 500 человек, свыше 50 лет – 500 человек и 12 женщин. Посещаемость мечети в день праздника в г. Бугуруслане составила 250 верующих (против 350 – в 1971 г.), в с. Татарская Каргала – 380 верующих (в 1971 г. – 447), с. Бакаево – 260 (в 1971 г. – 300), с. Старокульшарипово – 80 человек (в 1971 г. – 114)⁶¹².

Многие верующие в этот период продолжали соблюдать религиозные обряды. Так, во время прохождения праздника Ураза-байрам в 1972 г. (с 8 октября по 6 ноября) органами власти в разных районах области, в селах с преобладающим татарским и башкирским населением, отмечались случаи соблюдения верующими поста: в с. Асекеево – около 60 человек, в с. Чкаловском – около 10, в п. Чишма-Баш – около 40 человек и пр. В селах, с преобладающим казахским населением отмечалась заметно меньшая активность верующих. В Акбулакском районе пост уразу держало не более 7–8 человек в каждом селе.

В с. Татарская Каргала во время проведения праздника Ураза-байрам мечеть посетило 380 человек, из них 225 – в возрасте от 30 до 60 лет и 64 – в возрасте от 25 до 30 лет.

У казахского населения области сохранялась традиция возведения мазаров в местах захоронения. Так, недалеко от поселка Акбулак дома-надгробия из железа, кирпича и бетона составляли целый городок. В дни мусульманских праздников здесь собирались верующие, чтобы почтить память усопших. В с. Бакала Оренбургского района был воздвигнут мазар, напоминающий мечеть, общей высотой около 5 метров.

Следует отметить, что по данным местных органов власти в Оренбургской области к 1972 г. помимо 5 официально зарегистрированных мусульманских религиозных организаций действовало 26 неза-

⁶¹² ГАОО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 294. Л. 5.

⁶¹³ ГАОО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 304. Л. 41.

регистрированных объединения верующих мусульман⁶¹³. Общее же количество верующих мусульман в области по ориентировочной оценке Уполномоченного составляло 7–8 тыс. человек⁶¹⁴.

К 1980 г. в Оренбургской области официально действовало 3 мечети (г. Оренбург, с. Бакаево и с. Татарская Каргала) и 2 молитвенных дома мусульман (с. Старокульшарипово (Асекеевский район) и г. Бугуруслан). Неофициально функционировали еще 25 общин и религиозных групп мусульман. Члены большинства из них проводили совместные богослужения в основном на большие праздники: Ураза-байрам и Курбан-байрам. Традиционно верующие собирались также для проведения похоронных и поминальных обрядов.

В проповедях, произносимых в дни религиозных праздников имамами официально зарегистрированных общин, традиционно трактовались отдельные положения ислама, прославлялся Аллах и его пророки, произносились слова благодарности руководителям государства. 12 августа 1980 г., выступая на торжественном служении, посвященном ураза-байраму, Яхья Имаметдинов выступил с большой проповедью, в которой призывал всех верующих стремиться к миру, заботиться о своих родных и близких, о воспитании детей, уважительно относиться к окружающим, соблюдать общественный порядок и бороться с его нарушителями. Имам призвал верующих молиться за то, что бы на всей земле был прочный мир: «Руководители нашей Родины – Советского Союза, неустанно энергично борются за мир между народами. Молим Аллаха! Пусть восторжествуют благородные планы нашего руководства! Молим Аллаха! Да будет победа за победой в деле создания справедливого равенства людей во всем мире!»⁶¹⁵. В завершение проповеди Яхья Имаметдинов зачитал заявление участников пленума представителей мусульман Европейской части СССР и Сибири, которое состоялось 19 июня 1980 г. в Уфе.

По-прежнему большое внимание уделялось разъяснению внешнеполитического курса Советского Союза по отношению к исламским странам и осуждению агрессивного внешнеполитического курса капиталистических стран, прежде всего США и Израиля. Имам Оренбургской соборной мечети Яхья Имаметдинов в одной из своих проповедей рассказал о мусульманской конференции, прошедшей в г. Ташкенте в сентябре 1980 г.: «На этой конференции за 4 дня высту-

⁶¹⁴ ГАОО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 306. Л. 2.

⁶¹⁵ ГАОО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 306. Л. 4.

пили 52 делегата от разных мусульманских государств. Все они высказывали свои мнения о кровопролитных боях на арабских землях, об агрессивной политике Америки, Израиля, о борьбе народа Афганистана за свою независимость. ...Конференция прошла под девизом: «XV век хиджры – век мира и дружбы всех народов. Борьба за мир и дружбу – священный долг каждого мусульманина!»⁶¹⁶.

Имамами планомерно пропагандировалось лояльное отношение к государственным институтам и всячески поощрялось трудолюбие. Так, имам Бугурусланской мечети Асбахутдин Садретдинов (1904 г. р.), в своей проповеди, произнесенной по случаю празднования в 1980 г. Ураза-байрама, подчеркнул следующее: «Каждый истинный мусульманин на своем рабочем месте должен работать добросовестно, выполнять и перевыполнять планы, поставленные государством перед каждой организацией, предприятием. Для этой цели необходимо быть высокодисциплинированным, трудолюбивым. Для каждого мусульманина является позором холодное отношение к своему труду, не вовремя являться на работу, пьянствовать на работе и вне работы, показывая дрянной пример товарищами молодежи, в том числе и своим детям»⁶¹⁷.

Об этом же говорил и имам мечети в с. Татарская Каргала Рахматулла Нигматуллин: «Религия и сама жизнь предлагают нам работать старательно и честно. Но среди нас есть еще плохие люди. Они часто пьянствуют, на работу не ходят, занимаются воровством. Таким людям надо дать бой, с ними надо бороться и наказывать беспощадно!»⁶¹⁸.

Количество верующих, посетивших мечети 12 августа 1980 г., в день праздника Ураза-байрам, было несколько меньшим, чем в предыдущие годы. Объяснялось это тем, что праздник пришелся на будний день, и по всей области шла уборка урожая. В таблице 12 приведены сведения о количестве верующих, участвовавших в намазах в зарегистрированных мечетях и количестве собранных средств. Отметим, что общий доход во всех зарегистрированных объединениях мусульман в Оренбургской области составил в 1979 г. 67 тыс. руб., в 1980 г. – 73,5 тыс. руб.

⁶¹⁶ Архив управления внутренней политики аппарата Губернатора и Правительства Оренбургской области. Дело за 1980 г. Информационный отчет уполномоченного Совета по делам религий Г. Д. Василенко за 1980 год. Л. 7–8.

⁶¹⁷ Там же.

⁶¹⁸ ГАОО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 306. Л. 3–5.

Таблица 12 – Сведения о прохождении уразы и Уразы-байрама в Оренбургской области в 1980 г.

Мечеть	Число мусульман, участвующих в намазах						Поступило руб.	
	Перед праздн.	В день праздн.	в том числе				1979 г.	1980 г.
			18–30 лет	30–60 лет	старше 60 лет	женщин		
г. Оренбург	120	1000	200	450	300	50	7502	7996
г. Бугуруслан	35	285	30	175	80	–	2545	2485
с. Татарская Каргала Сакмарского р-на	35	290	3	180	107	15	951	1123
с. Старокульшарипово Асекеевского р-на	24	64	–	–	63	1	1048	1045
с. Бакаево Северного р-на	50	131	–	31	100	–	972	1331
Итого:	264	1770	233	836	650	66	13018	13980

По традиции в период поста верующие собирались в мечети вечером на таравих-намаз. В селе Татарская Каргала мечеть ежевечерне посещали 16–18 женщин и 12–13 мужчин. Довольно часто вечерние разговения и таравих-намазы проводились на дому. В Татарской Каргале на такие разговения собирались в отдельных домах по 20–25 человек. Женщины обычно собирались на вечерние разговения отдельно. Трапеза начиналась с чая, затем подавался суп и мясное блюдо с жареной картошкой, иногда беляши и заканчивалась трапеза снова чаем. После завершения трапезы мулла читал Коран, а пришедшим на разговение раздавалась садака, обычно деньгами от 1 до 5 рублей. Иногда каждый из присутствующих получал носовые платки или полотенца. Деньги, которые получал мулла, на месте оприходовал кто-нибудь из членов исполнительного органа мечети.

В июле 1981 г. в Москве состоялось совещание уполномоченных Совета по делам религий при Совете Министров СССР с участием заместителей председателей Советов Министров республик Средней Азии, Казахстана и Азербайджанской ССР. Выступая с основным докладом «О некоторых проблемах мусульманского культа в современный период» председатель Совета В. А. Куроедов отмечал: «Нельзя дальше терпеть такое положение, когда подавляющее большинство мусульманских религиозных объединений и служителей культа в стране действуют без регистрации в органах власти, то есть бесконтроль-

но»⁶¹⁹. Особое внимание в докладе было посвящено критике деятельности должностных лиц на местах, которые по традиции всеми силами старались предотвратить легализацию религиозных обществ.

Установка на легализацию деятельности религиозных организаций привела к тому, что в июне 1981 г. в области было зарегистрировано еще одно общество мусульман в г. Соль-Илецке. Верующим исполкомом горсовета был передан в пользование свободный дом, с тем, чтобы его можно было переоборудовать под молитвенные цели. В мае 1984 г. было зарегистрировано общество мусульман в с. Ибряево Северного района. Здесь верующим передали пустующее здание бывшей мечети, где ранее был склад винной тары. В 1986 г. была зарегистрирована еще одна община мусульман – в с. Асекеево.

В то же время, органы власти зорко следили за тем, чтобы все религиозные обряды совершались только в рамках зарегистрированных общин. Так, в 1985 г. за совершение похоронных обрядов без санкции исполнительного органа оренбургской мечети был привлечен к административной ответственности и оштрафован на 25 рублей З. Г. Гарипов.

15 июня 1984 г. мулла Оренбургской мечети Яхья Аляутдинович Имаметдинов, возглавлявший религиозную общину на протяжении 12 лет, скончался. К этому времени в области действовали всего 6 мечетей. В августе 1984 г. на должность имам-хатыба соборной мечети г. Оренбурга был приглашен Абдулфарид Мазитович Сайфуллин, 1948 года рождения, который до этого руководил мусульманской общиной г. Астрахани. Однако у него сразу не сложились отношения с исполнительным органом прихода и простыми верующими. Совет попечителей подал уполномоченному СРК по Оренбургской области 2 жалобы на муллу о том, что он самовольно установил себе высокую зарплату и грубо обращается с прихожанами. Практически сразу А. М. Сайфуллин уехал в Москву, хотя продолжал числиться имам-хатыбом Оренбургской мечети до февраля 1985 г. Уже в конце лета прихожане были вынуждены обратиться к муфтию Талгату Таджутдину с просьбой командировать муллу на время Курбан-байрама, поскольку некому было провести в мечети праздничную молитву. По его поручению из Ишимбая приехал имам Абдель-Барый Хабиевич Хайруллин, который с 6 по 9 сентября 1984 г. посетил многие орен-

⁶¹⁹ Архив управления внутренней политики аппарата Губернатора и Правительства Оренбургской области. Дело за 1981 г. Доклад председателя Совета по делам религий при Совете Министров СССР т. Куроедова В. А. Б/н

бургские семьи, совершая необходимые обряды. Молодой мулла понравился прихожанам, и в мае 1985 г. они пригласили его на должность имам-хатыба областного центра.

Масштабные преобразования общественного строя во второй половине 1980-х годов не могли не затронуть и сферу государственно-церковных отношений. Снятие искусственных ограничений и внесение изменений в законодательную базу привели к быстрому росту количества религиозных объединений, восстановлению церквей, молитвенных домов и мечетей.

В 1988 г. было зарегистрировано общество мусульман в г. Орске. Первоначально верующие просили выделить им для обустройства мечети какой либо дом. Местные власти пошли навстречу этой просьбе и освободили 4-х квартирный жилой дом, но к этому моменту среди верующих произошел раскол на две группы, которые стали требовать возврата здания бывшей мечети, в которой в то время размещался детский сад. Местными органами было принято решение в течение лета 1990 г. распределить детей по другим детским садам и передать помещение верующим.

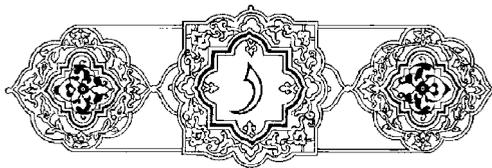
В 1989 г. в Оренбургской области было зарегистрировано еще 4 религиозных общества мусульман в г. Оренбурге, с. Озерки Илекского района, с. Покровка Соль-Илецкого района и г. Медногорске. К концу этого года в области действовало 13 зарегистрированных и 10 незарегистрированных обществ мусульман. Религиозное общество мусульман с. Наурузово Пономаревского района находилось в стадии регистрации. Вторая зарегистрированная в г. Оренбурге мусульманская община настойчиво ходатайствовала о передаче этому обществу здания «Караван-Сарая», в мечети которого в это время размещался планетарий, а остальные здания были заняты управлением «Оренбурггеология».

В этом же году Бугурусланским Советом народных депутатов был положительно решен вопрос о строительстве нового здания мечети.

Летом 1989 г. мусульмане Оренбуржья торжественно отметили 1100-летие добровольного принятия ислама в Поволжье и Приуралье, а также 200-летие Духовного Управления мусульман Европы и Сибири. Для участия в торжественных мероприятиях в Оренбург прибыли представительные делегации из Москвы, Казани, Уфы, республик Средней Азии и Эстонии, а так же ряда зарубежных стран. После торжественного богослужения в соборной мечети г. Оренбурга состоялся прием гостей у председателя исполкома Оренбургского

городского Совета народных депутатов Г. П. Донковцева. Гости посетили исторические места г. Оренбурга и побывали в с. Татарская Каргала⁶²⁰.

К моменту принятия в 1990 г. Закона «О свободе вероисповеданий» в Оренбургской области было зарегистрировано уже 92 религиозные организации, в том числе 19 организаций мусульман: в городах Оренбурге (2 общины), Бугуруслане, Орске, Соль-Илецке, Бузулуке, Медногорске и Кувандыке, п. Саракташ, селах Старокульшарипово, Асекеево, Татарская Каргала, Бакаево, Ибряево, Озерки, Покровка, Наурузово, Никитино и станции Донгуз. Большой подъем в религиозной жизни мусульман был связан с празднованием в 1990 г. 1100-летия официального принятия ислама и 200-летия учреждения Оренбургского магометанского духовного собрания.

⁶²⁰ Архив управления внутренней политики аппарата Губернатора и Правительства Оренбургской области. Дело за 1989 г. Информационный отчет уполномоченного Совета по делам религий при Совете Министров СССР по Оренбургской области за 1989 г. Б/н

Глава 3. Возрождение и развитие ислама в постсоветский период (1991–2014 гг.)

Резкое увеличение с конца 1980-х годов количества мусульманских общин в Оренбургской области потребовало создания здесь регионального централизованного объединения для координации работы по возрождению ислама, ремонту возвращенных и строительству новых культовых зданий, воссоздания системы конфессионального образования, подготовки кадров педагогов и священнослужителей. 10 июля 1991 г. в составе Духовного управления мусульман Европейской части России и Сибири (ДУМЕС) с центром в г. Уфе был образован Мухтасибат Оренбургской области. Имамом-мухтасибом региона стал мулла Центральной соборной мечети г. Оренбурга А. Х. Хайруллин, возглавив все расположенные на территории области мусульманские религиозные организации. 30 мая 1994 г. на основе Мухтасибата было образовано Духовное управление мусульман Оренбургской области (Оренбургский муфтият) в составе Центрального духовного управления мусульман России (ЦДУМ), ставшего правопреемником ДУМЕС в г. Уфе. На общем собрании представителей 43 мусульманских общин Оренбургской области председателем – муфтием регионального Духовного управления был избран Абдель-Барый Хабиевич Хайруллин. В соответствии с первым уставом основной целью деятельности муфтията была реализация гражданами права на свободу исповедания ислама в рамках норм российской Конституции и вытекающих из нее законодательных актов. Исходя из этой цели Духовное управление ставило перед собой следующие задачи: беспрепятственное проведение богослужений, религиозных обрядов и церемоний; организация паломничества в священные для мусульман места; поощрение религиозной благотворительности; основание и содержание мечетей; обучение религиозному вероучению, создание учебных заведений для подготовки священнослужителей; распространение религиозной литературы и предметов культового назначения⁶²¹.

В этот период начинается активный рост численности религиозных объединений, возрождение и стремительное развитие мусульманской жизни в Оренбуржье. В 1993 г. в области насчитывалось уже

⁶²¹ Устав духовного управления мусульман Оренбургской области (Оренбургский муфтият) в составе Центрального духовного управления мусульман России и Европейских стран СНГ. – Оренбург, 1994. – С. 1–5.

56 мусульманских организаций, а к 1995 г. их количество увеличилось до 67. Без официальной регистрации в органах юстиции на территории области действовали еще 9 религиозных групп мусульман. В этом же году по области работали 24 мечети и 32 молитвенных дома, а также 3 медресе (2 – трехгодичных и 1 – двухгодичное). Еще 6 мечетей находились в стадии завершения строительства. Большую помощь в восстановлении культовых зданий оказывал созданный в 1992 г. благотворительный фонд «Совесть».

В то же время наряду с активным возрождением ислама, Оренбуржье затронули и общие для всей мусульманской уммы России процессы раскола, связанные со стремлением отдельных регионов к большей организационной и финансовой самостоятельности, амбициями новых религиозных лидеров, борьбой за молитвенное пространство. В декабре 1994 г. из состава Духовного управления мусульман Оренбургской области (Оренбургского муфтията) вышли религиозные организации Бугуруслана, Бузулука и с. Асекеево. На их основе 1 февраля 1995 г. было зарегистрировано Духовное управление мусульман Оренбургской области (Бугурусланский муфтият) под председательством И. К. Шангареева, которое вошло в состав Высшего Координационного центра мусульман России. В 1994 г. М. А. Велитовым была создана Ассоциация мечетей России, которую в 2000 г. также возглавил И. К. Шангареев. Под ее эгидой был зарегистрирован ряд мусульманских религиозных организаций на западе области. При этом сам И. К. Шангареев в 2001 г. на правах сопредседателя вошел в состав централизованной организации Совет муфтиев России (г. Москва), конкурирующей с ЦДУМ.

В своей деятельности он опирался на серьезную финансовую поддержку благотворителей из Саудовской Аравии. Так, в 1993 г. Бугуруслан посетила делегация «саудовских шейхов», которая выделила 90 тыс. долларов на завершение строительства в городе соборной мечети. Еще 25 тыс. долларов зарубежные друзья пожертвовали на постройку мечети в райцентре Северное. При материальной и идеологической поддержке саудовцев с 1994 г. в Бугуруслане начало работать собственное медресе «Аль-Фуркан», которое готовило кадры мусульманских священнослужителей и педагогов для нового быстро растущего муфтията. Первоначально занятия здесь вели выпускники Исламского университета в Медине, на смену которым пришли выходцы из Алжира, Судана и Туниса. Костяк слушателей также составляли приезжие. В 1999 г. среди 43 студентов медресе «Аль-Фуркан»

насчитывалось 20 татар, 6 казахов, 4 дунганина, 4 таджика, 3 киргиза, 2 узбека, 1 башкир, 1 уйгур, 1 азербайджанец и 1 русский. Но только 6 татар и часть казахов представляли Оренбургскую область⁶²². В 2000 г. из 68 студентов 6 человек были из Киргизии, 9 – из Таджикистана, 6 – из Казахстана, 1 – из Оренбургской области и 41 – из других регионов России. В списке преподавателей из 46 человек только 3 составляли местные жители⁶²³.

Щедрое финансирование из-за рубежа способствовало переходу в структуры И. К. Шангареева новых общин. Если в 1998 г. он контролировал 19 местных мусульманских организаций, то в 2006 г. – уже 47 приходов. При этом борьба за молитвенное пространство сопровождалась взаимной дискредитацией в СМИ, насильственным захватом культовых зданий и даже избиениями священнослужителей. Так, 25 июля 1999 г. в райцентре Асекеево представители Бугурусланского муфтията силой отобрали ключи от мечети Оренбургского муфтията у имам-хатыба С. Назмутдинова, вскрыли шкаф, ящики для пожертвований, где было около 900 рублей, изъяли документы религиозной организации, в том числе банковские. 30 июля 1999 г. аналогичный скандал произошел в Бугурусланской соборной мечети, где в это время вел службу сам Верховный муфтий ЦДУМ Т. Таджутдин. После намаза муфтий И. Шангареев и его сторонники устроили собрание с целью отлучения от должности председателя местной религиозной общины Ямбулаева, а также бухгалтера. У них были отобраены печать и ключи.

Напористая, агрессивная политика И. К. Шангареева и его поддержка из-за рубежа послужили оппонентам основаниями для обвинений руководства Бугурусланского муфтията в приверженности радикальным идеям ваххабизма, привлекли внимание правоохранительных органов. В октябре 2004 г. на территории медресе «Аль-Фуркан» г. Бугуруслана были проведены обыски, в ходе которых в банке из-под кофе обнаружено взрывчатое вещество окфол (аналог гексогена)⁶²⁴. Кроме того, в учебном заведении были изъяты 122 печатных издания, направленных на экспертизу. Ее результаты показали, что 50 % книг изданы в Саудовской Аравии, 10 % – в Египте, 8 % – в

⁶²² Косач Г. Г. «Аль-Фуркан» // Ислам на Урале: энциклопедический словарь / Коллект. автор. Сост. А. Н. Старостин. Отв. ред. Д. З. Хайретдинов. – М.: Издательский дом «Медина», 2009. – С. 35.

⁶²³ Нужно ли городу такое медресе? // Бугурусланская правда. – 2002. – 17 января.

⁶²⁴ В Бугуруслане нашли гексоген // Комсомольская правда в Оренбурге. – 2004. – 30 октября.

Бейруте и лишь 14 % – в России. Среди конфискованной литературы оказалось 18 книг ваххабитского толка, в том числе и сочинение самого основателя этого учения Мухаммада ибн Абд-аль-Ваххаба – «Книга единобожия». На основании этого в феврале 2005 г. прокуратура Оренбургской области подала в суд иск о ликвидации медресе «Аль-Фуркан». В 2005 г. на страницах региональных газет прошла информация о том, что 7 бывших воспитанников данного учебного заведения принимали участие в деятельности незаконных вооруженных формирований на Северном Кавказе, причем двое уже через три дня после выпуска из стен медресе участвовали в захвате школы в Беслане⁶²⁵. В марте 2006 г. на территории «Аль-Фуркана» снова прошел обыск, в ходе которого изъяты пропагандистские материалы и вскрыта ячейка запрещенной в России международной экстремистской организации «Хизб ут-Тахрир». После этого медресе было закрыто. А руководитель Бугурусланского муфтията и Ассоциации мечетей России И. К. Шангареев, опасаясь преследований, выехал на постоянное жительство в Объединенные Арабские Эмираты. В августе 2007 г. на чрезвычайном съезде муфтията преемником был избран его заместитель А. Шафигуллин.

В том же 2007 г. помощник ректора медресе «Аль-Фуркан» был приговорен к 1,5 годам колонии-поселения, а еще один член «Хизб ут-Тахрир» – к 6 месяцам. В отношении 6 преподавателей Бугурусланского медресе дело об использовании экстремистской литературы в процессе обучения прекращено за истечением срока давности. Еще 10 участников организации депортированы в Узбекистан⁶²⁶.

Тем не менее, и в дальнейшем пограничное положение Оренбургской области на основных транзитных путях из России в мусульманские страны Центральноазиатского региона, раскол в местной умме способствовали проникновению в регион идей исламского экстремизма.

В 2007 г. на территории Пономаревского района Оренбургской области в ходе спецоперации были задержаны скрывавшиеся там 2 члена незаконного вооруженного формирования «Исламский джамаат», незадолго до этого убившие 2 сотрудников Стерлитамакского РОВД Республики Башкортостан и пожилого мужчину, а также готовившиеся про-

⁶²⁵ Костенко С. В Бугуруслане учили ненавидеть // Южный Урал. – 2005. – 16 августа.

⁶²⁶ В Бугуруслане (Оренбургская область) вынесен приговор по делу о «Хизб-ут-Тахрир» // Информационно-аналитический центр «СОВА» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sova-center.ru/religion/news/extremism/counter-extremism/2007/03/d10278/> (дата обращения: 11.10.2013).

вести террористические акты на территории Татарстана⁶²⁷. В 2011 г. Верховным судом Республики Башкортостан они были осуждены к пожизненному лишению свободы и 23 годам заключения, соответственно.

В 2009 г. пресечена деятельность в Оренбурге последователей турецкого богослова С. Нурси, которые в России рассматриваются как члены экстремистской организации «Нурджулар». С апреля 2008 г. по март 2009 г. на конспиративных квартирах они организовали изучение трудов С. Нурси и его последователей, в которое были вовлечены 15–20 тюркоязычных студентов оренбургских учебных заведений. Лидер группы в 2011 г. был осужден за организацию деятельности экстремистского объединения к 1,5 годам колонии-поселения⁶²⁸. Его сообщник в 2012 г. освобожден от уголовной ответственности за истечением срока давности⁶²⁹.

В 2010 г. в г. Соль-Илецк были задержаны 3 гражданина Кыргызстана, которые вели пропаганду идей запрещенной в России экстремистской организации «Таблиги Джамаат» и пытались вербовать новых сторонников среди прихожан местной мечети. Один из них депортирован на родину, а двое других отделались предупреждениями⁶³⁰. В 2011 г. правоохранительными органами пресечена деятельность двух ячеек «Таблиги Джамаат», которые тайно действовали в Оренбурге, Соль-Илецке и с. Дивнополье Соль-Илецкого района с мая 2009 г. по июль 2011 г. Общая численность их последователей в Оренбургской области составляла более 50 человек. В 2013 г. мировым судьей г. Оренбурга был приговорен к штрафу 1, а Соль-Илецким районным судом – еще 4 обвиняемых по этому делу⁶³¹.

⁶²⁷ Крылова М. Ваххабиты-убийцы задержаны оренбургскими и башкирскими милиционерами // Оренбургская неделя. – 2007. – 26 сентября.

⁶²⁸ В Оренбурге к реальному сроку осужден последователь Саида Нурси // Информационно-аналитический центр «СОВА» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sova-center.ru/misuse/news/persecution/2011/06/d21979/> (дата обращения: 11.10.2013).

⁶²⁹ В Оренбурге освобожден последователь Саида Нурси // Информационно-аналитический центр «СОВА» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sova-center.ru/misuse/news/persecution/2012/01/d23501/> (дата обращения: 11.10.2013).

⁶³⁰ В Оренбургской области задержаны граждане Киргизии, приверженцы «Таблиги Джамаат» // Информационно-аналитический центр «СОВА» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sova-center.ru/religion/news/extremism/counter-extremism/2010/11/d20304/> (дата обращения: 11.10.2013).

⁶³¹ В Оренбурге вынесен приговор по делу о создании ячейки «Таблиги Джамаат» // Информационно-аналитический центр «СОВА» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sova-center.ru/misuse/news/persecution/2013/03/d26725/> (дата обращения: 11.10.2013); В Соль-Илецке вынесен приговор по делу «Таблиги Джамаат» // Информационно-аналитический центр «СОВА» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sova-center.ru/misuse/news/persecution/2013/04/d26884/> (дата обращения: 11.10.2013).

По этим крупным делам и единичным случаям пропаганды судами Оренбургской области неоднократно выносились решения о запрете мусульманских изданий, выявленных в ходе следствия. Так, в 2007 г. Бугурусланский городской суд признал экстремистскими 16 публикаций, в 2008 г. Центральный районный суд г. Оренбурга – 6 листовок и журналов, в 2010 г. Соль-Илецкий районный суд – 6 книг и фильмов, а в 2012 г. – еще 7. Тогда же Октябрьский районный суд г. Орска запретил к распространению 5 материалов в сети Интернет, а Ленинский районный суд г. Оренбурга – сразу 67 публикаций⁶³². Однако практика показывает, что местные суды не обладают достаточной компетентностью для правовой оценки религиозной литературы. Так, решение о признании экстремистскими в 2012 г. 67 мусульманских изданий буквально взорвало исламское сообщество не только Оренбургской области, но и всей России потому, что одним списком без различия идейного содержания была запрещена вся библиотека, изъятая в ходе обысков у одного из последователей С. Нурси. В результате под запрет попали многие классические труды традиционного ислама, составляющие основу его вероучения, богословия и философии: сборники хадисов (преданий о поступках и изречениях Пророка Мухаммада), его наиболее популярные жизнеописания, труды авторитетного мусульманского теолога и философа XI в. аль-Газали. При этом одним из экспертов при оценке исламской литературы выступил преподаватель Московской православной духовной академии, дьякон Ю. Максимов, что могло внести раскол между крупнейшими конфессиями страны. По факту запрета ДУМ Оренбургской области выступило с 3-мя официальными заявлениями, призывая верующих к спокойствию и борьбе за свои права только законными способами. Представители издательств и авторов, не приглашенные на первое судебное заседание, подали 14 апелляционных жалоб для пересмотра скандального решения.

Между тем, в результате длительного переговорного процесса при содействии областных органов власти в 2010 г. Бугурусланский муфтият принял решение о самоликвидации, а его приходы вернулись под контроль ДУМ Оренбургской области (Оренбургского муфтията) в составе ЦДУМ. Однако 20 общин региона, входивших в состав «Ассоциации мечетей России», отказались воссоединиться и в

⁶³² Федеральный список экстремистских материалов // Минюст России [Электронный ресурс]. URL: : <http://www.minjust.ru/nko/fedspisok/> (дата обращения: 11.10.2013).

2010 г. вошли в новую централизованную организацию – «Исламский объединенный центр мусульманских организаций России» (г. Москва), переименованный с 2012 г. в «Объединенный исламский конгресс России (Объединенный муфтият)» под председательством Ш. У. Авясова⁶³³. С целью передела молитвенного пространства он развернул активную экспансию на западе Оренбургской области, где сохранялись сильные сепаратистские настроения: вложил значительные финансовые средства в ремонт и благоустройство местных мечетей, погасил их задолженность по ЖКУ, провел благотворительные акции для пожилых мусульман. В 2012 г. в составе ОИК было образовано Оренбургское региональное ДУМ во главе с М. Р. Кашаповым, которое объединило уже 27 местных организаций. Возникла угроза нового отпадения всего запада региона и углубления раскола в мусульманском сообществе Оренбуржья, который тяжелейшими усилиями был практически преодолен. Ситуация осложнилась появлением на молитвенном поле Оренбуржья третьего игрока – централизованной организации ДУМ Европейской части России (г. Москва), зарегистрировавшей в 2012 г. первый приход в Оренбурге⁶³⁴. Однако в начале августа 2014 г. на своем съезде Оренбургское региональное ДУМ Объединенного исламского конгресса России приняло решение о самороспуске, а 12 августа подало официальное заявление о ликвидации в областные органы юстиции. По-видимому, это решение связано с прекращением финансирования местных приходов из Москвы, которое последовало за возбуждением в октябре 2013 г. уголовного дела против общероссийского лидера организации Ш. У. Авясова по обвинению в фальсификации данных государственного реестра, а также за обысками в домах местных функционеров Конгресса в феврале 2014 г. на предмет наличия экстремистской литературы.

Внутренние раздоры не мешали продолжающемуся росту числа зарегистрированных мусульманских организаций, а отчасти и содействовали ему благодаря созданию конкурирующими центрами параллельных структур в одних и тех же населенных пунктах.

⁶³³ Денисов Д. Н. Ислам // Конфессии и религиозные объединения в Оренбургской области. Справочник. – Оренбург: ИК ОРЦСИ, 2012. – С. 138–139.

⁶³⁴ Николаев О. В. Ислам в Оренбуржье: постсоветский период // Расулевские чтения: ислам в истории и современной жизни России / Материалы всероссийской научно-практической конференции (г. Троицк, 29 марта 2012 г.). – Челябинск-Уфа: ООО «Издательский центр «АРКАИМ», 2013. – С. 36–38.

Таблица 13 – Динамика численности мусульманских религиозных организаций в Оренбургской области в постсоветский период

Годы	Организаций	Годы	Организаций
1991	32	2003	132
1992	41	2004	132
1993	56	2005	133
1994	58	2006	133
1995	67	2007	128
1996	74	2008	108
1997	78	2009	105
1998	80	2010	95
1999	86	2011	97
2000	95	2012	111
2001	114	2013	109
2002	130	2014	102

Стремительный рост числа мусульманских общин в Оренбургской области, возрождение старых и строительство новых мечетей со всей остротой обозначили проблему нехватки квалифицированных кадров священнослужителей и преподавателей основ ислама. Для организации массовой подготовки служителей религиозного культа по специальности «имам-хатыб» в 1991 г. при Центральной соборной мечети г. Оренбурга было открыто Духовное мусульманское религиозное образовательное учреждение медресе «Хусаиния». Его становление проходило в тяжелых материальных и организационных условиях. Первоначально для учебного заведения было расчищено от мусора и отремонтировано подвальное помещение в Центральной соборной мечети г. Оренбурга (ул. Терешковой, 10а), где не только занимались, но и жили в период обучения студенты из других городов и районов. Сюда были завезены парты и раскладушки, с большими сложностями организовано горячее питание учащихся, для чего потребовалось сменить несколько мест. Лишь в 1992 г. верующим вернули историческое 2-этажное здание приходского медресе, где был проведен капитальный ремонт, оборудованы учебные классы, общежитие и столовая (ул. Рыбаковская, 98).

Первоначально все учебные дисциплины читал имам-хатыб Центральной мечети, ставший впоследствии муфтием Оренбургской области, Абдель-Барый Хабиевич Хайруллин из-за полного отсутствия в регионе других квалифицированных специалистов с высшим рели-

гиозным образованием. Для укрепления педагогического состава в 1992 г. ЦДУМ командировало ему в помощь двух преподавателей, прибывших из Турции.

На первых порах все приходилось делать самим, на месте: разрабатывать программу, искать учебники и пособия, продираться сквозь административные барьеры, добываясь многочисленных разрешений и согласований от санитарно-эпидемиологической службы, пожарного надзора и других контролирующих органов. Благодаря напряженному труду имама и педагогического коллектива, помощи организаций и пожертвованиям частных лиц медресе «Хусаиния» не только окрепло и встало на ноги, состоялось как учреждение профессионального образования, но и динамично развивалось, осваивая новые специальности и формы обучения. В 1993 г. здесь было организовано одно из первых в России женских отделений для подготовки будущих преподавательниц основ Ислама и арабской графики (по специальности «служитель религиозного культа – мугаллима»). В 1999 г. начало работать заочное отделение, а в 2004 г. – вечернее. 30 октября 2003 г. медресе «Хусаиния» впервые получило государственную лицензию на право ведения образовательной деятельности.

Просветительская и духовно-воспитательная работа среди мусульман стала вестись и посредством формирования системы собственных конфессиональных СМИ. С сентября 2001 г. начала выходить в качестве приложения к областной татарской газете «Яна Вакыт» («Новое время») ежемесячная газета мусульманской религиозной организации с. Татарская Каргала Сакмарского района «Оренбургский минарет». В 2003–2007 гг. Духовное управление мусульман Оренбургской области издавало газету «Ихлас». После ее закрытия с марта 2008 г. муфтият стал выпускать на нерегулярной основе без определенной периодичности информационно-просветительский духовный журнал «Ислам & Жизнь». Наконец, после 6-летнего перерыва, в январе 2014 г. Духовное управление возобновило и выпуск газеты под новым названием «Мусульмане Оренбуржья»⁶³⁵.

Таким образом, в постсоветский период в условиях либерализации общественно-политической жизни и законодательства о свободе вероисповедания прошло становление в регионе широкой сети мусульманских религиозных организаций, оформление их региональных центров и управляющих органов, системы конфессионального образования и СМИ.

⁶³⁵ Мусульмане Оренбуржья. – 2014. – Январь. – № 1.

В настоящее время ислам является второй по численности конфессией и в Оренбуржье. Этнические мусульмане в регионе насчитывают более 340 тыс. человек или 16,8 % населения. Для удовлетворения их религиозных нужд по состоянию на конец 2014 г. в Оренбургской области действуют 146 мусульманских общин (99 зарегистрированных религиозных организаций и 47 незарегистрированных групп верующих). Работают 107 мечетей и 39 молитвенных домов. В течение 2014 г. введены в эксплуатацию 3 законченных строительством мечети: в селах Кутлуево Асекеевского района, Большое Чураево и Зиянчурино Кувандыкского района Оренбургской области.

Из 146 мусульманских общин региона 137 объединений (71 зарегистрированных приход и 46 групп) подчиняются Духовному управлению мусульман Оренбургской области в составе Центрального духовного управления мусульман России (г. Уфа). Органами регионального управления являются: Меджлис (Съезд) мусульманского духовенства, Президиум, Муфтий – Председатель Управления и Совет мухтасибов.

Высшим органом регионального Управления считается Меджлис (Съезд) мусульманского духовенства, который созывается не реже 1 раза в 5 лет и:

- 1) утверждает и изменяет Устав ДУМ;
- 2) избирает Президиум и Ревизионную комиссию, утверждает отчеты их и Муфтия;
- 3) регулирует богослужебные вопросы;
- 4) рассматривает жалобы на священнослужителей;
- 5) поддерживает и укрепляет единство мусульманских религиозных организаций, связь регионального Духовного управления с ЦДУМ.

Последний Съезд мусульманского духовенства Оренбургской области прошел 10 февраля 2010 г. и был приурочен к 15-летию образования регионального ДУМ. Следующий Меджлис должен пройти в начале 2015 г.

В период между Съездами высшим исполнительным и духовно-судебным органом является Президиум, который избирается им раз в 5 лет в составе Муфтия и 6 членов, как сказано в Уставе «из числа нравственно-безупречных и активных священнослужителей». В настоящее время в состав Президиума Духовного управления мусульман Оренбургской области входят: Ахмат Салахутдинович Абузяров (с. Зубочистка 2-я Перволоцкого района), Советбек Установич Айжа-

нов (г. Ясный), Толибжон Юнус-Ходжаевич Азаматов (г. Орскг.), Аманжол Отемисович Кахимбаев (г. Соль-Илецк), Сайфутдин Фатахутдинович Назмутдинов (с. Асекеево Асекеевского района), Рафаэль (Халиулла) Фаритович Файзуллин (с. Татарская Каргала Сакмарского района).

Президиум:

- 1) исполняет решения Съезда;
- 2) утверждает бюджет, ведет учет денежных средств и имущества, приобретает его и отвечает за сохранность и др.

Председателем Духовного управления является Муфтий, который назначается бессрочно Верховным муфтием ЦДУМ. С 1994 г. эту должность занимает Абдель-Барый Хабиевич Хайруллин. Он родился 1 февраля 1955 года в с. Кузбаево Бураевского района Башкирской АССР. Среднее образование получил в татарско-русской школе, поступил на технологический факультет Уфимского авиационного института, но после окончания первого курса оставил учебу, поняв, что не хочет связывать свою жизнь с этой профессией. Работал монтажником, автослесарем, водителем в лесхозе, электрогазосварщиком, самостоятельно занимаясь изучением основ ислама и арабского языка. Осенью 1977 г. поступил в исламское духовное медресе «Мир Араб» в г. Бухаре. По его окончании в 1982 г. был назначен имам-хатыбом Уфимской соборной мечети, а с февраля 1983 г. возглавил мусульманскую религиозную общину г. Ишимбая. В мае 1985 г. был приглашен прихожанами на должность имам-хатыба центральной соборной мечети Оренбурга. В 1986–1990 гг. учился в Ташкентском исламском институте им. Бухари. В 1991 г. назначен имам-мухтасибом Оренбургского мухтасибата, а в 1994 г. избран Муфтием – Председателем Духовного управления мусульман Оренбургской области в составе ЦДУМ. В 1994 г. прошел 4-месячную стажировку по шариатским наукам в Султанате Оман, в 1999 г. окончил заочно юридический факультет Оренбургского государственного университета, Российскую академию госслужбы при Президенте РФ по специальности «государственно-церковные отношения». С 2006 г. является членом Общественной палаты Оренбургской области. С 2008 г. – главный редактор журнала «Ислам & Жизнь». 4 раза совершил хадж и 2 раза малое паломничество (умру). Сыграл ключевую роль в процессе возрождения ислама на территории Оренбургской области.

Муфтий:

- 1) назначает, перемещает и увольняет избранных приходскими

собраниями священнослужителей, руководит ими в исполнении духовных и служебных обязанностей, привлекает к дисциплинарной ответственности;

2) осуществляет контроль за состоянием мечетей, их убранством, наличием всего необходимого и правильным совершением молитвы;

3) созывает Междлис и Президиум, распределяет обязанности между его членами;

4) утверждает штат Духовного управления, нанимает и увольняет его сотрудников;

5) распоряжается денежными средствами в пределах бюджета, утвержденного Президиумом.

Наконец, Муфтий назначает членов консультативного органа – Совета мухтасибов (глав мусульманского духовенства городов и районов). Он собирается не реже 1 раза в год и рассматривает вопросы:

1) о догматических и канонических отступлениях в деятельности священнослужителей;

2) о состоянии и работе приходов;

3) о внутренней и внешней политике.

Духовное управление мусульман Оренбургской области через ЦДУМ получает финансовую помощь от Фонда поддержки исламской культуры, науки и образования (г. Москва). Эти средства направляются на содержание медресе, издательскую деятельность, поддержку приходов, строительство и ремонт культовых зданий, проведение в них газового отопления, оплату коммунальных услуг, приобретение ГСМ, расходы по оформлению имущества и земли в собственность религиозных организаций. В 2014 г. общий объем поддержки Оренбургского муфтията составил 1 млн. 800 тыс. руб., в том числе: самой централизованной организации – 710 тыс. руб. и 20 местных объединений в ее составе – 1 млн. 90 тыс. руб.

Из 146 мусульманских общин региона еще 28 объединений (27 зарегистрированных приходов и 1 группа) в Абдулинском, Асекеевском, Бугурусланском, Матвеевском и Северном районах до недавнего времени входили в Объединенный исламский конгресс России (Объединенный муфтият) (г. Москва). Однако в августе 2014 г. они объявили о самороспуске своего регионального духовного управления.

Наконец, 1 зарегистрированная мусульманская община в г. Оренбурге подчиняется Духовному управлению мусульман Российской Федерации в составе Совета муфтиев России (г. Москва).

Таблица 14 – Список зарегистрированных мусульманских приходов Оренбургской области на 2014 г.

№	Наименование	Адрес
Духовное управление мусульман Оренбургской области (Оренбургский муфтият) Центрального Духовного управления мусульман России		
1.	Местная мусульманская религиозная организация г. Абдулино	г. Абдулино, ул. Телеграфная, 11.
2.	Местная мусульманская религиозная организация п. Адамовка Адамовского района	Адамовский район, п. Адамовка, ул. Ленина, 28 б
3.	Местная мусульманская религиозная организация п. Акбулак Акбулакского района	Акбулакский район, п. Акбулак, ул. Шаповалова, 5
4.	Местная мусульманская религиозная организация села Александровка Александровского района Оренбургской области	Александровский район, с. Александровка, ул. М. Горького, д. 56, кв. 6
5.	Местная мусульманская религиозная организация села Тукай Александровского района	Александровский район, с. Тукай, ул. Центральная, 87А
6.	Местная мусульманская религиозная организация с. Яфарово Александровского района	Александровский район, с. Яфарово, ул. Советская, 40
7.	Местная мусульманская религиозная организация с. Асекеево Асекеевского района	Асекеевский район, с. Асекеево, ул. Революционная, 3
8.	Местная мусульманская религиозная организация «Нур» с. Асекеево Асекеевского района Оренбургской области	Асекеевский район, с. Асекеево, ул. Молодежная, 2А
9.	Местная мусульманская религиозная организация «Хасан» пос. Курбанай Асекеевского района	Асекеевский район, п. Курбанай
10.	Местная мусульманская религиозная организация с. Алабайтал Беляевского района	Беляевский район, с. Алабайтал
11.	Местная мусульманская религиозная организация с. Беляевка Беляевского района Оренбургской области	Беляевский район, с. Беляевка, ул. Первомайская, 53.
12.	Местная мусульманская религиозная организация села Крючковка Беляевского района Оренбургской области	Беляевский район, с. Крючковка, ул. Грейдерная, д. 50, кв. 2
13.	Местная мусульманская религиозная организация города Бугуруслан Оренбургской области	г. Бугуруслан, ул. Калинина, 121 а
14.	Местная мусульманская религиозная организация г. Бузулука	г. Бузулук, ул. Галактионова, 15
15.	Местная мусульманская религиозная организация	г. Бузулук, ул. 16 линия, 41

№	Наименование	Адрес
16.	«Нур» г. Бузулука Местная мусульманская религиозная организация города Гая Оренбургской области	г. Гай, 8 мкр., 26
17.	Местная мусульманская религиозная организация п. Домбаровский Домбаровского района Оренбургской области	Домбаровский район, п. Домбаровский, ул. Никольченко, 2
18.	Местная мусульманская религиозная организация п. Димитровский Илекского района	Илекский район, п. Димитровский
19.	Местная мусульманская религиозная организация с. Илек Илекского района Оренбургской области	Илекский район, с. Илек, ул. Правды, 39
20.	Местная мусульманская религиозная организация с. Озерки Илекского района	Илекский район, с. Озерки, ул. Парковая, 9
21.	Местная мусульманская религиозная организация села Кваркено Кваркенского района Оренбургской области	Кваркенский район, с. Кваркено, ул. Пролетарская, 31
22.	Местная мусульманская религиозная организация с. Плешаново Красногвардейского района Оренбургской области	Красногвардейский район, с. Плешаново, ул. Дружбы, 102
23.	Местная мусульманская религиозная организация с. Староюлдашево Красногвардейского района Оренбургской области	Красногвардейский район, с. Староюлдашево
24.	Местная мусульманская религиозная организация г. Кувандыка	г. Кувандык, ул. Гончарная, 34 или Кувандыкский район, п. Урал, ул. Южная, д. 6, кв.2
25.	Местная мусульманская религиозная организация села Ильинка Кувандыкского района Оренбургской области	Кувандыкский район, с. Ильинка
26.	Местная мусульманская религиозная организация с. Урал Кувандыкского района	Кувандыкский район, с. Урал
27.	Местная мусульманская религиозная организация «Жулдыз» с. Курманаевка Курманаевского района	Курманаевский район с. Курманаевка, пл. Ленина, 1
28.	Местная мусульманская религиозная организация с. Старокутлумбетьево Матвеевского района Оренбургской области	Матвеевский район, с. Старокутлумбетьево
29.	Местная мусульманская религиозная организация «Нур» г. Медногорска Оренбургской области	г. Медногорск, ул. Коминтерна, 6 а

№	Наименование	Адрес
30.	Местная мусульманская религиозная организация п. Новоорск Оренбургской области	Новоорский район, п. Новоорск, ул. Ленина, 12
31.	Местная мусульманская религиозная организация Новосергиевская п. Новосергиевка Новосергиевского района Оренбургской области	Новосергиевский район, п. Новосергиевка, ул. Парковая, 15
32.	Местная мусульманская религиозная организация г. Новотроицка Оренбургской области	г. Новотроицк, п. Северный, ул. Победы, 77-а.
33.	Местная мусульманская религиозная организация «Иман» г. Оренбурга	г. Оренбург, п. Кушкуль, ул. Кишиневская, 45
34.	Местная мусульманская религиозная организация «Мечеть «Сулеймания»»	г. Оренбург, пер. Чулочный, 14
35.	Местная мусульманская религиозная организация «Мусульманское религиозное объединение «Караван-Сарай»	г. Оренбург, пр. Парковый, 6
36.	Местная мусульманская религиозная организация «Нур Ислама» (Свет Ислама) г. Оренбурга	г. Оренбург, пр-т Гагарина, д. 27, кв. 58
37.	Местная мусульманская религиозная организация п. Карачи г. Оренбурга	г. Оренбург, ул. Беляевская, д. 59, кв. 44
38.	Местная мусульманская религиозная организация «Рамазан» г. Оренбурга	г. Оренбург, ул. Мичурина, 146
39.	Местная мусульманская религиозная организация «Сабиль» (Путь) г. Оренбурга	г. Оренбург, пр-т Победы, 116
40.	Местная мусульманская религиозная организация «Тауба» г. Оренбурга	г. Оренбург, ул. Пролетарская, 185
41.	Местная мусульманская религиозная организация «Хусаиния» г. Оренбурга	г. Оренбург, ул. Кирова, 3
42.	Местная мусульманская религиозная организация «Центральная соборная мечеть» г. Оренбурга	г. Оренбург, ул. Терешковой, 10-а
43.	Местная мусульманская религиозная организация пос. Караванный Оренбургского района Оренбургской области	Оренбургский район, п. Караванный, ул. Степная, 5
44.	Местная мусульманская религиозная организация поселка Первомайский Оренбургского района Оренбургской области	Оренбургский район, п. Первомайский, ул. Степная, 172
45.	Местная мусульманская религиозная организация п. Пугачевский Оренбургского района	Оренбургский район, п. Пугачевский, ул. Строительная, 12
46.	Местная мусульманская религиозная организация г. Орска	г. Орск, ул. Орджоникидзе, 8

№	Наименование	Адрес
47.	Местная мусульманская религиозная организация «Аль Кадр» п. Первомайский Первомайского района	Первомайский район, п. Первомайский
48.	Местная мусульманская религиозная организация «Габдрафик» с. Габдрафиково Переволоцкого района	Переволоцкий район, с. Габдрафиково, ул. Школьная, 2
49.	Местная мусульманская религиозная организация села Зубочистка Вторая Переволоцкого района Оренбургской области	Переволоцкий район, с. Зубочистка-2, ул. Мостовая, 6
50.	Местная мусульманская религиозная организация с. Кубанка Переволоцкого района	Переволоцкий район, с. Кубанка, ул. Клубниковская, 58
51.	Местная мусульманская религиозная организация села Дюсметьево Пономаревского района Оренбургской области	Пономаревский район, с. Дюсметьево, ул. Центральная, 42
52.	Местная мусульманская религиозная организация села Наурузово Пономаревского района Оренбургской области	Пономаревский район, с. Наурузово, ул. Коммунистическая, 149
53.	Местная мусульманская религиозная организация с. Верхние Чебеньки Сакмарского района	Сакмарский район, с. Верхние Чебеньки,
54.	Местная мусульманская религиозная организация с. Татарская Каргала Сакмарского района	Сакмарский район, с. Татарская Каргала, ул. Советская, 10
55.	Местная мусульманская религиозная организация с. Карагузино Саракташского района Оренбургской области	Саракташский район, с. Карагузино
56.	Местная мусульманская религиозная организация с. Никитино Саракташского района	Саракташский район, с. Никитино, ул. Чапаева, 10
57.	Местная мусульманская религиозная организация с. Новочеркасск Саракташского района	Саракташский район, с. Новочеркасск, ул. Мусы Джалиля или ул. Мельникова, 42А
58.	Местная мусульманская религиозная организация п. Саракташ Саракташского района	Саракташский район, п. Саракташ, ул. Советская, 68
59.	Местная мусульманская религиозная организация Светлинского района Оренбургской области п. Светлый	Светлинский район, п. Светлый, ул. Мира, д. 15, кв. 449
60.	Местная мусульманская религиозная организация г. Соль-Илецка, Соль-Илецкого района	г. Соль-Илецк, ул. Разина, 2
61.	Местная мусульманская религиозная организация с. Линевка Соль-Илецкого района	Соль-Илецкий район, с. Линевка, ул. Кызыл-Юлдусская, 58

Мечеть в г. Бугуруслане

Мечеть в г. Бузулуке

Мечеть в г. Новотроицке

Мечеть в г. Соль-Илеуке

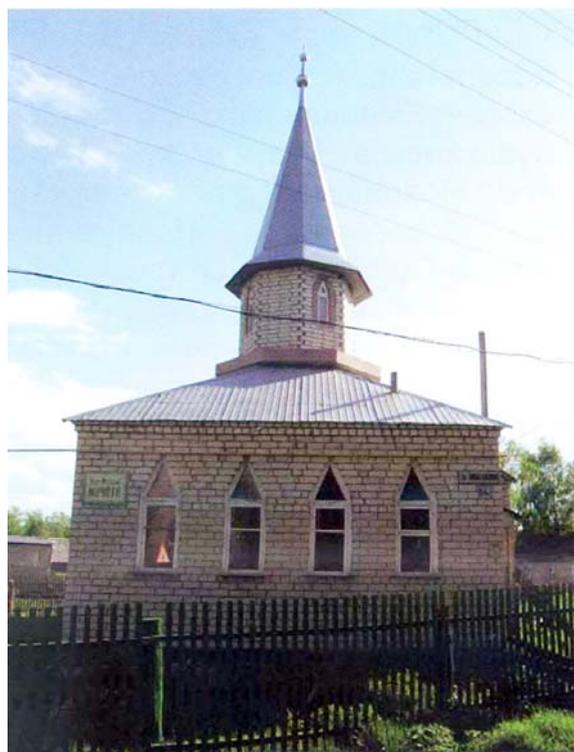
Мечеть в с. Аскеево Аскеевского района

Мечеть в п. Домбаровский Домбаровского района

Мечеть в с. Кваркено Кваркенского района

Мечеть в с. Матвеевка Матвеевского района

Мечеть в п. Новосергиевка Новосергиевского района

Мечеть в с. Пleshаново Красногвардейского района

Мечеть в п. Саракташ Саракташского района

Мечеть в п. Светлый Светлинского района

Мечеть в с. Северное Северного района

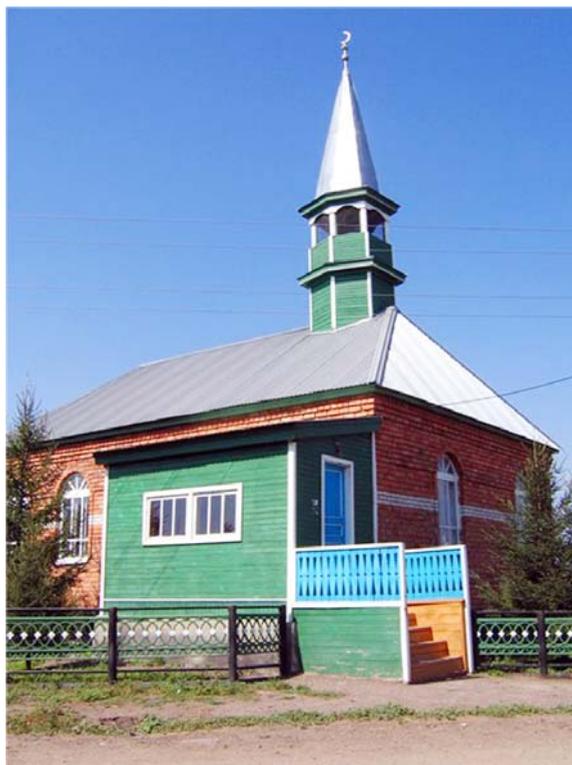
Мечеть в с. Большое Чураево Кувандыкского района

Мечеть в с. Зубочистка 1-я Перволоцкого района

Мечеть в с. Кульчумово Саракташского района

Мечеть в с. Мустафино Шарлыкского района

Мечеть в с. Никольск Кувандыкского района

Мечеть в с. Новосултангулово Асекеевского района

Мечеть в с. Старокульшарипово Асекеевского района

Мечеть в с. Старюлдашево Красногвардейского района

Мечеть в с. 2-е Юмагузино Кувандыкского района

*Муфтий Духовного управления мусульман Оренбургской области
Абдель-Барый Хабиевич Хайруллин*

№	Наименование	Адрес
62.	Местная мусульманская религиозная организация Сорочинский мусульманский приход	г. Сорочинск, ул. Саратовская, 87
63.	Местная мусульманская религиозная организация с. Сайфутдиново Тоцкого района	Тоцкий район, с. Сайфутдиново
64.	Местная мусульманская религиозная организация с. Тоцкое Тоцкого района	Тоцкий район, с. Тоцкое, ул. Красная Площадь, 6
65.	Местная мусульманская религиозная организация с. Давлеткулово Тюльганского района Оренбургской области	Тюльганский район, с. Давлеткулово, ул. Максютловская, 95
66.	Местная мусульманская религиозная организация п. Тюльган Тюльганского района Оренбургской области	Тюльганский район, п. Тюльган, ул. Есенина, 6
67.	Местная мусульманская религиозная организация с. Мустафино Шарлыкского района	Шарлыкский район, с. Мустафино, ул. Нижняя, 48а
68.	Местная мусульманская религиозная организация села Шарлык Шарлыкского района Оренбургской области	Шарлыкский район, с. Шарлык, ул. Советская, 43
69.	Местная мусульманская религиозная организация с. Юзеево Шарлыкского района	Шарлыкский район, с. Юзеево
70.	Местная мусульманская религиозная организация села Ялчкаево Шарлыкского района Оренбургской области	Шарлыкский район, с. Ялчкаево,
71.	Местная мусульманская религиозная организация г. Ясный	г. Ясный, ул. Уральская, 10-а
Региональное Духовное управление мусульман Оренбургской области Объединенного исламского конгресса России (Объединенного муфтията) (в стадии ликвидации)		
72.	Местная мусульманская религиозная организация села Абдрахманово Абдулинского района Оренбургской области	Абдулинский район, с. Абдрахманово, ул. Центральная, 13
73.	Местная мусульманская религиозная организация села Старые Шалты Абдулинского района Оренбургской области	Абдулинский район, с. Старые Шалты, ул. Ленина, 88
74.	Местная мусульманская религиозная организация села Тирис-Усманово Абдулинского района Оренбургской области	Абдулинский район, с. Тирис-Усманово, ул. Советская, 7 или ул. Оренбургская, 17
75.	Местная мусульманская религиозная организация деревни Золотой Родник Асекеевского рай-	Асекеевский район, с. Золотой Родник, ул. Родниковая,

№	Наименование	Адрес
	она Оренбургской области	10
76.	Местная мусульманская религиозная организация села Кутлуево Асекеевского района Оренбургской области	Асекеевский район, с. Кутлуево, ул. Шарафиева, 55
77.	Местная мусульманская религиозная организация села Новокульшарипово Асекеевского района Оренбургской области	Асекеевский район, с. Новокульшарипово, ул. Заречная, 14
78.	Местная мусульманская религиозная организация села Рязановка Асекеевского района Оренбургской области	Асекеевский район, с. Рязановка, ул. Кинельская, 46
79.	Местная мусульманская религиозная организация села Старокульшарипово Асекеевского района Оренбургской области	Асекеевский район, с. Старокульшарипово, ул. Нагорная, 36
80.	Местная мусульманская религиозная организация села Старомукменево Асекеевского района Оренбургской области	Асекеевский район, с. Старомукменево, ул. Центральная, 52А
81.	Местная мусульманская религиозная организация поселка Чкаловский Асекеевского района Оренбургской области	Асекеевский район, п. Чкаловский, пер. Парковый, 3
82.	Местная мусульманская религиозная организация поселок Рабочий Бугурусланского района Оренбургской области	Бугурусланский район, п. Рабочий, ул. Степная, 25
83.	Местная мусульманская религиозная организация села Чишма-Баш Бугурусланского района Оренбургской области	Бугурусланский район, с. Чишма-Баш, ул. Центральная, 31
84.	Местная мусульманская религиозная организация села Азаматово Матвеевского района Оренбургской области	Матвеевский район, село Азаматово, пер. Школьный, 5
85.	Местная мусульманская религиозная организация села Верхневокутлумбетьево Матвеевского района Оренбургской области	Матвеевский район, с. Верхневокутлумбетьево, ул. Центральная, 6
86.	Местная мусульманская религиозная организация поселка Кинельский Матвеевского района	Матвеевский район, п. Кинельский, ул. Школьная, 3
87.	Местная мусульманская религиозная организация села Матвеевка Матвеевского района Оренбургской области	Матвеевский район, с. Матвеевка, ул. Анникова, 64 а или ул. Дом Строителей, д. 9, кв. 2
88.	Местная мусульманская религиозная организация села Новоаширово Матвеевского района Орен-	Матвеевский район, с. Новоаширово, ул. Верхняя, 56

№	Наименование	Адрес
	бургской области	
89.	Местная мусульманская религиозная организация села Новожедрино Матвеевского района Оренбургской области	Матвеевский район, с. Новожедрино, ул. Советская, 51
90.	Местная мусульманская религиозная организация села Староаширово Матвеевского района Оренбургской области	Матвеевский район, с. Староаширово, ул. Мира, 22 или ул. Турханка, 29
91.	Местная мусульманская религиозная организация села Старякупово Матвеевского района Оренбургской области	Матвеевский район, с. Старякупово, ул. Большая, 46 или ул. Горная, 9
92.	Местная мусульманская религиозная организация села Бакаево Северного района Оренбургской области	Северный район, с. Бакаево, ул. Центральная, 36 а
93.	Местная мусульманская религиозная организация деревни Кызыл-Яр Северного района Оренбургской области	Северный район, с. Кызыл-Яр, ул. Лесная, 10
94.	Местная мусульманская религиозная организация села Кряжлы Северного района Оренбургской области	Северный район, с. Кряжлы
95.	Местная мусульманская религиозная организация «Булгар» поселка Савруш Северного района Оренбургской области	Северный район, п. Савруш, ул. Центральная, д. 8
96.	Местная мусульманская религиозная организация села Северное Северного района Оренбургской области	Северный район, с. Северное, ул. Чапаева, 85 или ул. Дзержинского, 17
97.	Местная мусульманская религиозная организация поселка Тургай Северного района Оренбургской области	Северный район, с. Тургай, ул. Центральная, 15а или ул. Болотная, 2
98.	Местная мусульманская религиозная организация поселка Якты-Куль Северного района Оренбургской области	Северный район, п. Якты-Куль, ул. Центральная, 35
Духовное управление мусульман Российской Федерации Совета муфтиев России		
99.	Местная религиозная организация мусульман «Рух» города Оренбурга Оренбургской области	Оренбург, пер. Урюпинский, 8

Начальное религиозное образование обеспечивают 11 воскресных школ по изучению основ ислама. Они действуют при крупных мечетях, бесплатно для всех желающих любых возрастов. Кроме того, ежегодно проводятся специальные семинары для взрослых мужчин по изучению основ ислама на базе культурно-образовательного центра «Нур» в с. Татарская Каргала Сакмарского района. Например, 17–22 февраля 2014 г. такой семинар собрал около 30 участников. Проводятся и массовые культурно-просветительские мероприятия, призванные вовлечь широкие массы этнических мусульман в осознанную религиозную жизнь, укрепить их веру, единство общины, традиционные семейные ценности. Так, 1 июня 2014 г. около 500 мусульман из различных населенных пунктов Оренбургской области собрались для совместного отдыха и молитвы недалеко от с. Татарская Каргала Сакмарского района. После коллективного намаза исламским духовенством были прочитаны вагазы (проповеди) и дуа (молитвы) Всевышнему о благоденствии. На месте организована торговля мусульманской атрибутикой, дисками и книгами об исламе. Для детей были устроены спортивно-развлекательные игры⁶³⁶. Большая обучающая, воспитательная работа через организацию специальных бесед в мечетях, обеспечение религиозной литературой проводится и с верующими, отправляющимися в паломничество. В 2014 г. после предварительного инструктажа от Духовного управления мусульман Оренбургской области хадж совершили 40 человек.

Подготовку священнослужителей и мусульманских педагогов осуществляет среднее специальное заведение – медресе «Хусаиния» в Оренбурге. В настоящее время обучение здесь ведется по 3 основным формам: очной (2 года), заочной (4 года) и вечерней (4 года). В медресе принимаются лица, имеющие среднее общее образование. Кроме того, на его базе действуют воскресные курсы для обучения основам Ислама всех желающих, вольных слушателей. По всем формам обучения разработаны программы в соответствии с государственными стандартами среднего специального образования. Они включают следующие предметы: акаид (вероучение), арабский язык, Коран (с таджвидом), тафсир (его толкование), ахляк (этика), история Ислама, история пророков, сира (жизнеописание пророка Мухаммада), хадисы (его изречения), фикх (мусульманское право), имам вазыйфа (обязанности имама), вагаз-хитабат (составление проповедей и ораторс-

⁶³⁶ Отдых на природе [Электронный ресурс]. URL: <http://dumoo.ru/otdyx-na-prirode/> (дата обращения: 30.06.2014).

кое искусство), татарский язык, основы педагогики и психологии. В качестве факультатива также организованы занятия по информатике и основам работы на компьютере.

Студенты очного отделения ежедневно посещают с 9.00 до 15.10 6 уроков по 45 минут с большой переменной на обед. После уроков и небольшого отдыха им отводится время для самостоятельной подготовки к занятиям. Учебная программа рассчитана на 36 часов в неделю. В семестре – 17 учебных недель, включая зачеты и экзамены. Соответственно, в учебном году – 34 учебные недели по 36 часов. Обучающиеся по заочной форме приезжают 4 раза в год на сессии, каждая из которых длится одну рабочую неделю. Наконец, на очно-заочном (вечернем) отделении студенты занимаются 3 дня в неделю: вторник, среду и четверг с 18.00 до 20.30.

Педагоги медресе «Хусаиния» активно внедряют в образовательный процесс инновационные технологии: модульную, проектную, мозговой штурм, деловые игры, эвристические методы обучения. Так, на занятиях по «Основам психологии» используется модульная организация подачи материала. 1-й блок посвящен изучению новой темы с разбором проблемных ситуаций и психологическими тестами. 2-й блок предусматривает подготовку студентами собственного проекта для практической отработки полученных знаний, умений и навыков. 3-й блок контролирует их усвоение на основе компьютерного тестирования.

Игровые формы практикуются и во внеучебной работе. Ежемесячно организуются викторины на знание основ Ислама, его истории, биографии Пророка Мухаммада по сценариям популярных телевизионных передач «Что? Где? Когда?», «Поле чудес», «Умники и умницы». В стенах медресе проводятся конкурсы для детей младшего возраста на лучший рисунок и поделку по исламской тематике.

В ходе обучения широко применяются и новые информационные ресурсы: специальные компьютерные программы для изучения арабского языка и правильного озвучивания сур Священного Корана, видео-лекции, фильмы на DVD. Например, на занятиях по «Истории пророков» сначала начитываются лекции, затем изученный материал закрепляется просмотром фильмов «Пророк Йусуф», «Пророк Муса», «Пророк Сулейман» и других, а затем усвоение пройденного проверяется при помощи тестов. С 2004 г. в медресе «Хусаиния» оборудован компьютерный класс, объединенный в локальную сеть, открыта библиотека, которая полностью укомплектована учебниками и

пособиями по всем дисциплинам, насчитывает более 3200 книг, обучающих программ, аудио- и DVD-дисков.

Материально-технические условия медресе полностью отвечают медицинским и санитарно-гигиеническим требованиям: по освещенности, наличию рабочих столов и другим показателям. Оно занимает 2-этажное здание, построенное в 1908–1910 гг., общей площадью 283,5 м². На первом этаже располагаются столовая, кухня, кладовая для продуктов, которые обеспечивают учащихся бесплатным 3-разовым горячим питанием, а также 3 спальные комнаты для студентов, туалет и фойе. Площадь столовой целиком обеспечивает посадочными местами сотрудников медресе и студентов очного и заочного обучения. Второй этаж занимают 3 учебных класса (в том числе компьютерный, объединенный с библиотекой), учительская, кабинет директора, еще одна спальная комната для студентов и фойе. В общежитии при медресе проживают все студенты, обучающиеся на очном отделении. Кроме того, дополнительные места предоставляются заочникам, приезжающим на сессии.

Высокий уровень образования в медресе «Хусаиния» обеспечивает профессиональный преподавательский состав, тщательно формируемый и подбираемый на протяжении 23 лет. В настоящее время он объединяет 11 преподавателей, которые окончили различные духовные и светские образовательные учреждения Бухары, Ташкента, Оренбурга, Москвы, Казани, Уфы, а также Ливии и Сирии. Директором медресе «Хусаиния» является Альфит Асхатович Шарипов. Он родился 31 июня 1972 г. в с. Озерки Илекского района Оренбургской области. В 1987 г. окончил восемь классов Озерской средней школы, приехал в Оренбург, где поступил учиться в железнодорожное училище № 12 на помощника машиниста тепловоза. По его окончании в 1990 г. устроился на работу автослесарем в автоколонну № 1173. В 1992–1994 гг. получил религиозное образование в медресе «Хусаиния», в 1994 г. назначен вторым муэдзином Центральной соборной мечети г. Оренбурга, в 1994–1995 гг. по направлению Исламского культурного центра России прошел стажировку в Университете исламского распространения (г. Триполи, Ливия). По возвращении с 1995 г. А. А. Шарипов работал имамом-мударрисом Центральной соборной мечети г. Оренбурга и педагогом медресе «Хусаиния». В 1996–2002 гг. он заочно учился на юридическом факультете Оренбургского государственного университета, получив специальность «юрист». В 1998 г. окончил Высшее Казанское Мусульманское медресе им. 1000-летия

принятия ислама по специальности «исламовед, преподаватель-переводчик арабского языка». В 1998 и 2007 годах он совершил хадж. В 2001 г. по направлению ЦДУМ России в течение трех месяцев находился на стажировке в г. Конья (Турция) на курсах по изучению турецкого языка. С 2006 г. и по настоящее время А. А. Шарипов входит в состав Общественного совета при Управлении Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков по Оренбургской области. С 2007 г. он по совместительству преподает дисциплины «Мир ислама», «Арабский язык», «Основы традиционного ислама» на кафедре религиоведения и теологии факультета гуманитарных и социальных наук Оренбургского государственного университета.

По всем преподаваемым дисциплинам каждым педагогом разработаны учебно-методические комплексы, в которые обязательно входят: утвержденные календарно-тематические планы, поурочные планы, учебная литература, методические разработки, учебные программы для обучения с использованием компьютерных технологий, контрольные тесты, вопросы к зачетам и экзаменам.

Всего за 23 года своей деятельности с 1991 по 2014 годы медресе «Хусаиния» выпустило 476 специалистов, в том числе на очном отделении – 216 (45,4 %), на заочном – 197 (41,4 %) и на вечернем отделении – 63 (13,2 %). В 2014 г. дипломы о среднем специальном образовании получили 36 выпускников, в том числе 6 – по очной (16,7 %), 19 – по заочной (52,8 %) и 11 – по вечерней формам обучения (30,5 %).

Таблица 15 – Количество выпускников медресе «Хусаиния» в 1993–2014 гг.

Год выпуска	Очное отделение	Заочное отделение	Вечернее отделение	Всего
1993 г.	16	–	–	16
1994 г.	9	–	–	9
1995 г.	10	–	–	10
1996 г.	16	–	–	16
1997 г.	20	–	–	20
1998 г.	8	–	–	8
1999 г.	23	–	–	23
2000 г.	12	–	–	12
2001 г.	17	–	–	17
2002 г.	6	–	–	6

2003 г.	6	–	–	6
2004 г.	7	39	–	46
2005 г.	3	10	–	13
2006 г.	6	2	–	8
2007 г.	7	13	–	20
2008 г.	4	13	15	32
2009 г.	10	19	5	34
2010 г.	7	7	6	20
2011 г.	7	19	11	37
2012 г.	8	14	6	28
2013 г.	8	42	9	59
2014 г.	6	19	11	36
Итого:	216	197	63	476

По состоянию на конец 2014 г. в медресе «Хусаиния» занимаются еще 280 человек (148 мужчин и 132 женщины), в том числе 10 человек по очной (3,6 %), 210 по заочной (75 %) и 60 по вечерней (21,4 %) формам обучения. К сожалению, только 35 % поступивших сюда заканчивают полный курс обучения. Из числа выпускников лишь 56 % работают по специальности имамами и мусульманскими педагогами. Это объясняется не только материально-финансовыми причинами: низкой оплатой труда имамов, сложностями с получением жилья, особенно в сельской местности и др. Зачастую люди, уже имеющие светскую специальность и работу, поступают в медресе не для смены профессии, а с целью получения более глубоких знаний об исламе для руководства в своей жизни.

В то же время медресе «Хусаиния» успешно решает и задачу профессиональной подготовки священнослужителей и педагогов. В настоящее время уже 70 % имамов в Оренбургской области являются выпускниками этого учебного заведения. Студенты, окончившие «Хусаинию», также работают в мечетях, медресе и воскресных школах Республики Башкортостан, Челябинской области, Пермского края, Республики Казахстан. 13 % выпускников продолжают обучение в высших духовных образовательных учреждениях Москвы, Уфы, Казани и Каира. С 2007 г. оренбургское медресе «Хусаиния» стало филиалом Российского исламского университета ЦДУМ в г. Уфе. После 2 лет обучения его студенты могут перевестись на 3-й курс РИУ и получить высшее религиозное образование: степень бакалавра после 2 и степень магистра после 4

лет обучения. По статистике, 30–40 % выпускников медресе «Хусаиния» поступают в светские вузы.

С 17 по 20 ноября 2014 г. на базе духовного мусульманского образовательного учреждения «Медресе «Хусаиния» совместно с БГПУ им. М. Акмуллы (г. Уфа) были впервые проведены курсы повышения квалификации для 70 имамов Оренбуржья по программе «Актуальные вопросы и проблемы в деятельности священнослужителей». Она была рассчитана на 32 часа и охватывала широкий спектр знаний, как светских, так и религиозных. В светский блок были включены занятия, посвященные педагогике, психологии, правоведению, организации безопасности в религиозной сфере, методам противодействия радикальным течениям в исламе, изменениям в законодательстве, касающимся религиозных организаций, юридическим аспектам функционирования религиозных организаций и прочее. Программа курсов состояла из лекций по таким темам, как «Государственно-конфессиональные отношения на современном этапе: диалог государства и религиозных организаций – основа стабильности государства», «Методы профилактики экстремизма в молодежной среде», «Воспитание патриотизма и культуры межнациональных отношений», «Взаимоотношения ислама и христианства – цивилизационные ориентиры развития гражданского общества РФ», «Знание закона о прокурорских проверках. Виды проверок в ММРО. Запретная литература», «Запретные течения и секты на территории РФ», «О важности следования традиционным мазхабам, исконно практикуемым на территории РФ», «Педагогическая теория Ризаэтдина Фахретдина» и др. Перед слушателями выступили вице-губернатор – заместитель председателя Правительства Оренбургской области по внутренней политике О. Д. Димов, прокурор Оренбургской области И. В. Ткачев, представители региональных Управлений Министерства юстиции, Федеральной миграционной службы, Центра по противодействию экстремизму УМВД России по Оренбургской области. На время прохождения курсов все имамы были обеспечены местами для проживания и питанием в медресе, а по окончании – получили свидетельства о повышении квалификации установленного образца⁶³⁷.

Большое внимание в деятельности мусульманских религиозных организаций уделяется работе с детьми и молодежью. Ежегодно орга-

⁶³⁷ Курсы повышения квалификации для имамов Оренбуржья [Электронный ресурс]. URL: <http://dumoo.ru/kursy-povysheniya-kvalifikacii-dlya-imamov-orenburzhya/> (дата обращения: 23.11.2014).

низуются мусульманские детские лагеря. С 1998 г. Оренбургский муфтият собирает мусульманский детский лагерь «Нур» («Свет»), где ежегодно получают первоначальные знания об исламе, отдыхают, участвуют в спортивных играх, конкурсах, экскурсиях до 140 детей. Например, с 12 по 21 августа 2014 г. в с. Татарская Каргала Сакмарского района прошел Областной мусульманский лагерь на 100 человек: для 65 девочек – в культурно-образовательном центре «Нур» и для 35 мальчиков – на базе мечети «Ас-Салям»⁶³⁸. Дети постигали основы арабского языка, мусульманское богословие (акиду), этику (ахляк), историю пророков и жизнеописание Мухаммада, читали Коран, заучивали молитвы (дуа), занимались рукоделием, участвовали в конкурсах, спортивных играх, театральной постановке, совершили экскурсии в Оренбург.

С 2010 г. студенты «Хусаинии» стали направляться на летнюю практику непосредственно в мусульманские села, где они открывают целую сеть лагерей дневного пребывания и в течение двух недель массово обучают детей основам Ислама, правилам омовения и молитвы, религиозным обязанностям и нравственным предписаниям, акцентируют внимание на уважении к родителям и любви к Родине. При этом их программа включает не только учебные занятия, но и организацию досуга молодежи, проведение различных игр и спортивных мероприятий. В 2010 г. такие площадки работали в 50 деревнях и охватили духовным воспитанием 1500 детей, а в 2011 г. их число возросло до 60 сел и 2500 подростков.

При отсутствии в Духовном управлении мусульман Оренбургской области специализированных отделов и постоянного штата сотрудников ответственность за социальную работу среди верующих берут на себя мусульманские молодежные и женские общественные объединения.

В конце 2013 г. был образован Союз мусульманской молодежи Оренбургской области. Его члены собирают пожертвования деньгами и вещами, посещают нуждающиеся семьи, детей в больницах для оказания помощи одеждой, обувью, канцтоварами и игрушками, провели после праздников 11 мая 2014 г. уборку территории мусульманского кладбища в г. Оренбурге. Ежемесячно устраиваются лекции для

⁶³⁸ 10 дней отдыха для юных мусульманок // Оренбургский минарет. – 2014. – 28 августа. – № 8. – С. 2; Лагерь для маленьких мусульман [Электронный ресурс]. URL: <http://www.islam-kargala.ru/index.php/72-lager-dlya-malenkikh-musulman> (дата обращения: 22.09.2014).

ознакомления молодежи с основами ислама по темам «Ураза», «Хадж» и др. 13 июня 2014 г. была организована совместная поездка в Булгар и Казань для прикосновения к истокам татарской культуры. Планируется создание группы муншидов – исполнителей религиозных песнопений, формирование положительного имиджа ислама через интернет-ресурсы.

3 апреля 2014 г. прошел Первый Съезд мусульманок Оренбургской области. Его организатором стал Союз мусульманских женщин «Бердэмлек» («Единство»), который объединяет 7 организаций и учреждений: центры «Магрифат», «Адам и Хава», клуб «Исламия», фонд «Ярдам», группу «Монажэт», союз молодых мусульманок «Латифа» и мусульманскую воскресную школу. На Съезде было принято решение развивать мусульманское женское движение в регионе путем открытия филиалов «Бердэмлека» на местах⁶³⁹. Выполняя эту резолюцию, делегатки Союза в ходе поездок по области провели разъяснительную работу, раздали методические пособия, сформировали актив и создали филиалы «Бердэмлека» в с. Асекеево Асекеевского района (19 апреля), п. Тюльган Тюльганского района (2 мая), городах Кувандык и Медногорск (28 мая), с. Алабайтал Беляевского района (31 мая), с. Тукай Александровского района (6 июня), п. Саракташ Саракташского района (22 июня).

К более деятельному социальному служению стремятся не только общественные, но и собственно религиозные мусульманские организации. Не случайно традиционный семинар имамов и председателей приходских советов Оренбуржья, проходивший в с. Татарская Каргала Сакмарского района с 7 по 9 апреля 2014 г., был специально посвящен активизации работы исламских общин. В рамках мероприятия около 30 человек из различных районов области прошли обучение, в том числе, практике дагвата – исламского призыва. На семинаре был организован конкурс на самую активную мусульманскую общину региона в плане обучения прихожан основам религии, организации детских лагерей и массовых выездов на природу, содействия поступающим в медресе и отправляющимся в хадж. По решению жюри первое место поделили между собой местные религиозные организации г. Медногорска и пос. Маячный Кувандыкского района⁶⁴⁰.

⁶³⁹ Первый съезд мусульманок Оренбуржья // Мусульмане Оренбуржья. – 2014. – № 4 (апрель). – С. 2.

⁶⁴⁰ Семинар имамов: Активизировать работу общин // Оренбургский минарет. – 2014. – 30 апреля. – № 4 (апрель). – С. 3.

Оренбургский муфтият также занимается духовным перевоспитанием заключенных в местах лишения свободы, ведет социально-благотворительную работу в больницах, домах престарелых, детских домах, помогая им продуктами питания, лекарствами, религиозной литературой. Открыты мечеть в колонии № 3 г. Новотроицка, мусульманские молитвенные комнаты в колониях № 1 г. Оренбурга и № 8 на горе Сулак, в Областном госпитале ветеранов войн, в аэропорту г. Орска.

Примером успешного социального служения на местном уровне выступает деятельность Благотворительного отдела «Родник» при мусульманской религиозной организации с. Татарская Каргала Сакмарского района Оренбургской области. Основными направлениями его деятельности являются:

- социальная поддержка малообеспеченных семей;
- помощь детским домам (в с. Кардаилово Илекского района и с. Претория Переволоцкого района);
- финансирование строительства мечети «Ас-Салям» и мусульманского образовательного комплекса «Нур» в с. Татарская Каргала;
- организация детских мусульманских лагерей для мальчиков и девочек в летние и зимние каникулы;
- издание ежемесячной мусульманской газеты «Оренбургский минарет».

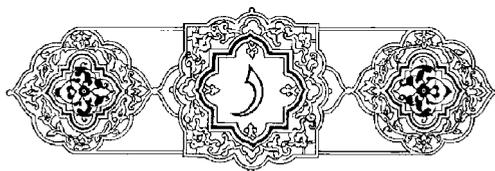
Например, в течение 2013 г. Благотворительный отдел «Родник» собрал добровольных пожертвований на общую сумму 2277718 руб. 80 коп. Из них было потрачено: на строительство мечети «Ас-Салям» – 1000 руб., на ремонт мечети «Куш Манара» – 502740 руб. 9 коп., на строительство медресе «Нур» – 479425 руб. 43 руб., на издание газеты «Оренбургский минарет» – 358522 руб. 82 коп., на благотворительную помощь нуждающимся – 891000 руб. Организация оказывает постоянную социальную поддержку 23 малообеспеченным и многодетным семьям, в том числе не имеющим кормильца, собственного жилья, нуждающимся в дорогостоящих лекарствах или операции.

К сожалению, мусульманские организации пока отстают от других конфессий в сфере информационно-издательской деятельности. В Оренбуржье действуют всего 2 сайта исламской тематики: Духовного управления мусульман Оренбургской области (www.dumoo.ru) и мусульманской религиозной организации с. Татарская Каргала (www.islam-kargala.ru). Выпускаются: 2 газеты – «Мусульмане Оренбуржья» (ДУМОО, тиражом 300 экз.) и «Оренбургский минарет»

(МРО Каргалы, тиражом 11000 экз.), 1 журнал «Ислам & Жизнь» (ДУМОО, тиражом 250 экз.).

Таким образом, пройдя долгий путь исторического развития в Оренбургском крае, после гонений и преследований советского времени ислам возродился в новой демократической России, успешно адаптировался к условиям нового времени через разностороннюю религиозную, образовательную, культурно-просветительскую, информационно-издательскую и социально-благотворительную деятельность мусульманских организаций.

Содержание

Введение	3
Глава 1. Формирование и развитие мусульманских общин в дореволюционный период (XIII в. – 1917 г.)	5
1.1. Становление системы управления исламским духовенством	5
1.2. Организация мусульманских приходов и культовых зданий	102
1.3. Мусульманские образовательные и благотворительные институты	189
Глава 2. Испытания в годы Советской власти (1917–1991 гг.)	219
Глава 3. Возрождение и развитие ислама в постсоветский период (1991–2014 гг.)	273

Научное издание

Амелин В. В., Денисов Д. Н., Моргунов К. А.

**ИСЛАМ В КОНФЕССИОНАЛЬНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ ОРЕНБУРГСКОГО КРАЯ**

ISBN 978-5-4417-0489-2

Формат 100x70¹/₁₆. Бумага писчая.

Усл. печ. листов 19,0. Тираж 150. Заказ 257.

Подписано в печать 03.12.2014 г.

Цена свободная.

ООО ИПК «Университет»
460007, г. Оренбург, ул. М. Джалиля, 6.
E-mail: ipk_universitet@mail.ru
Тел./факс: (3532) 90-00-26

Амелин Веналий Владимирович доктор исторических наук, профессор, директор НИИ истории и этнографии Южного Урала Оренбургского государственного университета, президент Ассамблеи народов Оренбургской области. Автор 26 книг и более 650 научных статей по проблемам федерализма, национальной политики, межэтнических отношений, этнической истории, миграции.

Денисов Денис Николаевич кандидат исторических наук, старший научный сотрудник НИИ истории и этнографии Южного Урала Оренбургского государственного университета. Автор 12 книг и более 110 научных статей по истории религий и народов Южно-Уральского региона.

Моргунов Константин Алексеевич кандидат исторических наук, старший научный сотрудник НИИ истории и этнографии Южного Урала Оренбургского государственного университета. Автор 7 книг и более 170 научных статей по истории государственной национальной политики, межнациональных и конфессиональных отношений в Южно-Уральском регионе.